

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА 2024

3-4(44-45)

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 3–4(44–45)

МОСКВА
2024

ISSN 2712-8121

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредитель

Институт языкознания РАН

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2024
© Российский комитет тюркологов, 2024

№ 3–4(44–45)

ISSN 2712-8121

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
THE COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS

Russian TURKOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

The scientific journal “Russian Turkology” is a continuation of the journal “Soviet Turkology” that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the “Türkologiya” journal is being published.

The journal “Russian Turkology” is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2024

© The Committee of Russian Turkologists, 2024

№ 3–4(44–45)

Редакционный совет

К. Абдулла, д.ф.н., проф. (Баку, Азербайджан), Ш.Х. Акалын, д.ф.н. проф. (Анкара, Турция), А.А. Акматалиев, д.ф.н. (Бишкек, Кыргызстан), В.М. Алпатов, академик РАН (Москва), М. В. Бавуу-Сюрюн, д.ф.н. (Кызыл, Россия), И. Вашари, к.ф.н., д.и.н., Почётный проф., академик Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия), Дж. Н. Вашингтон, д.ф.н., адъюнкт-проф. (Суортмор, Пенсильвания, США), Н.Х. Гаджихмедов, д.ф.н., проф. (Махачкала, Россия), Н.И. Егоров, д.ф.н., проф. (Чебоксары, Россия), Л. Карой, д.ф.н., проф. (Упсала, Швеция), М.С. Качалин, д.ф.н., проф. (Стамбул, Турция), А.Б. Куделин, академик РАН (Москва, Россия), К.М. Миннуллин, д.ф.н., проф. (Казань, Россия), А. Нурмухаммедов, к.ф.н. (Ашхабад, Туркменистан), М. Ольмез, д.ф.н., проф. (Стамбул, Турция), А. Рона-Таш, д.ф.н., Почётный проф., академик Венгерской академии наук (Сегед-Будапешт, Венгрия), Н.Н. Телицын, к.ф.н. доцент (Санкт-Петербург, Россия), М.З. Улаков, д.ф.н., проф. (Нальчик, Россия), Д.А. Функ, д.ф.н., проф. (Москва, Россия), Ф.С. Хахимзянов, д.ф.н., проф. (Казань, Россия), П. Циме, д.ф.н., Почётный проф. (Берлин, Германия), А.А. Чеченов, д.ф.н., проф. (Москва, Россия), М. Эрдал, д.ф.н., Почётный проф. (Франкфурт-на-Майне), адъюнкт-проф. (Берлин, Германия), Ю. Янхунен, д.ф.н., проф. (Хельсинки, Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И. В. Кормушин, д.ф.н., проф. (Москва)

Зам. главного редактора: А.В. Дыбо, д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва)

З.Н. Экба, к.ф.н. (Москва)

Ответственный секретарь: З.К. Алжанбекова к.ф.н. (Москва)

Члены редколлегии: М.И. Алиева-Чынар, к.ф.н., доц. (Бурса, Турция), Х.Ч. Алишина, д.ф.н., проф., почетный член АН РТ (Тюмень), Л.Л. Габышева, д.ф.н. (Якутск), А.А. Глашев, к.ф.н. (Москва), Ф.Н. Дьячковский, к.ф.н. (Якутск), А.В. Кузнецов, к.ф.н. (Чебоксары), И.Л. Кызласов, д.и.н. (Москва), О.А. Мудрак, д.ф.н., проф. (Москва), М.Х. Надергулов, д.ф.н. (Уфа), Е.М. Напольнова, д.ф.н. (Москва), И.А. Невская, д.ф.н., проф. (Франкфурт-на-Майне, Германия), Ф.Ш. Нуриева, д.ф.н., проф. (Казань), Е.А. Оганова, к.ф.н. (Москва), Ю.В. Псянчин, д.ф.н., проф. (Уфа), М.М. Репенкова, д.ф.н. (Москва), А.В. Савельев, к.ф.н. (Москва), С.Б. Сарбашева, к.ф.н., доц. (Горно-Алтайск), Л.С. Селендили, д.ф.н. (Симферополь), И.Я. Селютина, д.ф.н., проф. (Новосибирск), Ф.Ш. Сибагатов, к.ф.н. (Уфа), Р.А. Тадинова, д.ф.н. (Москва), В.Н. Тугужекова, д.и.н., проф. (Абакан), Л.Н. Тыбыкова, к.ф.н., доц. (Горно-Алтайск), Н.С. Уртегешев, д.ф.н. (Новосибирск), Т.М. Хаджиева, к.ф.н. (Москва), И.В. Шенцова, д.ф.н. (Новосибирск)

Advisory Board

K. Abdulla (Grand PhD in Philology, Prof.; Baku, Azerbaijan), Ş.H. Akalin (Grand PhD in Philology (in the Turkish language), Prof.; Ankara, Turkey/Türkiye), A.A. Akmataliyev (Grand PhD in Philology; Bishkek, Kyrgyzstan), V.M. Alpatov (Grand PhD in Philology, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia), (M.V. Bavuu-Syuryun (Grand PhD in Philology; Kyzyl, Russia), A.A. Chechenov (Grand PhD in Philology, Prof., Moscow, Russia), M. Erdal (PhD in Linguistics, Prof., Professor Emeritus of Turcology, Goethe-Universität Frankfurt am Main, Germany; Associate Professor, Institute of Turcology, Freie Universität, Berlin), D.A. Funk (Grand PhD in Philology, Prof.; Moscow, Russia), N.Kh. Gadziakhmedov (Grand PhD in Philology, Prof.; Makhachkala, Russia), J. Janhunen (PhD in Linguistics, Prof. of East Asian Languages and Cultures, University of Helsinki, etc.; Helsinki, Finland), M.S. Kaçalın (PhD in Linguistics, Prof.; İstanbul, Turkey), L. Károly (PhD in Linguistics, Chair and Professor; Uppsala, Sweden), F.S. Khakimzyanov (Grand PhD in Philology, Prof.; Kazan, Russia), A.B. Kudelin (Grand PhD in Philology, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia), K.M. Minnullin (Grand PhD in Philology, Prof.; Kazan, Russia), A. Nurmukhamedov (PhD in Philology; Ashkhabad, Turkmenistan), M. Ölmez (PhD in Linguistics, prof.; İstanbul, Turkey), A. Róna-Tas (PhD in Linguistics, Professor Emeritus, Full Member of the Hungarian Academy of Sciences (HAS); Szeged–Budapest, Hungary), N.N. Telitsin (PhD in Philology, Assoc. Prof.; Saint-Petersburg, Russia), M.Z. Ulakov (Grand PhD in Philology, Prof.; Načhik, Russia), I. Vásáry (CSc in linguistics, DSc in history, Professor Emeritus, Full Member of the Hungarian Academy of Sciences (HAS); Budapest, Hungary), J.N. Washington (Ph.D. in Linguistics, Associate Professor; Pennsylvania, Swarthmore, USA), N.I. Yegorov (Grand PhD in Philology, Prof.; Cheboksary, Russia), P. Zieme (PhD in Linguistics, Hon.-Prof. Dr.; Berlin, Germany).

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Grand PhD in Philology, Prof.; Moscow)

Deputy Editor-in-Chief: A.V. Dybo (Grand PhD in Philology, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Moscow), Z.N. Ekba (PhD in Philology; Moscow)

Executive Secretary: Z.K. Alzhanbekova (PhD in Philology; Moscow)

Members of the editorial board: M. Alieva Çınar (PhD in Philology, Assoc. Prof.; Bursa, Turkey), Kh.Ch. Alishina (Grand PhD in Philology, Prof., Honorary member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Tyumen), A.A. Glashev (PhD in Philology; Moscow), F.N. Dyachkovsky (PhD in Philology; Yakutsk), L.L. Gabysheva (Grand PhD in Philology; Yakutsk), T.M. Khadzhdiyeva (PhD in Philology; Moscow), A.V. Kuznetsov (PhD in Philology; Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Grand PhD in History; Moscow), O.A. Mudrak (Grand PhD in Philology, Prof.; Moscow), M.Kh. Nadergulov (Grand PhD in Philology; Ufa), E.M. Napolnova (Grand PhD in Philology; Moscow), I.A. Nevskaya (Grand PhD in Philology, Prof.; Frankfurt, Germany), F.Sh. Nuriyeva (Grand PhD in Philology, Prof.; Kazan), E.A. Oganova (PhD in Philology; Moscow), Yu.V. Psyanchin (Grand PhD in Philology, Prof.; Ufa), M.M. Repenkova (Grand PhD in Philology; Moscow), S.B. Sarbasheva (PhD in Philology, Assoc. Prof.; Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (PhD in Philology; Moscow), L.S. Selendili (PhD in Philology; Simferopol), I.Ya. Selyutina (Grand PhD in Philology, Prof.; Novosibirsk), I.V. Shentsova (Grand PhD in Philology; Novosibirsk), F.Sh. Sibagatov (PhD in Philology; Ufa), R.A. Tadinova (Grand PhD in Philology; Moscow), V.N. Tuguzhekova (Grand PhD in History, Prof.; Abakan), L.N. Tybykova (PhD in Philology; Gorno-Altaysk), N.S. Urtegeshev (Grand PhD in Philology; Novosibirsk).

Редакция журнала выражает искреннюю благодарность
доктору филологических наук, профессору
Алию Ахматовичу Чеченову
за финансовую поддержку при подготовке данного номера

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 7–22. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-7-22

ОТ РЕДАКЦИИ

From the Editor

Настоящий выпуск журнала посвящен 300-летию Российской академии наук и содержит статьи, отражающие одну из обширнейших областей отечественной науки – востоковедение, и в частности – тюркологию. Эти работы были опубликованы в дореволюционный и советский периоды, однако не потеряли своей актуальности.

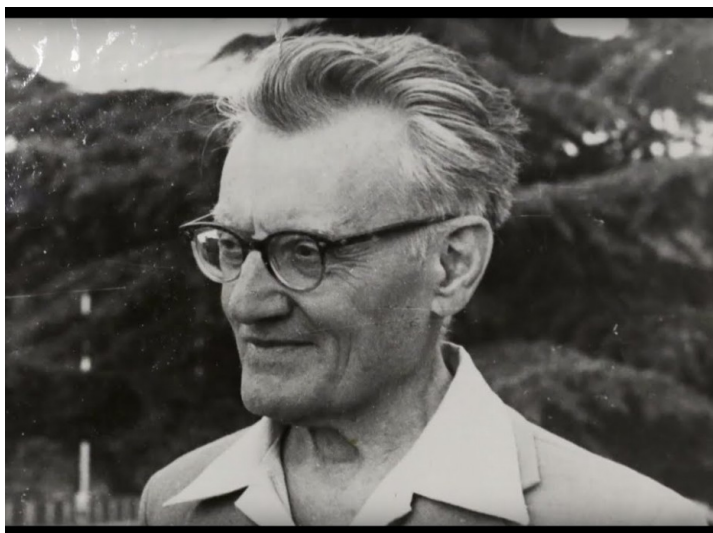
Авторы публикуемых статей (В.И. Абаев, Н.И. Веселовский, Н.Ф. Катанов, С.А. Козин, С.Е. Малов, Н.Н. Поппе, Г.Н. Потанин, В.К. Трутовский, А.Ю. Якубовский, А.И. Ярхо) принадлежат к числу тех ученых, чей вклад в российскую, советскую и, в целом, мировую ориенталистику, а также в развитие Российской академии наук и Академии наук СССР трудно переоценить.

Редакция журнала приняла решение вновь сделать достоянием научной общественности ряд работ упомянутых востоковедов, так как периодические и научные издания, в которых они были опубликованы, давно уже стали библиографической редкостью.

Тюркология как наука на современном этапе развития представляет собой обширную область знаний и не ограничивается филологическими исследованиями. В современных тюркологических работах все чаще применяется междисциплинарный подход, учитывающий данные не только лингвистики, но и этнографии, древнеписьменных памятников, археологии, антропологии, исторической географии и других наук [Тенишев, Дыбо 2006]. Поэтому для публикации были отобраны статьи, затрагивающие широкий спектр тюркологических вопросов.

Представляется важным также дать краткие биографические справки об авторах статей, что позволит обрести более глубокое понимание их научных взглядов и по достоинству оценить широту их исследовательских интересов. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые из ученых, чьи работы опубликованы в этом номере, не были тюркологами по образованию.

Редколлегия журнала выражает надежду, что настоящий выпуск послужит достойным ориентиром для дальнейших научных исследований по тюркологии и, в целом, востоковедению для современных ученых.

Краткие биографии авторов статей¹

Абаев Василий (Васо) Иванович (1900–2001) – крупный советский и российский ученый-иранист, лингвист, литературовед и кавказовед, профессор, доктор филологических наук, действительный член Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии (1966), член-корреспондент Финно-угорского общества в Хельсинки (1973), дважды лауреат премии им. К. Хетагурова, заслуженный деятель науки Грузии и Северной Осетии.

Родился в с. Коби по Военно-Грузинской дороге в семье горца-осетина. В 1922 г. поступил в Петроградский государственный университет на иранский разряд этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук, который окончил в 1925 г. По окончании аспирантуры в 1928 г. был направлен на работу в Кавказский историко-археологический институт АН СССР в Тифлисе.

В 1935 г. Василию Ивановичу была присуждена ученая степень кандидата филологических наук (без защиты диссертации), в том же году он был назначен заведующим иранским кабинетом Института языка и мышления им. Н.Я. Марра.

В январе 1941 г. В.И. Абаев был командирован в Осетию со специальным заданием президента АН СССР – консультировать изучение осетинского нартовского эпоса. Тогда же работал в Северо-Осетинском и Юго-Осетинском НИИ, а с 1944 г. заведовал также кафедрой Северо-Осетинского педагогического института. В 1945 г. вернулся в Ленинград и снова начал работать в Институте языка и мышления, преобразованного после дискуссии 1950 года в Институт языкознания. В 1952 г. вместе с основным ядром ученых института переведен в Москву. В 1962 г. ему была присуждена степень доктора филологических наук (без защиты диссертации), а в 1969 г. присвоено звание профессора.

Им опубликованы более 270 работ по теории этимологии и истории лингвистических исследований, иранскому и индоевропейскому языкознанию, по раз-

¹ Фотографии, использованные в настоящей статье, взяты из открытых источников. – *Прим. ред.*

личным вопросам общего языкознания. Наиболее значимой из них является фундаментальная работа «Историко-этимологический словарь осетинского языка» в пяти томах (1958–1990). Хотя тюркологи редко обращаются к этой фундаментальной работе, по словам крупного ученого-тюрколога Э.Р. Тенишева, наиболее значительное число заимствований, отраженных в этом словаре, происходит из тюркских языков. Это и тот факт, что В.И. Абаев сделал подробный разбор источников и этимологии каждого из заимствованных слов, делает данный труд ценным руководством при изучении не только иранских, но и тюркских языков.

В своих работах ученый часто обращался к теме тюркско-иранских взаимовлияний. В этом плане до сих пор актуальной остается его статья «Тюркские элементы в осетинской антропонимии» (1985)², которая включена в настоящий выпуск журнала.

Веселовский Николай Иванович (1848–1918) – русский ученый-востоковед, археолог и историк. Был ученым весьма обширных интересов и, будучи востоковедом по образованию, в своих исследованиях вышел далеко за пределы ориенталистики.

Родился в г. Вологде. В 1869 г. поступил на арабско-персидско-турецко-татарский разряд факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1873 г. со степенью кандидата наук и был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию. В 1877 г. утвержден в степени магистра истории Востока после успешной защиты диссертации на тему «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего». В 1878 г. был избран приват-доцентом факультета, в 1903 г. стал заслуженным ординарным профессором. Был учеником крупного русского ученого-востоковеда, тайного советника и главного цензора Российской империи профессора Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьева [Гузев, Дулина, Кононов, Ли 1974: 139].

² Абаев В.И. Тюркские элементы в осетинской антропонимии // Теория и практика этимологических исследований. – М.: Наука, 1985. – С. 23–29.

Николай Иванович внес значительный вклад в изучение археологии и этнографии России, Кавказа и Средней Азии. Достаточно упомянуть такие из его трудов, как «Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях» (1884), «Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией» (1890–1898), «Курганы Кубанской области в период римского владычества» (1905), «О местоположении Гюлистана при-Сарайского» (1907) и др.

В настоящем номере опубликована статья Н.И. Веселовского «Пережитки некоторых татарских обычаев у русских» (1912)³, посвященная истории взаимоотношений Руси и Золотой Орды и влиянию последней на быт и культуру русского народа. Этот вопрос в последнее время приобретает все большую актуальность в научных исследованиях.

Катанов Николай Федорович (1862–1922) – русский и советский ученый-тюрколог и этнограф. Внес неоценимый вклад в изучение народов Сибири.

Родился в местности Изюм у с. Аскиз в Енисейской губернии (ныне – Республика Хакасия). В 1884 г. окончил с золотой медалью Красноярскую гимназию. В 1884–1888 гг. обучался на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. Важным событием в жизни Н.Ф. Катанова стало его знакомство с В.В. Радловым, который рекомендовал его в этнографо-лингвистическую экспедицию в Восточный Туркестан и Сибирь для изучения быта и языков тюркских народов.

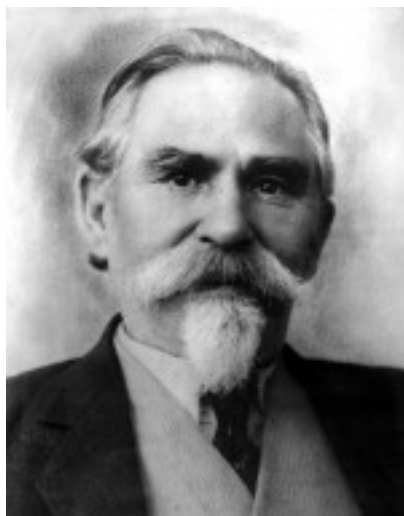
В 1894 г. переехал в г. Казань, где защитил магистерскую диссертацию «Опыт исследования урянхайского языка» и преподавал в Казанском университете и Казанской Духовной академии [Гузев, Дулина, Кононов, Ли 1974: 183–184]. В 1919 г. был избран профессором.

Н.Ф. Катанов оставил большое количество научных работ, которые содержат ценнейшие сведения по истории, этнографии и языкам тюркских и других народов

³ *Веселовский Н.И.* Пережитки некоторых татарских обычаев у русских // Живая старина. Год XXI. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912. – Вып. 1. – С. 27–38.

Сибири: «Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии» (1893), «Среди тюркских племен» (1893), «Качинская легенда о сотворении мира (записана в Минусинском округе Енисейской губернии на качинском наречии тюркского языка)» (1894), «О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней» (1894), «Народные способы лечения у сагайцев (Минусинского уезда Енисейской губ.)» (1899), «Материалы к изучению казанско-татарского наречия. Ч. 2: Русский перевод образцов книжной и устной литературы казанских татар» (1899), «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» (1903), «Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов» (1907), «Киргизская и казанско-татарская версии христианского сказания о семи спящих отроках» (1906)⁴.

В настоящем номере опубликована последняя из упомянутых статей, поскольку она представляет большой интерес для исследования фольклора тюркских народов и влияния на него раннехристианской литературы. Данный вопрос, к сожалению, все еще слабо разработан в тюркологии.

Козин Сергей Андреевич (1879–1956) – российский и советский ученый-монголист, академик АН СССР (1943).

Родился в г. Туапсе. В 1903 г. окончил Петербургский университет и первоначально связывал свою карьеру исключительно с государственной службой. После завершения обучения был направлен для работы по администрированию и управлению калмыцкими землями и для решения юридических вопросов, связанных со статусом калмыцких поселений. В этот период неплохо овладел монгольским языком и в 1914 г. был направлен в Монголию советником по финансам при правительстве Богдо-хана VIII, где проработал до 1918 г.

⁴ *Катанов Н.Ф.* Киргизская и казанско-татарская версии христианского сказания о семи спящих отроках // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. – 17 февраля 1906 г. – Т. XXI. – Вып. 4. – С. 382–388.

После революции 1917 г., как бывший царский чиновник, оказался не у дел и остался без работы. В 1921 г. Б.Я. Владимирцов пригласил его принять участие в создании Петроградского восточного института. Здесь, а также на восточном факультете Петроградского (в дальнейшем – Ленинградского) университета С.А. Козин преподавал монгольский язык, которым владел в совершенстве.

Несмотря на то что перечень его трудов не столь велик, Сергей Андреевич тем не менее внес большой вклад в отечественную монголистику. Особого упоминания заслуживают его работы по героическому эпосу монгольских народов: «Гэсэриада» (1935), «Эпос монгольских народов» (1948), «Джангариада. Героическая поэма калмыков» (1940), а также обширное исследование «Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.» (1941), которое для своего времени было большим шагом вперед в отечественной монголистике.

Ряд трудов С.А. Козина незаслуженно забыт, хотя они до сих пор представляют большой интерес не только для монголистов, но и для тюркологов. Одной из таких работ является статья «К вопросу о дешифрировании дипломатических документов монгольских иль-ханов» (1935)⁵. В исследовании затрагиваются важные вопросы не только истории Государства Хулагуидов в Иране, но и целого ряда других государств: Византии, Египта и Золотой Орды. В частности, изучаются попытки Хулагуидов, подавляющее большинство из которых были этническими монголами, установить дипломатические и союзнические отношения с Византией против своих злейших врагов – Золотой Орды и ее союзника Мамлюкского Египта (главным образом представленных тюркоязычными кыпчаками).

Малов Сергей Ефимович (1880–1957) – крупный русский и советский востоковед, этнограф, лингвист, член-корреспондент АН СССР (1939). Интерес

⁵ Козин С.А. К вопросу о дешифрировании дипломатических документов монгольских иль-ханов // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. – М.–Л., 1935. – № 7. – С. 645–655.

к тюркологии унаследовал от своего отца Е.А. Малова [Гузев, Дулина, Кононов, Ли 1974: 211], который был учеником русского востоковеда Г.С. Саблукова.

Родился в г. Казани. Окончил духовное училище и Казанскую духовную академию. Одновременно с занятиями татарским и арабским языками в академии посещал лекции профессора Н.Ф. Катанова в Казанском университете. В 1904–1909 гг. учился на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета на арабско-персидско-турецко-татарском разряде, где слушал лекции тюркологов В.Д. Смирнова и П.М. Мелиоранского, изучал персидский язык у профессора В.А. Жуковского. Именно в эти годы он сблизился с В.В. Радловым, у которого брал частные уроки тюркских языков.

По окончании Санкт-Петербургского университета в 1909 г. и по представлению В.В. Радлова Сергей Ефимович был командирован в Западный и Центральный Китай для изучения языка и быта тюркоязычных народов, в частности желтых уйгуров и саларов. Во время первого путешествия (май 1910) С.Е. Малов нашел в кумирне с. Вун-фыгу (провинция Ганьсу) уникальную уйгурскую рукопись «Алтын Йарук», которая была им издана совместно с В.В. Радловым (1913–1917) и вошла в золотой фонд тюркологии. В результате двух путешествий в Китай (1909–1911, 1913–1915) ученый собрал большой и ценный материал по языку, фольклору и этнографии желтых уйгуров, лобнорцев и хамийцев, который был издан в основном в последние годы его жизни и после его кончины.

По возвращении из второго путешествия в Китай в 1916 г. успешно сдал магистерские экзамены и начал педагогическую работу в Казани, а затем в Петрограде (1923). Преподавал узбекский и староузбекский, уйгурский, алтайский языки и читал лекции по древнетюркским письменным памятникам. Во время Великой Отечественной войны работал в Казахском государственном университете и Казахском педагогическом институте.

Кроме того, С.Е. Малов вошел в историю как педагог, из школы которого вышли почти все современные тюркологи старшего и среднего поколений [Гузев, Дулина, Кононов, Ли 1974: 212].

Ряд исследований Сергея Ефимовича мало известны широкой научной общественности, но представляют большой интерес для истории тюркских народов. К таким работам можно отнести и публикуемую нами статью «Шаманский камень „яда“ у тюрков Западного Китая» (1947)⁶, содержащую ценную информацию о древних верованиях тюрков.

⁶ Малов С.Е. Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // Советская этнография. – М.–Л., 1947. – № 1. – С. 151–160.

Поппе Николай (Николас) Николаевич (1897–1991) – советский и американский лингвист-алтаист и этнограф, член-корреспондент АН СССР (1932), является крупнейшим монголистом с мировым именем и одним из основателей советской и российской монголистики.

Родился в г. Чифу (Китай) в семье петербургского немца, востоковеда, российского дипломата Николаса Эдвина Поппе, который в свое время окончил восточный факультет Петербургского университета по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду и всю свою короткую жизнь посвятил дипломатической службе в различных городах Китая [Алпатов 1996: 7]. Гимназическим другом Николая Николаевича был крупный исследователь самодийских языков Г.Н. Прокофьев.

После возвращения в г. Петербург будущий ученый заинтересовался историей, фольклором и языком финнов, других финских народов России и мечтал стать финно-угроведом. Однако под давлением матери поступил на медицинский факультет Петроградского университета.

После революции 1917 г. и возвращения из армии в 1918 г. познакомился с монголистом А.Д. Рудневым, женатым на финке и хорошо знакомым с выдающимся финским лингвистом-алтаистом Г. Рамstedтом. Это знакомство окончательно определило его научный выбор. В 1918 г. Николай Николаевич стал студентом отделения монгольских языков восточного факультета Петроградского университета, который успешно окончил в 1921 г. В университете его учителями были такие крупные ученые, как монголист Б.Я. Владимирцов, тюркологи А.Н. Самойлович и С.Е. Малов.

Еще будучи студентом, Н.Н. Поппе начал преподавать в Институте живых восточных языков, а после окончания университета был оставлен там преподавателем. Одновременно работал научным сотрудником в Азиатском музее (Институт востоковедения РАН). В 1931 г. возглавил монгольский кабинет ИВ РАН. В 1926, 1927 и 1929 гг. выезжал в экспедиции в Монголию, в 1928, 1930, 1932 гг. – в Бурятию для сбора материалов по диалектам бурятского языка. В 1941 г. вошел в ученый совет Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО АН СССР.

После Великой Отечественной войны переехал в США, где стал профессором Вашингтонского университета. В 1968 г. был избран почетным доктором Боннского университета и иностранным членом Финской академии наук, а в 1978 г. – членом-корреспондентом Британской академии.

Николай Николаевич превосходно говорил по-монгольски и по-бурятски, отлично знал литературу и фольклор монгольских народов. Ему принадлежит большое количество работ по монголистике, тюркологии и тунгусо-маньчжурским языкам – всего около 300 научных статей и монографий и 207 рецензий. Среди них фундаментальные исследования по лексике, фонологии и грамматике этих языков: «О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков» (1925), «Грамматика письменно-монгольского языка» (1937), «Грамматика бурят-монгольского языка» (1938), «Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб» (1938), «Дагурское наречие» (1930), «Учебная грамматика якутского языка» (1926), «Аларский говор» (1930–1931), «Урало-алтайская теория в свете алтайского языкознания» (1940), «Лингвистические проблемы Восточной Сибири» (1933) и многие другие.

Одной из самых значимых работ, сохраняющих свою актуальность, является его статья «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам» (1924–1925)⁷. В этом фундаментальном исследовании Н.Н. Поппе детально разбирает основные проблемные вопросы чувашского языкознания, некоторые из которых все еще остаются дискуссионными.

Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) относится к тем исследователям, которые не стремились целенаправленно стать алтаистами или востоковедами. В ориенталистику, и вообще в науку, Григорий Николаевич, можно сказать, пришел случайно, до этого успев уже стать известным общественным деятелем Сибири, одним из основателей и крупным идеологом сибирского областничества.

⁷ *Поппе Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // Известия Российской академии наук. VI серия. – Ч. 1, 2. – Л., 1924. – Т. XVIII. – № 12–18. – С. 289–314; Ч. 3. – Л., 1925. – Т. XIX. – № 1–5. – С. 23–42; Ч. 4. – Л., 1925. – Т. XIX. – № 9–11. – С. 405–426.

Родился в Ямышевской крепости Омской области (ныне – с. Ямышево, Павлодарская область Казахстана). В 1846 г. был зачислен в кадетский корпус в г. Омске, после окончания которого в 1852 г. служил в чине хорунжего в г. Семипалатинске, а в 1856 г. был переведен в Войсковое правление Сибирского казачьего войска в г. Омске, где отвечал за систематизацию архива. Здесь он проявил себя как трудолюбивый работник и начал интересоваться историей и древностями Сибири. Во время службы познакомился с П.П. Семеновым (впоследствии П.П. Семеновым-Тянь-Шанским), убедил его в необходимости продолжения образования. После увольнения с военной службы в 1858 г. поехал в г. Томск, где познакомился с известным анархистом М.А. Бакуниным, который договорился о его включении в следовавший в г. Санкт-Петербург торговый караван.

В 1859 г. поступил вольнослушателем естественно-исторического отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, где посещал лекции крупных русских ученых Н.И. Костомарова, А.Н. Бекетова, К.Д. Кавелина и др. Здесь Григорий Николаевич познакомился с будущим первооткрывателем древнетюркских рунических памятников, исследователем Сибири и Центральной Азии, археологом Николаем Михайловичем Ядринцевым, вместе с которым в 1860 г. организовал первое в столице сибирское землячество, занимавшееся изучением Сибири. Однако учеба была прервана в октябре 1861 г., когда в числе других студентов, принимавших участие в политической деятельности, Г.Н. Потанин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Но, к счастью, пробыл там недолго и вскоре был освобожден.

В 1863 г. по рекомендации крупного русского ученого-географа П.П. Семенова-Тянь-Шанского принял участие в экспедиции К. Струве к озеру Зайсан в верховьях Иртыша, во время которой собрал богатую ботаническую коллекцию. С этого времени Григорий Николаевич заинтересовался историей, языками и этнографией сибирских народов, начал формировать свое уникальное собрание древностей. В 1865 г. был назначен секретарем Томского губернского статистического комитета, а также активно занимался вопросами обустройства и улучшения инфраструктуры Сибири.

В этот же период Г.Н. Потанин начал принимать активное участие в движении за федерализацию России и за предоставление Сибири широкой автономии, что вскоре привело к новому аресту. В 1868 г. суд предъявил ему обвинение в попытке отделить этот регион от Российской империи и приговорил к трем годам тюрьмы, а после окончания тюремного срока – к пятилетней каторге в Свеаборге [Свентицкая 1968]. Лишь в 1874 г. благодаря активной поддержке со стороны руководства Императорского Русского географического общества (ИРГО) его амнистировали, и он стал действительным членом ИРГО, а в 1887 г. был назначен управляющим делами Восточно-Сибирского отдела ИРГО.

Отныне деятельность Г.Н. Потанина была связана с научными экспедициями по Сибири, Китаю, Тибету, Центральной Азии и Монголии, предпринятыми с 1876 по 1899 гг., во время которых им был накоплен обширный и интересный материал по этнографии монгольских, тюркских и других народов. Так, в ходе первой экспедиции (1876–1878) ученые пересекли Монгольский Алтай и дошли до Кобдо (ныне – Ховд) в Западной Монголии, т. е. исследовали ранее малоизвестный район и собрали богатые сведения по палеоботанике, археологии и этно-

графии Монголии. Результаты второй экспедиции (1879–1880) были опубликованы Григорием Николаевичем в работе «Очерки Северо-Западной Монголии», вышедшей в 1883 г. и до сих пор представляющей большой интерес для востоковедов, в том числе для тюркологов. В ней содержится богатейший материал о семейном и общественном быте, верованиях, фольклоре и языках тюркских и монгольских народов Сибири и Монголии. Также в труде приводится большое количество ценных иллюстраций и зарисовок с натуры. В третьей Китайско-Тибетской экспедиции (1884–1885) был изучен Ордос, две провинции в северном Китае, Восточный Тибет, хребет Наньшань и Центральная Монголия. Материалы экспедиции были опубликованы в 1893 г. в работе «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия».

В 1902 г. Г.Н. Потанин переехал в г. Томск, где принимал активное участие в культурной и научной жизни города, был избран в Совет местного Музея прикладных знаний, организовал Томское общество изучения Сибири, занимался созданием Сибирской областной думы и Томского научно-художественного музея Сибири. Хорошее знание казахского, киргизского, татарского и алтайского языков позволило ему участвовать во многих мероприятиях как научного, так и общественно-политического плана.

В июле 1917 г. Г.Н. Потанин участвовал в Первом Всеказахском съезде в г. Оренбурге делегатом от Семипалатинской области и был избран делегатом на Всероссийское учредительное собрание. В 1919 г. у Григория Николаевича обострилась глазная болезнь, и ему пришлось долго лечиться в Американском госпитале Американского Красного Креста в г. Томске. В 1920 г. ввиду наступления большевиков белая 1-я Сибирская армия оставила г. Томск, а все официальные органы и учреждения эвакуировались из города. В это время Г.Н. Потанин находился в госпитале, так как болезнь прогрессировала. 20 июня 1920 г. он скончался в клинике Томского университета. Перед смертью Григорий Николаевич произнес: «Вот я умираю. Жизнь кончена. А мне жаль. Хочется еще жить. Интересно очень. Хочется знать, что будет дальше с милой Россией...» [Свентицкая 1992: 36].

Перу Г.Н. Потанина принадлежит немало интересных и важных научных трудов по истории и этнографии тюркских и монгольских народов. О двух фундаментальных работах мы уже сказали выше, но нельзя не упомянуть и о других, не менее значимых: «Материалы для истории Сибири» (1867), «Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии» (1916), «Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии» (1882).

Последняя из перечисленных работ⁸ посвящена «громовнику», т. е. комплексу верований и культов, связанных с грозowymi явлениями природы. Эта система убеждений является одной из самых древних и представляет исключительный интерес с точки зрения изучения этнографии и религиозных воззрений тюркских народов.

⁸ Потанин Г.Н. Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии // Журнал министерства народного просвещения. Пятое десятилетие. Часть ССХІХ. – СПб., 1882. – С. 116–167.

Трутовский Владимир Константинович (1862–1932) – российский и советский востоковед, историк, музеевед и нумизмат, специалист по генеалогии и геральдике стран Востока.

Родился в г. Санкт-Петербурге в семье художника К.А. Трутовского. В 1885 г. окончил гимназию Лазаревского института восточных языков, а затем Учебное отделение Азиатского департамента МИД. С 1888 по 1914 гг. был секретарем Императорского Московского Археологического общества, а с 1911 г. – председателем Восточной комиссии МАО и редактировал его журналы «Древности» и «Известия Археологических съездов». В 1904–1919 гг. занимал должность председателя Московского нумизматического общества. В 1922–1930 гг. был профессором археологии МГУ, в 1921–1924 гг. – проректором по учебной части Института востоковедения.

В.К. Трутовскому принадлежит более 100 научных работ по нумизматике, археологии, геральдике, генеалогии и истории. Будучи превосходным специалистом по археологии и нумизматике (включая восточную нумизматику), он хорошо разбирался также в первоисточниках.

В частности, остается актуальной публикуемая нами статья Владимира Константиновича «Гулистан Золотой Орды» (1889)⁹, в которой автор рассматривает один из самых сложных вопросов из истории этого государства – местоположение Гулистана. Данная тема до сих пор вызывает жаркие споры в научной среде, а история Улуса Джучи занимает важное место в тюркологических исследованиях.

⁹ *Трутовский В.К.* Гулистан Золотой Орды // *Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического общества.* Ред. М.В. Никольский. – М., 1889. – Т. I. – Вып. 1. – С. 73–82.

Якубовский Александр Юрьевич (1886–1953) – советский востоковед, специалист по истории Золотой Орды, Средней Азии, Кавказа и Передней Азии. Внес неоценимый вклад в изучение средневековой истории этих регионов, а также Поволжья и Восточной Европы.

Родился в г. Санкт-Петербурге. В 1913 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, а в 1924 г. – восточный факультет Петроградского университета. Его учителями были крупные ученые-востоковеды В.В. Бартольд и И.Ю. Крачковский. В 1943 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР и заведовал отделом в Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). Был организатором археологических экспедиций в Поволжье и Среднюю Азию, в 1943 г. организовал Таджикско-Согдийскую экспедицию.

Перу А.Ю. Якубовского принадлежит большое количество трудов по средневековой истории Средней Азии и Восточной Европы, а также по истории Золотой Орды, в работе над которыми Александр Юрьевич, обладая хорошим знанием восточных языков, использовал первоисточники. В частности, нельзя не отметить такие публикации, как «Самарканд при Тимуре и Тимуридах» (1933), «Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XII–XV вв.)» (1937), «К вопросу об этногенезе узбекских народов» (1941), «Золотая Орда и ее падение» (в соавторстве с Б.Д. Грековым, 1950), «Махмуд Газневи: к вопросу о происхождении и характере Газневидского государства» (1934), «Ирак на грани VIII–IX вв. (черты социального строя халифата при Аббасидах)» (1935), «Сельджукское движение и туркмены в XI в.» (1937), «Кавказ и Иран в эпоху Руставели» (1938), «Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. = 943/4 г.» (1926), «О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв.» (1946) и многие другие. А.Ю. Якубовский отличался исключительной широтой научных интересов, его работы не только не утратили научной ценности, но и вновь становятся актуальными в свете новых открытий в области этногенеза и политической истории тюркских народов.

Одной из незаслуженно забытых работ ученого является обстоятельная статья «Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и рус-

ских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей)», опубликованная в периодическом сборнике «Византийский временник» в 1928 г.¹⁰ В ней приводятся уникальные сведения из первоисточников по истории, культуре и экономической жизни сельджуков, половцев и других народов, что может представлять большой интерес не только для тюркологов, но и для специалистов по отечественной истории.

Ярхо Аркадий Исаакович (1903–1935), не будучи востоковедом, за свою короткую жизнь успел внести большой вклад не только в отечественную и мировую антропологию, но и в тюркологию благодаря своим антропологическим исследованиям тюркских народов Сибири. Является одним из основателей советской физической антропологии и автором методов расового анализа, разрабатывал единую методику антропометрических исследований [Петров 1936: 136–138]. Предложил трехчастную схему расовой дифференциации коренного населения Саяно-Алтайского региона (урало-алтайский, центрально-азиатский и южно-сибирский типы в составе большой монголоидной расы), подтвердил правомочность выделения самостоятельной южно-сибирской расы как отдельной единицы расовой систематики [Дебец 1935: 3–10].

Родился в г. Москве. В 1923 г. окончил физико-математический факультет Московского университета, однако свою научную карьеру почти целиком посвятил антропологии. В 1929–1930 гг. был заведующим секцией антропологии Узбекского НИИ в г. Самарканде. В 1929 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Алтайцы. Опыт антропологического анализа». Был секретарем отдела изучения человека и быта Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, ответственным секретарем редакционной коллегии «Антропологического жур-

¹⁰ Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) // Византийский временник. – Л., 1928. – Т. XXV. – С. 53–76.

нала». Участвовал в многочисленных антропологических и этнологических экспедициях в Южную Сибирь, Среднюю Азию и на Кавказ.

Первые исследования ученого были посвящены антропологии тюркских народов Саяно-Алтая, в частности хакасов, по которым он собрал значительный материал, причем по всем их этническим группам [Дебец 1935: 3–10]. Однако ранняя смерть не дала опубликовать многие из его трудов. Следует отметить следующие работы Аркадия Исааковича, посвященные тюркским народам, которые до сих пор не утратили своей актуальности: «Наблюдения над физическим развитием населения Русского Алтая» (1925), «Предварительное сообщение о поездке в Минусинский край и Северный Алтай летом 1925 г.» (1925), «Антропологический состав турецких народностей Средней Азии» (1933), «Антропологический тип каракалпаков» (1952) и др.

Статья А.И. Ярхо «Туркмены Хорезма и Северного Кавказа (антропологический очерк о длинноголовом европеоидном компоненте турецких народностей СССР)» (1933)¹¹ содержит ценные сведения о туркменах, культура и язык которых представляют для тюркологов большой интерес. Именно поэтому мы решили поместить ее в настоящий выпуск журнала. В статье ученый высказывает ряд любопытных предположений об антропологическом типе прототюрков и связанных с этим аспектах формирования тюркских языков в европеоидной расовой среде. Представляется, что эта работа будет интересна современным тюркологам, в том числе занимающимся вопросами лингвистических реконструкций.

Глазиев Ахмат Алабиевич,

кандидат филологических наук,

выпускающий редактор настоящего номера

журнала «Российская тюркология»

Литература

- Алпатов 1996 – *Алпатов В.М.* Николай-Николас Поппе. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. {*V.M. Alpatov. Nikolai-Nicholas Poppe.* – Moscow: “Vostochnaya Literatura” (/The Oriental Literature) publishing firm of the RAS, 1996.}
- Гузев, Дулина, Кононов, Ли 1974 – Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов до-октябрьский период / Сост. В.Г. Гузев, Н.А. Дулина, А.Н. Кононов, Ю.А. Ли. – М.: ГРВЛ/ Наука, 1974. {*Biobibliographical dictionary of Russian Turkologists of the Pre-October Period / Comp. by V.G. Guzev, N.A. Dulina, A.N. Kononov, Yu.A. Li.* – Moscow: Main Editorial Board of Oriental Literature/Nauka, 1974.}
- Дебец 1935 – *Дебец Г.Ф.* Ярхо как антрополог // Антропологический журнал. – 1935. – № 1. – С. 3–10. {*G.F. Debets. Yarkho as an anthropologist // Anthropological Journal. (/Antropologicheskii zhurnal.)* – 1935. – No. 1. – PP. 3–10.}
- Петров 1936 – *Петров Г.И.* А.И. Ярхо // Советская этнография. – 1936. – № 1. – С. 136–138. {*G.I. Petrov. A.I. Yarkho // Soviet Ethnography. (/Sovetskaya etnografiya.)* – 1936. – No. 1. – PP. 136–138.}
- Свентицкая 1968 – *Свентицкая М.* Воспоминания о Г.Н. Потанине // Чокан Валиханов. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. – Алма-Ата: Ғылым, 1968. – С. 647–749. {*M. Sventitskaya. Memories of*

¹¹ *Ярхо А.И.* Туркмены Хорезма и Северного Кавказа (антропологический очерк о длинноголовом европеоидном компоненте турецких народностей СССР) // Антропологический журнал: *Journal d’Anthropologie.* – М.: Государственное медицинское издательство (Медгиз), 1933. – № 1–2. – С. 70–119.

-
- G.N. Potanin // Chokan Valikhanov. Collected works in 5 volumes. Vol. 4. – Alma-Ata: Ghylym, 1968. – PP. 647–749.}
- Свентицкая 1992 – *Свентицкая М.* Воспоминания о Г.Н. Потанине [переиздание] // Былое и новь (Краеведческий альманах). Сост. В.Т. Копылов. – Томск: Томское книжное издательство, 1992. {*M. Svētitskaya.* Memories of G.N. Potanin [a reprint] // Past and Present (Local History Almanac). Comp. by V.T. Kopylov. – Tomsk: Tomsk Book Publishing House, 1992.}
- Тенишев, Дыбо 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э.Р. Тенишев и А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. {Comparative-historical grammar of the Turkic languages: the Proto-Turkic language. The Worldview of the Proto-Turks based on linguistic data / Ed. by E.R. Tenishev and A.V. Dybo. – Moscow: Nauka, 2006.}
- Убрятова 1951 – *Убрятова Е.И.* О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова // Тюркологический сборник. Ч. 1. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – С. 5–30. {*Ye.I. Ubryatova.* The scientific and social activities of Sergei Yefimovich Malov // Turkological Collection. Part 1. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. – PP. 5–30.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 23–31. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.1

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-23-31

ТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ОСЕТИНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ^{1,2}

В.И. Абаев

Для цитирования: Абаев В.И. Тюркские элементы в осетинской антропонимии // Российская тюркология. 2024. № 3–4 (44–45). С. 23–31. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-23-31.

Turkic elements in Ossetian anthroponymy

V.I. Abayev

For citation: Abayev V.I. Turkic elements in Ossetian anthroponymy // Russian Turkology. 2024. № 3–4 (44–45). P. 23–31. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-23-31.

Знаменитый исследователь осетинского языка Всеволод Миллер в вышедшей в начале нашего века на немецком языке книге "Die Sprache der Osseten" <Miller 1903>, во вводной части, в главе "Die fremden Elemente im Ossetischen" <Там же: 7–9> дает список заимствованных слов в осетинском. В этом списке значительное место уделено тюркским элементам. В. Миллер замечает: "Durch den Verkehr der Vorfahren der Osseten mit türkischen Völkerschaften (Hunnen, Awaren, Chazaren, Kumanen, Tataren) ist in ihre Sprache eine grosse Anzahl türkischer Wörter eingedrungen, deren Chronologie jedoch schwer zu bestimmen ist" – "В результате общения предков осетин с тюркскими народами (гуннами, аварами, хазарами, половцами (куманами, кунами), татарами) в их язык вошло большое количество тюркских слов, хронологию которых, однако, трудно определить" (перевод наш – прим. ред.).

В приводимом далее перечне тюркских заимствований (в том числе заимствований через тюркское посредство) в осетинском находим следующие слова: boʷa 'бугай', igag 'борзая собака', tewa 'верблюд', qaz 'гусь', dudaq 'дрофа', qærcsuʷa 'ястреб', babuz 'утка', baslyq 'башлык', cuqqa 'черкеска', cyryq 'сапог', top 'ружье', sayadaq 'лук и стрелы', qama 'кинжал', dambaca 'пистолет', tæbæy 'тарелка', lulæ 'курительная трубка', æxca 'деньги', bolat 'сталь', qarayul 'стража'.

¹ Перепечатано с: Абаев В.И. Тюркские элементы в осетинской антропонимии // Теория и практика этимологических исследований. – М.: Наука, 1985. – С. 23–29.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены по современному формату и добавлены в угловых скобках. – Прим. ред.

Этот перечень не дает, разумеется, представления о действительном объеме тюркского вклада в осетинскую лексику. Тюркизмы исчисляются в ней не единицами и даже не десятками, а сотнями³. Они пронизывают все сферы лексики, начиная от бытовых и хозяйственных понятий, как *tægæna* ‘корыто’ и *toqyl* ‘откормленный баран’, и кончая абстракциями, как *qaru* ‘энергия’. Достаточно сказать, что в осетинском языке даже слово со значением ‘дочь, девушка’ (без которого трудно представить себе какой-либо язык) – тюркского происхождения: *kizgæ*.

В нашем «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» мы старались во всей полноте представить тюркский вклад в осетинскую лексику. И хотя словарь еще не закончен, уже теперь можно сказать, что в заимствованной лексике осетинского языка тюркский элемент занимает первое место. Если взять, например, слова, начинающиеся с заднеязычного *q*, то здесь тюркских слов окажется значительно больше, чем иранских. Сама фонема *q* вошла в осетинский язык, по-видимому, под влиянием тюркских языков⁴.

Но как ни велик удельный вес тюркизмов в апеллятивной лексике осетинского языка, еще выше он в антропонимии. Осетинская ономастика, можно сказать, насыщена тюркскими элементами. По структуре эти имена можно разбить на две группы: двусоставные (их подавляющее большинство) и односоставные.

Двусоставные мужские имена содержат во второй части повторяющиеся элементы. Это – или почетные титулы: *beg*, *bi(j)* (диалектный вариант предыдущего), *qan* (хан), *murzæ*, *murzæ* (тюрк. *mirza*, *murza* из араб.-перс. *amir-zādā*⁵), *žeri*, *geri* (из тюрк. *girāj* – титул крымских ханов), *soltan* (тюрк. *sultan*, *soltan* семитского происхождения), *batyr* (тюрк. *batur*, *batyr*). Ряд мужских имен содержит во второй части названия металлов: *bolat* ‘сталь’, *temyr* ‘железо’.

Двусоставные женские имена обычно оканчиваются на *-xan* (усеченное тюрк. *xanum* ‘ханша, госпожа’), реже на *-qyz* (тюрк. *qyz* ‘дочь, девушка’).

Двусоставные мужские имена⁶

Имена на *-beg*

Albeg, *Alybeg*, *Alymbeg* (ар. *Ali*); *Aslænbeg* (тюрк. *aslan* ‘лев’); *Æxsarbeg* (*æxsar* ‘военная доблесть’ – исконно осетинское, употребительно как мужское имя и самостоятельно); *Batyrbeg* (тюрк. *batyr* ‘герой’); *Embeg* (тюрк. *jam* ‘станция’ /?/); *Gurzybег* (*Gurži* ‘Грузия; грузин’); *Irbeg* (*ir* – самоназвание осетин);

³ В. Миллер и не имел в виду, конечно, дать полную картину заимствований в осетинском. Его задача в цитированной выше книге – обосновать иранство осетинского языка. С этой задачей он блестяще справился. Заимствования же интересовали его в последнюю очередь.

⁴ См. тж. влияние различных языков Кавказа. – *Прим. ред.*

⁵ Точнее – *amīr-zādā*. Обращаем внимание читателей: здесь и далее *долгие* гласные арабского и фарси передаются автором нерегулярно.

⁶ Имена даются обычно в форме иронского диалекта без пометы; дигорские формы снабжаются пометой ”д.”; в круглых скобках поясняется первая часть двусоставного имени. Наш перечень ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту.

Majyrbeg (м. б., из *Bajyr-beg; ср. тюрк. bajyr – ‘богатеть’ <Радлов 1963в: 1969>⁷, см. ниже, имя *Bajyr); Maħarbeg, Muxarbeg (топоним Маħар в Карачае?); Myrzæbeg (mirza /см. выше/); Qajyrbeg (тюрк., монг. qajyr ‘милость’); Qawyrbeg (тюрк. qovur ‘карий’?); Qazybeg (из ар. yaзи ‘храбрый’ или тюрк. / из ар. / qazy ‘судья’); Qyzylbeg (тюрк. qyzyl ‘красный’); Safarbeg (тюрк. / из ар. / safar ‘путешествие’); Soltanbeg (тюрк. sultan); Soslænbeg (тюрк. / ног. / suslan – ‘иметь грозный вид’; имя Soslan употребительно и самостоятельно, свидетельствуется с XII в.: муж грузинской царицы Тамары был осетин Давид-Сослан); Totyrbeg (ср. тюрк. toltur ‘полный’); Tulabeg /д./ (тюрк. tula ‘боевой конь’); Zawyrbeg (м. б., из *Znawyr-beg, ср. груз. aznauri ‘знатный, дворянин’ из иран. *āzna- ‘родовитый’ от zana- ‘род’; имя Znawyr употребительно в осетинском самостоятельно; сюда и кум. aznaur ‘дворянин’).

Имена на -bi(i)

Awyzbi (тюрк. auz ‘ущелье’: ‘ущельный князь’); Barysbi (тюрк. bars, barys ‘пантера, барс’); Kertibi /д./ (тюрк. kerti ‘истинный’); Mysyrbi (тюрк. / из ар. / Misr ‘Египет’); Safarbi (ср. выше Safarbeg); Særæbi (sary ‘желтый’?; ср. выше Qyzylbeg); Tambi (из taw-bij ‘горский князь’; ср. ниже Tasoltan); Wyrysbi (тюрк. urus / осет. wyrys / ‘русский; Россия’); Xazbi (тюрк. / из ар./ xas ‘special, particular, peculiar, pure, real, the higher classes’ [нарочный, особый, своеобразный, чистый, действительный, из высших (благородных) классов – *Перев. ред.*] <Jarring 1964: 126>).

В нескольких случаях bi фигурирует в первой части имени: Biaslan, Beslæn (=тюрк. bij-aslan ‘князь-лев’); Biazyr (тюрк. / из ар. / azir, hazir ‘ready, present, in person’ [готовый, присутствующий, лично – *Перев. ред.*] <Там же: 116>).

Имена на -хан, -qan

Alixan (ар. ‘Alī); Amyrxan (ар. amir); Arysxan (тюрк. / из ар. / arys ‘жадный’?); Elqan (тюрк. el, äl ‘народ, племя, селение’); Tætærqan (букв. ‘татарский хан’); Temyrqan (тюрк. temyr ‘железо’; ср. ниже Qantemyr); Xæmætqan (ар. Hamīd или тюрк. / из ар. / hamd⁸ ‘хвала’?).

Имена на -myrzæ

Aslæmyrzæ (тюрк. aslan ‘лев’; ср. выше Aslænbeg); Bečmyrzæ (beč из тюрк. bek-beg); Dolætmyrzæ (тюрк. / из ар. / dävlät ‘счастье, богатство’); Zammyrzæ (м. б., из ǰaw-mirza; ср. тюрк. ǰaw ‘войско’ <Радлов 1963в>; или из ǰan-mirza; ср. тюрк. / из перс. / ǰan ‘душа, человек’); Elmyrzæ (тюрк. el ‘народ’ и др., ср. выше Elqan; упрощением имени Elmyrzæ является, возможно, имя Emæza); Qæræmyrzæ, Qælæmyrzæ (тюрк. qara ‘черный’; ср. по образованию Qyzylbeg).

⁷ В оригинальной статье: РСл. IV, 1969. – *Прим. ред.*

⁸ Т.е., hamd. – *Прим. ред.*

Имена на -soltan

Beksoltan (тюрк. bek ~ beg); Qurymsoltan (топоним Qurym ‘Крым’); Tasoltan (из taw-sultan ‘горский султан’).

Имена на -žeri, -geri (=тюрк. girej)

Adylžeri (adyl ‘справедливый’ / ар. /; ср. ног. Эдилгерей – собств. имя); Aslænžeri (тюрк. aslan ‘лев’); Azžeri (вероятно, из as-girej ‘асский /аланский/ князь’); Batžeri (вероятно, упрощено из batyr-girej); Sabazžeri (тюрк. sabaz ‘молодец’ <Там же: 416>); Salamžeri (тюрк. / из ар. / salam ‘мир, благополучие’); Saxanžeri (тюрк. šahan ‘сокол’ <Там же: 941>); Xanžeri (=тюрк. xan-girej).

Имя на -batyr

Xazyrbatyr (тюрк. / из ар. / xaži ‘человек, совершивший паломничество в Мекку’; ср. ниже, женское имя Xazyqyz); Xazu / Xazi (встречается в первой части некоторых других мусульманских имен: Xazibekir / д. /, Xazumurat).

Имена на -bolat

Axbolat (тюрк. aq ‘белый’); Bimbolat (из bij-bolat; ср. Biaslan, Biazyr; у Лермонтова – Бей-Булат; укороченные формы: Bimbol, Bibo); Žambolat (вероятно, из žan-bolat ‘человек-булат’; ср. выше Žammyrz(æ); укороченные формы: Žambol, Žabo); Qambolat (из qan-bolat ‘булатный хан’; укороченная форма: Qambol); Qasbolat (тюрк. / из ар. / qas ‘действительный, настоящий’; укороченная форма: Qasbol; ср. выше Xazbi); Temyrbolat (тюрк. temyr ‘железо’, укороченные формы: Tembolat, Tembol, Tebo).

Имена на -temyr

Astemyr (этноним as ‘алан’, ср. Azžeri); Bytemyr (из bij-temyr; ср. выше Bimbolat, Biaslan, Biazyr); Žantemyr (тюрк. / из перс. / žan ‘душа, человек’; ср. выше Žammyrzæ и Žambolat); Qantemyr (‘железный хан’; ср. выше Temyrqan).

Элемент temyr ‘железо’ отмечен еще в имени Temur-Alsaq (д.) – имя героя одной из поэм дигорского поэта Г. Малиева⁹; ср. тюрк. alčaq ‘приветливый’.

⁹ Малиев Георгий Гадоевич (1886–1942) – осетинский поэт-лирик, публицист, педагог. Его перу принадлежит поэзия и проза на дигорском диалекте осетинского языка (см. сборник «Ираф» (1935)). В 1934 г. стал членом Союза советских писателей. В 1937 г. был ложно обвинен в «контрреволюционной деятельности»; через пять лет умер в исправительно-трудовом лагере [Бибиева И.Г., Казиев М.Р. Писатели Осетии: библиографический справочник. Владикавказ, 2015. С. 84–87]. – Прим. ред.

Односоставные мужские имена

Вазай (д.) (у поэта Гурджибекова¹⁰). Ср. тюрк. baǰa ‘своjak’ или тюрк. (из перс.) baǰa ‘мальчик’.

Вайур, возможно, = тюрк. baǰur ‘богатеть’ или baǰur ‘собственный’ (ср. ног. байыр ‘собственный’).

Bilar (д.) – к тюрк. bilā ‘владеть, управлять’ (от bij ‘князь’); или мн. ч. от bij.

Botas. Ср. тюрк. bota ‘верблюжонок’?; или, скорее, = тюрк. boǰtaš ‘имеющий каменное тело’ или boǰdas ‘ровесник’.

Comaq. Ср. тюрк. ǰomaq ‘булава’.

ǂermen, (д.) Kermen = тюрк. kermen, kermān ‘крепость’; ср. название города Аккерман = тюрк. aq-kermān ‘белая крепость’¹¹.

Dula. Родоначальник фамилии Dulatae; возможно, в dula мы имеем диалектный вариант тюркского jula ‘факел, светоч’, как осет. dūǰ~doǰ ‘погребальные скачки’ отражает диалектный вариант (с начальным d-/j-) тюрк. joǰ ‘траур, церемония погребения’.

Zancek = тюрк. ласкательная форма ǰaǰcuk от перс.-тюрк. ǰaǰ ‘душа’.

Esen = тюрк. esen ‘здоровый’.

Inal = тюрк. inal – титул царя, хана у киргизов (Рашид-эддин, Абульгази); «владелец киргизского народа называется inal» <Радлов 1963а: 1441>.

Kwycyk / Kucuk = тюрк. küçük ‘маленький’.

Oyullae = тюрк. oyurlu ‘счастливыи’.

Qajsyn. Ср. тюрк. qajssyn повел. форма 3-го лица от qajt в значении «хорошо!», «да будет так!» <Радлов 1963б: 44>.

Qajtmaz = тюрк. qajtmaz ‘не возвращающийся’.

Qarazaw. Ср. тюрк. qarazā ‘смугловатый’, наращение -w, как в осет. obaw ‘курган’ из тюрк. oba.

Qazan = топоним Qazan ‘Казань’.

Qyrym = топоним Qyrym ‘Крым’.

Saban. Вероятно, укороченное sabančy ‘земледелец’ от saban ‘плуг, пашня’.

Salat. Ср. тюрк. (из ар.) salat ‘молитва’.

Tajmaz (д.) = ‘нескользкий’? ср. тюрк. tai ‘скользить’.

Tuǰan = тюрк. tuǰan ‘рожденный’, также ‘родственник’, причастное образование на -ǰan от tu- ‘рождаться’.

Tuzar. Ср. тюрк. tuza ‘польза, выгода’ и монг. tuzara ‘быть богатым’.

Uǰalyq = тюрк. *uǰallyq от uǰal- ‘понимать’?

В средневековой аланской надгробной надписи из Кубанской области встречается имя Σαχηρ <Абаев 1949: 263>. Оно неотделимо от тюрк. ša:kir ‘thankful’

¹⁰ Гурджибеков (Гурджибети) Блашка Майрансауович (1868–1905) – наряду с Г.Г. Малиевым, один из основоположников дигорской художественной литературы. Является автором целого ряда стихотворений, пьес, переводов, а также составителем словаря архаичных дигорских слов. Погиб в ходе русско-японской войны. Награжден Орденом Святого Владимира IV степени [Бибоева И.Г., Казиев М.Р. Писатели Осетии: библиографический справочник. Владикавказ, 2015. С. 38–40]. – *Прим. ред.*

¹¹ См. тж. топонимы Герменчик, Керменчик. – *Прим. ред.*

[Благодарный. – *Прим. ред.*] <Jarring 1964: 283>. В этой же надписи имя Пакаθар = тюрк., монг. bagatur.

Двусоставные женские имена

Имена на -хан (= тюрк. ханум)

Ѓабæхан ~ (д.) Кјабæхан (ар. Ка‘aba ‘Кааба’);

Давхан (вряд ли из *daγ-хан ‘горская княгиня’; скорее из *daγu-хан, ср. монг. daγu ‘песня’); Dunetxan (dunet¹² – мн. ч. от dune ‘мир’, тюрк. / из ар. / dunja) ‘ладычица миров’; Ezetxan (тюрк. / из перс. / azat ‘свободный?’); Gurзухан (Gurži ‘Грузия’); Коşerxан (евр. koşer, kaşer ‘ритуально/ чистый’); Мусухан (тюрк. / из ар. / Misr ‘Египет’, ср. выше мужское имя Mysyrbi); Zalixан (ср. перс. женское имя Zari от zar ‘золото’).

Иногда хан в первой части имени: Xangwassæ (вторая часть – кабард. gwasä ‘госпожа’); Ханзæriffæ (см. ниже, Zariffæ).

Имена на -quz

Иманquz (тюрк. / из ар. / iman ‘вера’: ‘дочь веры’); Хазуquz (тюрк. / из ар. / хази ‘человек, совершивший паломничество в Мекку’; ср. выше, мужское имя Хазубатур); Харæquz (тюрк. qara ‘смуглый’: ‘смуглая девушка’).

Элемент quz отмечен и в первой части имени: Quzymyðæ; для второй части ср. тюрк. (крым.) middä ‘характер’ <Радлов 1963в: 2161>.

В качестве односоставных женских имен можно привести Zariffæ (= тюрк. / из ар. / zarif ‘изящный, элегантный’), Azaw (ср. топоним Azaw в Балкарии), Wolmes (д.) (у поэта Гурджибекова; ср. тюрк. ülmâz ‘бессмертный?’). Обилие тюркских элементов в осетинской антропонимии (как и в апеллиативной лексике) объясняется длительностью и интенсивностью алано-тюркских контактов. На это указывал уже В. Миллер. К упомянутым им тюркским народам (гунны, авары, хазары, куманы) следует добавить печенегов, волжских булгар, а на Кавказе – балкарцев, карачаевцев, ногайцев, кумыков.

Но одного соседства с тюрками для объяснения «тюркской моды» в осетинской антропонимии (а такая «мода», несомненно, существовала в прошлом) недостаточно. Нужно еще предполагать, что тюркоязычные народы пользовались у алан высоким престижем. О «престижном потенциале» как важном факторе межъязыковых влияний нам уже приходилось говорить в другом месте, в статье «Значение ареальных контактов в истории языка» <Абаев 1977: 8>.

В истории антропонимии любого народа наблюдаются некоторые общие закономерности. Поначалу антропонимия формируется на материале апеллиативной лексики своего языка и, стало быть, этимологизируется внутриязыковыми средствами. Такой была антропонимия предков осетин в скифо-сарматский период <Основы иранского языкознания 1979: 311–315>. Но на каком-то этапе может произойти частичный или полный отрыв антропонимии от собственной апелли-

¹² Т.о., возможное стяжение из *dunjawāt/dunjajāt*. – *Прим. ред.*

тивной лексики и заполнение ее элементами иноязычного происхождения. Открывается принципиально новый период в истории антропонимии данного народа.

Отрыв личных имен от собственной лексической основы, переход на иноязычный материал может быть вызван разными причинами, но он всегда связан с событиями в истории народа.

Таким событием может быть, например, принятие новой религии. Народы, принявшие христианство, полностью или частично расстались со старыми, на собственной национальной основе созданными именами и перешли на «календарные» христианские имена, греческие, латинские и еврейские по происхождению. Так, у русских исчезли имена *Ярополк*, *Святополк*, *Горислава* и т. п., но появились *Иван*, *Василий*, *Георгий*, *Мария* и др. У народов, принявших ислам, антропонимия наводнилась арабизмами.

То же самое происходит, когда народ попадает под господство другого народа и под сильное культурное влияние последнего. Так, у народов Африки мы найдем множество английских, французских, португальских личных имен в зависимости от того, под чьим колониальным господством находилась данная территория.

Но смена антропонимии может быть также результатом чисто внешних контактов с другими народами, если эти народы обладают в глазах данного народа высоким престижным потенциалом. Именно так, видимо, обстояло дело с предками осетин. Они прошли через «тюркскую моду» в своей антропонимии (что антропонимия подвержена моде, это хорошо известно).

С принятием христианства (оно проходило в несколько этапов, начиная с X в.) в осетинский язык вошли календарные христианские имена. Они заметно потеснили «языческую» ономастику, включающую имена тюркского происхождения, но полностью изгнать ее не смогли. Широко практиковалось ношение двух имен: одного официального, паспортного, христианского (часто мало кому известного), другого – обиходного, «языческого».

Еще и сейчас от родителей осетин приходится слышать произносимые не без гордости слова: «Мы дали нашему сыну чисто осетинское имя – *Чермен* или *Инал*». О чем это говорит? Нам думается – о том, что в сознании среднего осетина тюркские имена были более тесно и интимно связаны с национальной традицией, чем календарно-христианские¹³. «Чисто осетинских» имен осталось у осетин немного. Английский иранист Г. Моррисон в статье, посвященной осетинской антропонимии, в разделе “Names of Ossetic origin” приводит дюжину таких имен <Morrison 1951: 79–81>. К ним можно было бы прибавить еще столько же, но не больше.

Как у всякого христианского народа, осетинский ономастикон включает, разумеется, много церковных календарных имен, усвоенных частью через византийское, частью через грузинское посредство. Немало также имен чисто исламских (арабских), причем они встречаются не только у той части осетин, которая приняла ислам, но и у осетин-христиан. Для осетинского характерно множество «детских» и укороченных имен, происхождение которых часто трудно установить.

¹³ Отталкиваясь от календарно-христианских имен, родители-грузины дают нередко сыновьям персидские имена *Гурам*, *Нодар* или *Гиви*, считая их «чисто грузинскими»; а русским кажутся «чисто русскими» скандинавские имена *Игорь*, *Олег*.

Возвращаясь к тюркским элементам в осетинском, мы хотели бы подчеркнуть, что они представляют особый интерес как с точки зрения исторических судеб осетин и их сношений с тюркскими народами, так и с точки зрения диалектологии и истории самих тюркских языков.

В. Миллер отмечал трудность хронологизации тюркских элементов в осетинском. Это в полной мере относится и к антропонимам тюркского происхождения. Первое, что следовало бы сделать, – это отделить доисламский пласт от исламского. Но и это не так просто. Конечно, если имя включает арабский компонент (Alīxan, Safarbeg и др.), то по этому признаку мы уверенно относим его к исламскому периоду. Но отсюда не следует, что все имена, не содержащие арабизмов, относятся к доисламскому периоду.

С вопросами хронологии тесно переплетаются вопросы диалектологии. Когда, например, один и тот же тюркский элемент выступает в осетинских именах то в форме *beg*, то в форме *bi(j)*, – что это? – разные периоды, разные диалекты? или то и другое? Таких и подобных вопросов возникает много. Чтобы на них ответить, нужны глубокие знания по истории и диалектологии тюркских языков, специально по лингвогеографическому распределению тюркских наречий в разные периоды их истории. К сожалению, мы такими знаниями не располагаем.

Литература

- Абаев 1949 – *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. – Т. I. {*V.I. Abayev. Ossetian language and folklore. – Moscow–Leningrad: The Academy of Sciences of the USSR Press, 1949. – Vol. 1.*}
- Абаев 1977 – *Абаев В.И.* Значение ареальных контактов в истории языка // Материалы 5-й региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. – Орджоникидзе, 1977. {*V.I. Abayev. The impact of areal contacts in language history // Materials of the 5th Regional Scientific Session on Historical and Comparative Studies of Ibero-Caucasian Languages. – Ordzhonikidze (Orjonikidze), 1977.*}
- Основы иранского языкознания 1979 – Основы иранского языкознания: древнеиранские языки. [Коллективная монография.] [Всего: в пяти книгах.] – М.: Наука / АН СССР, Институт Языкознания, 1979. {*Fundamentals of Iranian linguistics: ancient Iranian languages. [A collective monograph.] [In 5 books at all, including the latter volumes.] – Moscow: Nauka/The Academy of Sciences of the USSR, Institute of Linguistics, 1979.*}
- Радлов 1963а – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. (/Опыт словаря тюркских наречий В.В. Радлова = Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. Von Dr. W. Radloff. I.) (Ч. 1 и 2.) – М.: Восточная литература, 1963. (Репринтное издание.) {*W. (F.W./V.V.) Radloff (/Radlov). An attempt at a dictionary of Turkic dialects. By W. Radloff. Vol. 1. (Parts 1, 2.) – Moscow: Vostochnaya Literatura [Oriental Literature], 1963. (Reprinted without changes)*}
- Радлов 1963б – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. (/Опыт словаря тюркских наречий В.В. Радлова = Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. Von Dr. W. Radloff. II.) (Ч. 1 и 2.) – М.: Восточная литература, 1963. (Репринтное издание.) {*W. (F.W./V.V.) Radloff (/Radlov). An attempt at a dictionary of Turkic dialects. By W. Radloff. Vol. 2. (Parts 1, 2.) – Moscow: Vostochnaya Literatura [Oriental Literature], 1963. (Reprinted without changes)*}
- Радлов 1963в – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. (/Опыт словаря тюркских наречий В.В. Радлова = Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. Von Dr. W. Radloff. IV.) (Ч. 1 и 2., часть 2 напеч. в 1964.) – М.: Восточная литература, 1963. {*W. (F.W./V.V.) Radloff (/Radlov). An attempt at a dictionary of Turkic dialects. By W. Radloff. Vol. 3. (Parts 1, 2. Part 2 printed in 1964.) – Moscow: Vostochnaya Literatura [Oriental Literature], 1963. (Reprinted without changes)*}

-
- Jarring 1964 – *Jarring G.* An Eastern Turki-English dialect dictionary [Диалектный словарь Восточного Тюрки – Английский]. – Lund: C. W. K. Gleerup, 1964.
- Miller 1903 – *Miller W.* Die Sprache der Osseten [Язык осетин] von Wsewolod Miller // Grundriss der iranischen Philologie: Anhang zum ersten Band. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1903. (In German.)
- Morrison 1951 – *Morrison G.* Ossetic family and personal names [Осетинские родовые и личные имена] // Ricerche linguistiche. – Roma, 1951. – Vol. II. – PP. 79–81.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 3–4 (44–45), pp. 32–44. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 398.3

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-32-44

ПЕРЕЖИТКИ НЕКОТОРЫХ ТАТАРСКИХ ОБЫЧАЕВ У РУССКИХ^{1,2}

Н.И. Веселовский

Для цитирования: *Веселовский Н.И.* Пережитки некоторых татарских обычаев у русских // *Российская тюркология*. 2024. № 3–4 (44–45). С. 32–44. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-32-44.

Remnants of some Tatar customs among Russians

N.I. Veselovskiy

For citation: *Veselovskiy N.I.* Remnants of some Tatar customs among Russians // *Russian Turkology*. 2024. № 3–4 (44–45). P. 32–44. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-32-44.

1. Не здороваться и не прощаться через порог

Широкою распространённостью пользуется у нас, по преимуществу в образованном обществе, старинный обычай не здороваться и не прощаться через порог. Немного находится смельчаков, готовых отвергнуть этот прочно укоренившийся предрассудок, поддерживаемый каким-то безотчетным страхом, очевидно имевшим некогда реальное основание. Никто не задумывался над происхождением этого обычая, а потому никто не предполагал, что в данном случае мы имеем дело с татарским влиянием в виде упорного пережитка.

Обыкновенно думают, что здороваться или прощаться через порог опасно потому, что это может вызвать ссору или какие-либо неприятности между теми лицами, которые так неосторожно поступают.

В Словаре Даля под словом «порог» читаем между прочим: «Через порог не здороваются. Через порог руки не подают. В притолоку молитву заделывают, под порог заговоры кладут. На пороге не стоят. Купцы на пороге в лавке не стоят (покупателей отгонишь). Через порог ничего не принимать – будет ссора».

¹ Перепечатано с: *Веселовский Н.И.* Пережитки некоторых татарских обычаев у русских // *Живая старина*. Год XXI. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912. – Вып. 1. – С. 27–38.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены по современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим ред.*

В этом перечне мною приведены те только изречения, в которых порог представляет угрозу, и опущены все другие с иным значением, как то: без Бога – ни до порога, или: смерть у порога (т. е. близко).

Ясно, что толкование здесь натянутое, что первоначальный смысл обычая утрачен, и этот смысл лежит гораздо глубже, чем обыкновенно предполагают.

Если мы обратимся к первым временам господства монголов и татар, то увидим, что у этих народов порог жилища, т. е. юрты, имел особенное, какое-то мистическое значение: ступить на порог не дозволялось безнаказанно никому ни в каком случае, даже нечаянно; а за нарушение неприкосновенности порога ханского шатра полагалась смертная казнь. Требование не ступить на порог жилища хана неукоснительно предъявлялось в Орде всем чужеземным послам и другим лицам перед тем, как идти на аудиенцию к хану. Некоторые из посланников отметили это необычное требование; но очень жаль, что никто из них своевременно не попытался доискаться его причины, которая, по всей вероятности, тогда была известна татарам.

Раньше других сообщили о пороге послы-монахи, Плато Карпини и Вильгельм Рубрук. Первый в своем отчете о пребывании у монголов говорит о пороге четыре раза. Прежде всего, он коснулся порога при общем перечислении проступков, за которые у татар полагалась смертная казнь, в следующих выражениях: «Точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом», как и подавившегося при еде куском мяса, а именно: под ставкой делают отверстие, вытаскивают виновного через это отверстие и убивают <Плато Карпини, Рубрук 1911: 9>. Во второй раз Плато Карпини упоминает о пороге при представлении послов Коренце: «Взяв дары, они (татары) повели нас к орде, или палатке его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено пред входом в ставку и бережно остерегались ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя» <Там же: 47>. В третий раз Плато Карпини говорит о пороге перед аудиенцией у Батая, когда посланнику было сделано «напоминание о пороге» <Там же: 49>. Наконец, в четвертый раз он заметил о пороге, когда являлся к хану Куюку: «Каждый из нас четыре раза преклонил левое колено, и они внушили нам не касаться внизу порога» <Там же: 55>.

Следует отметить, что Плато Карпини выделяет пороги в жилищах важных особ; но само собою разумеется, что и у простых монголов и татар порог их кибиток не должен был считаться вещью безразличною; только последствия за потревожение у них порога не могли идти так далеко, как у ханов и вельмож.

Особенно интересно свидетельство Вильгельма Рубрука о пороге, потому что у него дело с порогом обошлось не столь благополучно, как у его предшественника. У Рубрука сообщается о пороге три раза. Во-первых, когда Рубрук шел к Сартаку, «они усердно посоветовали нам остеречься при входе и выходе, чтобы не коснуться порога дома» <Плато Карпини, Рубрук 1911: 90>. Во-вторых, при описании одного посещения Мангу-хана: «После этого мы вышли, и мой товарищ остался сзади; и, когда мы были снаружи, он, готовясь выйти сзади нас, повернулся лицом к хану, кланяясь ему, а затем, следуя за нами, споткнулся о порог дома. В то время как мы шли впереди, направляясь с поспешностью к дому

сына хана, Балту, наблюдавшие за порогом наложили руки на моего товарища и приказали ему остановиться и не следовать за нами. Затем они позвали какое-то лицо и приказали ему отвести моего товарища к Булгаю, старшему секретарю двора и осуждающему виновных на смерть. <...> Затем привели моего товарища, и монах сильно бранил его за то, что тот коснулся порога. На следующий день пришел Булгай, бывший судьей, и подробно расспросил, внушал ли нам кто-нибудь остерегаться от прикосновения к порогу. Я ответил: “Господин, у нас не было с собою толмача; как могли бы мы понять?”. Тогда он простил его. После того ему никогда не позволяли входить ни в один дом хана» <Там же: 129, 131>.

Оправдываясь так, монах несколько раз погрешил, потому что и ему самому, и его спутникам было хорошо известно запрещение касаться порога.

В-третьих, В. Рубрук, описывая свое посещение Мангу-хана на другой день после Вербного воскресенья, прибавил: «Товарищу моему они не позволяли идти, так как он наступил на порог» <Там же: 141>.

У Марко Поло по тексту Рамузио, который И.П. Минаев признавал лучшим, относительно порога сказано следующее: «У каждых дверей с обеих сторон, или вернее всюду, где великий хан может быть, стоят два больших человека, словно гиганты, с посохами; они наблюдают, чтобы никто не наступал на порог, а перешагивал через него <...> При выходе же, так как многие подпили и не могут остерегаться, то на это не обращают внимания» <Поло 1902: 130>.

Здесь интересно совпадение показания Марко Поло о том, что при выходе не обращается внимания на порог, с тем случаем, когда один из спутников Рубрука, удаляясь из ханского дворца, нечаянно задел за порог и не был подвергнут наказанию. Значит, наступить на порог при входе в юрту считалось у монголов преступлением более тяжким, чем то же самое деяние при выходе.

Эту особенность татарского этикета отметили и арабские писатели, преимущественно египетские, так как между Египтом и Золотой Ордой существовали очень оживленные дипломатические сношения. Ибн-Абдесзахыр, писатель XIII в., описывая прием послов у хана Берке, говорит: «Никто не топчет ногами порога шатра его» <Тизенгаузен 1884: 64>. То же повторил эль-Муфаддаль <Там же: 192>.

В русских летописях нет никаких указаний на требование не касаться порога; а между тем к русским князьям, ездившим в Орду, и их спутникам это требование должно было предъявляться всего чаще или, вернее сказать, постоянно. С подданными своими татары не церемонились, расправа следовала быстро и без всякой пощады. Понятно, что страшное требование врезалось в память наших предков так прочно, что оно было усвоено ими как свое родное, и в таком виде дошло до наших дней.

Я не буду здесь останавливаться на обрядах, которые не совсем ясно выражены и цель которых недостаточно истолкована. К числу таких я отношу описанный В.М. Черемшанским <Черемшанский 1859: 186–187> черемисский праздник Кугогече – поминовение умерших, когда черемисы готовят много кушаний; они берут несколько больших чашек, корыто и ставят к порогу, а сами садятся за стол и начинают есть, пить и веселиться, между тем по краям пустой посуды налепливают свечи и зажигают, наблюдая притом, ярко ли горят свечи, из чего и заключают о состоянии загробной жизни своих умерших родственников. Потом, когда свечи истеплятся, берут со стола по несколько ложек ка-

ждого кушанья и сливают в расставленную у порога посуду, а также бросают в нее куски хлеба, блины и проч. – что, по просьбе хозяев, должны делать даже и посторонние люди, если тут прилучатся, хотя бы это были русские, татары или другие народы. По окончании этой церемонии, расставленную у порога посуду с яствами выносят на двор и бросают собакам. Считают за хороший знак для умерших, когда собаки, разделяя добычу, грызутся между собою. Затем начинают общее пированье, которое продолжается несколько дней.

В нашей литературе существует замечательный, еще недостаточно оцененный труд ламы Галсан-Гомбоева «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини» <Гомбоев 1859>, составленный с целью осветить данные [второй] половины XIII столетия современными взглядами монголов на некоторые обычаи их. Гомбоев не оставил без внимания и порог: «Порог, и в настоящее время, – заметил он, – находится в каком-то уважении у монголов. Говорят: “не садись на порог, – грех! не пинай порог, – грех!” Если родится уродливое животное, то его разрубает и зарывают под порог, для предотвращения несчастий. Если кто удостоивается чести явиться перед князем или каким-нибудь важным лицом, то говорится: “Перешагнуть золотой порог хана или князя” и проч. Но у монголов не осталось никакого предания для объяснения этого значения порога. Кажется, сначала получил значение только порог хана, и уже впоследствии стали приписывать значение порогам вообще» <Гам же: 237–238>.

Итак, у монголов сохраняется, в виде пережитка, уважение к порогу, только смысл этого предрассудка утратился. Что же касается предположения Гомбоева о том, что первоначально получил значение порог хана, то оно, конечно, не имеет значения, как ни на чем не основанное.

По поводу монгольского обычая зарывать под порогом уродливое животное, можно привести китайское известие о праздниках у киданей: восьмого числа 8-й луны государь убивает белую собаку, голову которой зарывали в 7 шагах от палатки на юг, выставляя зубы. Через 7 дней палатку ставили на том месте, где была зарыта собачья голова <Васильев 1857: 191>.

Если нельзя ступить на порог, то само собою разумеется, невозможно и садиться на него. Действительно, у восточных народов, признающих первое правило, соблюдается равным образом и второе. Воейков, писавший о калмыках, сообщил, что «у калмыков сесть на пороге почитается за ужасное беззаконие» <Воейков 1822: 249>.

Что до появления татар на Руси порог не имел значения какого-то страшилища, это доказать нетрудно. В летописи по Лаврентьевскому списку <Летопись 1872: 174> под 1071 годом приведен следующий рассказ: «В си бо времена, в лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити в Чюдь, и приде к кудеснику, хотя волхвованья отъ него; онъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы в храмину свою. Новгородцю же сѣдѣшу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцепѣвъ (или: оцепенѣвъ), и шибе имъ бѣсъ». Отсюда явствует, что в то время сидение на пороге не связывалось ни с каким суеверным представлением, и порог не содержал в себе понятия запрета.

Почитание порога не есть исключительная принадлежность монголов, у которых вообще было очень мало своего самобытного.

Мне было известно, что запрещение ступать на порог древнее монголов, что оно встречается в классической литературе и связано с шаманскими верованиями.

Еще В.П. Васильев, постоянно доказывавший влияние Китая на кочевников, в статье «Современное положение Азии – китайский прогресс», между прочим, заметил: «Путешественники времен Чингисханидов передают как исключительный монгольский обычай, чтобы вступающий в юрту не наступал на порог. А между тем это предписание встречается в самых древних китайских книгах» [<Васильев 1883: 5>](#).

Поэтому я обратился к нашему китаисту А.И. Иванову, который, как я знал, тоже интересовался этим вопросом, собрать о нем сведения в китайской литературе. А.И. Иванов с редкою готовностью поделился со мною своими сведениями и сообщил мне, что в сочинении «Лун-юй»³ есть выражение: «Он не становился на порог» (X, 4), а в «Цзо-чжуань» сказано: «Женщины, провожая и встречая, не выходят из ворот, не наступают на порог при встрече с братьями». Объяснение такому запрету А.И. Иванов получил от самих китайцев, и оно состоит в следующем. Порог считается местопребыванием бога Ту-шэнь, бога земли, вследствие чего стояние на пороге является оскорблением божества и сулит бедствиями дому. Ту-шэнь охраняет дом от вторжения злых духов, приносящих болезни и бедствия. Для того, чтобы умиловить божество и расположить в пользу обитателей дома, закапывают при постройке глиняную чашку с жертвой божеству, причем на дне чашки пишется знак *фу* – счастье⁴.

Итак, по китайским воззрениям, с порогом соединяется понятие о счастье обитателей дома, в очень широком смысле, а именно: о здоровье и всяком благополучии.

Теперь приведу объяснение из другого источника. Давно интересуясь вопросом о значении порога и не находя ему разъяснения в доступной мне литературе, я не упускал случая обращаться к опросу тех инородцев, у которых запрещение ступать на порог существовало в древности, а отчасти существует и в настоящее время.

³ В оригинальном тексте – Лунь, т. е. Лун в современной орфографии, однако в настоящее время передается как Лунь. – *Прим. ред.*

⁴ О человеческих жертвах духу земли при заложении города я здесь касаться не буду, чтобы не уклоняться в сторону от прямой задачи настоящего исследования, но приведу одно предание о построении Новой Казани, потому что там сообщается интересная подробность. Предание впервые было записано академиком Георги ([<Georgi 1775: 811–813>](#)) и обследовано С.М. Шпилевским ([<Шпилевский 1877: 69 и др.>](#)). Казанский хан Али-бей, узнав, как трудно жителям старой Казани ходить за водой, послал своего наследника с двумя вельможами и с 100 воинов к устью Казанки отыскать лучшее место, и как они об этом согласятся, раскрыть его запечатанное повеление. Они выбрали место нынешней Казани. В ханском приказании значилось, чтобы один из трех посланных, на которого падет жребий, был зарыт живым на выбранном месте. Жребий пал на наследника хана; но его скрыли и вместо него зарыли собаку (построение Новой Казани относят к 804 году хиджры (1402 г. по Р. Х.)). Здесь сообщается, что вместо человека принесено в жертву животное, в чем нельзя не видеть аналогии с монгольским обычаем, описанным Галсаном Гомбоевым, и подобным же у киданей.

По сообщению, сделанному мне киргиз-казакон Перовского уезда Сер-Али Лапиным, у его соотечественников и теперь удерживается запрет задевать порог ногами, и они дают объяснение этому запрету. По их представлению, счастье и благополучие направляются в юрту, как река течет по руслу, и через порог вливаются в жилище. Потревожив порог, можно перебить, прервать русло, и счастье потечет мимо юрты. Господин Лапин привел мне еще одну интересную подробность: старая злая киргиз-казачка, не имеющая возможности по бессилию отплатить за причиненную ей дома обиду, чтобы досадить обидчикам, начинает топтаться на пороге юрты, за что подвергается тяжким побоям.

Это толкование раскрывает нам смысл требования татар всячески остерегаться наступать на порог, что одинаково относится как к жилищу хана, так и к жилищам его подданных; только зло, причиняемое хану, наказывалось высшею мерою наказания, а простолудин, сам ограждавший свой порог, не всегда имел возможность оградить свое право на счастье. Итак, мы видим, что с порогом связано представление о счастье, и этим оправдывается выражение: прибегнуть к *счастливому* порогу.

Если мы сопоставим оба толкования, китайское и киргиз-казацкое, то получим очень ясное понятие о значении порога. Через него вливается счастье в жилище. Любопытно, что в древности у китайцев слово порог 闕 юй состояло из двух соединенных знаков: из *мынь* 門 «дверь» и *хо* 或 «оросительный канал», т. е. и у них как будто существовало представление о потоке счастья, вливавшемся в дверь⁵.

Кажется, у монголов утратилось верование в обитание на пороге благодетельного духа, так как они не одинаково смотрели на задевание порога ногою при входе и при выходе из юрты; но, принимая во внимание основное положение шаманства, что духи обретаются повсюду, мы должны признать, что китайское объяснение сохранило именно первоначальный смысл. Насколько легко забываются причины данного обычая, можно видеть из следующего: Н.Н. Кротков, бывший консул в Урумчи, имевший возможность наблюдать почитание порога местным населением, спрашивал у таранчей, почему они не наступают на порог? Те отвечали: «Шайтан этого не любит». Этот ответ показывает, что таранчи забыли смысл обычая, который продолжают соблюдать, несмотря на принятие ими мусульманства. Под шайтаном мусульмане понимают *злого* духа, не имеющего никакого отношения к порогу, который служит обиталищем *доброму* духу.

Ввиду того, что счастье вливается в юрту рекою, отсюда, может быть, нетрудно объяснить, почему задевание порога изнутри юрты не столь опасно, как задевание снаружи. По представлению шаманистов очевидно, что в первом случае вред слабее, чем во втором, так как счастье уже направилось в юрту; во втором же оно может совсем миновать ее.

Понятию о неприкосновенности порога противоречит, по-видимому, один обычай, соблюдаемый при свадебных обрядах у киргиз-казаков. Этот обычай

⁵ Надо заметить, что 或 имеет в китайском письме некоторые свойства *фонетика*, фонетической части иероглифа-фоноидеогаммы. Поэтому влияние семантики *оросительный канал* в 闕 [упрощ. начерт. — 闕], где смысловым ключом является 門[门], весьма затемнено (неопределенно). — *Прим. ред.*

описан И.И. Ибрагимовым и состоит в следующем: когда жениха ведут к его невесте в кибитку ее отца, что называется *бусага-атмасу* (перешагнуть порог) или *исык-ачу* (открыть дверь), то перед дверью делают различные препятствия, для устранения которых жених должен давать подарки. Бросают бакан, через который не дозволяется перешагнуть; бросают джеле (аркан для привязывания жеребят во время дойки кобыл), и «наконец жених в последний раз дает подарок старухе, лежащей на пороге кибитки; эта старуха называется *кемпыр-ульды* (старуха умерла); так как через мертвое тело нельзя перешагнуть, то жених должен подарком заставить встать старуху» [«Ибрагимов 1872: 137–138»](#).

Ввиду того, что лежание старухи на пороге противоречит всему, нам известному о пороге у тех же кочевников, невольно возникает вопрос о том, вполне ли точно передал Ибрагимов вышеприведенную подробность? Не следует ли предположить, что старуха лежит не *на* пороге, а *перед* порогом? На такую поправку дает, кажется, основание и вся обстановка обряда: по устранении всех препятствий жених должен сам открыть себе дверь в кибитку. Пусть эта дверь будет сделана из куска войлока или камышовой плетенки, все же трудно допустить, чтобы при закрытой двери можно старухе лежать на пороге и быть видимой жениху, и чтобы с этой старухой было удобно переговариваться, не открыв еще двери. Мое предположение находит, кажется, поддержку в статье «Обычаи киргизов Семипалатинской области». Автор статьи, г. П., описывая свадебные обряды названных киргиз, приводит те же подробности, которые изложил и Ибрагимов. Жениху, идущему к невесте, кидают на дороге бакан; затем лежащая на земле женщина изображает ворчащую собаку; наконец, у дверей юрты невесты женщина преграждает путь жениху; за данный подарок она отстраняется [«П 1878: 35–36»](#). Здесь не говорится, что женщина лежит на пороге, но и умершею она не названа. Умершая женщина – «старуха умерла» – является в этой статье не последним, а первым препятствием, раньше бакана. По-видимому, «умершая старуха» поставлена в этом рассказе не на свое место. Таким образом, описанный здесь обряд оказывается не совсем ясным и требует дальнейшего расследования; но порог в этом случае остается свободным, что для меня особенно важно.

Мне кажется, что можно объяснить и другой обычай, связанный с порогом, а именно: прибывание лошадиной железной подковы у порога.

Если мы обратим внимание на замечание ламы Гомбоева, что родившееся уродливое животное разрубают и зарывают под порог, то должны будем признать в данном случае влияние шаманства, которое, с одной стороны, преисполнено страхом перед злою силою враждебных духов, а с другой – сложной системой борьбы с ними. Где существует добро, там присутствует и зло. Если в юрту вливается счастье, то так же может вливаться в нее и несчастье; вот против этого вредного начала и надо принять предупредительные меры. Все они имеют целью устрашить злых духов, которые и являются причиной всех бед человека. Надо сделать порог для этих духов недоступным, что достигалось, по-видимому, зарыванием уродливого животного под порогом. Прямого указания на такое значение обряда я найти не мог и дал ему объяснение, основываясь на шаманских верованиях вообще. Переходя теперь к подкове, я могу утверждать это положение уже решительнее. Злые духи боятся металлов, в особенности железа, поэтому шаман обвешивает свой плащ значительным количеством железных и медных

побрякушек; по той же причине он, во время мучительных и продолжительных родов, бегают вокруг роженицы с обнаженною саблею в руке, думая этим устрашить злого духа, который вселился в больную. Или втыкают в землю саблю с острием к изголовью больной с целью напугать злых духов <Ибрагимов 1872: 129>. У минусинских татар, когда берут ребенка из люльки, то кладут туда железные ножницы, конечно, для того, чтобы злой дух не поселился в люльке.

Заслуживает внимания также и то, что у порога прибивается не первый попавшийся кусок железа, а железо от лошади – подкова. Лошадь в шаманстве имеет, не в пример другим домашним животным, особое значение. На этом я не буду останавливаться, отмечу лишь два примера, которые считаю наиболее характерными. По свидетельству одного исследователя быта якутов, г. Д-ва, когда якут ломает комелек, предмет по древним верованиям священный, то надевает на руки пустые копыта лошади и говорит: «Не я тебя ломаю, а лошадь ломает». Таким образом, мы входим здесь в область шаманского культа.

Другой пример может служить подтверждением этого положения:

У туземцев Северного Кавказа почти всегда можно видеть у засеянного поля лошадиный череп, водруженный на длинный кол, причем сами они видят в этом предохранительное средство от вредных насекомых и вообще от всякого несчастья по отношению к урожаю. Этому языческому установлению, не имеющему оправдания ни в мусульманстве, ни тем более в христианстве, стали подражать и русские соседи адыгейцев. По свидетельству Георги, башкиры привешивают к дереву, где держат пчел, конскую голову для отвращения волшебных оговоров <Георги 1776: 102>.

В своем изложении, как видят читатели, я вовсе не обращался к западной литературе о пороге, которая для моей цели оказалась малопригодной. Все, что я мог извлечь оттуда, заключается в указании, что порог есть местопребывание духа дома или семьи, или божества порога. Для желающих укажу на сочинение Arnold van Gennep «Les Rites de passage» (Paris, 1909), где сделан свод трудов по этому вопросу. Между прочим, там не совсем точно передан один наш обычай: «*Quelquefois la valeur sacrée du seuil se retrouve dans tous les seuils de la maison: j'ai vu en Russie des maisons sur le seuil de chaque chambre* (в этом случае наш автор ошибается: железо прибивается только у порога наружной двери) *desquelles était cloué un de ces petits fers à cheval qui protègent le talon des bottes: or, dans ces maisons, chaque chambre avait son icône*» <Gennep 1909: 33> – “Иногда священное значение порога находит свое обличье по всем порогам дома: мне доводилось видеть в России дома, на пороге каждой комнаты коих было прибито по маленькой подкове, что защищают сапожный каблук: таким образом, в домах этих, у каждой комнаты было по иконе” (здесь и далее перевод наш – прим. ред.).

А общий вывод изложен так: «*En tout cas, pour comprendre les rites relatifs au seuil, il convient de se rappeler que le seuil n'est qu'un élément de la porte, et que la plupart de ces rites doivent être pris au sens direct et matériel de rites d'entrée, d'attente et de sortie, c'est-à-dire de rites de passage*» <Там же> – “В любом случае, чтобы понять обряды, связанные с порогом, следует помнить, что порог – это всего лишь один элемент двери, и что большинство этих обрядов следует понимать в прямом и материальном смысле как обряды входа, ожидания и выхода, то есть как часть обряда перехода (/ посвящения)”.

2. Обычай «качать».

Я не обладаю таким количеством данных, чтобы объяснить татарским влиянием известный у нас обычай качать на руках чествуемое лицо, подбрасывая его вверх; но, по аналогии с другими явлениями нашей старины монгольского периода, готов видеть и в данном случае подражание татарскому церемониалу при избрании хана на царство.

Церемониал этот нам хорошо известен, и состоял он в том, что царевича вместе с женою его сажали на белый войлок, *поднимали вверх*, торжественно и громко провозглашали императором и императрицею всех татар⁶.

Вероятно, так совершался упомянутый обряд, соответствовавший европейскому коронованию, в Золотой Орде, где с ним должны были хорошо ознакомиться наши предки, независимо от поездок русских великих князей в Монголию. В Бухарском ханстве, входившем в состав улуса Джагатая, этот обряд сохранился до последнего времени; нет поэтому основания думать, что в улусе Джучия он не существовал, и ханы возводились на престол иным способом. Отсюда выражение: *хан кютермяк*⁷, т. е. «поднять хана» <Ивестия 1894: 374–380>.

Особенно интересно избрание на ханство Аблая киргиз-казаками около 1770 года: «Разостланы были ковры и войлоки, на коих сели вокруг все присутствовавшие в три и четыре ряда, по старшинству и достоинству, и когда посередине сего собрания занял свое место, на подложенном тонком белом войлоке сам Аблай, то все осыпали его похвалами за храбрость и проворство и пересказывали об одержанных им победах над киргизами других орд и калмыками <...>. По объявлении Аблаю приговора о выборе его в ханы, четверо из знатнейших старшин встали с мест своих и, подняв его на свои головы, опустили на прежнее место. Сему примеру последовали все бывшие в собрании; наконец, сняв с него богатое платье, изорвали на маленькие лоскутки и разделили оные между собою <...>. В заключение подали на больших оловянных блюдах вареное, мелко изрубленное мясо, коего по горсти клал сам Албай⁸ каждому в рот; потом потчевали всех кумысом⁹» <Вестник 1820: 117–118>¹⁰.

Про избрание ханов у киргиз-казаков А.К. Гейнс сообщил, путем расспросов, следующие сведения, относящиеся ко времени русской власти в степи: «Как только определялось, кому быть ханом, то все присутствующие в совете вставали и нового хана подымали на белом войлоке, а стоящая в отдалении толпа, заметив это, пускалась во весь дух верхами и также устремлялась носить или, лучше сказать, качать и таскать нового хана. Шум и смятение делались всеобщими, а войлок, на котором подымался хан, вскоре исчезал, разорванный на мелкие кусочки, так как каждый из присутствующих старался достать хотя незначительный лос-

⁶ Из Сборника Викентия Бовезского (Изъ Сборника Викентія Бовезскаго.) См. <Языков 1825: 41>.

⁷ В <Ивестия 1894: 374–380> – хан кѳтармѳк (خان كوتارمك) «поднимать въ ханы». – Прим. ред.

⁸ В <Вестник 1820: 117–118> – Аблай. – Прим. ред.

⁹ В <Вестник 1820: 117–118> – кумызомъ. – Прим. ред.

¹⁰ Ср. также у Левшина <Левшин 1831: 126–128>.

куток, чтобы, возвратясь домой, засвидетельствовать свое участие в выборе хана» <Гейнс 1897: 95>.

В.П. Сальков, автор книжки «Андижанское восстание в 1898 году» (Казань, 1901), пробывший в Ферганской области десять лет, сделал такое замечание: «В прежнее время здесь в Оше существовал следующий обычай, свято в свое время исполняемый: каждый хан, при восшествии своем на престол в виду всего собравшегося народа, на белом войлоке поднимался кверху, при этом он должен был пустить по стреле во все четыре стороны света в знак того, что он будет обладателем всего видимого мира» <Сальков 1901: 8>. О каких ханах в Оше говорит г. Сальков, я не знаю, равным образом мне неизвестна и подробность о стреле, – последнее сообщение я считаю пока недоразумением; но, как видно, обряд воцарения ханов поднятием на войлоке пользуется в Средней Азии широким распространением.

Русские цари поддерживали этот обряд у себя дома. В царствование Бориса Годунова, по его указу и в присутствии сына боярского был возведен на ханство таким образом Ураз Мухаммед в 1600 году: четыре человека, взявшись за четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана. При этом торжестве присутствовали все от малого до великого, русские и татары <Вельяминов-Зернов 1884: 402, 403, 450>. И много позже, в [второй] половине XVII столетия, ногайских мурз возводили в Астраханское княжеское достоинство при посредстве того же обряда. Сперва боярин говорил мурзе царское жалованье, затем воеводы делали распоряжение сеидам и всем мурзам поднять жалуемого мурзу на епанче или на полсти, по их бусурманскому закону, перед собою на площади <Собрание 1822>.

А.К. Гейнс, описывая обычаи и обряды киргиз-казаков, сообщает, что утром, в определенный для свадьбы день, невесту, сидящую на ковре, носят по всему аулу прощаться с подругами <Гейнс 1897: 90>.

Выходит, следовательно, что и после татарского владычества русские люди могли постоянно и долго наблюдать этот обряд в разных местах и, по свойственной человеческой натуре подражательности, могли усвоить татарский церемониал и применить в своем обиходе. Если мы признаем подобную зависимость, то разгадаем смысл и нашего обычая.

Нелишне заметить, что сами монголы забыли свой древний обряд, и при избрании на ханство в Монголии 16 декабря 1911 г. ургинского Чжибцзун-дамбахутухты не было церемонии вознесения его на войлоке.

Литература

- Васильев 1857 – *Васильев (Васильевъ) В.П.* История и древности северо-восточной части Средней Азии (Исторія и древности сѣверо-восточной части Средней Азии) // Труды Восточного отделения И. Р. А. О. (Труды Восточнаго Отдѣлення Императорскаго Археологическаго Общества.) – СПб., 1857. – Т. IV. {*V.P. Vasiliev.* History and antiquities of the Northeastern part of Central Asia // Proceedings of Oriental Department of the Imperial Archaeological Society. – Saint Petersburg, 1857. – Vol. 4.}
- Васильев 1883 – *Васильев (Васильевъ) В.П.* Современное положение Азии – китайский прогресс (Современное положеніе Азии – китайскій прогрессъ) // Отчет по С.-Петербургскому университету за 1882 год. Актовая речь проф. Васильева. (Годовой Отчетъ по Императорскому С.-Петербургскому университету за 1882 годъ. Актовая рѣчь проф. Васильева.) – СПб.: Тип.

- М.М. Стасюлевича, 1883. {*V.P. Vasiliyev. The modern state of Asia – Chinese progress // An Annual Report of the Imperial Saint Petersburg University, Year 1882. Prof. Vasiliyev's commencement address. – Saint Petersburg: М.М. Stasiulewicz (/Stasyulevich)'s Printing House, 1883.*}
- Вельяминов-Зернов 1884 – *Вельяминов-Зернов (/Вельяминовъ-Зерновъ) В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. (*Издѣлованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ.*) Ч. II. – СПб.: Типография Академии Наук (*въ типографіи Императорской Академіи Наукъ*), 1884. {*V.V. Velyaminov-Zernov. A study on Kasimov Czars and Czarevitches. Part 2. – Saint Petersburg: at Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1884.*}
- Вестник 1820 – Сибирский Вестник. (*Сибирскій Вѣстникъ.*) Ч. IX. – СПб.: Морская типография (*въ Морской Типографіи*), 1820. {*The Siberian Bulletin. Part 9. – Saint Petersburg: at the Maritime Printing House, 1820.*}
- Воейков 1822 – *Воейков А.Ф. (/Воейковъ А.Ф.)* Описание калмыцкого народа (*Описаніе Калмыцкаго народа (продолженіе)*) // Сын отечества. (*Сынъ Отечества.*) – СПб.: Типография Н. Греча (*въ Типографіи Н. Греча*), 1822. – Ч. 75. – № VI. {*A.F. Voyukov. A description of the Kalmyk people (the continuation) // Syn Otechestva. (Son of the Fatherland.) – Saint Petersburg: at N. Gretsches's Printing House, 1822. – Part 75. – No. 6.*}
- Гейнс 1897 – *Гейнс (/Гейнсъ) А.К.* Собрание литературных трудов. (*Собраніе литературныхъ трудовъ.*) Т. I. – СПб.: Типография (*Типографія*) М.М. Стасюлевича, 1897. {*A.K. Heins (/Geyns). A compendium of literary works. Vol. 1. – Saint Petersburg: М.М. Stasiulewicz (/Stasyulevich)'s Printing House, 1897.*}
- Георги 1776 – *Георги И.Г. (/И.Г.)* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. II. О народах татарского племени. Переведено с немецкого. (*Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ. Ч. II. О народахъ Татарскаго племени. Переведено съ Нѣмецкаго.*) – СПб.: Изданием (*Издвденіемъ*) книгопродавца К.В. Миллера, 1776. {*J.G. Georgi. A description of all peoples that inhabit the Russian state. Part 2. On the peoples of Tatar stem. Translated from German. – Saint Petersburg: Sponsored by C.(/K.)W. Miller, the bookseller, 1776.*}
- Гомбоев 1859 – *Гомбоев (/Гомбоевъ) Г.* О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Платона Карпини (*О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣрїяхъ, описанныхъ у Платона Карпини*) / Соч. Ламы Галсан-Гомбоева (*Галсанъ-Гомбоева*) // Труды восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. (*Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.*) – СПб., 1859. – Ч. IV. – С. 236–256; Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. – 1859. – Т. XIII. {*G. Gombojev. On ancient Mongolian customs and superstitions described by Plano Carpini / A work by Lama Galsan-Gombojev // Works of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society. – Saint Petersburg, 1859. – Part 4. – PP. 236–256; Proceedings of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society. – 1859. – Vol. 13.*}
- Ибрагимов 1872 – *Ибрагимов (/Ибрагимовъ) И.И./Ш.М.* Этнографические очерки киргизского народа (*Этнографическіе очерки киргизскаго народа*) // Русский Туркестан. (*Русскій Туркестанъ.*) – М.: Университетская типография (*въ Университетской Типографіи*), 1872. – Вып. II. – С. 120–152. {*I.I. (/Sh.M.) Ibragimov. Ethnographic essays on the Kirghiz people // The Russian Turkestan. – Moscow: at the University Printing House, 1872. – Issue 2. – PP. 120–152.*}
- Известия 1894 – *Заседателей (/Засѣдателевъ) Н.И.* Древний обряд коронования у тюркских народов (*Древній обрядъ коронованія у тюркскихъ народовъ*) // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. (*Извѣстія Общества Археологии, Истории и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.*) – Казань: Типо-литография Императорского Университета (*Типо-литографія Императорскаго Университета*), 1894. – Т. XII. – Вып. 1–6. – С. 374–380. {*N.I. Zasedatelev. An ancient coronation rite among the Turkic peoples // Bulletin of Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University. – Kazan: Typo-lithography of the Imperial University, 1894. – Vol. 12. – Issues 1–6. – PP. 374–380.*}
- Левшин 1831 – *Левшин (/Левшинъ) А.И.* Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсакских орд и степей. (*Описаніе Киргизъ-Казачьихъ, или Киргизъ-Кайсакскихъ ордъ и степей.*) Ч. III. – СПб.: в типографии Карла Крайя, 1832. {*A.I. Levshin. A description of the Kirghiz-Kazak, or Kirghiz-Kaysak hordes and steppes. Part 3. – Saint Petersburg: at the Carl Kray's Printing House, 1832.*}

- Летопись 1872 – Летопись по Лаврентьевскому списку. (*Лѣтопись по Лаврентіевскому списку.*) – СПб.: Издание Археографической Комиссии (*Издание Археографической Комиссіи*)/Типография Императорской Академии Наук (*Типографія Императорской Академіи Наукъ*), 1872. {A Chronicle according to the Laurentian Codex. – Saint Petersburg: The Archaeographic Commission Publication/Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1872.}
- П 1878 – П. Обычаи киргизов Семипалатинской области (*Обычаи киргизовъ Семипалатинской области*) // Русский Вестник. (*Русскій Вѣстникъ.*) – М.: Университетская типография (*Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)*), 1878. – Т. 137. {P. Rites of Kirghizs of the Semipalatinsk region // Russkiy Vestnik (The Russian Bulletin). – Moscow: at the University Press (by M. Katkov), 1878. – Vol. 137.}
- Плано Карпини, Рубрук 1911 – *Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введение, перевод и примечания А.И. Малеина.* – Съ приложениемъ 8 рисунковъ, карты и указаний. (*Иоаннъ де Плано Карпини. Исторія монголовъ. Вильгельмъ де Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны / Введение, переводъ и примѣчанія А.И. Малеина.*) – СПб.: Издание (*Издание*) А.С. Суворина, 1911. {*Iohannes de Plano Carpini (Giovanni da Pian(Plan) del Carpine). Historia (Ystoria) Mongalorum. Guillaume de Rubrouck (Willem van Ruysbroeck). The journey [of William of Rubruck] to the eastern parts of the world / Introduction, translation, and notes by A.I. Malein. – With appendices: 8 figures, a map and indexes.* – Saint Petersburg: A.S. Suvorin's Publishing House, 1911.}
- Поло 1902 – *Минаев (Минаевъ) П.И.* Путешествие Марко Поло: перевод старо-французского текста / Издание Императорского Русского Географического Общества под редакцией В.В. Бартольда. (*Путешествіе Марко Поло: переводъ старо-французскаго текста / Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей В.В. Бартольда.*) – СПб.: Типография (*Типографія*) М.М. Стасюлевича, 1902. {*P.I. Minayev. The Travels of Marco Polo: translated from the Old French text / Publication of the Imperial Russian Geographical Society, edited by V.V. Bartold.* – Saint Petersburg: M.M. Stasiulewicz (*Stasyulevich*)'s Printing House, 1902.}
- Сальков 1901 – *Сальков (Сальковъ) В.П.* Андиганское восстание в 1898 году. (*Сборник статей*) / Издание П.Н. Сальковой. (*Андиганское возстаніе въ 1898 г. (Сборникъ статей) / Изданіе П.Н. Сальковой.*) – Казань: Типо-литография Императорского Университета (*Типо-литографія Императорскаго Университета*), 1901. {*V.P. Sal'kov. The Andijan Rebellion (Uprising) of 1898. (A compendium of articles) / P.N. Salkova's edition.* – Kazan: Typo-lithography of the Imperial University, 1901.}
- Собрание 1822 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел. Ч. III. (*Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Часть Третья.*) – М.: Типография Селивановского (*въ Типографіи Селивановскаго*), 1822. – № 144. {A compendium of state charters and pacts, stored in the State Collegium of Foreign Affairs (*Foreign Affairs Board*). Part 3. – Moscow: at Selivanovskiy's Printing House, 1822. – No. 144.}
- Тизенгаузен 1884 – *Тизенгаузен (Тизенгаузенъ) В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. (*Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды В. Тизенгаузена. Т. I. Извлеченія изъ сочиненій Арабскихъ.*) – СПб.: Издано на иждивеніе Графа С.Г. Строганова, 1884. {*V.G. Tiesenhausen / E.W. von Tiesenhausen. A compendium of materials related to the history of the Golden Horde Vol. 1. Extracts from Arabic works.* – Saint Petersburg: Sponsored by Count S.G. Stroganov, 1884.}
- Черемшанский 1859 – *Черемшанский (Черемшанскій) В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. (*Описаніе Оренбургской губерніи въ хозяйственно-статистическомъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніяхъ.*) – Уфа: Типография Оренбургского Губернского Правления (*въ Типографіи Оренбургскаго Губернскаго Правленія*), 1859. {*V.M. Cheremshanskiy. A description of Orenburg Governorate in economic-statistical, ethnographic and industrial aspects.* – Ufa: The Printing House of Orenburg Governorate Headquarters, 1859.}
- Шпилевский 1877 – *Шпилевский (Шпилевскій) С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. (*Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники в Казанской губерніи С.М. Шпилевскаго.*) – Казань: Университетская типография (*Въ Университетской Типографіи*), 1877.

- Языков 1825 – *Языков (Языковъ) Д.И.* Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам, в XIII, XIV и XV столетиях. I. Пано-Карпини. II. Асцелин. (*Собрание путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ, въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. I. Пано-Карпини. II. Асцелинъ.*) – СПб.: Типография Департамента Народного Просвещения (*въ Типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія*), 1825. {*D.I. Yazykov. A compendium of travels to the Tatars and other Oriental peoples, in the 13th, 14th, and 15th centuries. I. Plano Carpini. II. Ascelin. – Saint Petersburg: at the Printing House of the Department of Public Education, 1825.*}
- Georgi 1775 – *Georgi J.G.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. II. (*Zweyter*) Band [Заметки о путешествии в Российскую Империю в 1773 и 1774 гг. Том II]. – St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1775. (In German.)
- Gennep 1909 – *van Gennep, A.* Les Rites de passage. Étude systématique des rites <...> [Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов]. – Paris: Librairie Critique/Émile Nourry, 1909. (In French.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 45–50. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 398.541

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-45-50

КИРГИЗСКАЯ И КАЗАНСКО-ТАТАРСКАЯ ВЕРСИИ ХРИСТИАНСКОГО СКАЗАНИЯ О СЕМИ СПЯЩИХ ОТРОКАХ^{1, 2, 3}

Н.Ф. Катанов

Для цитирования: Катанов Н.Ф. Киргизская и казанско-татарская версии христианского сказания о семи спящих отроках // Российская тюркология. 2024. № 3–4 (44–45). С. 45–50. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-45-50.

Kyrgyz and Kazan Tatar versions of the Christian legend of the Seven Sleepers of Ephesus (/holy Seven sleeping youths)

N.F. Katanov

For citation: Katanov N.F. Kyrgyz and Kazan Tatar versions of the Christian legend of the Seven Sleepers of Ephesus (/holy Seven sleeping youths) // Russian Turkology. 2024. № 3–4 (44–45). P. 45–50. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-45-50.

Небезызвестно, что христианское сказание о семи спящих отроках, память которых совершается дважды в год: 4 августа и 22 октября, распространено по разным странам, как в Европе, так и Африке и Азии: это сказание из восточных народов до сих пор замечено у коптов, сирийцев, арабов, эфиопов, армян, турок, персов, сартов и татар; оно проникло даже в Китайский Туркестан, где его тамошние мусульмане, говорящие по-тюркски, приурочивают к городу Кара-ходжа, находящемуся близ городов Турфана и Логучена. Отроки уснули, по христианскому сказанию, в царствование нечестивого Декия, имя которого у мусульман

¹ Доложено в общих собраниях Общества Археологии, Истории и Этнографии 20 декабря 1897 г. и 18 декабря 1898 г.

² Перепечатано с: Катанов Н.Ф. Киргизская и казанско-татарская версии христианского сказания о семи спящих отроках // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. – 17 февраля 1906 г. – Т. XXI. – Вып. 4. – С. 382–388.

³ В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены по современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим ред.*

изменилось в Декиянус и даже Дакиянус⁴. И в Китайском Туркестане, и в Русском имя Дакиянуса в большом ходу у мусульман: ему приписывается возведение разных лежащих ныне в развалинах городов и отдельных построек, архитектура которых отличается от современной архитектуры русских, китайских и сартских построек; ему же приписываются и разные немусульманского происхождения монеты с изображениями царей, например, монеты греко-бактрийские. Русские ученые путешественники, которым не доводилось читать подлинных туземных сказаний о Дакиянусе, транскрибировали имя этого царя разно: Регель⁵ – Такианус, Н.И. Веселовский⁶ – Доку Юнус, а Г.Е. Грум-Гржимайло⁷ – Дакэ Янус и т. п. Что же касается имен отроков, то они в устах народных являются также искаженными. Откладывая сравнительных обзор разных восточных версий христианского сказания о семи эфесских отроках до другого раза, я ограничусь приведением здесь одной казанско-татарской и одной киргизской версии в русском переводе. Перевод последней, присланный мне действительным членом Общества Археологии, Истории и Этнографии Н.Н. Пантусовым⁸ и исполненный Фаз-

⁴ Как можно заметить, в мусульманской традиции лучше сохранилась латинская морфология – от лат. и.п. *Decianus*, или, возможно, точнее, *Dacianus*, *Datianus*. *E* – вероятное следствие контаминации с именами имп. Траяна Деция – *Traianus Decius*, в чью эпоху происходит действие. – *Прим. ред.*

⁵ Василий Эдуардович Регель (1857–1932) – российский и советский историк-византист, профессор. Окончил ист.-филологич. ф-т Петербургского ун-та. В 1898 г. избран чл.-корр. Имп. Академии наук; в 1918–1925 гг. ректор Воронежского ун-та. Редактор «Византийского временника» и один из главных представителей «золотого века» русского византиноведения [*Медведев И.П.* Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006]. – *Прим. ред.*

⁶ Николай Иванович Веселовский (1848–1918) – российский и советский археолог, востоковед, с 1890 г. проф. Петербургского ун-та. Вел раскопки древних городов Средней Азии, в т. ч. городища Афрасиаб. Раскопал сотни курганов на Ю. и Ю.-В. России (среди них богатейшие курганы Солоха и Майкопский). Кроме того, работал в области истории русской исторической науки [Большая советская энциклопедия (В 30 т.). Т. 4. М., 1971. С. 569 (1695)]. – *Прим. ред.*

⁷ Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (Грум-Гржимайло) (1860–1936) – российский и советский географ, исследователь Средней и Центральной Азии, заслуж. деятель науки РСФСР (1928), в 1920–31 гг. вице-президент Географич. Общ. СССР. В 1884 г. окончил естеств. отд.-е физ.-мат. ф-та Петербургского ун-та. Читал курс страноведения Азии в вузах Ленинграда. В 1884–87 гг. путешествовал по Алаю, Памиру, Тянь-Шаню, Кашгарии, Каракоруму («Очерк Припамирских стран» (1886), «Памир и его лепидоптерологическая фауна» (1890)); в 1890 г. возглавлял экспедицию в Центральную Азию («Описание путешествия в Западный Китай» (т. 1–3, 1896–1907)); в 1903–14 гг. совершил ряд экспедиций в Западную Монголию, Туву, на Дальний Восток и в др. районы («Описание Амурской области» (1894), «Западная Монголия и Урянхайский край» (т. 1–3, 1914–30)) [Большая советская энциклопедия (В 30 т.). Т. 7. М., 1972. С. 401 (1190–1191)]. – *Прим. ред.*

⁸ Николай Николаевич Пантусов (1849–1909) – выпускник Петербургского ун-та (1871), востоковед, тюрколог, археолог, этнограф; с 1903 г. чл.-корр. Рус. ком. для изучения Средней и Восточной Азии. Один из первых издателей сборников фольклора уйгуров

лутдином Шарыповичем Забировым, пржевальским купеческим сыном, гласит следующее:

«В старину под словом Ром подразумевалось обширное, присоединившее к себе много земель, царство, которое получило свое имя от одного из храбрых правителей. Некогда царствовал правитель по имени Дакиянус, обладавший многочисленным войском. Дакиянус воевал раз с одним правителем и пленил 6 его сыновей. Дакиянус считал себя за Бога, Богом признавали его и все подданные; пленных детей он также стал принуждать к признанию его Богом. – Однажды 2 кошки, разодравшись между собой, как-то попали в его комнату через дымовую трубу. Дакиянус, увидев это неожиданно, сильно испугался; заметив его трусость, вызванную обстоятельством, не стоящим внимания, они сейчас же отреклись от него и не стали признавать его за Бога. – Вслед за тем, посоветовавшись друг с другом, они бежали, чтобы поискать истинного Творца. Отправившись в путь, они подошли к одной деревне, где им повстречался пастух, пасший баранов. Пастух спросил у них, куда они идут; на это они отвечали, что идут искать истинного Творца. Услышав это, пастух опять спросил: “Разве Дакиянус – не Бог?” На это те отвечали: “Если Дакиянус – Бог, то почему же он испугался двух кошек, попавших в его комнату через дымовую трубу?” Пастух попросил их подождать один час, чтобы сдать баранов хозяину; сдавши баранов, он присоединился к ним и пошел вместе с ними. У пастуха была одна собака-овчарка, по имени Китмир; самих детей (отроков) звали: Ямлиха, Максильмина, Маратунис, Манитунис, Сарфунис и Зуануанис, а пастуха Кафиситтинунис. Дети сказали пастуху, чтобы он не брал собаку с собой, так как она очень просто их выдаст. Вследствие такого предложения они избili собаку и переломили ей даже одну ногу, чтобы она от них отстала, но она не отставала и, наконец, по воле Божией она заговорила по-человечески: “Если вы нуждаетесь в истинном Боге, то неужели я не нуждаюсь?” Услышав это, они взяли собаку на руки и пошли с нею дальше, пока перед закатом солнца они не подошли к одной пещере, куда и вошли, чтобы переночевать. Господь низвел на них такой сон, что они проспали без просыпу 309 лет. По воле Божией, архангел Гавриил ежемесячно переворачивал их с боку на бок, а другой ангел брил им волосы и обрезывал ногти. – Дакиянус, узнав о бегстве шестерых детей, следом отправился за ними в погоню; он проследил их до вышесказанной пещеры, которая показалась ему как бы провалившейся и задавившей детей. Увидав это, он сказал бывшим с ним спутникам: “Вот они отреклись от меня, не считая меня Богом, за это они и наказаны, следовательно, я – Господь!”. Затем он отправился к себе домой. – По истечении 309 лет они проснулись и удивленно спрашивали друг друга, сколько времени они спали, но никто этого не знал. Проголодавшись от продолжительного сна, они велели старшему из своей среды Ямлихе сходить крадучись на базар и купить там хлеба, причем предупреждали его никому не показываться, так как в противном случае, если узнают, то правитель опять станет склонять к своей вере или же

[Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX вв.): информац. ресурс / Ред. коллегия: Т.Н. Жуковская, А.Ю. Дворниченко, Е.А. Ростовцев, И.Л. Тихонов. СПб., 2016–. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/1847-pantusov-nikolay-nikolayevich.html> (дата обращения: 10.11.2025)]. – *Прим. ред.*

убьет. Ямлиха, пришедши на базар, подошел к одному хлебнику (пекарю) и, взяв у него хлеб, для расплаты подал монету. Хлебник, увидав монету, сказал Ямлихе: “Ты, наверно, нашел где-нибудь клад, так как монета чекана Дакиянуса теперь уже не в ходу, как запрещенная”. Пекарь повел Ямлиху к начальнику города, а этот в свою очередь представил его к царю, имя которому было Естыка и который сам был из мусульман, как и все его подданные. Когда Ямлиха был представлен, царь предложил ему несколько вопросов, и тот рассказал всю происшедшую с ним историю, т. е. сообщил, что никакого клада он не находил и что он пришел из пещеры, в которой спал не знает сколько времени. Царь очень удивился такому чудесному рассказу и приказал собраться всем своим ученым, из которых один передал, что в одной старинной исторической книге он читал, как в царствование правителя Дакиянуса бежали 6 человек пленных детей, спасаясь от этого царя, и как они были задавлены в одной пещере. Услышав это, царь попросил Ямлиху показать ему пещеру и товарищей. Когда они (царь, свита и Ямлиха) подъехали к пещере, то Ямлиха предложил царю постоять в сторонке, пока он доложит товарищам, чтобы, в противном случае, они не испугались. Ямлиха вошел в пещеру; царь, не дожидаясь его возвращения, слез с лошади и подошел поближе к пещере, но подле самой пещеры лишился чувств; когда же он пришел в себя, то увидал пред собой окаменелую собаку и закрывшуюся уже пещеру. Не добившись своей цели, царь отправился домой. – Есть предание, что, по словам иудеев, их было 4 или 5, но Бог открыл их число Мухаммеду. Однако как иудеи, так и мухаммедане не вполне знакомы с настоящим положением дела».

В дополнение к этой киргизской версии, доставленной Н.Н. Пантусовым, приведу извлечение из одной казанско-татарской книжки, озаглавленной «Фáзу’н-наджáт»⁹ и сочиненной стихами в 1180 г. хиджры, т. е. в 1766 г. по Р. Х. В Казани эта книжка издавалась много раз. В издании 1895 года, напечатанном в университетской типографии, на страницах 75 и 76 говорится кое-что и о семи спящих отроках. Так как названная книжка в большом ходу также у сартов и у киргиз, то я счел необходимым привести здесь и то место книги «Фáзу’н-наджáт», где говорится об этих отроках.

«Однажды Мухаммед сидел и сообщил следующий рассказ: Был один известный своим богатством и могуществом царь, имя его было Дакиянус. Он не имел ни милосердия, ни стыда, был жесток с утра до вечера как по отношению к вельможам, так и по отношению к простонародью. Опустошил он много земель и разорил много народу. В то время было несколько друзей, которые все задумали бежать. На дороге им встретился один пастух, который спросил их, куда они идут. Они рассказали ему о себе всё. Пастух выслушал их и удивился. Была у него особенная собака, имя ее было Кытмыр. Пастух, ничуть не медля, последовал за ними. Они били её, но она от них не отставала. Пошли они все вместе и, нашедши пещеру, поселились в ней. Пролежали они в ней без ущерба 300 лет. – Некоторые говорят, что их было 6, считая и собаку, некоторые – 7, а некоторые – 4–5.

«Имя каждого из них имеет особенное свойство: Кто будет произносить их имена чистосердечно или только держать их при себе, тот достигнет исполнения своих желаний, будет сам невредим, будет одерживать победу, ему самому и ро-

⁹ فوز النجات

дителям его будут прощены грехи, не будет он иметь печалей и болезней, несчастий и скорбей. Кто с утра до вечера будет носить эти имена при себе, тот будет жить долго и счастливо. Кто будет читать их утром и вечером, тому Бог простит его грехи, тот в воде не утонет и в огне не сгорит. Если эти имена написать на бумажке, а бумажку вложить в хлопок и хлопок бросить в огонь, то огонь сейчас же потухнет. Если эти имена будут в имуществе, то его не похитят ни вор, ни вода, ни огонь. Если эти имена написать на щепке и щепку привесить к хлебу, то этого хлеба не тронет саранча. Если эти имена написать на бумажке и бумажку привязать к левому боку беременной женщины, то роды у нее будут легкие. Вообще эти имена облегчают человеку достижение желаний. Нужно писать не только имена юношей, но и имя собаки Кытмыр: Ямлиха, Максильмина, Юнус, Кешафутут, или Кешафут, Табиувис, Азарфатиунус и Юванус».

На хромолитографированной таблице, составленной и напечатанной Мухамед-Джяном Халиулловичем Худжа-Сейидовым [жителем Царевококшайского уезда Казанской губернии] в 1901 году в литографии Казанского Университета, имена отроков написаны несколько иначе, именно: Ямлиха, Максильмина, Машлина, Марнуш, Дабарнуш, Шазнуш и Кефаштатиуш, а имя собаки Кытмыр. Эта таблица – большого формата: длиною в 71 сантиметр и шириною в 53 сантиметра; напечатана она, с целью украшения жилищ и охранения их обитателей и имуществ, в количестве 10 000 экземпляров. У казанских татар эта таблица именуется обыкновенно «Асхâби кагф¹⁰ исмляре хасиятляре-илян»¹¹ «имена обитателей пещеры со свойствами их имен». – В таком же громадном, а иногда еще большем, количестве издается ежегодно и другая литографированная таблица, называемая просто «ду’алык»¹² – «собрание молитв». Одна из таких таблиц составлена Лютфуллою ‘Атауллиным и на счет Шемсуддина Хусеинова напечатана им в 1897 и 1900 годах в литографии Казанского Университета. Вся таблица имеет размер: в длину 46 ½ сантиметров и ширину 37 ½. В этой таблице собраны разные спасительные молитвы, которые по мере надобности вырезаются и прикрепляются там, где от них ожидается та или другая польза, то или другое действие. На правой стороне таблицы помещается обыкновенно кружок с диаметром в 3 сантиметра; в этом кружке помещены имена 7 отроков и их собаки в том самом начертании, в каком эти имена встречаются на таблице татарина Худжа-Сейидова. Названный кружок, вырезанный из таблицы, прикрепляется к платью, имуществу, хлебу или прямо к рубахе и защищает вещи от воров, воды, огня и пр., а человека от грехов и разных напастей, как было замечено выше. Таким образом, мы видим, что казанско-татарские таблицы содержат в себе гораздо больше чудных свойств, чем те индульгенции, которые с разрешения Папы продавались в начале XVI века доминиканским монахом Иоганном Тецелем¹³ и которые

¹⁰ Современная передача – кахф или кяхф. – *Прим. ред.*

¹¹ اصحاب كهف اسملى خاصيتلى ايلان

¹² دعائق

¹³ Иоганн Тецель (Tetzel) (ок. 1465–1519) – проповедник родом из Саксонии; распространитель индульгенций, которым приписывалось значение, превосходящее значение обряда крещения; известен как оппонент Мартина Лютера [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (/Энциклопедический Словарь.) (В 86 т.). Т. XXXIII. Термические

спасали человека только от грехов, да и стоили много дороже, чем татарские таблицы, продающиеся от 3 до 8 копеек.

Имена семи отроков и их собаки гравированы у казанских татар также на перстнях, поясных пряжках и печатях; имя Кытмыра, написанное на адресной стороне письма, сохраняет письмо от утраты и равносильно русской надписи «заказное». У русских имена и изображения эфесских отроков считаются спасающими от бессонницы и гравированы чаще всего на змеевиках.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 3–4 (44–45), pp. 51–61. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.3

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-51-61

К ВОПРОСУ О ДЕШИФРИРОВАНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ МОНГОЛЬСКИХ ИЛЬ-ХАНОВ^{1,2}

С.А. Козин

Для цитирования: *Козин С.А.* К вопросу о дешифрировании дипломатических документов монгольских иль-ханов // *Российская тюркология*. 2024. № 3–4 (44–45). С. 51–61. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-51-61.

To the issue of decoding Mongolian il-khans' diplomatic records

S.A. Kozin

For citation: *Kozin S.A.* To the issue of decoding Mongolian il-khans' diplomatic records // *Russian Turkology*. 2024. № 3–4 (44–45). P. 51–61. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-51-61.

(Представлено Институтом востоковедения)

Более чем столетняя история изучения дипломатических писем иль-ханов хорошо известна.

После многочисленных трудов по точнейшей репродукции их текстов, переводу и комментированию (Abel-Rémusat, акад. Я. Шмидт, Pauthier, Feer, Chabot, R. Vopararte, А.М. Позднеев, В.Л. Котвич, Б.Я. Владимирцов, И.А. Клюкин) в прошлом, 1933 г., этому же вопросу вновь посвятил две свои работы известный монголист, действительный член Польской Академии Наук, Dr. Wł. Kotwicz: 1) *Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début de XIV siècle, odbitka z dzieła zbiorowego «La Pologne au VII Congrès International des Sciences Historiques»*, Varsovie, Soc. Polon. d'histoire, 1933 (Lith. I), и 2) *En marge des lettres des il-khans de Perse retrouvées par Abel-Rémusat*, Lwów, 1933.

Внимание его к этому вопросу было привлечено еще в 1922 г., в связи с обнаруженными в Ватиканском архиве разными документами по сношениям с мон-

¹ Перепечатано с: *Козин С.А.* К вопросу о дешифрировании дипломатических документов монгольских иль-ханов // *Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук.* – М.–Л., 1935. – № 7. – С. 645–655.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены по современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим ред.*

голами, в том числе и письма императора Гуюка, привезенного в 1247 г. папе Иннокентию IV Плано Карпини <Записки 1925: 342–344>.

Находя, что со времени опубликования их Abel-Rémusat письма эти и до сего дня не дешифрованы с достаточной точностью и требуют в некоторых деталях новой интерпретации, автор предложил тогда несколько своих поправок, привлекая, по-видимому, внимание к данному вопросу и других исследователей (И.А. Клюкин, М.А. Богданов и Б.Я. Владимирцов). За всем тем, по мнению В.Л. Котвича, в этих памятниках все еще оставалось «значительное число малопонятных слов и выражений».

Между тем важность этих исторических документов, и в особенности письма Öljeyitü, составленного весной 1305 г., «до сих пор недостаточно оценена и цель его составителя не понята, вследствие чего последние историки, как L. Cahun и R. Grousset, больше и не упоминают об этом письме».

Дело, конечно, в переводе Я. Шмидта, который в сущности не подвергался коренной ревизии; ее-то и предпринял В.Л. Котвич в первой из названных работ, установив по атласу Бонапарта транскрипцию писем иль-ханов Arḡun'a и Öljeyitü (1289 и 1305) и предложив новый их перевод с многочисленными лингвистическими и историческими к ним комментариями.

Вторая работа посвящена исключительно письму Öljeyitü и развитию аргументации в пользу основанного на этом документе тезиса автора, заключающегося в том, что монголы в начале XIV столетия были инициаторами идеи всеобщего мира. Впрочем, наилучшую аргументацию автор находит в самом письме Öljeyitü, которое, в наивозможно адекватном переводе, он вставляет в раму не столько исторических фактов, сколько исторических оценок различных эпох из жизни монгольских народов, как современных памятнику, так и предшествующих и последующих.

В.Л. Котвич суммирует выводы историков прошлого века о том, что Чингисхан «бросил объединенному под его властью монгольскому народу гордый лозунг объединить все страны и все народы земли в единую монархию»; что монголы «уверовали в такое именно изволение Неба, их верховного божества, которое избрало их для осуществления этого предприятия», и их своего рода религиозный фанатизм явился той «мощной силой, которая на самом деле создала такую мировую империю, какой никогда не видало человечество ни ранее, ни впоследствии».

В организованной ими империи монголы «устанавливают правопорядок, единообразную администрацию, исправляют причиненные войнами разрушения, восстанавливают промышленность и торговлю, восстанавливают и поддерживают культурное общение с отдаленнейшими странами древнего мира», – и все это в таких масштабах и с такой энергией и результатами, которые дают действительное основание для выдвинутого в последнее время в Европе исторического термина *Rex Mongolica* для характеристики первого полувека Монгольской империи. После междоусобий второй половины XIII столетия единство империи монголам удастся установить лишь на федеративных началах. К этой эпохе относится именно документ иль-хана Öljeyitü, который безуспешно предлагал правительствам Западной Европы примкнуть к внутримонгольскому пакту взаимной гарантии мира, устанавливавшему общую акцию против нарушителей мира, нашему агрессорам.

Наконец, возрождение той же универсальной монгольской государственной идеи может быть, по мнению автора, усмотрено в гигантских планах Тимура (1370–1405), Эсены (1439–1454) и Бабура (1525–1530).

Текст документа и его французский перевод (последний даем по-русски) устанавливаются в следующем виде:

1. Ölzejtü sułtan üge manu 2. Iridüwerens sułtan-a. 3. Ärteneče ta бүрин 4. Wireñüd irgen-ü sułtad 5. manu sajin 6. älinček sajin 7. äbüge sajin 8. äčige sajin 9. аҫа-dur amirałdužu хола бар bögesü ojira metü 10. sedkižü alibar üges-ijen öčizü ilčín-ijen äsen-ü 11. belegüd-ijen ileldügsed-i jaуу ändekün ta? Edüge 12. tñri-jin kücündür 13. bida jeke or-a saууsán-dur uridus sajid 14. äbüge sajin 15. äčige sajin 16. аҫа-juban žrtу žasaу-i busi ülü botуan belen žasaу - 17. - san möži uridus sajid-lуа ž-a kemeldügsen-i 18. ülü talbin anda-уауар metü sedkižü urida-qijaca ülemži 19. amrałdužu ilčín-ijen ileldün aja kemen sedkižü an buju ba 20. bida аҫанар degüner мауун ҳараčius-un tašij-a üges-ijer 21. dor-a хоҷарулаңазу бүлегеi edüge 22. tñri-de sedkil ögdežü, 23. Temür-ҳауан Тоутоуа Cabar, Тоу-a terigüten, 24. bida 25. Cingis-ҳауан-u uzuу-ud döčín tabun od-ača inаysi - 26. -da čimaduł-caуsán-i edüge 27. tñri-de ibegdežü бүрин аҫа degü жоқилдузу naran 28. урууҳи Nangijas-un уаžар-ača abun тау dalaj-dur 29. күртеle uлуs barılдуžu zamud-ijan uјауулаbai, 30. Bidan-u жауур-a ken буši sedkibesü бүриjer anu degere 31. ömerin bajij-a kemen üge barılдubaj edüge 32. manu sajid 33. äbüge sajid äčige sajin аҫа-dur amrałduysan 34. josu tanu ker talbiҳun kemežü äde Mamıу Tuman хоҫар-i 35. ilebei tanı olan Wireñüd-ün sułtad-i бар ҳамtu 36. жоқилдуҳу amuj kemen öčigdebei ünen-kü жоқилдуҳуј-ača 37. sajin jaуun аҳуј edüge 38. bidan-dur ba tandur бар ülü жоқилдуҳун-i 39. tñri-jin kücün дүр бүриjer deger-e anu ömerin bajijуји 40. tñri medetügeј bičig manu doлуан жауud дөрben od - 41. tur moуaj žil žun-u terigün sara-jin najman 42. ҳаууčid-ta Alijana бүкүј-dür bičibeј³.

Перевод

«Мы, султан Ölzejtü, обращаемся со словом нашим к Иридуверенс (Roi de France):

Все вы, султаны народов франкских, почему забываете вы, что, живя с давних пор в дружественных отношениях с нашим благородным прадедом, с нашим благородным дедом, с нашим благородным родителем и с нашим благородным старшим братом; и мысля так, как если бы вы находились близко, хотя вы и были далеко, вы обменивались посольствами и поздравительными подарками, чтобы осведомляться о всяких новостях.

Ныне, вступив на трон, мы предполагаем не изменять указов и распоряжений наших предшественников: нашего благородного прадеда, нашего благородного деда, нашего благородного родителя и нашего благородного старшего брата; не только не игнорировать договорных условий с прежними правителями провинций, которые обладали законченной организацией, но сохранять их как принятое на себя обязательство и жить (с вами) в отношениях еще более дружественных, чем прежде, и так же обмениваться посольствами.

Мы, старшие и младшие братья, из-за клеветнических речей дурных подданных потерпели много вреда.

Ныне мы, Темур-каган, Токтога, Чабар, Тога и другие потомки Чингис-хана, мы получили от Неба внушение, умирили, благодаря покровительству Неба, взаимные упреки

³ Транскрипция Wł. Kotwicz'a.

(которые длились) до сего времени целых 45 лет, объединили наше государство (улус) от восхода солнца до моря Талу и приказали соединить наши почтовые сообщения.

Мы взаимно связаны словом, что если некогда кто-нибудь из нас будет думать иначе (т. е. будет интриговать), то все мы общими силами будем защищаться против него.

Ныне подумавши: как пренебречь вашим обычаем жить в дружественных отношениях с нашим благородным дедом, с нашим благородным родителем и нашим благородным старшим братом, мы послали к вам Мамалага и Тумана.

Мы осведомлены, что вы, многочисленные франкские султаны, все живете во взаимном согласии. И поистине, что может быть лучше согласия?

Если бы ныне кто-либо не стал жить в согласии с нами или с вами, тогда силою Неба мы будем защищаться против него, да ведает то Небо.

Наше письмо написано в 707 году, году змеи (1305), 8-го дня последней декады 1-го летнего месяца, во время пребывания в Alijan'-e».

С своей стороны вполне разделяя соображения В.Л. Котвича о важности этого документа, вскрывающего с полной отчетливостью внутривосточную и международную программу монгольских правительств начала XIV столетия, я хотел бы предложить поэтому несколько незначительных поправок к тексту документа, смысл и значение которого В.Л. Котвичем установлен, по-видимому, окончательно.

Обращаясь к вступительной части документа (строки 1–2), необходимо отметить, прежде всего, ничем не обусловленную замену непосредственного значения глагола *endekü* – «заблуждаться, ошибаться, потерять» – второстепенным значением – «забывать» (*oublier*), в то время как глагол этот в обеих формах (и в переходной, и в непереходной) требует *accusativ'a*⁴ и тем самым допускает развитие последнего и в дополнительное предложение, образованное посредством *accusat. participii* (... то что ~ в том что...).

Независимо от этого, в данном случае, быть может, было бы полезно учесть отмеченную Н.Н. Поппе <Поппе 1931: 97> особую причастную форму, образуемую из *nomen futuri* + *n* и обладающую значением «некоторой ненаверности имеющего совершиться».

Эта парадигма равным образом свойственна и монгольскому литературному языку и, в частности, именно языку Юаньской эпохи, фрагменты которого можно проследить также и в эпических пассажах таких позднейших памятников, как *Aġtan tobġi*. В последнем памятнике встречаем, например: «*Aġbatan ġerig minu, sonosoġdaġun ta!*» <Позднеев 1900: 112> – «Верноподданные войска мои, да внемете вы!» Отмечаемая в грамматиках монгольского письменного языка как простая разновидность *particip. futuri*, форма эта может быть здесь, так же как и в разговорном, выделена в особый вид *particip. potentiale*.

В таком случае вступительный абзац документа представится в следующем виде:

«Какая же ошибка может быть в том, что все вы, султаны франкских народностей, с давних пор были дружелюбны к нашим благородному Прадеду, благородному Деду, благородному Родителю и благородному Старшему Брату нашему; что вы мыслили как

⁴ *ġam endekü ~ ġam edegürekü*.

близкие, хотя и находились далеко; всячески передавали свои речи и взаимно обменивались послами и приветственными подношениями, – все вы».

Замечание В.Л. Котвича по поводу «*уауи endekün ta?*» о том, что «в нашем письме налицо тенденция формирования личных окончаний, как это мы видим не только в наречии монголов, но и калмыков и бурят», замечание это справедливо, по-видимому, лишь в отношении окончательных форм. В данном же случае с особенной ясностью вскрывается еще и некоторая эмфатическая роль личных местоимений, которая сближает их с такими, иногда и фонетически близкими, другими финальными эмфатическими частицами, как, например: *kü, ele, le, buia, ŋu, čü, da* и т. п.

По вопросу о формулах «*sayin (sayid) elinčeg*», «*‘sayin ebüge’*, «*‘sayin ečige’*, «*‘sayin аха’*» надобно отметить, что при передаче их следует слова «Прадед», «Дед», «Родитель», «Старший Брат» предполагать написанными с именных букв. Затем слова «благородный Родитель» и т. д. едва ли адекватны в данном случае термину *sayin* или *sayid*, употребляемому как атрибут, по-видимому, безразлично в отношении всех царственных предков, только, как правило, с большой буквы. Тогда как не в качестве атрибута, а самостоятельно то же слово *sayid* (с маленькой буквы) употреблено в обычном значении его – сановники, сановники-гранды, владетельные феодалы (ср. в строке 17 документа).

В применении к предкам государя, в дипломатическом документе *sayin – sayid* может значить: 1) добрый, доброй, блаженной памяти; 2) благородный (ясно-) вельможный, славный, владетельный, державный и 3) императорское титулование, соответствующее европейским *majesté’*, величество, высочество и т. п.

Слово *sayin – sayid* нуждается еще в доследовании, если не как феодальный, то как титульный дипломатический термин.

В дальнейшем совершенно верно, на мой взгляд, дана интерпретация выражению «*дога хо̄сарӯл̄ча̄ју* (строка 21) *bülegei*» в смысле антитезы такому выражению, как, например, «*degere bōхu*» – «*être en haut, être meilleur*».

Но такая именно антитеза, не подмеченная, однако, содержится, по моему мнению, и в самом документе (строки 31 и 39) и составляет, по-видимому, центральный тезис всего документа.

Трактовка сочетаний «*ану deger-e*» и «*deger-e ану*» (<Kotwicz 1933: 38>) в смысле наличия здесь «переходного момента, когда язык, не освободившись еще от своей старой конструктивной формы, пытается уже создать новую», не представляется достаточно убедительной, ввиду ее зависимости от не совсем правильной интерпретации глагола *ömerikü*.

Дело в том, во-первых, что не только один Голстунский⁵, но также до него и Ковалевский⁶, а за ним и Позднеев⁷ засвидетельствовали это слово в своих лек-

⁵ Голстунский Константин Федорович (1831–1899) – российский востоковед татарского происхождения, стоявший у основ российского монголоведения; с 1865 г. член Восточного отделения императорского Русского археологического общества. Много работал над составлением словарей, в частности, трехтомного монгольского-русского словаря, учитывающего калмыцкую лексику и буддийскую терминологию. По заказу Синода переводил на монгольский язык богослужебные книги. Вместе со студентами Петербург-

сических материалах: Ковалевский под более литературным его изображением – ömögerekü <Ковалевский 1844–1849: 538> и Позднеев – в калмыцкой транскрипции, ömögriqü, причем последний <Позднеев 1911: 40> показывает лишь второстепенное, отдаленное его значение «выхватывать, вырвать», а Ковалевский приводит и достаточную фразеологию, удостоверяющую в том, что ömögerekü есть именно глагол, транзитивный, невзирая на частицу ge~gi, которая, видимо, и подала повод к ошибке. Транзитивность ömögerekü непререкаемо свидетельствуется таким, например, местом из Гесер-хана: «Lama-yi ömerem geküle... čima-yi ömerem geküle...» <Schmidt 1836: 32>.

Затем окончательно решает вопрос самая этимология слова, восходящая к ötüne + irekü, т. е. к обычным в монгольском синтаксическим комплексам, как, например, abči irekü ~ асагахи, и дающая в результате *verbum transitivum* на тему «выступать вперед для защиты (кого-нибудь – accusat.) своим телом».

Но в таком случае в комбинациях «degere ömerin bayıya!» (строка 30) и «degere anu ömerin bayıxu-yi...» (строка 39) degere и будет тем *assusativ*'ом, кото-

ского ун-та регулярно совершал экспедиции в калмыцкие степи, пополняя тем самым калмыцкий рукописный фонд библиотеки ФВЯ. Исследования К.Ф. Голстунского обнаружили существенные различия между разговорным и книжным вариантами калмыцкого языка [Шагинян А.К. Голстунский Константин Федорович. – URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/531-golstunskiy-konstantin-fedorovich.html> (дата обращения: 30.11.2025)]. – *Прим. ред.*

⁶ Ковалевский Осип Михайлович (1800/1801–1878) – востоковед, чл.-корр. ИАН, один из основоположников монголоведения в России. Изучал классическую филологию в Виленском ун-те; работал в Казанском ун-те, в 1855 г. стал его ректором. Позднее стал деканом историко-филологического ф-та Варшавской Главной школы (с 1869 г. – Императорский Варшавский ун-т). Совершил длительные поездки в Монголию и Китай. Разрабатывал методику преподавания монгольского языка, исследовал его грамматику. Составил монгольско-русско-французский словарь. Кроме того, стал одним из первых ученых, попытавшихся создать детальное описание буддийской философии [Носов Д.А. Осип Михайлович Ковалевский. – URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=414 (дата обращения: 30.11.2025)]. – *Прим. ред.*

⁷ Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920) – выдающийся монголовед. В 1876 г. окончил кафедру монгольского языка факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского ун-та. В том же году был зачислен в состав экспедиции Г.Н. Потанина в Западную Монголию. По окончании работы экспедиции остался в Монголии и вернулся в университет лишь в 1879 г. Директор Восточного института (1899–1903), член Совета при Министерстве народного просвещения (1903–1917). Во время пребывания в Монголии (1876–1879) собрал обширный этнографический материал, предметы буддийского культа, рукописи и ксилографы, сделал фотографии и эстампажи эпиграфических памятников. В 1880-е гг. занимался устройством народных училищ в калмыцких степях. Для этого совершил ряд поездок, в результате которых собрал значительный материал по языку, быту, фольклору и литературе калмыков. В последние годы жизни вернулся к преподавательской и экспедиционной работе [Носов Д.А. Алексей Матвеевич Позднеев. – URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=455 (дата обращения: 30.11.2025)]. – *Прим. ред.*

рый здесь ожидается. Однако и в первом, и во втором случае частица винительного падежа, как обычно, отсутствует во избежание плеоназма при логической очевидности *accusat.*, а во втором случае – также и ввиду обычного поглощения ее в *accusativ'*е притяжением.

Что касается затем самых притяжательных частиц, то возможно, что мы присутствуем здесь при еще недостаточно установившейся традиции строгого разграничения часто очень сближающихся, и логически и фонетически, категорий местоимений притяжательных, личных (*anu, inu*) и безличных, т. е. возвратных (*-ban, -yan, -yan*). Тем более, что, очевидно, уже и в раннюю эпоху монгольского письменного языка безличные притяжания чувствовались уже как омертвевшие до степени простых суффиксов с темой, восходящей, несомненно, к *beue(n) | > | -ben, -iyen, -gen* и т. д., и точно так же, как и в настоящее время, служили только графическими показателями местоименной категории. Возможно поэтому допустить, что в памятниках более поздней эпохи, при достаточно прочно сложившейся дифференциации личных и безличных притяжательных показателей, мы бы имели вместо поставленного «*büriyer anu*» – *büri-iyer-iyen* (строка 30) и вместо «*degere anu*» – *degere-ben* (строка 39).

Впрочем, уже самая возможность сочетания «*anu degere*» подлежит в данном случае большому сомнению: предлог (последлог) *degere* в транзитивном значении «на» требует винительного падежа, тогда как *anu* есть родительный. Этот же последний потребовался бы лишь при недопустимом и недопускаемом здесь значении *degere* – «сверх», «поверх», «кроме»⁸.

Возвращаясь затем к вопросу о передаче выражения «*dor-a xočaručaju*» (строка 23) посредством «*nous étions frappé d'un tort*», необходимо отметить, что, являясь по существу правильной, такая передача все же по необходимости далека от точности. Дело в том, что и здесь мы, по-видимому, имеем дело с одним из своеобразных, присущих языку кочевого народа способов выражения пространственно-временных отношений, как, например, общеизвестные «сзади» ~ «к северу»; «спереди» ~ «с юга»; «позади» ~ «в будущем» и т. д.

«*Dora xočaručaju*» буквально значит «в н и з у отстали» вместо нашего «позади отстали». Очевидно, в языковом сознании кочевого народа «отстать» ассоциируется более с рядом «низ-верх», чем «спереди-сзади»; отставать как бы предполагается «внизу», под горой, а не на ровном месте. Тем более, что с понятиями «сзади», «спереди» связаны вышеуказанные иные ориентировочные представления.

Однако трудность адекватной передачи этого непередаваемого на европейские языки выражения мало озабочивала бы, если бы не следующая в дальнейшем своего рода антитеза его – «*degere ömerin bauiya!*», которая включена в дважды повторяемый основной тезис документа.

Итак, «*dora xočaručaju bülüge*», т. е. «внизу отстали» или, в переносном смысле, «в низкое, низменное впали», «долу вращались» – противопоставляется выражению «*degere ömerin bauiya!*», т. е. «высокое, возвышенное будем защищать».

Замечательно, что антитеза в выражениях *doora xočaraхи* и *degere ömerikü* восходит и к самой этимологии этих двух глаголов, совершенно параллельной по

⁸ Ср. у Ковалевского <Ковалевский 1844–1849: 1745, 1746>.

методу словообразования *хоёогахи*, как и вышепоказанное *degere ömörükü < ömüne* и *irekü* – «заступиться», есть синтаксический комплекс, так же составленный из *хоуиши* и *irekü* > *хоёогахи*, «поздно прийти», «опоздниться», «опоздать», «отстать». Так что и в данном случае нет возвратной частицы *га*, а налицо лишь *radix* глагола *ire-*. Антитеза: «вниз были» – «верхнее оборонять будем».

При этом стоящее в тексте «*хоёогауцайу бүлегеи*», быть может, обладает одновременно двумя залогообразующими частицами: побудительной – *γul ~ uul* и совместной – *йса*. При наличии же здесь одной только частицы совместного залога правильнее было бы написать *хоёогайцайу*. В таком случае *хоёогауцайу* надо бы понимать как *хоёогауцайцайу*, т. е. «мы все вместе допустили отстать внизу».

Как бы то ни было, выражение это употреблено в документе не в прямом его значении, а в переносном: составитель документа хотел констатировать общеизвестный факт имевшего место в Монгольской империи культурного застоя, отсталости из-за продолжительных взаимных распрей правителей отдельных областей.

Знаменательным представляется факт, что и в настоящее время строители новолитературного монгольского языка при передаче термина «культурная отсталость» пользуются тем же самым глаголом *хоёогахи* в одной из его именных форм. Например, «*kocorsonoo pokozı*» ~ «ликвидируя свою культурную отсталость», *хојимдају хоёооγдаγсан yabudal-i uruγši debši-gülkü* – *idem*⁹.

Наконец, следуя традиции грамматик А. Бобровникова и В.Л. Котвича, я предпочитаю при передаче второй повествовательной формы, для выражения свойственного ей оттенка мысли, присоединять что-нибудь вроде нашего «как известно», «заведомо», «бывало». Этот метод, по моим наблюдениям, в громадном большинстве случаев оправдывает себя при передаче текстов не только ранней эпохи монгольского письменного языка, но и позднейших.

Таким образом, следующая за вступлением часть документа представилась бы в следующем виде:

«Ныне мы, силою Неба вступив на великий престол, пребываем в намерении: ни в чем не изменять правительственных установлений наших предшественников – благородного Деда, благородного Родителя и благородного Старшего Брата; (равным образом) не только оставить неприкосновенными, но и блюсти как клятву договорные (их) обязательства с прежними (туземными) владельцами самоуправляющихся областей; (а также) быть со всеми в еще большем, чем прежде, дружелюбии и обмениваться послами. (Так мыслим) Мы.

Мы, старшие и младшие братья, как ведомо, впадали в низменное (пребывали внизу, культурно отставали) из-за лукавых речей дурных холопов.

Ныне же – Небо внушило (такие намерения) – Мы потомки Чингиз-кагана, во главе с Темур-каганом, Тогтога, Чабар'ом и Тога, которые целых 45 лет и до сего дня причиняли друг другу обиды, ныне, вспомоществуемые Небом, совершенно примирились (как подобает) братьям; и, объединив государство, начиная от восхода солнца, от Нань-цзя'ской¹⁰

⁹ См. <Поппе 1932: 86; Neyigem jirum-un jam 1930: 115>.

¹⁰ 南守 «Нань-цзя» – «Южные Дома» (семья, династии), т. е. Южный или собственный Китай (в китайском литературном стандарте *цзя* в значении *дом* – 家 – прим. ред.).

земли до моря Тэлю-далай, приказали связать и пути сообщения. И мы обязались между собою словом в том, что если кто-либо из нас умыслит иное, то всеми силами всех из них, (вышепоименованных) будем защищать Высшее (т. е. Небом внушенное Согласие)».

А так как и в заключительной части документа повторяется основной его тезис уже как вывод из предыдущего изложения и вместе с тем как искусно брошенный призыв, то она приняла бы, после вышеупомянутой поправки и нескольких новых замечаний, оговоренных ниже под текстом, такой вид:

«Ныне, помышляя о том, как же можно было бы пренебречь¹¹ вашим бывшим взаимным миролюбием¹² к Нашим предкам, – благородному Деду, благородному Родителю и благородному Старшему Брату, послали Мы вот этих двоих: Мамлага и Туман'а.

Относительно вас, франкских султанов, наслышаны были, что и вы все намерены¹³ жить в согласии.

И воистину, есть ли (другое) благо, кроме Согласия?

Ныне призываем Небо в свидетели того, что силою Неба готовы всемерно защищать Высшее из них (благ) в том случае, если возникнет несогласие, будь то у Нас, или же у вас».

Приведенные выше поправки представляются мне тем более приемлемыми, что они лишь в большей полноте раскрывают основную мысль документа, столь обстоятельно освещенную историческими и филологическими исследованиями В.Л. Котвича, мысль о том, что в эпоху Гулагидов монголы действительно пытались осуществить всемирную федерацию народов и государств.

Этот огромный важности факт в истории средневекового мира, вынуждающий к поискам и раскрытию его социально-экономических предпосылок, должен привлечь наше внимание, прежде всего, к тщательной ревизии хотя бы наличных источников для истории Юаньской династии.

В заключение считаю необходимым остановиться на географическом обозначении Тафу Дафай (строка 28), по поводу которого В.Л. Котвич ограничился следующим замечанием <Kotwicz 1933: 45, прим. 49>: «Море Талу должно было составлять западную границу владений монголов, но ни звук слова, ни его смысл ничего в данном случае не уясняют. Можно принять также чтения: Daфу, Telü, Delü. Abel-Rémusat, а по его почину и другие, читал Тафу и полагал, что это должно быть Ур м и й с к о е о з е р о. Однако Эдуард II Английский, резюмируя письмо Öljeütü и следуя без сомнения информации, полученной от послов, говорит о море, к сожалению, не называя его имени. Совершенно, однако, достоверно, что в данном случае речь идет не об озере Урмии, но, скорее, об одном из великих морей: Каспийском, Черном или Средиземном».

¹¹ Ker talbixun || уагун endekün (в 11 строке) – та же форма *nomini potentialis*, о которой сказано выше.

¹² «amraǰduγsan yosu tanu», где *yosu* можно рассматривать как суффикс для образования сложных имен, соответствующих нашему -изм, -ие. Ср., например, новейшее образование вроде «ебхамту-yin yosu» – «коммунизм»; «neyigem jirum-un yosu» – «социализм» и т. д.

¹³ jökilduγu amui есть *futurum compositum*, а не *praesens*, который был бы jökilduγu amui.

Вполне присоединяясь к последнему заключению, я предлагаю, однако, читать Telü (Telüü ~ Telegü – 海拉爾), т. е. «вытянутое», «пространное», «огромное в длину» море¹⁴.

Слово telüü в разговоре почти синонимично с асујим ~ иујим ~ asuru, asuru уеке. При этом, насколько известно, к Каспийскому морю, как и вообще к морям внутреннего бассейна, монголы прилагали термин tenggis (騰吉思). В частности, Каспийское море в современную памятникую эпоху называлось у китайцев – несомненно, по монгольской традиции – Хуань-тянь-ги-сы (Koan tien-kis)¹⁵.

Таким образом, название Telü ~ Telüü Dałai может относиться только к Средиземному или Черному морям, или к обоим вместе как к единому бассейну. Вероятнее же всего, монголы в юаньскую эпоху называли так именно Средиземное море: идущий от классической традиции европейский термин Méditerranée для людей Востока, близких к культуре Средней империи, мог звучать и слишком парадоксально, и слишком притязательно.

Май 1934 г.

Литература

- Березин 1855 – Березин И.Н. Нашествие Батыя на Россию (/Нашествіе Батыя на Россію) // Журнал Министерства народного просвещения. (/Журналь Министерства народнаго просвѣщенія.) – СПб.: Типография Академии Наук (/въ типографіи Императорской Академіи Наукъ), 1855. – Ч. LXXXVI. – № 5. – Отд. II. (/II. Отдѣленіе.) – С. 79–114. {I.N. Berezin. Batu Khan's invasion of Russia // Journal of the Ministry of Public Education. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1855. – Part 86. – No. 5. – Section 2. – PP. 79–114.}
- Записки 1925 – Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук. Том I. – Л.: РАН; Главнаука; Госиздат, 1925. {Notes of the College of Orientalists at the Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1. – Leningrad: RAS; Glavnauka; Gosizdat, 1925.}
- Ковалевский 1844–1849 – Ковалевский (/Ковалевскій) О.М. Монголо-русско-французский словарь. (/Монгольско-Русско-Французскій словарь.=Dictionnaire Mongol-Russe-Français.) В 3 т. – Казань: Университетская типография (/въ Университетской Типографіи), 1844–1849. {O.M. Kovalevskiy. A Mongolian-Russian-French Dictionary=Dictionnaire Mongol-Russe-Français. In 3 vols. – Kazan: at the University Printing House, 1844–1849.}
- Позднеев 1900 – Позднеев (/Позднѣевъ) А.М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания <...>. С предисловием проф. Н.И. Веселовского. (/Монгольская хрестоматія для первоначальнаго преподаванія <...>. Съ предисловіемъ проф. Н.И. Веселовскаго.) – СПб.: Типография Императорской Академии наук (/Типографія Императорской Академіи наукъ), 1900. {A.M. Pozdneyev. Mongolian reader for elementary teaching <...>. (/A Mongol reading anthology for primary teaching [compiled by A.M. Pozdneyev.] With a preface by Prof. N.I. Veselovskiy. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1900.}
- Позднеев 1911 – Позднеев (/Позднѣевъ) А.М. Калмыцко-русский словарь. (/Калмыцко-Русскій Словарь.) – СПб.: Типография Императорской Академии наук (/Типографія Императорской Академіи наукъ), 1911. {A.M. Pozdneyev. Kalmyk-Russian dictionary. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1911.}

¹⁴ Не имелось ли в виду вытянутое Адриатическое море, столь значимое в достигнутой порубежности? См. *последнее море* и монгольские действия в пределах современной Хорватии и, шире, – Западных Балкан. – *Прим. ред.*

¹⁵ См., например, у Березина <Березин 1855: 17>.

- Поппе 1931 – *Ponne H.H.* Практический учебник монгольского разговорного языка (Халхаское наречие). – Л.: ЦИК СССР/Издание Ленинградского Восточного Института имени А.С. Енукидзе, 1931. {*N.N. Poppe.* A practical handbook of colloquial Mongolian (the Khalkha dialect). – Leningrad: Central Executive Committee of the USSR/Publishing House of A.S. Yenukidze Leningrad Institute of Oriental Studies, 1931.}
- Поппе 1932 – *Ponne H.H.* Учебник монгольского языка. – Л.: ЦИК СССР/Издание Ленинградского Восточного Института имени А.С. Енукидзе, 1932. {*N.N. Poppe.* Mongolian language handbook. – Leningrad: Central Executive Committee of the USSR/Publishing House of A.S. Yenukidze Leningrad Institute of Oriental Studies, 1932.}
- Kotwicz 1933 – *Kotwicz Wl.* En marge des lettres des il-khans de Perse[,] retrouvées par Abel-Rémusat [На полях писем персидских иль-ханов, найденных Абель-Ремюзá] // *Collectanea Orientalia.* – Lwów: [s.l.], 1933. – Nr. 4. (In French.)
- Neyigem jirum-un jam 1930 – Niigem zuramiin (/zuramiin) zam. (/ᠨᠡᠶᠢᠭᠡᠮ ᠵᠢᠷᠤᠮᠢᠨ ᠵᠠᠮ) Mongol Aradiin Kubiskalta Namiin Төв Корооноос гурбан долоо коног dutam nigen udan keblen niiteleke ulastəriin ba ediin zasagiin sedkuul. (/Нийгэм журмын зам (сэтгүүл).) [Путь к социализму. Политико-экономический трехнедельник Центрального Комитета Монгольской Народно-Революционной Партии]. – Улан-Батор–Хото, 1930. – № 1–2. {Neyigem jirum-un jam = Niigem zuramiin (/zuramiin) zam = ᠨᠡᠶᠢᠭᠡᠮ ᠵᠢᠷᠤᠮᠢᠨ ᠵᠠᠮ = Нийгэм журмын зам = Niyigem zhurmyn (/jurmyn) zam.= The Path to Socialism. Political and Economic Triweekly of the Central Committee of the Mongolian People’s Revolutionary Party. –Ulaanbaatar–Hoto, 1930. – No. 1–2.} (In Khalkha Mongolian.)
- Schmidt 1836 – *Schmidt I.J.* Die Thaten des Vertilgers der zehn Übel in den zehn Gegenden, des verdienstvollen Helden Bogda Gesser Chan: eine mongolische Heldensage: nach einem in Peking gedruckten Exemplare. (/,die Thaten Gesser Chân’s u. s. w.“) [Подвиги исполненного заслуг героя Богды Гессер хана, истребителя десяти зол в десяти странах; героическое предание монголов, с напечатанного в Пекине экземпляра./Подвиги исполненного заслуг героя Богды Гессер хана, истребителя десяти золъ въ десяти странахъ; геройское преданіе Монголовъ, съ напечатаннаго въ Пекинѣ экземпляра.] (/*«Подвиги Гэсэр-хана и т. д.»*) – St. Petersburg: Gräff; Leipzig: Voss, 1836. (In German and Mongolian.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 62–74. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 398.3

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-62-74

ШАМАНСКИЙ КАМЕНЬ «ЯДА́» У ТЮРКОВ ЗАПАДНОГО КИТАЯ^{1,2}

С.Е. Малов

Для цитирования: Малов С.Е. Шаманский камень «яда́» у тюрков Западного Китая // Российская тюркология. 2024. № 3–4 (44–45). С. 62–74. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-62-74.

The shaman stone “yada” among the Turkic peoples of Western China

S. Ye. Malov

For citation: Malov S. Ye. The shaman stone “yada” among the Turkic peoples of Western China // *Russian Turkology*. 2024. № 3–4 (44–45). P. 62–74. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-62-74.

I. Вводные замечания

Главное содержание этой статьи составляет изложение и частично перевод двух рукописных книжек-тетрадок о камне «яда́» и о самой церемонии «яда́», к которым прибегают с целью низведения дождя при бездождии, а также снега, бури, холода – в несоответствующие для этого времени года. Эти две тетрадки-рисале приобретены мной во время моего второго путешествия по Западному Китаю в 1913–1915 гг. Одно рисале приобретено в г. Урумчи; оно происходит из Керийского оазиса, т. е. из южной части Китайского Туркестана. Это рисале является в настоящей статье как бы основным, и к нему делаются добавления и пополнения по другому рисале, из г. Аксу, полученного мною от шамана Таира-Моллы, который во время моего пребывания в Аксу в феврале 1915 г. разъяснил мне устно многое о шаманстве и этих рисале.

В первый раз с шаманским обычаем низведения дождя у тюрков (а именно – среди казанских татар) я познакомился в свои студенческие годы, в 1901 г., когда я с целью изучения языка и быта татар посетил весьма просвещенного муллу в деревне Чукры – Аланово, б. Свяжского уезда, Шихб-ед-дина Азизовича Рах-

¹ Перепечатано с: Малов С.Е. Шаманский камень «яда́» у тюрков Западного Китая // Советская этнография. – М.–Л., 1947. – № 1. – С. 151–160.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены по современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим ред.*

метуллины, автора многих календарей, учебников русского языка и пр. Летом, в засушливый день, население этой деревни собралось утром вне деревни на берегу реки. Здесь было моление о дожде. Были врыты в землю котлы, в которых варилась, припоминаю, каша. Мулла читал молитвы – стихи из Корана, после чего каша была роздана присутствующим, и они ее ели. Народ разошелся по домам, и началась обычная жизнь. Но я был предупрежден, что в течение всего остального дня молодежь окачивает водой каждого встретившегося ей человека на улице. Этот обычай вместе с жертвенной кашей является шаманским средством низведения дождя в засушливое время.

Хорошая статья проф. Кепрюлю-заде М. Фуада под названием «Дождевой камень “ят” и “я” у древних тюрков в шаманстве», представляющая собой краткое содержание доклада, читанного его автором в 1923 г. в Париже на Конгрессе по истории религии и напечатанная в 1925 г. в Стамбуле, в I выпуске IV т. серии «Сборник литературного факультета Университета», избавляет меня от историко-литературных справок об этом молении с камнем «ядá». На мою долю осталось то, чего нет в этой статье, а именно – не сведения о том, кто, когда и где упоминал об этом обряде, а изображение хода самой церемонии по обычаям тюрков Восточного Туркестана. В виде нелишнего дополнения помещаю здесь некоторые сведения об этой церемонии (не только по Китайскому Туркестану) из литературных данных.

Профессор Кепрюлю сообщает в названной выше статье <Köprülüzade 1925: 4>, что самое старое известие о «ядá» имеется у Абу-Долефа Мисри, но можно привести здесь и более ранние данные. Так, С. Brockelmann в *Volkskundliches aus Alturkestan* (см. <Brockelmann 1925>) пишет, что древние известия о «ядá» имеются в хронике неизвестного сирийского монаха VII в. в описании событий при патриархе Элиасе из Мерва.

Приведу стих об облаке и дожде из гадательной книги VIII–IX вв. тюркско-рунического письма: «...говорят: человек был печален, а небо было облачно. Между ними вошло солнце. Среди печалей пришла радость! Так знайте: это хорошо! Говорят: шло серое облако. Оно пролилось над народом. Шло черное облако. Оно пролилось над всеми! Злаки созрели, выросла трава. И скоту и людям было хорошо. Так знайте: это хорошо!»³.

Сведения о «ядá» в XI в. имеются у Махмуда Кашгарского. Из Хара-Хото имеется сирийское молитвенное обращение (XII–XIII вв.) о даровании дождя. В нем повествуется о всех ужасных последствиях засухи: земля и все ее плоды иссохли, поля погибают, быки мычат на опустевших пастбищах, земледельцы изнывают на бесплодной земле. Далее следуют мольбы о дожде: народ должен покаяться, омыться от преступлений и грехов и пр. <Пигулевская 1940: 219>.

Об обычае «ядá» есть упоминание у историка Рашид-Эддина (XIV в.) и у китайских писателей, сообщавших сведения о тюркских и монгольских племенах.

³ Статья Томсена <Thomsen 1912>.

Так, найманы в одну из войн с Чингиз-ханом «сделали волхование, чтобы пошел снег и буран. Значение волхования есть то, что читают заклинания и кладут в воду камни из разных сортов...» **<Березин 1868: 127; ср. 293>**.

Китаец Си Юй Вынь-дзянь-лу⁴ сообщает, что камень «ядá» бывает синего, желтого, телесного, белого, зеленого и темного цвета. Находят его в желудке коров и лошадей; родится также в хвосте ящериц, в голове кабанов, а в желудке их – лучший.

Когда тюрки Восточного Туркестана молятся о дожде, то привязывают безоар на таловый прут и ставят в чистую воду: непременно бывает дождь. Если молятся о вёдре, то кладут безоар в мешочек и привязывают к лошадиному хвосту. Если молятся о прохладе, то кладут его в мешочек и привязывают к своей пояснице. На все эти случаи имеются заклинания или молитвы. Тюрки (Западного Китая), торгоуты, летом, во время дальних путешествий часто употребляют его (т. е. камень) для удаления жары. Таковы сообщения китайца.

В фольклоре тюркских племен нашего Союза есть много упоминаний о волховании в отношении погоды и о камне «ядá», но самое совершение этой церемонии в полном смысле слова уже отсутствует. Например, нухинские татары собирались на моление о дожде где-либо у русла высохшей реки. Моление совершалось по-мусульмански, а затем приносились мешки и камни. Каждый молящийся брал в руку камень и, прочитавши над ним шепотом небольшую арабскую молитву, бросал затем камень в мешок. Другой молящийся делал то же. Полные мешки с камнями уносились, и камни высыпались в русло той безводной реки, около которой совершалось моление. (Сведение это записано мной 26 ноября 1924 г. от азербайджанца, слушателя Туркологического семинария.) Есть упоминание о «ядá» в фольклоре киргиз, алтайских тюрков, якутов и др. Так, у киргиз имеется упоминание о «ядá» в поэме «Манас» **<Манас 1939: 23>**. В киргизском (ср. в других тюркских языках) языке есть слова: «джайчы» – заклинатель, вызывающий изменение погоды с помощью «джай таш»; «джайла» – вызывать изменение погоды при помощи того же камня⁵.

Приведу несколько примеров о «ядá» из фольклора алтайских тюрков, из «Аносского сборника»: «Сестра Ермен-Чечен простерла обе ладони: с неба пал белый снег глубиной до головы лошади, сделался жестокий мороз» (из сказки Алтай Бучый⁶, стр. 3). В примечании к этому месту сказано: «Ермен-Чечен совершает обряд... “ядá”». «Конь Темчи-ерен гривой и хвостом сделал “яду”: спустил с неба белый снег глубиной до головы лошади» (стр. 14). Далее: «Держа кверху обе ладони, творил “ядá”. Спустил вихрь, ветер, спустил песочный буран» (стр. 159). Или: «(Ару-Мандай) протянул руку, стал делать джаду. Спустил (с неба) снегу глубиной до половины (роста) деревьев» (стр. 227) **<Никифоров 1915; Потанин 1917: 67>**.

⁴ См. **<Иакинф 1829: 214>**. (Современная передача названия источника – 西域聞見錄; традиционное написание – 西域聞見錄 – Сиюй Вэньцзяньлу ‘Запись увиденного и услышанного на Западе, букв. [в] Западной области’. Автор сочинения – 七十一 [Ци-Ши-И], цинский чиновник XVIII в. – Прим. ред.)

⁵ Ср. у монголов **<Козин 1935: 186–187>**; еще: **<Шейбаниада 1849: 5–7 примечаний>**.

⁶ Современное написание – Алтай-Буучай. – Прим. ред.

Много сведений об этом шаманском камне имеется в фольклоре якутов, называющих его «сата». Якуты находили этот камень в желудке или печени коровы, лося, лошади, глухаря. По словам якутов, если показать этот камень солнцу, то он «умирает», т. е. теряет свою волшебную силу. Свойством «сата» широко пользовались охотники. Так, в марте и апреле они с помощью «сата» замораживали тающий сверху снег, чтобы по обледенелому снегу гоняться за сохатыми, которые своей тяжестью продавливают его, режут себе об его острые края ноги и скоро выбиваются из сил. На Анабаре роль «сата» выполняла тарбаганья шкурка <Кулаковский 1923: 59–60>.

В «Туркестанских Ведомостях» <Туркестанские ведомости 1887: 47> была помещена корреспонденция из Кашгара, в которой говорилось, что китайские власти забили палками (6 тысяч ударов) одного муллу (ядачи), который будто бы испросил у Бога дождь, шедший здесь, с перерывами, почти неделю. Подобное же сообщает и английский путешественник А. Скрин <Скрин 1930: 54>. «Как-то несколько лет назад крестьяне во время сильной засухи попросили популярного муллу помолиться о ниспослании дождя. Тот с усердием помолился; дождь хлынул потоками и погубил весь урожай; дело дошло до амбана, который распорядился наказать муллу кнутом»⁷.

Во время моего пребывания в конце апреля 1914 г. в г. Урумчи (в Китайском Туркестане) несколько дней на базаре не было мяса. Оказалось, что из ямына (правительственных мест) вышел приказ наложить всем на себя пост на мясо по случаю бездождия. Этот обычай соблюдается как китайцами, так и тюрками⁸.

У илийских уйгуров читают молитвы «ядá» для приворота и отворота симпатий. Читают молитвы над живой лягушкой и после каждой молитвы «ядá» втыкают в нее иголку. После нескольких уколов лягушка умирает, и ее закапывают у входа в дом того человека, относительно которого гадают. Человек тот быстро худеет, желтеет, сохнет и умирает. Родные подобных людей нередко выкапывают лягушек с иглами у входа в дом или в каком-либо другом месте. (Записано сведение от Кадыра Х.). Кстати: у меня вместе с «Рисале» по стихийным природным явлениям (т. е. по «ядá» из Аксу) в той же тетрадке непосредственно следуют и «Молитвы для симпатических чувств». Это подтверждает сообщение Кадыра Х.

Термин «ядá» (с фонетическими изменениями) считается заимствованным из авестийского *yatu* (волшебство), новоперсидского *yadu* (ворожей)⁹. Это свидетельствует о раннем влиянии Ирана на древних тюрков¹⁰.

Переходя к изложению содержания двух «рисале» по шаманству, я хотел бы обратить внимание читателей на сильное проникновение ислама с его развитой обрядностью в эту шаманскую церемонию¹¹.

Дополнительные сведения к урумчинскому рисале из рисале аксуйского даются в прямоугольных скобках.

⁷ Ср. <Лагерлѳ 1910: 159>.

⁸ Ср. <Красницкий 1901: 21>.

⁹ В современном фарси – جادو, т. е. *jādū*. – Прим. ред.

¹⁰ К литературе о «ядá» (или «джада») еще можно указать: <Потанин 1893: 352>; <Карасик 1939: 91–92> – здесь о камне безоар. Еще см. статью <Гордлевский 1934: 156>.

¹¹ Ср. мою работу <Малов 1918>.

II. Текст рисале

Передача послания (рисале) о низведении дождя. Во имя Бога милостивого и милосердного! Слава Богу, Господу миров и упованию благочестивых! Молитвы и приветствия над Посланником Его Мухаммедом (стр. 2) и над семейством Его и над всеми его ближайшими последователями (асхабами).

[Слава, хвала и прославление тому творцу тварей и причине причин, который могуществом своим камень делает водой, а воду превращает в камень и милостью щедрот своих облака делает вкрапленными в небесные пространства. Приказ могущества его доставляет (кого-либо или что-либо) в час из месячной дальности и в один час воздух делает мраком и единым часом делает мир освещенным блеском солнца (стр. 23 об.)].

Далее: от преподобного (хазрят) имама Джафара Садика достоверного передают такой рассказ (стр. 3): преподобный Адам, восклицая с плачем, изволил сказать: «О Боже всемогущий! Так как тучи (букв. воздух) не дождят, то вся (стр. 4) находящаяся на земле “зелень” (от-яш) посохла!». От Господа Бога Всевышнего было слово: «О Гавриил (стр. 5), отправься и преподай учение о низведении с неба дождя “ядачилик”», – таков был приказ. Архангел Гавриил в тот же момент явился (к Адаму) (стр. 6). Архангел Гавриил сказал: О Адам, представь же (тепип беринг) мне один черный (кара) или пестрый (чар) камень (таш), я вам да преподам учение о всех обрядах, совершаемых при низведении с неба дождя (стр. 7). Учение это он и преподавал. А затем, если ко всей вселенной не приходит вода (т. е. не бывает дождя), то совершали обряд «яда» и низводили с неба дождь (стр. 8). И всякий раз, как кто-либо совершал эту церемонию «яда», был дождь и снег. Архангел Гавриил по одному преданию явил 11, по другому преданию 40 туч (стр. 9), показывая (Адаму) искусство низведения дождя. Искусству «яда» прежде всего был научен преподобный Адам, затем (стр. 10) это осталось преподобному (хазрят) пророку Сулейману (Соломону) [(стр. 24)].

Нужно знать, что камень¹² «яда» бывает разных цветов: бывает пестрый (ала), голубой (зеленый?) (кёк), бывает желтый, бывает красноватый. Бывая разного цвета, он бывает с прожилками (тамурлук) и пятнами. Камень, имеющий большую силу, будет посветлее; хотя бы он был и большой, он будет легкий. Признаком лучшего камня будет то, что, если положить такой камень в воду, он будет издавать звук «джим-джим». Хотя в каждом животном может быть камень «яда», но признаки такого животного следующие. Если в кабане, то лоб его будет с белым пятном (кашка), голова его будет чалая (серая), глаза его (стр. 24 об.) будут красными. Если будет (камень) в лошади, то признаки такие: зимой та лошадь переходит через реку без остановки и не пьет воды. Если лошадь пасется где-либо в селении, то свою голову держит в направлении к северу. Если (камень) будет в барсе, то он (т. е. камень) будет в его сердце. Если будет в быке, то признаки следующие: в начале вечера (букв. в куриное время) 10, 12, 14 раз этот бык мычит (азнар). Если камень будет в козле, то признаки следующие: ходит он больше одиноко, не присоединяясь к стаду, он ходит одиноко вдали и одиноко пасется (стр. 25). Если камень будет в ящерице, то признак тот, что она будет

¹² Ср. <Шейбаниада 1849: 5–7 примечаний>.

с раздвоенным хвостом, и когда будет греться на солнце, то хвост ее будет стоять торчком. Все эти признаки, если не знать отчетливо, то отличить камень «яда́» очень трудно (стр. 26). «Яда́» мужского камня быстро образует и поднимает облака, и они скоро дождят. Дождь при этом быстро прекращается и все исчезает. Если «яда́» женского камня, то тучи долго собираются, дождь долго льет и быстро не прекращается.

Если кто предполагал бы совершить обряд «яда́», прежде всего пусть сделает очищающее омовение, затем, отправившись на берег реки (стр. 11) и сидя в уединенном месте, сначала пусть читает 111 раз (первую главу Корана) – «фатиху», 111 раз «ихляс» (т. е. 112-ю главу Корана) и еще 111 раз «дуруд-и шериф» (священную молитву – хвалу) (стр. 12) и 11 раз (36-ю главу Корана) «ясын». Когда все это человек закончит и молитвенно вспомнит, начиная с преподобного (Адама) всех прошедших пророков, святых и законовевдов (стр. 13), то затем пусть совершит два действия (рикаат) молитвы. Сначала пусть читает главу «фатиху», а в конце главу «инна ахтайнака» (108-ю главу Корана) – 21 раз; в последнем действии (стр. 14) по прочтении главы «ихляс» (112-й главы Корана) 21 раз пусть читает молитву в честь Архангела Михаила. Затем, совершив омовение (стр. 15), пусть еще совершит два действия молитвы. В первом действии (рикаат) пусть читает главу «фатиху», а к последнему действию пусть читает «инна анзальнаху» (Коран, 97, 1). В последнем действии после «фатихи» (стр. 16), прочитав 11 раз главу «алмям таракэйфа» (Коран, 14, 29), пусть совершит молитву в честь преподобного пророка Ильяса (Илии), а затем два благодарственных (стр. 17) намаза (молитвы). Прежде всего в первом действии пусть читает «фатиху», а потом пусть добавит (главу 106, 1) «ли иляфи курайшин», прочитав ее 11 раз, во втором действии, после «фатихи», пусть читает (стр. 18): «куль йа айухаль кафируна» (Коран, 109, 1) – 11 раз. После приветствия (саяма) прочитав «дуруд-и шериф», пусть совершит молитву в честь чистого духа преподобного Сулеймана. Затем (стр. 19) пусть совершит еще два действия молитвы: в первом действии пусть читает главу «фатиху», а после «фатихи» «амана-расулю» (Коран, 2, 285) 3 раза (стр. 20), а затем в другом действии после «фатихи» пусть читает 3 раза «ля кад джаакум расуль мин алькафсикум» (Коран, 9, 129–130) (стр. 21). Затем, совершив молитву в честь чистого духа пророка Хызра (стр. 22), после того пусть читает 1100 раз «дуруд-и шериф». Затем следует читать молитву «величание в честь духа духов преподобного Мухаммеда Избранного» (стр. 23). После всего этого тот человек да приступает к совершению церемонии «яда́». Совершив эти восемь действий молитвы в честь этих четырех пророков (стр. 24), пока он не сделает церемонию «яда́», дело результата не достигнет.

[Если камень «яда́» уменьшится в своей силе (стр. 25 и 26 об.), то, дав проглотить его красному петуху и переждав три дня, затем закалывают петуха, вынимают камень, который будет уже чрезвычайно действенен. Если кто, привязав, погрузит камень в кровь и будет бултыхать им, то также камень делается сильным. Если завернуть камень в зелено-голубую материю (тряпку) и, схоронив его в сыром месте, там сохранять, то сила камня никогда не уменьшится. Если камень «яда́» привязать к хвосту вороного жеребца и так держать и сохранять, то сила камня не убудет. Но тот хвост должен быть одного цвета (масти) с камнем.]

Приступая к совершению обряда «яда», один черный, белый или пестрый камень, обвязав конским волосом (стр. 25) и положив в воду (в реку), следует читать (положенные) молитвы.

Если почему-либо камень потеряет свою силу, то следует положить его скорее в кровь или дать проглотить камень старому хорошему козлу. Через час после того то животное, в честь преподобного Михаила следует заколоть, а затем, найдя камень и взяв его, пусть (человек) положит его на блюдо, затем (стр. 27), одного красного и одного белого петуха заколов над этим камнем и положив камень в кровь (петухов), пусть совершает (человек) добрую молитву в честь пиров-духов (стр. 28), начиная, прежде всего, с преподобного друга божия Адама, затем: в честь 124 пророков, 33 тысяч асхабов (стр. 29), 4 приближенных ангелов, четверем асхабам – друзьям, прося у них у всех молитвенной помощи и содействия (стр. 30), прочитывая «фатиху», «ихляс», «ана ахтайна». Затем пусть прочтет тысячу раз «Во имя Бога милостивого и милосердного!» и 100 раз «дуруд» (стр. 31), а затем пусть читает эту «дуруд-спасение» (о благословении Бога на Мухаммеда и о прославлении последнего) (стр. 32–34). Эту «дуруд-спасение» нужно читать 99 раз (стр. 35). Затем пусть читает почтенную касыду 12 тысяч раз. Равного стихам этой касыды «Бурда» ничего нет (стр. 36). Говорят, что она подобна обоюдоострому мечу; таковы эти стихи!

Стихи эти испробованы на опыте (стр. 37). После каждой сотни следует делать плевков (на камень и волосы) (стр. 38). Вместе с камнем пусть читает 14 волосам жеребца, а после этого стиха пусть читает главу «ясын» (Коран, 36-я глава) 21 раз. Прочитав 21 раз (стр. 39), затем пусть читает вот этот стих (Коран, 108-я глава): Мы дали тебе источник изобилия (кевсер). Белое облачко мое и голубое мое облачко! Придите с громом! Белое облачко мое со словами: «потому молись Господу твоему» и ради этих слов (стр. 40) да придите с дождем. Белое облачко! Водяное облачко! Ради слов: «и заколи жертву! Ненавидящие тебя исчезнут» – пусть дождят! Приди облачко ради души Михаила (стр. 41), белое мое облачко, голубое мое облачко, придите и явитесь. Облачко мое – белый баран и дорогое облачко мое – пегий баран, явитесь ради 4 приближенных ангелов (стр. 42): облачко мое – белый баран и облачко мое – пегий баран, резвясь, придите! Дорогое облачко, как вода, приди! Спустись снегом с шумом! Белое облачко мое, спустись с грохотом. Белое мое облачко и голубое облачко! Эй черное (стр. 44) мое облачко, придите с дождем, резвясь и с шумом придите! Пророк Сулейман дал разрешение! Дорогое облачко, приди ради (ангела) Михаила. Дорогое облачко (стр. 45)! Из чертогов пророка моего преподобного Сулеймана вышедшие облачка. Ярутом и Марутом запрещенные облачка! По 18 (тысячам) миров путешествовавшее (стр. 46) облачко! Споспешествующее облачко! Легкое и трудное! Милый, милый, милый! Влажный, влажный, влажный! Он! Он! Он! От Милостивого созданное облачко! (стр. 47): О помощь! О Хызр! О Ильяс! О Хызр! Помогай! Говоря (все это), пусть читает 29 раз. Делаящий эту церемонию «яда» человек (стр. 48) должен затем отправиться в чистое и уединенное место. Закончив все чтение и хорошенько привязав конские волосы к камню, этот камень «яда» забрасывает на дно реки и топит (стр. 49), а люди пусть не видят этого. Затем человек вынимает смоченный камень. 41 ложку крови смешивают с водой и кропят небу (стр. 50), говоря: о Всемогущий Бог ради Михаила, ради величия и почтения к Михаилу

это облако по Твоей (т. е. Бога) милости в большом количестве сотвори (стр. 51). И пусть человек по этому способу творит сильную и приятную молитву. Если всякий занимающийся этой «яда́» человек сохранит себя чистым (стр. 52) и это все написанное, прочитав, выполнит, то Бог Всевышний даст приказ (о низведении дождя) преподобному Михаилу. А на этой земле и в (стр. 53) небесах находящиеся и летающие (существа), все они свой дух должны держать высоко устремленным и помышляющим о Боге. Никто да не сомневается в этом (стр. 54). Все это чрезвычайно важное дело. Так пусть молится (человек) до того времени, как польет дождь. А затем Бог (стр. 55) Всевышний относительно облаков сделает приказ ангелам. Те ангелы придут и скажут: о облака, вам от Бога Всевышнего (стр. 56) приказ: вы не удаляйтесь, а все время дождите, пока Бог Благословенный и Всевышний не скажет вам: перестаньте! (стр. 57). Таков будет приказ Бога. И все небесные облака заждут на землю, и даже одно облако так может заждить, что вся земля смогла бы наполниться водой и сухой земли не осталось бы (стр. 58). Если, совершив «яда́», низведут дождь, и он польет сильным ливнем и будет лить несколько ночей и дней, и, если захотят этот дождь прекратить и уничтожить облака (стр. 59), и сделать ясную погоду (букв. открыть воздух), то какие стихи (Корана) вы будете читать? Дай ответ: прежде всего главу «фатиху» три «ихляс» (112-ю главу Корана) три (стр. 60) раза, еще «стих престола» (Коран 2, 256) – все это прочитав и взяв горсть земли, если кто бросит ее к небу, то дождь прекратится (стр. 61). Если зимой совершают обряд «яда́» для низведения снега, то какие стихи нужно читать? Ответ таков: прежде всего: «во имя Бога милостивого и милосердого» (стр. 62) – 700 раз нужно читать, присоединив сюда «фатиху» с «ихляс», пусть читает не менее 60 раз. «Дуруд-и-шериф» пусть не читает меньше 1000 раз (стр. 63). А затем пусть совершит два действия молитвы «хаджат». В первом действии пусть читает главу «фатиху», а потом для заключения главу «ля курейши» (Коран, 106) (стр. 64) 11 раз пусть читает, а во втором действии молитвы после главы «фатихи» пусть читает 11 раз главу «иза джаа» (Коран, 110) и, совершив молитву величания (текбир) в честь (стр. 65) Архангела Михаила, а затем эту главу «ясын» (Коран, 36) пусть читает 41 раз. После этого 100 раз пусть читает «и ночь...!» (Коран, 92). Затем (стр. 66) главу «аль-карияту» (Коран, 101) и главу «ваалькадияту» (Коран, 100) по 41 разу.

Во время чтения пусть (человек) кропит кровью красного петуха на небо. Затем (стр. 67) эту «дуруд» в похвалу нашему Пророку 101 раз прочитав и на землю около мечети сделав плевков и посидев в уединенном месте (стр. 68), пусть кропит на небо и на четыре стороны вселенной. А затем, сделав молитву-величание (стр. 69), в честь святых законоведов и прежних пиров (старцев), пусть испрашивает помощи от чистых и почтенных духов 124 пророков, 33 тысяч асхабов, 4 приближенных ангелов, преподобного Абу-Бекра праведного – царя; во-вторых – преподобного Омара, в-третьих – преподобного Османа (стр. 71) и, в-четвертых, от преподобного Алия и мучеников в Кербеля: преподобного имама Хасана и преподобного имама Хусейна (стр. 72). Пусть читает еще священную «дуруд», совершив чистое омовение. Если пожелает Бог, то после всего этого пойдет снег (стр. 73). Эта «дуруд» прославления такова: во имя Бога милостивого и милосердого, о Боже, благослови Господина нашего и Владыку Мухаммеда (стр. 74–76)... и да будет благоволение божие над лучшим творением

божиим Мухаммедом и над всеми его последователями (стр. 77). Сказав эту хвалу Пророку Бога, прочитав и совершив молитву в честь превосходительного духа духов мира (стр. 78), затем пусть (тот человек) ожидает, и небо такой снег ниспошлет, что несколько дней и ночей не будет он переставать. Затем для прекращения снега (стр. 79) какой стих будете читать? Скажи: главу «клянусь солнцем!» (Коран, 91) следует читать 41 раз (стр. 80), и если затем совершить молитву-величание в честь преподобного Михаила с преподобным Ильясом-пророком, то воздух откроется и солнце (стр. 81) быстро взойдет. Всякий, кто делает церемонию «яда́», пусть до десяти дней не имеет общения с женой и да избегает прелюбодеяния (стр. 82). Все его одежды да будут чисты. Если же к одежде или к другим местам пристанет нечисть (хашб), или на том месте, где будет сидеть, окажется кал (фишеб) (стр. 83), то результат его молений скоро не проявится. Пусть сидит человек в чрезвычайно чистом месте. Если же так не сделает, то ему причинится вред (захай) (стр. 84) и до дня воскресения добрым и хорошим он уже не сможет быть. Человек несколько будет помешанным и то, что он делал сам раньше, уже не сможет теперь делать. Это чрезвычайно великая обязанность (стр. 85), и если кто допустит сомнение, то сам он будет неверным, а жена его будет (с ним) разведенной. Пусть же, не делая сомнений и по-хорошему, пиров и духов считая как бы присутствующими, совершает обряд «яда́». И если Богу Всевышнему будет угодно (стр. 86), то достигнет желаемого. Так говоря, мы здесь немного коротко все написали. Конец. Все это написал житель керийского селения Кумбаг, Мемет Азиз-ахун, сын Якуба-Хаджи (стр. 87). Все это не ложно, а правильно. Всякое дело совершает Бог.

[Если ты захочешь (стр. 25 об.) совершить «яда́», то следует камень привязать (волосами) и положить в укромном месте в воду реки. Затем, сделав омовение и вышедши на берег реки или на возвышенное место и севши, пусть там читает (молитвы), обращаясь к каждой стороне вверх, начиная с западной стороны, по 41 разу, затем следует сделать плевков. Если будут делать «яда́» по этому образцу, то не пройдет и часа, как облака поползут и ты увидишь много чудесного.]

[(Стр. 26.) Объяснение евангельской церемонии «яда́». Это очень действенная – «яда́». Если нет камня «яда́», то на 4 стороны мира по 41 разу прочитав моления, к небу и земле тоже прочитав по 41 разу, сделай плевков. После же всего увидишь, как пойдет удивительный дождь. В этом нет никакого сомнения! Если же ранней весной или в зимние дни во время работ на току кто-либо сделает обряд «яда́» и причинит заведомо людям, животным и посевам гибель и вред, то сам тот человек будет неверным, а жена его будет для него разведенной. Эта «яда́» евангельская; она такова: Во имя Бога милостивого и милосердного! (Далее идет три-четыре строчки «абракадабра» из арабских и тюркских слов.) Другая форма арабская «яда́». Она такова. Нужно читать молитвы по 40 раз ко всем четырём сторонам вселенной. Прочитав, нужно делать воздушный плевков. Тогда задождит мелкий-премелкий дождь; воздух делается чрезвычайно холодным. Во имя Бога милостивого и милосердного! О Боже! О Великий! О Живой! О Пребывающий! О Обладатель Великолепия! О Ханнан, о Маннан! О Хвалимый! О Единый! О Бог! О Господь, о Господь, о Господь! Нет Бога, кроме Тебя. Слава Тебе! Подлинно Ты из притесняющих. Прибегаю к словам Бога... О Судья Необходимости!... по милости Твоей, о Милостивый из милостивых!

«Ядá» казахов (стр. 27 об.). Если плюнуть и прочитать молитвы на все 4 стороны мира, и на землю и на небо прочитать молитвы по 41 разу, то выйдет очень много снега. К а з а х с к а я¹³ «ядá» такова: Во имя Бога милостивого и милосердного! Сто облаков да увижу я! Шумящий ливень да увижу я! (стр. 28). Молитву Господа Бога, молитву моего черного Господа, молитву почтенного Господа я произношу, о если бы вы (облака) явились! Белый, легкий, привязанный камень есть у меня. От Бога прошу (исполнения) своих желаний. Белое облако мое, играя, приди! Я силу вашу уничтожу; уничтоживши, привяжу (вас) к воде! Приди, облако, на Бухару и Самарканд! Окружив Ташкент и Хиндустан, приходи, серое облако! Ради Единого Господа, ради Пророка Божия, ради четырех друзей, ради святых, ради черных моих ходжей! Достигайте и приходите, сто облаков! Голубо-пестрого барана я заколю (стр. 28 об.)! Пегого коня я оседлаю! От неба жду исполнения своих желаний! Бело-пестрого барана я закалываю! От Бога прошу исполнения своих желаний. Бело-пегого коня я оседлаю; семь перевалов перевалю! Семьдесят разных голубых облаков достигши, придите! Сто облаков – голова барана – поворачиваясь, придите! Приходите! О черный ходжа мой, садись верхом! Садись на коня и окружай ветер с дождем. Черную лошадь твою я оседлаю. А ты садись на дождь! Куда ни взглянешь (стр. 29), солнце затмилось, а кроме того и луна затмилась! Пегий баран – серое облако – спускается на землю! Серое облако, иди скорее, скорее! Дожди! Если проклянешь сто облаков, – дождь и снег! Если соизволишь, то дождь, дождь! Голубо-пестрый камень мой опущу в кровь. Белую палатку поставлю! Белую одежду я надену! Белую лошадь оседлаю! От Бога прошу желаемого! Бело-пестрого барана я закалываю! Белое облако – Бог мой (небо) – от Тебя я прошу! Камень кулана у меня есть! С грохотом я положил его! Темные облака (стр. 29) тысячами, тысячами пришли, бесчисленные ручьи, ручьи, – вы явились! Сто облаков, тотчас, достигая, приходите! От запада, выйдя, приди (облако)! От восхода, вернувшись, приди (облако)! Ширь неба, обволакивая, явись (облако)! Без счета пришедшие сто облаков!].

[(29 стр. об.) К и р г и з с к а я «ядá». Это бывает так. Во имя Бога милостивого и милосердного! Я заколю в жертву большую птицу с длинными ногами. Серопестрого барана я заколю (в жертву)! От голубого воздуха я прошу (дождя)! (стр. 30); я надеваю черный колпак, черную лошадь я седлаю, надеваю черный траур. Я желаю исполнения своих пожеланий от неба. Теперь Ты как будешь поступать?! Черный ходжа, ты садись на лошадь и окружай дождь и ветер! Вершины вязов, сгибаясь, приходите! Вершины можжевельового дерева, отделитесь и приходите! Вершины камыша, придите! У меня голова тигра. Приди с раздражением, темное облако. Ручей, заросший камышом, оросился! Земля, поросшая зеленью, оросилась! Ради Единого Господа, черный холодный ветер, явись и приди! Облако мое (стр. 30 об.), у меня есть (до тебя) дело, неизвестное Адамом! У меня есть 66 языков! Через 88 горных переходов пришедшие сто облаков! Приди! Приди скорее выпущенной стрелы! Бело-пестрый камень я представил! Голубые глаза и лицо по приказу Бога я зажмурил. Черный господин, единый господин, от тебя прошу помощи, прошу облака! Почтенный господин, единый господин, от тебя прошу облака! Прошу водной высоты (облаков)! Прошу водной низины! От

¹³ Ср. <Баталов, Сильченко 1933: 96>.

высоких и превысоких гор с грохотом пришедшее мое облако! От середины неба с грохотом пришедшее облако! С громыханием и треском пришедшее мое облако! Если скажу: о Боже, Боже, ты скоро явишься, мое облако! Если я скажу: Бог и ходжа мой! – мое облако скоро приходит. От черных, черных бассейнов белые камни мои выйдут ли? Мое голубое облако, мое небо! От вас прошу помощи! От главы пророков – имя его Мухаммед – и от Него прошу исполнения просьбы! Я прошу помощи от главы асхабов, т. е. 4 друзей, от пиров – старцев, совершителей церемонии «яда́», через моих старцев! (стр. 31 об.) От неба ради земли – воды прошу помощи! У меня есть камень лошади! Окунув (камень) в кровь, ищу помощи у сильного Бога! Сын Давида – Сулейман! Я желаю голубого моего облака! Вода ключей иссякла! Скот и все животные погибли! Окажи милость! О Господи, о Боже! От Тебя прошу! Если кто скажет: да узнаю из облаков «яду» женскую и «яду» мужскую, – это можно узнать только так: сев в направлении кыблы, пусть читает сто раз имя: «йа мейтетрун». После того появятся облака (стр. 32). Если эти облака появятся и поднимаются вверх, то это мужские (облака). А если (облака) показываются внизу и стоят в одну линию, это – женские (облака). Облака мужского камня будут мужчины: они быстро гремят, быстро дождят и быстро прекращают дождь. А облака женского рода будут женщинами. Они медленно гремят, медленно дождят и медленно прекращают дождь. Будет голубой дождь – он не прекращается (он льет несколько дней, не прекращаясь).

Тангутская церемония «яда́». Прежде всего следует сделать омовения (гусль и тагарет). Затем нужно прочитать 41 главу «фатиху» и (стр. 32 об.) сделать в воду воздушный плевков, причем камень «яда́» держать на голове. Следует, потом, совершить два действия молитвы, посвященной преподобному Даниилу. Затем взять камень в правую руку, читать молитву 41 раз и при этом вскрикивать (?). Читать следует, начиная со стороны кыблы, на четыре стороны мира по 41 разу, еще небу и земле по 41 разу. Прочитав так, пусть (человек) плюет. После этого будут удивительные происшествия! Если кто, направляясь в путешествие, задумает сделать прохладу, то, привязав камень (стр. 33) к гриве лошади, следует ее несколько поводить на поводу, быстро проходя. Затем следует читать 41 раз молитвы и плевать в воздух. Воздух будет чрезвычайно прохладным и пойдет «голубой» (небесный) мелкий дождь и ветер появится. Эта тангутская «яда́» такова: во имя Бога милостивого и милосердного! По приказу Бога и по распоряжению пророка Ноя и по повелению моего черного ходжи! (стр. 33 об.). Поражающее! Что такое поражающее?! О если бы кто вразумил тебя, что это поражающее! С силой моего могучего Бога я прошу от Тебя, Боже мой, облака! Я надеваю черный панцирь, я сажусь на черного коня. Распространяйся, если я скажу: распространяйся, о мое облако! Спустись, если я скажу: спустись, мое облако! «Это день (Коран, 101, 3), в который люди будут, как бабочки разогнанные: горы будут как шерсть расщипанная» (Коран, 101, 4). Дыханием пророка Даниила...! Дыханием черного ходжи!.. (стр. 34) (Коран, 101, 5-7). «Тогда на чьих весах»... Я желаю исполнения моих просьб от 4 сторон мира!, – от моего Бога желаю! «Поражающее» (Коран, 101-я глава) слово Бога. От Пророка Бога я прошу, я ищу от 4 приближенных ангелов. Черное облако, перестань дождить! Тьфу! Конец!].

Литература

- Баталов, Сильченко 1933 – *Баталов М., Сильченко М.* Очерки по казахскому (/казахскому) фольклору и казахской (/казахской) литературе. – Алма-Ата–Москва: Казакстанское краевое издательство, 1933. {*M. Batalov, M. Sil'chenko. Essays on Kazakh folklore and Kazakh literature. – Alma-Ata–Moscow: Qazaqstan Regional Publishing House, 1933.*}
- Березин 1868 – Сборник летописей. История монголов: История Чингиз-хана до восшествия его на престол (/Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ: Исторія Чингизъ-хана до восшествія его на престоль) / соч. Рашид-Эддина (/Сочиненіе Рашидъ-Эддина); рус. пер., примеч. (/примѣч.), перс. текст с пред. *И.Н. Березина* // Труды Восточного отделения императорского Археологического общества. – СПб., 1868. – Ч. XIII. {*A Compendium of chronicles. The History of Mongols: History of Genghis Khan before his enthronement / By Rashīd-al-Dīn; translation into Russian, notes, Persian text with preface by I.N. Berezin // Works of the Oriental Department of the Imperial Archaeological Society. – Saint Petersburg, 1868. – Part XIII.*}
- Гордлевский 1934 – *Гордлевский В.А.* Баха-уд-дин Накшбенд Бухарский (к вопросу о наслоениях в исламе) // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882–1932. Сборник статей. – Л., 1934. – С. 147–169. {*V.A. Gordlevskiy. Bahā'-al-Dīn Naqshband (al-)Buḥārī (on the issue of different strata in Islam) // Devoted to Sergey Feodorovich Oldenburg for the 50th anniversary of his scientific and public activity 1882–1932. A compendium of articles. – Leningrad, 1934. – PP. 147–169.*}
- Иакинф 1829 – *Иакинф (Бичурин Н.Я.) / Монахъ Іакинѡъ / Н.Я. Бичуринъ.* Описание Чжунгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии. В 2 ч. (/Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркистана въ древнемъ и нынѣшнемъ состояніи. В 2 ч.) / Пер. с кит. монахом Иакинфом. (/Переведено съ Китайскаго Монахомъ Іакинѡомъ.) – СПб.: Типография Карла Крайя (/Въ типографіи Карла Крайя), 1829. {*Hyacinth (N.Ya. Bichurin).* A Description of Dzungaria and Eastern Turkestan in its ancient and modern state. In two parts / Translated from Chinese by Father (/friar/brother/frater) Hyacinth. – Saint Petersburg: at Carl Kray's Printing House, 1829.}
- Карасик 1939 – *Карасик В.М.* Исторический очерк учения о противоядиях // Природа. – 1939. – № 7. – С. 90. {*V.M. Karasik.* A historical essay on the doctrine of antidotes (/antidote doctrine) // *Priroda (Nature).* – 1939. – No. 7. – P. 90.}
- Козин 1935 – *Козин С.А.* Гесериада: Сказание о милостивом Гесер Мергенхане, искоренителе десяти зол в десяти странах света. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1935. {*S.A. Kozin.* The Geseriad: The tale of merciful Geser Mergen-khan, the destroyer of ten evils in ten parts of the world. – Moscow: the Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1935.}
- Красницкий 1901 – *Красницкий А.И.* В пасти дракона, роман из событий на Дальнем Востоке. (/Въ пасти дракона. Романъ изъ событій на Дальнемъ Востоцкѣ.) – СПб.: Издание (/Изданіе) А.А. Каспари/Книжный склад (/складъ) «Родина», 1901. {*A.I. Krasnitskiy.* In the Dragon's jaws, a novel based on events from the Far East. – Saint Petersburg: A.A. Caspari (Publisher)/"Rodina" Book Depository, 1901.}
- Кулаковский 1923 – *Кулаковский А.Е.* Материалы для изучения верований якутов // Записки Якутского Краевого Географического Общества. – Якутск: [б. и.]/Типография Н. К. П./Якутск РВЦ, 1923. – Книжка 1. {*A.Ye. Kulakovskiy.* Materials for the study of Yakut beliefs // *Proceedings of Yakutian Regional Geographical Society. – Yakutsk: [s.n.]/NarKomPros Printing House/Yakutsk RVTs, 1923. – Booklet 1.*}
- Лагерлёф 1910 – *Лагерлёф С. (/Сельма Лагерлёфъ).* Т. II: Иёста Берлинг. Ч. II / пер. с шведского (/съ шведскаго) М. Благовещенской. – 2-е изд. – М.: Издание (/Изданіе) В.М. Саблина, 1910. {*S. Lagerlöf.* Vol. 2: Gösta Berling's saga (=Gösta Berlings Saga). Part 2 / Translated from Swedish by M. Blagoveshchenskaya. – The 2nd ed. – Moscow: V.M. Sablin's printing press, 1910.}
- Малов 1918 – *Малов (Маловъ) С.Е.* Шаманство у сартов Восточного Туркестана (К пояснению коллекции Музея Антропологии и Этнографии по восточно-туркестанскому шаманству) (/Шаманство у сартовъ Восточнаго Туркестана (Къ поясненію коллекціи Музея Антропологии и Этнографіи по восточно-туркестанскому шаманству)) // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. (/Сборникъ Музея антропологии и этнографіи при Россійской академіи наукъ.) – Петроград/(Петроградъ): Типография Российской Академии Наук (/Типографія Россійской Академіи Наукъ), 1918. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 1–20. {*S.Ye. Malov.*

- Shamanism among the Sarts of Eastern Turkestan. (For explanation of the Eastern Turkestan Shamanism Collection of Museum of Anthropology and Ethnography) // A Compendium of Museum of Anthropology and Ethnography at Russian Academy of Sciences. – Petrograd: The Printing House of the Russian Academy of Sciences, 1918. – Vol. 5. – Issue 1. – PP. 1–20.}
- Манас 1939 – Манас: киргизский эпос / по варианту сказителя Сагымбая Орозбакова; пер. Л. Пеньковского // Библиотека «Огонек». – М., 1939. – № 51–52. {Manas: the Kyrgyz epic / based on the narrator Saghymbay Orozbekov's version; translated by L. Pen'kovskiy // The "Ogonyok" Library. – Moscow, 1939. – No. 51–52.}
- Никифоров 1915 – *Никифоров (Никифоровъ) Н.Я.* Аносский сборник (Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина) (/Аносский сборникъ. Собрание сказокъ алтайцевъ с примѣчаниями Г.Н. Потанина) // Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. (/Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.) – Омск (/Омскъ): Тип. штаба Омск. в. окр., 1915. – Т. 37. {*N.Ya. Nikiforov.* The Anos digest. A compendium of tales of the Altai people with commentary (/notes) by G.N. Potanin // Proceedings of the Western Siberian Department of the Imperial Russian Geographic Society. – Omsk: the printing house of the Omsk Military District Headquarters, 1915. – Vol. 37.}
- Пигулевская 1940 – *Пигулевская Н.В.* Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана // Советское востоковедение. – 1940. – Т. 1. – С. 212–234. {*N.V. Pigulevskaya.* Syriac and Syro-Turkic fragments from Khara-Khoto and Turfan // Soviet Oriental Studies. – 1940. – Vol. 1. – PP. 212–234.}
- Потанин 1893 – *Потанин (Потанинъ) Г.Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: путешествие Г.Н. Потанина (1884–1886). (Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия / Путешествіе Г.Н. Потанина / 1884–1886 / Издание Императорскаго Русскаго Географическаго Общества). Т. 2. (/Томъ Второй) – С одной фототипией (/Съ одной фототипіей) – СПб.: Типографія (/Типографія) А.С. Суворина, 1893. {*G.N. Potanin.* The Tangut-Tibetan edge of China, and Central Mongolia: G.N. Potanin's trip, (in) 1884–1886. Vol. 2. (The Second Volume.) – With a phototype figure. – Saint Petersburg: A.S. Suvorin's printing house, 1893.}
- Потанин 1917 – *Потанин (Потанинъ) Г.Н.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки (/Казакъ-киргизскія и алтайскія преданія, легенды и сказки) // Отд. оттиск из журн. «Живая старина». Год 25-й. (/XXV.) 1916. – Петроград(Петроградъ): Типографія (/Типографія) В. Д. Смирнова, 1917. – С. 47–198. {*G.N. Potanin.* Kazakh-kyrgyz and Altai lore, legends and tales // An offprint from the "Zhivaya Starina" ("Living Antiquity") journal. Year 25. 1916. – Petrograd: V.D. Smirnov's printing house., 1917. – PP. 47–198.}
- Скрин 1930 – *Скрин А.* Китайский Туркестан. – М.–Л.: Молодая Гвардия, 1930. {*A. Skrin.* The Chinese Turkestan. – Moscow–Leningrad: Molodaya Gvardiya, 1930.}
- Туркестанские ведомости 1887 – Туркестанские ведомости. (/Туркестанскія вѣдомости.) – 24 марта 1887 г. (/1887. Марта 24.). {*The Turkestan Bulletin.* (Turkestanskiye Vedomosti.) – March 24, 1887.}
- Шейбаниада 1849 – *Шейбаниада.* История монголо-тюрков на джагатайском [чагатайском] диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями / изданная И. Березиным. (/Шейбаниада. Исторія Монголо-Турковъ на Джагатайскомъ диалектѣ, съ переводомъ, примѣчаниями и приложениями / изданная И. Березинымъ.) – Казань: Университетская Типографія (/въ Университетской Типографіи), 1849. – Вып. 1. {*The Shaybaniad.* The history of Mongol-Turks in Chagatai Turkic dialect, with (a) translation, notes and appendices / published by I. Berezin. – Kazan: at the University Printing House, 1949. – Issue 1.}
- Brockelmann 1925 – *Brockelmann, C.* Volkskundliches aus Alturkestan [Народное творчество и обряды (из) старого Туркестана] // Asia Major. – 1925 (/MCMXXV). – Vol. II. (/Volumen Secundum) – S. 110–124. – Lipsiae / IN AEDIBUS QUAE ASIA MAJOR APPELLANTUR (In German.)
- Köprülüzade 1925 – *Köprülüzade M.F.* (محمدفؤاد كوپرولوزاده) Eski Türklerde Dini-Sihri Bir Anane Yâd veya Yağmur Taşı / ویا یاغمر طاشی (يات) سحرى برعنه ياد اسكى تركلرده دينى سيهري Bir Anane Yâd veya Yağmur Taşı [Религиозно-магический обряд «Ят» или Дождевой камень у древних тюрков] // Dârülfünûn Edebiyat Fakültesi Mecmuası / دار الفنون ادبيات فاكولتسى مجموعسى / İstanbul, 1925. – Cilt IV. – Sayı 1. – S. 1–11. {*M.F. Köprülüzade.* A religious-magical rite 'Yat', or the Rain Stone among the Ancient Turks // Dârülfünûn Edebiyat Fakültesi Mecmuası=The Journal of Literary Faculty at the University. – Istanbul, 1925. – Vol. 4. – Issue 1. – PP. 1–11.} (In Late Ottoman Turkish.)
- Thomsen 1912 – *Thomsen, V.* Dr. M. A. Stein's manuscripts in Turkish "runic" script from Miran and Tunhuang // Journal of the Royal Asiatic Society (=JRAS). – January 1912. – Vol. 44. – Issue 1. – PP. 181–227.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2024. № 3–4 (44–45), pp. 75–130. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.1

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-75-130

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К МОНГОЛЬСКОМУ И ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ^{1,2}

Н.Н. Понне

Для цитирования: *Понне Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // *Российская тюркология*. 2024. № 3–4 (44–45). С. 75–130. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-75-130.

The Chuvash language and its relation to Mongolian and Turkic languages

N.N. Poppe

For citation: *Poppe N.N.* The Chuvash language and its relation to Mongolian and Turkic languages // *Russian Turkology*. 2024. № 3–4 (44–45). P. 75–130. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-75-130.

(Представлено академиком **С.Ф. Ольденбургом** в заседании
Отделения Исторических Наук и Филологии 9 апреля 1924 года)

I. Введение

Как большая часть так называемых алтайских языков, чувашский язык до настоящего времени оставался еще очень мало изученным. Между тем, как история тюркских диалектов и отношение последних к монгольскому языку уже более или менее выяснились, главным образом благодаря трудам В.В. Радлова и Г.И. Рамстеда, отношение чувашского языка к соседним до последнего времени вызывало споры. Причина этому лежит в самом материале: трудами В.В. Радлова собрано изумительное количество текстов и записей живой речи самых разнообразных тюркских народностей, приведены в известность и опубликованы памятники древних письменностей – уйгурской и енисейско-орхон-

¹ Перепечатано с: *Понне Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // *Известия Российской академии наук*. VI серия. – Ч. 1, 2. – Л., 1924. – Т. XVIII. – № 12–18. – С. 289–314; Ч. 3. – Л., 1925. – Т. XIX. – № 1–5. – С. 23–42; Ч. 4. – Л., 1925. – Т. XIX. – № 9–11. – С. 405–426.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены к современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим. ред.*

ской. Монгольский язык точно так же может считаться изученным сравнительно удовлетворительно: существуют рукописи, восходящие по языку к XIV столетию, известны каменописные надписи квадратного письма XIII–XIV столетий, наконец, имеется ряд мелких глоссариев, дошедших в трудах мусульманских историков и дающих некоторое представление о живой речи монголов XIII–XIV столетий. Ничего этого не оставил чувашский язык в своем прошлом: он не выработал письменности и, следовательно, никаких памятников древнего своего состояния не оставил, если не считать нескольких надгробных надписей XIV столетия на древнем болгарском языке, который, по всей вероятности, является предком чувашского языка, о чем ниже. Не представляя никакого интереса в политическом и экономическом отношениях, чувашаи остались неизученными и со стороны своих соседей. Только в одном отношении язык чувашей мог иметь практическое значение для европейцев: это – для миссионеров, и действительно, трудами православных миссионеров была постепенно создана некоторая литература о чувашах, значительную часть которой составляют филологические работы, главным образом пособия для изучения этого языка, грамматики и словари. Лишь в самое новое время язык чувашей привлек внимание исследователей-филологов, вследствие чего теперь уже можно сделать попытку сравнительного изучения чувашского и тюркских языков с несколько большим успехом, чем это делалось до сих пор.

Говоря о прежних работах сравнительно-грамматического характера, следует остановиться на теориях, проводимых в них, – теориях о родстве чувашского языка с другими языками. Здесь, на протяжении уже целого столетия высказывались всегда только два мнения: по одной теории, чувашский язык по происхождению – финно-угорский и лишь под влиянием окружающей среды стал тюркским, впитав множество тюркских элементов; по другой теории, он является тюркским языком уже по происхождению. Особняком стоят работы, в которых вопрос о принадлежности чувашского языка к другим не затрагивался.

После того, как чувашский язык продолжительное время изучался изолированно, почти сто лет спустя со времени выхода в свет того труда, который чуть ли не впервые познакомил европейцев с народами Поволжья и Сибири, и в котором чувашаи называются просто «языческим племенем» <Strahlenberg 1730: 347>, почти одновременно появились две теории о чувашах и их языке.

1. Уже Витзен (1692 г.) установил, что чувашаи составляют татарское племя. Точно так же Strahlenberg сопоставил ряд слов чувашского и якутского языков с киргизскими и крымско-татарскими <Strahlenberg 1730: 156>. Тюрками считал чувашей также Schlözer <Schlözer 1771: 305>, бывший первоначально того мнения, что чувашаи финского происхождения. Вслед за Schlözer'ом чувашей причислил к тюркам J.Ch. Adelung <Adelung 1806: 495>³, который счел нужным выделить их в особую монголо-татарскую ветвь. На неясность термина «монголо-татары» вполне справедливо указал впоследствии J. Klaproth <Klaproth 1828: 237>, стоявший вообще на точке зрения тюркского происхождения чувашского языка <Там же>⁴. В конце концов, однако, здесь разница лишь в терминах и важно лишь то, что Adelung не причислял чувашей к финнам.

³ Также и его же <Adelung 1820: 35>.

⁴ Ср. <Klaproth 1823: 183, табл. XXVII> и т. д.

Мнение Adelung'a, что чувашаи – народ тюркский, было принято выдающимся датским лингвистом R.K. Rask'ом, доказавшим, что чувашский язык находится в близком родстве с тюркскими диалектами <Rask 1834: 43>.

Принадлежность чувашского языка к тюркским языкам была окончательно доказана W. Schott'ом. Вопросу о родстве чувашского языка и тюркских диалектов им была посвящена и его диссертация, напечатанная, вероятно, в 1841 г., в которой Шотт прямо говорит: «linguam tschuwaschicam non esse fennicae originis, sed dialectum turcicam, per contractiones... adeo deformatam, ut genuinas ac integras vocum formas raro exhibeat» («Язык чувашский не финский по происхождению, но, наоборот, диалект тюркский... настоль изменённый, что редко показывает изначальные и цельные словесные формы») <Schott 1841: 4>⁵. Приведенная цитата показывает, насколько ярким представителем теории тюркского происхождения чувашского языка является Шотт, ибо он все инновации, наблюдающиеся в этом языке, склонен считать результатом самостоятельного развития и отнюдь не следствием каких бы то ни было иноязычных влияний.

Тюркским языком считали чувашский язык и Ahlqvist и Budenz⁶. В самое новое время высказал мнение о принадлежности чувашского языка к тюркским языкам V. Grønbech, считавший его совершенно самостоятельным и обособившимся диалектом наподобие якутского <Grønbech 1902: 2>. С этим мнением был согласен и его рецензент <Melioranskij 1904: 492>.

Grønbech стоит на наиболее правильной точке зрения, полагая, что чувашский язык – самостоятельный тюркский язык, ибо, как далее будет видно, чувашский язык никак нельзя считать прямым продолжением пратюркского языка, под каковым подразумевается тот язык, продолжением которого являются все нынешние тюркские диалекты от османского на западе до койбальского на северо-востоке. Приблизительно такое же мнение высказывает и Г.И. Рамстедт в своей недавно вышедшей в свет работе, а именно, что чувашский язык представляет собою диалект, вполне закономерно развившийся из тюркского праязыка («...dass das Tschuwassische eine regelrechte Entwicklung der Türksprache ist und zwar ohne jede direkte Berührung mit dem Mongilischen» <Ramstedt 1922: 34>⁷). В настоящей же работе будет сделана попытка доказать, что чувашский язык восходит не к тюркскому праязыку, но общему предку тюркского и чувашского языков.

2. Остается сказать несколько слов о теории финского происхождения чувашского языка.

Мнение, будто чувашаи относятся к финским народностям, было в свое время сильно распространено. Одним из первых высказался в пользу этого мнения Levesque, ознакомившийся с чувашским языком по книге, озаглавленной «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка»⁸. Levesque полагал, что чувашаи – первоначально финны, смешавшиеся с тюрками, чем и объясняются их антропологические и языковые особенности <Levesque 1825: 214>.

⁵ Ср. далее его же статью <Schott 1843>.

⁶ <Ahlqvist 1856: 215>. Ср. <Melioranskij 1904: 492>.

⁷ Получена мною уже во время печатания настоящей работы.

⁸ Неизвестного автора без указания места и года напечатания. Вероятно, издано в Москве в 1769 г. и переиздано в Петербурге в 1775 г.

Таким образом, эта теория возникла почти одновременно с теорией Rask'a. Нужно, впрочем, заметить, что наличие в чувашском языке финских элементов признает и Klaproth, находивший в чувашском языке одну треть финских элементов <Klaproth 1823: 183>, но так как он считал, что чувашский язык является прежде всего родственным тюркским языкам, то смотрел, вероятно, на эту треть, как на обыкновенные заимствования. Этим объясняются его протесты против мнений, будто чувашаи – финны, высказывавшихся в Hassels Vollständiges Handbuch der Erdbeschreibung и др. <Klaproth 1828: 238>. Упорно считал болгар (предков чувашей) финнами Fraehn, полагавший, что арабские путешественники, называя болгар тюрками, под этим подразумевали народ финского происхождения <Fraehn 1832: 550>.

Мнение, будто чувашаи, по своему происхождению финны, высказал и Castrén. В своем путевом журнале за март – май 1845 г. Castrén говорит, что чувашаи представляют собою татарскую ветвь черемисов («einen Tatarischen Zweig der Tscheremissen») (может быть = отатарившиеся черемисы?), доказательство чему он видел в близости этих народов в языковом отношении и в летописных преданиях <Castrén 1856: 11>. В другом месте он причисляет чувашей к тюркским народностям, но финского происхождения <Castrén 1857: 68>. Эти мнения Castrén высказывал, однако, на основании данных, почерпнутых у других, так как сам он с чувашским языком был знаком слишком недостаточно.

Самым ярким представителем теории нетюркского происхождения чувашей является В.В. Радлов, считавший чувашский язык в нынешнем его состоянии результатом перенесения на нетюркскую почву какого-то тюркского диалекта. Мнение это В.В. Радлов высказывал печатно и устно. В печати эта теория высказана в труде Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig. 1883; подробнее эта теория развивается в неизданных рукописях Радлова, именно в приготовленной им к печати еще в 1916 г. статье Alttürkische Studien VII и оставшейся за смертью автора ненапечатанной. В общих чертах теория В.В. Радлова такова: в местностях, ныне обитаемых чувашами, и далее на восток к Иртышу в VIII–IX ст. должны были жить тюрки, представители северо-западного диалекта (Nord-West-Alttürkisch), такой же ветви старо-турецкого языка, как язык орхонских надписей (Norddialekt или Sprache des Türk-Sir Volkes) <Radloff 19116: 430> и уйгурский язык (Süddialekt) <Там же: 436>, два диалекта восточной ветви древних турок (Ostsprache, die alttürkische Sprache des Ostens) <Там же: 430>⁹. Этот северо-западный диалект (Nord-West-Türkisch) является, таким образом, диалектом западной ветви древних турок, о котором ничего не известно, так как он не оставил после себя никаких памятников. Таким образом, этот Nord-West-Türkisch представляет собою гипотетический диалект, и создание такового в истории тюркских диалектов вызвано исключительно теоретическими предпосылками. Тюрки, говорившие на этом неизвестном языке, двинулись в те края, где ныне обитают чувашаи, и далее на северо-восток под влиянием толчка, который дал им поток тюркских и других племен, участвовавших в гуннском нашествии на запад. В промежуток времени от VI до VIII столетия тюрки – носители северо-западного говора упрочились в среднем Поволжье и распространили свою власть на фин-

⁹ Ср. <Radloff 19116>.

ские племена, обитавшие в тех краях и в западной Сибири, результатом чего явилось отуречение ряда племен финского происхождения. Таким же образом произошел и чувашский язык, явившийся результатом перенесения диалекта Nord-West-Altürkisch на финскую почву. Исходя из этого предположения, В.В. Радлов пытался в своей статье *Altürkische Studien VII* восстановить этот диалект по данным чувашского языка, который, по его мнению, сохранил некоторые особенности этого исчезнувшего диалекта. Отуречение финнов-чувашей В.В. Радлов представил себе следующим образом: в первый период отуречения тюркский «а» заимствовался чувашами как «ы» (в действительности это древний переход $*\acute{a} > ы$, как в якутском)¹⁰; во второй период «а» заимствовался как «у» (в действительности это закономерное развитие $*a > у$); в третий период тюркский «а» заимствовался как «а» (что действительно совсем новые заимствования). От этой теории <Radloff 1882: § 116> В.В. Радлов не отказался и в своей ненапечатанной статье повторяет ее, несмотря на то что эта теория вызвала несогласие со стороны критиков¹¹. К доводам последних против теории В.В. Радлова можно еще привести то замечание, что В.В. Радлов не делал различия между заимствованием и наследием от праязыка и не допускал даже мысли, что чувашский язык в основе своей может быть самостоятельным языком, находящимся в таком же родстве с тюркскими диалектами, как монгольский и, кроме того, может иметь много новых заимствований.

В.В. Радлов считал, значит, чувашей отуреченным финно-угорским народом. Н.И. Ашмарин тоже был склонен думать, что чувашский язык имеет отношение к финно-угорским языкам. Считая чувашский язык во многих отношениях более архаичным, чем все тюркские диалекты, Ашмарин тоже склоняется к мнению, что основа чувашского языка не тюркская <Ашмарин 1898: XIX–XXIV>. Впоследствии Н.И. Ашмарин построил обратную теорию, что финские элементы проникли в чувашский язык вследствие поглощения тюрками-чувашами финнов Поволжья <Ашмарин 1903: VI>.

К критике этих теорий можно заметить, что финское происхождение чувашского языка можно было бы считать доказанным, если бы финские элементы, встречающиеся в этом языке, можно было возвести к финно-угорскому праязыку. Но этого сделать нельзя и, кроме специально черемисских и, быть может, вотяцких заимствований, он никаких других финских элементов не содержит. Кроме того, количество этих явно новых заимствований крайне ограничено и едва ли превысит 10% лексического материала. В области морфологии нельзя найти ни одного финского элемента: даже пресловутое окончание множественного числа *-sam* (> черем. *-šam*) *Räsänen*, специалист-финнолог, возводит к тюркскому *sayın* «каждый» <Räsänen 1920: 43>. Можно отвергнуть объяснение, предложенное *Räsänen* о м, но факт остается, что финнологи не считают этот суффикс финно-угорским. Таким образом, доказать финно-угорское происхождение чувашского языка невозможно, и в этом отношении вторая теория Ашмарина более правильна, а что касается субстрата, то таковой, конечно, может быть любой, ибо чувашский язык есть результат напластования праязыкового говора на

¹⁰ В скобках мои замечания.

¹¹ См., напр., <Melioranskij 1904: 493>.

местные говоры неалтайские, но остается загадкой, какие это были говоры: во всяком случае, это не были финно-угорские диалекты.

Остается еще выяснить вопрос об отношении чувашского языка к языку волжских болгар. Относительно этнического происхождения древних волжских болгар существовали разнообразные мнения. Так, например, Fraehn считал болгар народом финно-угорским <Fraehn 1832: 550>, другие считали их смесью славян, финнов и тюрков¹², третьи считали их народом тюркским. Не касаясь подробно исторической литературы о булгарах¹³, здесь следует остановиться на тех сведениях, которые имеются о языке болгар.

Язык волжских болгар не оставил после себя почти никаких свидетельств. Единственное, что сохранилось от этого языка – это несколько надгробных надписей XIV столетия, несколько слов, сообщаемых летописью, и так называемый славяно-болгарский именик. Несмотря на то, что надписей этих довольно значительное количество¹⁴, материал, сообщаемый ими, крайне невелик: всего они дают 13 слов, а именно: *جال* – *jal* «год», *جور* – *jur* «сто», *جيرم* – *jirim* «двадцать», *جيارمنش* – *jiarminš* «двадцатый», *جيات* – *jiet* «семь», *تمراج* – *temrej* (собственное имя), *بيالم* – *bielim* «пятый», *بلوك* – *belük* «знак», *هير* – *ħir* «дочь», *أيج* – *ayič* «месяц», *طحر* – *toxor* «девять», *تواتم* – **tevatam* «четвертый», *ات* – **at(i)* «он был» <Ашмарин 1902: 103>.

Уже на основании этих слов можно было подметить сходство болгарских форм с чувашскими, и, действительно, еще Фейз Ханов указал на него <Фейзханов 1863>. Сближение чувашского языка с болгарским на основании надписей было сделано затем Н.И. Ильминским в письме к В.В. Григорьеву¹⁵. Наконец, большую статью посвятил вопросу об отношении чувашского языка к болгарскому Н.И. Ашмарин <Ашмарин 1902>. Выводы Ашмарина были впоследствии приняты В.В. Радловым¹⁶ и Z. Gombocz'ом <Gombocz 1912>.

В русских летописях сохранилось одно болгарское слово, крайне характерная для этого языка форма, именно тьрун = *turun* || тур. Орх. *tuđin* «наместник» <Шахматов 1918>¹⁷.

На основании этого, правда, скромного материала можно установить, что 1) чувашскому *r*, соответствующему тюркским *d ~ z ~ j < *ǰ*, в болгарском языке тоже соответствовал *r*, 2) чувашскому *r*, соответствующему тюркск. *z* и монгольск. *r*, восходящим к **ř*, в болгарском языке соответствовал тот же звук *r*, 3) чувашск. *l*, соответствующему тюркскому *š* и монг. *l*, в языке болгар соответ-

¹² Ср. <Григорьев 1876: 94–95; Шестаков 1884: 71> и др.

¹³ Исчерпывающий библиографический материал в статье А.А. Куника о родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именику <Куник 1878> и в статье В.В. Бартольда *Bulghār* в *Encyclopaedia of Islam* <Encyclopaedia 1913: 791>.

¹⁴ Они изданы Березиным в статье «Болгар на Волге» <Березин 1852>, Фейз Хановым в статье «Три надгробных болгарских надписи» <Фейзханов 1863>. О неизвестных надписях, а также прежних работах, посвященных им, см. <Ашмарин 1902>.

¹⁵ См. статью «О фонетических отношениях между чувашским и тюркским языками» <Ильминский 1865: 80>.

¹⁶ В ненапечатанной статье, упомянутой выше.

¹⁷ Ср. <Самойлович 1918>.

ствовал *l* (срв. *jal* «год» † тюрк. *yaŕ* «год жизни»), 4) чувашскому *ç* († тюрк. *q*) соответствовал в болгарском *ç*, 5) чувашской форме *ујәх* «месяц» соответствовала в болгар. языке форма *аујѝх* id. в отличие от *ai* всех прочих языков.

Множество слов, заимствованных из *r*- и *l*- языка, каким является болгарский и чувашский, имеется в венгерском языке. Таким образом, венгерский язык является драгоценным источником для познания древнеболгарского языка¹⁸.

На основании данных венгерского языка можно установить, что болгарский язык и родственные ему диалекты *r*- и *l*- языка простирались далеко на юго-запад, занимая, кроме Волжско-Камского района, значительную часть южнорусских степей. Исторические данные позволяют также установить приблизительную хронологию болгарско-венгерских сношений: это должно было происходить, по мнению Gombocz 'a, до IX столетия после Р. Х. <Gombocz 1912: 201, 205>. Но тот язык, диалектом которого был болгарский язык, простирался также далеко на северо-восток: об этом свидетельствуют немногие заимствования из *r*- и *l*- языка в самоедских диалектах, срв.: сам. Юрак *jur*, сам. Тавг. *jir* «сто» <Castren 1855: 15, 53> <срв. болгарск. *jur*, чув. *сэр* id. † тюрк. (все диал.) *yüz* id. Таких примеров можно привести еще несколько, но и эти достаточно иллюстрируют сказанное.

Таким образом, можно полагать, что на границах Европейской России с Азией от Оби и Иртыша по Уралу до Камы и Волги и далее на юго-запад, быть может, до Дона, говорили на каком-то особом языке, имевшем большое сходство с нынешним чувашским языком, одним из диалектов которого был и болгарский язык. Поэтому можно полагать, что нынешние чуваша являются потомками, быть может, болгар, живших в лесах Поволжья и имевших, вероятно, очень слабую связь с городским населением и его цивилизацией¹⁹.

Таким образом, можно считать вопрос об отношении болгарского языка к чувашскому решенным и считать чувашский и болгарский языки диалектами одной группы, для краткости диалектами болгарской группы²⁰.

Выше было сказано, что некоторый материал может дать так называемый болгарский именик; однако к этому материалу следует относиться с большой осторожностью. Уже Куник полагал, что некоторые из слов именика передают тюркские и чувашские числительные <Куник 1878: 121>, каковое мнение принял Радлов, сделавший попытку расшифровать это малопонятные слова <Радлов 1878>. Попытка Радлова не может считаться удачной, и Marquart справедливо указал, что по Радлову выходит, что одно и то же числительное в этом памятнике встречается в нескольких совершенно различных формах, вследствие чего Marquart полагал, что болгарские слова скрывают в себе не числительные, но характеристики правлений <Marquart 1898: 98>. В последнее время вопросу о болгарском именике посвятил статью J.J. Mikkola <Mikkola 1913–1918>, выяснивший, что болгарские слова обозначают циклические названия годов. Однако совсем бесспорным этот вопрос не может считаться и теперь, ибо многие формы восстановлены совершенно произвольно, а другие *прямо противоречат* духу болгарского языка. Формы эти следующие:

¹⁸ Вся литература по этому вопросу у Gombocz 'a <Gombocz 1912; 1913>.

¹⁹ Ср. <Encyclopaedia 1913: 791>.

²⁰ Ср. <Самойлович 1922: 14>.

1) *šegor* < *šiyir* «бык, корова» <Там же: 11>. Сомнений не возбуждает.

2) *dvanš* < **davšan* «заяц» <Там же>. Форма явно не болгарская, так как на основании монгольского *taulai* < **tawlai* † тюрк. *tabišqan* id. ожидали бы *l*- форму.

3) *dilom* < **đilan* «змея» <Там же>. Сомнений не возбуждает.

4) *doxs* «свинья», срв. тур. Ком. тогуз и т. д. <Там же: 12> Для болгарского следовало бы ожидать форму с *r*, т. е. **doxr*.

5) Форма *somor* = -*so* + *morin* «конь» † монг. *morin* id. восстановлена произвольно и разбита надвое <Там же>. Кроме того, неизвестно, существовало ли в болгарском языке слово *morin*, засвидетельствованное только в монгольском языке. Менее всех сомнительны формы *veštem* = чув. в'іс'сэм «третий», *tutom* = чув. тэватэм «четвертый», *tvirem* = чув. тэххэрэм «девятый». Остальные не соответствуют представлениям о болгарском языке, срв. *bex̄ti* < **beštem* «пятый» = чув. піллэк «пять», срв. болгарск. надписи *bielim* «пятый», *l*- форма <Там же: 16>.

Как видно, болгарский именник содержит ряд совершенно искаженных и *невосстановимых* форм. Это необходимо иметь в виду и лучше отказаться вообще от сопоставлений форм именника с нынешними чувашскими и от исторических построений на основании этого лишь материала.

Это все, что можно сказать о материалах для исследования чувашского языка и других, ныне исчезнувших говоров болгарской группы языков.

Некоторый материал для исследования истории специально чувашского языка дают чувашские заимствования в финно-угорских языках: в вотяцком и зырянском <Wichmann 1903>, в черемисском <Räsänen 1920> и в мордовском <Paasonen 1897>, но эти заимствования в большинстве случаев новые и малоинтересные.

Указатель главнейших пособий для изучения чувашского языка

Н.И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I. Учение о звуках. Ч. II. Учение о формах. Казань, 1898.

Н.И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Казань, 1903.

Н.И. Ашмарин. Thesaurus linguae tshuvaschorum. Вып. 1, 2. Казань, 1910, 1912.

В.П. Вишневский. Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской Епархии. Казань, 1836.

В.П. Вишневский. О чувашском языке. (Заволжский муравей, 1832, № 20.)

Z. Gombocz. Csuvas szójegyzék. Nyelvtud. Közlemények XXXVI.

А.И. Добролюбов. Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и перевода оригинальных чувашских статей. Воспитанника Казанского частного Миссионерского Приюта Александра Ив. Добролюбова. – Под ред. Ник. Ив. Золотницкого. Казань, 1879.

Н.И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

Н.И. Золотницкий. Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Вып. I. Отдел звуковой. Казань, 1871.

Н.И. Золотницкий. Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска согласных гортанных звуков. Казань, 1877.

Н.И. Ильминский. О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками. ИИАО V. СПб., 1865.

J. Klapproth. Comparaison de la langue des tchouvaches avec les idiomes turcs. Nouveau Journ. As. T. I. Paris, 1828, p. 237–246.

В.И. Лебедева. О чувашском языке. Ж. М. Вн. Д. 1852, ч. 40, стр. 79–117.

Н. Лебедев. Пособие к изучению чувашского языка по материалам Н.И. Золотницкого издал – Казань, 1894.

Levesque. Grammaire abrégée de la langue des Tchouvaches par – Journ. Asiat., t. VI. Paris, 1825. Составлена на основании «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка».

В. Магницкий. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.

В. Магницкий. Дополнения к «Корневому чувашско-русскому словарю». Казань, 1875 в Каз. Губ. Вед. за 1882 г. на основании материалов, оставшихся после смерти Н.И. Золотницкого.

В. Munkácsi. Csúvas nyelvészeti jegyzetek. Nyelvt. Közl. XXI.

Н.В. Никольский. Русско-чувашский словарь. Казань, 1909.

Н. Paasonen. Csúvas szójegyzék. Budapest, 1908. (Nyelvt. Közl. 1907–1908.).

G.J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. JSFOu XXXVIII, 1. Helsinki, 1922–1923²¹.

В. Сбоев. Исследования об инородцах Казанской губернии. I. Заметки о чувашах. Казань, 1856.

В. Сбоев. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношении. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания. Москва, 1865.

П. Савельев. Казанские чуваша. Ж. М. Вн. Д., ч. 36. 1851, стр. 391–412.

Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Издано, вероятно, в Москве в 1769 г. Рецензия в Götting. gel. Anz. 1770, S. 419²².

Guilelmus Schott. De lingua tschuwashorum. Dissertatio qua ad audiendam praelectionem muneris rite adeundi gratia die XXXI mensis Julii, hora prima habendam invitatur. Berolini (вероятно 1841 г.).

Его же, в переводе на французский язык в издании E. Leroux. La langue des Tschouwaches par W. Schott. Paris, 1876²³.

W. Schott. Etwas über die Tschuwassische Sprache. Erman's Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. 1843. Heft I, p. 115–120.

Что касается книг и статей, принятых во внимание при составлении настоящей работы, то указатель им здесь не будет дан, так как в ссылках названия приводятся полностью.

²¹ См. мою рецензию: <Поппе 1924а>.

²² Ср. <Куник 1878: 144, прим. 1>.

²³ По указанию у Н.И. Ашмарина <Ашмарин 1898: XXV>.

Остается еще сказать несколько слов о внешней стороне настоящей работы. Чувашские формы приводятся всюду в транскрипции Н. Раасонен'а, но знаками русской лингвистической азбуки, так как, согласно принятой здесь системе, знаками латинского алфавита транскрибируются формы письменные, а знаками русского алфавита формы живой речи. Из монгольских форм обыкновенно указываются лишь письменные, тюркские формы приводятся не все, чаще лишь уйгурские, орхонские, османские и т. д.; так как в пределах тюркских наречий бросается в глаза фонетическое единство.

Многие из предложенных здесь этимологий и примеров взяты из трудов G.J. Ramstedt'а без указания источника, так как большинство из них принимается всеми. Кроме того, это сделано с целью не загромождать текст ссылками. Только относительно некоторых, наименее бесспорных, этимологий делаются указания об их источнике.

II. Смычные в начале слова

§ 1. В тюркских диалектах в начале слова встречаются только глухие смычные p, t, q, k , а из звонких b . Диалектически $k > g$. Из названных фонем p – вторичного образования ($< *b$: в алтайском, теленгитском, etc.), так как праязыковая фонема $*p$ не сохранилась нигде, и слова, начинавшиеся на $*p$, в тюркских и монгольских языках начинаются с гласного. В монгольском языке XIII–XIV в. фонема $*p$ еще отражалась как h^{24} . Этот праязыковой $*p$ сохранился в anlaut'e только в маньчжурском языке и тунгусских наречиях, отражаясь как f или p . На основании имеющихся данных историю этого $*p$ можно представить следующим образом: $*p > *f, *φ > *h > 0$ <Ramstedt 1916: 9>. Чувашский язык в данном случае разделил судьбу монгольского и тюркских языков: праязыковой $*p >$ чув. 0, чувашский же п восходит к $*b$.

В глухих фонемах q, k, t в начале слова в тюркских наречиях совпали глухие и звонкие $*q, *γ, *k, *g, *t$ и $*d$ только на основании монгольских и тунгусских соответствий можно установить, в каких случаях тюркский глухой восходит к глухому и когда к звонкому. Чувашский язык в данном отношении представляет собою полную аналогию к тюркским диалектам.

§ 2. Тюркскому велярному заднеязычному q в чувашском языке соответствует х. Переход $*q > x$ завершился задолго до XIV столетия, так как в болгарских надгробных надписях начала XIV столетия уже встречаются формы с $χ$, например $χīr$ – $χīr$ «дочь, девушка», $τχor$ – $toχor$ «девять». В болгарских же заимствованиях в венгерском языке q удержался как смычный: срв. венг. $karó$ «кол» $< *qariγ >$ || осм. казык id. <Gombocz 1912: 202> || монг. $qadayasun$ id. и т. д., и лишь в немногих словах в венгерском языке этому $*q$ соответствует h : срв. венг. $harang < *χaraη >$ «котел» † тюрк. $qazan$ id. <Там же: 166>. Поэтому с точностью доказать, когда завершился процесс развития $*q > x$, трудно, но можно предполагать, что в VIII–IX столетии, когда должны были происходить венгерско-болгарские сноше-

²⁴ Ср. <Поппе 1925: 195> сл. слова: һүнеген, һүкер и т. д. (Имеет в скором времени выйти в свет.)

ния <Там же: 205>, это явление частично или диалектически (**χaraŋ*, но **qariŋ*) уже должно было наблюдаться, а к началу XIV столетия этот процесс уже завершился.

Как уже сказано, чувашский *x* соответствует тюркскому велярному заднеязычному смычному *q*. Что касается тюркского медиопалатального *k*, то ему соответствует в чувашском языке *k*. Здесь следует заметить, что различие велярного *q* и медиопалатального *k*, вероятно, очень раннего происхождения. Уже в праязыке должны были существовать два заднеязычных: велярный и медиопалатальный, ибо отражаются они во всех алтайских языках различно: **q* > монг.-письм. *q*, ойратск.-письм. *χ*, монгольские живые диалекты *x*, тюркские все диалекты *k*, якутск. *k^x*, чувашск. *x*; **k* > монг. и ойратск.-письм. *k*, ойратск. говоры *k*; монгольск. живые диалекты *x*, тюркск. все диалекты *k*, чувашск. *k*.

Примеры чув. *x* < **q*

Чув. хэл «зима» † тюрк. *qiš* id.

Чув. хэлэх «конский волос, струна» † тюрк. *qil* id. † монг. **qilya* + суфф. *-sun*, *kilyasun* id.

Чув. хуп- «запирать» † тюрк. Осм. *капа-* id., Орх. *qarïy* «ворота» † монг. **qawa-* > *qaya-* «запирать», халх. *xā-* id., *qayalya* «ворота», халх. *xālgā* id., дэрб.-Астр., Кобд., торгут. *xālgā* «дорога» < «ворота».

Чув. хүре < *хүре «хвост» † тюрк. **quduruq*, *quduruq*, Як. кутурук, Сой. кудурук, Саг. кузрук, Каз. *koïruk* id. † монг. *qudurγa* «подхвостный ремень».

Переход **q* > *x* наблюдается также в старых заимствованиях: срв. чув. хушка «плешь» < тюрк. *qašqa* id. † монг. *γaljan* id. В новых заимствованиях смычный удерживается, срв.: чув. калбак «шапка» < срв. Каз. *калпак* id. † монг. > *qalbang* id., халх. *халбаң* id. Чув. карэндэк «оконное стекло» < срв. Кирг. карындык «брюшная перепонка, служащая стеклом в окне». К карэндэк < карындык срв. чув. хурэндаш «родственник» < тюрк. *qarındaš* «брат» (старое заимствование), чув. хырэм «живот» † тюрк. *qarın* id. † монг. *qarbing* «отвислое брюхо» (закономерно).

Перед *i*, **i* в монгольском языке **q* > *k*, т. е. перешел в передний ряд, в старинных же рукописях еще встречаются формы *qilinčatan* «грешные», *qijayar* «предел, граница», etc.²⁵ Точно так же в чувашском языке **q* перед **i* и **y* был раньше палатализованным и затем исчез вовсе, дав *j*, т. е. **q* > *j* перед **i* и **y*, срв.: чув. *jün* «кровь» < **qian* † як. *k^xān* id., все тюркск. диалекты *kan* id.

Чув. *jül-* «оставаться» < **qial* † як. *k^xāl* id., все тюркск. диалекты *kal-* id.

Чув. *jür* «снег» < **qiar* † *k^xār* id., все тюркск. диалекты *kar* id., монг. *kirmay* «снежок».

Чув. *jәнә* «ножны» < **qini* † тюркск. Каз. *kyn* id.

Чув. *k* < **k*

Чув. *кала-* «говорить» † монг. *kele-* id.

Чув. *кәмәл* «серебро» † тюркск. *kümüš* id.

Чув. *кәбәр* «мост» † тюркск. *köprük* id. † монг. **köwerge*, письм. *kögerge* id. Срв. самоедск. Камасинск. *khöürü'* < **köwrüy*.

²⁵ Ср. <Владимирцов 1918: 1550>. Ср. <Поппе 1925: 204>.

Чув. ківзэн «заем», срв. венг. *kölcsön* id. < **kölsün* <Gombocz 1912: 103> † монг. *kölüsün* «заем, проценты» и т. д.

§ 3. Как сказано выше, в тюркских диалектах первоначальные глухие и звонкие в начале слова совпали, точно так же в чувашском. Точно установить, когда чувашский или тюркский глухой восходит к звонкому, можно только на основании данных монгольского языка, так как в тюркских диалектах, главным образом в османском, наблюдаются вторичные звонкие на месте первоначальных глухих: срв. Осм. *dāvā* «верблюду» < **tebe*, но дөрт «четыре» < **dört*. Вообще же, даже в древнейших памятниках тюркских наречий, в языке орхонских надписей, в начале слова кроме *b*, других звонких не бывает.

Древний болгарский язык тоже не имел звонких смычных *γ* или *g* в начале слова, ибо монгольскому слову *gölige* «щенок, молодое животное» в болгарском языке соответствовала уже форма с глухим смычным, срв.: венг. *kolyök, kölök* «маленькая собака, щенок» < **kölek* † тюркск. *köšek* «молодое животное, верблюжонок» <Там же: 104>. Ничего не дают и языки пермские, ибо вотяцкого слов *gubi* и зырянск. *gob* «гриб» < ? чув. *кәмба* «гриб» <Wichmann 1903: 7> недостаточно для каких бы то ни было заключений, тем более, что *gubi* может быть даже заимствованием из русск. «губка, губа»²⁶.

Во всяком случае можно установить для праязыка **γ* на основании монгольского языка для следующих форм:

Чув. хур «гусь» † тюркск. все диалекты *qaz* id. † монг. *γalayun* ~ **γarayun* «гусь», срв. Дахурск. (Ивановск.) *кару* «гусь», маньчж. *γaru* «лебедь», тунг. *Castr. galaf* «гусь» < монг.²⁷

Чув. хушка < тюркск. *qaşqa* «лысына» † монг. *γalja* id.

Чув. хэрхү «кислый» † тюркск. Уйг. *qadju*, др. диал. *кайбу*, *казбу* «горечь, печаль» † монг. *γasiγun* «горечь», *γasiγuda-* «печалиться».

Таким образом, чувашск. *х* < **q* † тюркск. *q* † монг. *q*, чувашск. *х* < **γ* † тюркск. *q* † монг. *γ*, чувашск. *к* < **k* † тюркск. *k* † монг. *k*, чувашск. *к* < **g* † тюркск. *k* † монг. *g*.

§ 4. Переходя к глухому смычному **t*, следует сказать, что в монгольск., тюркск. и чувашск. языках он всегда отражается как *t*. В положении перед **i*, **i* праязыковой **t* > монг. *č*, чувашск. *тiш* <Gombocz 1913: 17>²⁸.

Чув. *т* < **t*

Чув. туп- «находить» † тюркск. *tap-* id., тапкак «загадка» † монг. **tawa-*, письм. *тауа-* «отгадывать», *тауабур*, *тауатау* «загадка».

²⁶ Ср. у Munkácsi <Munkácsi 1883: 432>. Wichmann иного мнения, ср. <Wichmann 1903: 58>.

²⁷ Соответствие монг. *l* † чув. *г* † тюрк. *z* заставило Gombocz'а отвергнуть эту этимологию, предложенную Ramstedt'ом (<Ramstedt 1902: 97>) и предложить другую, ср.: <Gombocz 1913: 15>. Однако тунгусские формы говорят в пользу этимологии Ramstedt'а.

²⁸ Ср. <Räsänen 1920: 34; Ramstedt 1922: 24>.

Чув. туглэ «сладкий, вкусный», тудан- «отведать» † тюрк. Каз. таты- «б. вкусным», Ком. *tatiŋ* «вкус», Орх. *tatiŋliŋ* «сладкий, вкусный», Осм. татлы «вкусный» † монг. *tačiya*- < **tatiya*- «вожделеть», *tačiyangyui* «похоть».

Чув. тар- «бежать» † тюркск. *tez*- id.

Чув. тэл «место» † тюркск. *tuŧ* «противолежащая сторона, подходящее место».

Чув. тэхэр «девять» † тюркск. *toquz* id.

Чув. тэв- «толочь» † тюркск. **tüg*-, Джаг. *tüi*-, Каз. *töi*-, Кирг. түй- «толочь» † монг. **tügül*-, халх. *tüi*- «раздавить», *türi*- id., *tür*- «развалиться».

Чув. *t* < **t*ⁱ

Чув. *t*šэл- «щепать лучину» † тюркск. *til*- «колоть».

Чув. *t*šэм «жизнь, дыхание» † тюркск. Уйг. *tin* «душа», *tinliŋ* «одушевленное существо», Якутск. *t*šн «дыхание, душа».

Чув. *t*šэр «колени» † тюркск. *tiz* id. † монг. *türei* «голенище».

Чув. *t*šэрне «коготь» † тюркск. *tirnaŋ*, тырнак, тырнау id.

Чув. *t*šик- «колоть, всовывать» † тюркск. *tig*- id., Якутск. *тык*- id., Осм. *тыкач* «пробка» † монг. *čiqul* «тесный».

Чув. *t*šул «камень» < **t*šјал < **tjal* † тюркск. *taŧ*, Якутск. *t*šс «камень» † монг. *čilaŋun* < **tjalayun* «камень».

Переход **t*ⁱ > чув. *t*š завершился, вероятно, не так давно: об этом свидетельствуют заимствования в венгерском языке, срв. венг. *tyúk* «курица» † чув. *t*šэхэ † тюркск. Ком., С.-Сом. *taos*, Осм. *tauŋ*, Чагат. *taŋuŋ*, *taŋuŋ* и т. д. † маньчж. *čogo* «курица» † монг. *takiya* «курица» <Gombocz 1912: 135>²⁹.

В некоторых новых заимствованиях *t* перед узкими гласными дает тоже чув. *t*š: чув. *t*šуредже «окно» < Каз. *t*šрәзә < перс. и др., но вообще *t* перед **i*, **i* в заимствованиях удерживается всюду, срв.:

Чув. *t*šнла- «внимательно слушать» < тюркск. срв. Орх. *tinla*- id., Каз. *тыңна*- id. † монг. *čingla*- id.

Чув. *t*šрэс «сосуд из бересты» < срв. Каз. *тырыс* id.

Чув. *t*šлхебе «вожжи» < тюркск. срв. Каз. *t*šlbigä id.

Чув. *t*šнэс «море» < тюркск. *tengiz*. Срв. венг. *Tengër* «море» < древнего чувашск. **tengir* <Там же: 128>. Монг. и чув. формы *t*šнэс и *tenggis* – заимствованы из тюркского.

Наконец, переход **t*ⁱ > *t*š в незаимствованных словах не произошел в следующих немногочисленных формах: чув. *t*šвэр «узкий» < **t*švir «узкий» † *čigiraŋ* «массивный, слишком толстый, не входящий в отверстие», *čigir*- «быть тесным, не вмещаться» † тюркск. *t*švir «узкий».

Чув. *t*šр- «надевать, нанизывать» † тюркск. Джаг. *tiz*-, Осм. *diz*-, в др. диал. *tis*- id.

В заключение о фонеме **t* в anlaut'e следует заметить, что установленный J. Németh'ом фонетический закон, согласно которому монг. *s* † тюрк. *t* † осм. *d* перед всеми гласными <Németh 1911: 401–402; 1913–1914: 4>, в правильности которого справедливо усомнился Г.И. Рамстедт <Ramstedt 1913: 69>, основан на недоразумении, так как монг. *sana*- «думать» не = тюрк. *tani*- «знать», но

²⁹ Ср. <Räsänen 1920: 35>.

sana- † тюрк. *san-*; тюрк. таны- < монг. *tani-*; тюрк. *tün* «ночь» не † монг. *söni*, но *tün* † монг. *tüne* «мрачный», etc.

Таким образом, **t* > монг., тюрк. и чув. **t*, перед **i* или **i* дает монг. *č*, чув. *тiц*, тюрк. *t*.

§ 5. Переходя к звонкому смычному **d* в начале слова, следует сказать, что его отражения в современных тюркских диалектах совпали с отражениями **t*, в монгольском же **d* > *d* <Gombocz 1913: 27>. Таким образом, для чувашского и тюркских языков можно установить **d* там, где тюрк. *t* † монг. *d* † маньчж.-тунг. *d*, например:

монг. *dabusun* «соль» † чув. *тэвар id.* † тюрк. *tuz*, якутск. *tүс id.*

Монг. *dörben* «четыре» † чув. *тэватгэ, тэвадэ id.* † тюрк. **dört* > Як. *түөрд*, Каз. *дүрт id.*, др. диал. *tört id.*

Тунг. Гольд. Г р у б е *želgá* «голос», *delga id.*, К. *dylgan*, тунг. С а s t r. *dilgan*, маньчж. *jilyan id.* † чув. *тiцэлхе* «язык» † тюрк. *til* «язык».

Этот звонкий **d* в эпоху, когда происходили первые сношения венгров и чувашей-болгар, по-видимому, еще существовал, ибо на это указывает такая форма, как венг. *dél* «полдень, юг» < *dül* † монг. *düli* «середина, полдень» † маньчж. *dulin* «середина, полдень» † Уйг., Чагат. *tüš* «полдень, юг» <Gombocz 1912: 68>, хотя это единственный пример.

§ 6. Остается еще сказать несколько слов об отражениях праязыкового **b*. В чувашском языке **b* > п, как в Алтайском, Теленгит., Сойот. и пр. <Radloff 1882: § 117>. Переход **b* > чув. п завершился, вероятно, в недавнюю пору, так как в венгерском языке чувашско-булгарские слова заимствованы с *b* в anlaut'e, срв. венг. *borjú* «теленок» < **burayu*, чув. *пэру id.* † монг. *birayu id.* † тюрк. *bizau id.* В болгарских надгробных надписях тоже встречаются только формы со звонким, срв. *بيالم* – *bielim* «пятый», *بلوك* – *belük* † чув. *паллә* «знак».

Примеры **b*

Чув. *пујан* «богатый» † монг. *bayan id.* † тюрк. *bai id.*

Чув. *пурне* «палец» † тюрк. *barmaq* † монг. *bari-* «хватать».

Чув. *пыл* «мед» † монг. и тюрк. *bal id.*

Чув. *паллә* «знак» † тюрк. Уйг. *belgü id.* † монг. *belge id.* С *bil-* «знать» ничего общего не имеет. Венг. *bélyeg*, слав. *белегъ* «знак» < болгарск. К чув. *паллә* «знак» срв. чув. *палла-* «узнавать», а к тюрк. *bil-* «знать», *bilig* «ум» срв. чув. *пэл-* «знать» <Gombocz 1912: 43; Räsänen 1920: 174; Gombocz 1921: 84>.

Смычные в конце слова и в положении между гласными

§ 7. В отношении смычных в конце слова тюркские диалекты разделяются В.В. Р а д л о в ы м на группы, которые можно свести к двум: к одной будут относиться те диалекты, в которых на конце слова встречаются только глухие, к другой же те, в которых встречаются в этом положении и звонкие. Ко второй группе относятся южные и среднеазиатские диалекты <Radloff 1882: § 256>, а также

язык Енисейско-Орхонских надписей <Radloff 1911: 430> и уйгурский язык <Thomsen 1901: 247>, к первой же все остальные <Radloff 1882: § 251>.

Переходя теперь к заднеязычным смычным в конце слова, следует сказать, что звонкий ɣ в среднеазиатских и южных диалектах не всегда отражает *ɣ, но иногда и ausl. *q становится звонким, вероятно, в силу общей тенденции в этих языках, в силу которой следующий за долгим гласным смычный или аффрикат становится в османском звонким³⁰. Язык Енисейско-Орхонских надписей сохранил в чистоте первоначальный звонкий ausl. *ɣ (*g): этот *ɣ в ряде диалектов вокализуется (пройдя стадию спиранта) и сливается с предыдущим гласным <Radloff 1882: § 292>, например: -*aɣ > Осм. -ā, -aɣ, Каз., Кирг. -w, Алт. -ū, Як. -ыа; -*oɣ > Осм. -ō, Каз., Кирг., Алт. -ū, Як. -уо; -*eɣ > Осм. -āj, Каз. -ei, Кирг., Алт. -ī и т. д. <Grønbech 1902: § 41–44>. Таким образом, в auslaut'e можно предполагать всюду *ɣ, *g, где в современных диалектах долгота или спирант, которым в языке орхонских надписей соответствуют -ɣ или -g. При этом Орхонск. ausl. q (k) в других диалектах всегда соответствует смычный, который нигде не вокализуется. Последний восходит к праязыковым *q или *k.

В чувашском языке *ɣ в конце слова дает в или сливается с предыдущим гласным <Grønbech 1903: 120–121; Ашмарин 1898: 81; Räsänen 1920: 66>.

Примеры

Чув. с̣у- «идти (о дожде)» † тюрк. Осм., Чагат. *yaɣ-*, id., *yaɣmır* «дождь», Каз., Бар. *jaɣ-* «идти (о дожде)».

Чув. с̣у «масло» † тюрк. *jaɣ*, *ju* «жир, масло». Срв. чув. с̣эв-арни «масляница».

Чув. ту «гора» † тюрк. *taɣ*, таɣ, тау, ту id.

Чув. ту- «делать» † тюрк. *toɣ-*, т̣у- «рождать» † монг. *tuɣurbi-*, халх. *ṭuɣṛwä-*, *ṭuṛwī-* «начинать, продуцировать, делать» <Ramstedt 1912a: 25>.

Сопоставление чувашских и тюркских форм с монгольскими показывает, что часто за чувашск. или тюркск. ausl. *ɣ в монгольском следует еще гласный, т. е. в монгольском такой *ɣ относится к inlaut'у, так как первоначальный конечный гласный в тюркск. и чувашск. языках всюду исчез. Таковы следующие примеры:

Чув. су- «дойти» † Джаг., Тар., Осм. *saɣ-*, Кирг., Каз., Тар. *saɣ-*, Як. *ыа-* id. † монг. *saɣa-* id.

Чув. с̣у < *ỵɣ ~ *ịɣ- «мыть» † тюрк. Каз. *juɣ-*, Миш. *ju-* и т. д. «мыть», срв. чув. infn. с̣эвас «мыть» † монг. *ugɣa-* < *uɣɣa- < *ịɣi-ɣa «мыть», халх. *uɣā-* id. К фонетике срв. Ком., Туб. ыɣла- «плакать», др. диал. *jыла-*, Орх. *ỵɣla-* < *ịɣla-* id. † монг. *ugila-* ~ *uyila-* < *ịɣila- id. К появлению лишнего у в начале слова в тюрк. срв. Орх. *ī* «лес» <Thomsen 1916: 89–92> † др. диал. *ịɣač*, *jыɣач* «дерево» † монг. *iɣai* < *ị-ɣai «кустарник», которые восходят к форме с anl. *p или *φ <Ramstedt 1916: 5; 1912a: 25>.

Чув. п̣эру «теленок», З о л о т н. п̣ру † тюрк. бузаɣы, бузау id. † монг. *birayu* id.

В положении между гласными *ɣ > чув. в, тюрк. ɣ ~ 0, в письменном монг. *ɣ* сохраняется, срв.:

Монг. *uɣuray* «молозиво» † Уйг. *uɣuz* id., Ком. *ȳc* id.

³⁰ Ср. <Grønbech 1902: 60; 1903: 230>. Ср. <Melioranskij 1904: 497>.

Монг. *boγos* «зародыш», *boγosča-* «беременеть» † Тоб. буғаз, Каз., Кир. буаз «беременный».

Монг. *dayara-*, дэрб.-Астр. дār- «зябнуть, мерзнуть» † Кирг. цаура- «дрожать от холода» и т. д.

Примеры чув. в < *γ

Чув. ывэл «сын» † Орх. *oγul*, др. диал. обул, оул, ўл, Як. уол id.

Чув. хэвэл «пустой» † тюрк. Уйг. *qoγuŝ* id. † монг. *qoγosun* id.

Чув. јэвэр «беременный» † тюрк. *aγir*, Каз. аур, Як. ыар «тяжелый».

Чув. сывэх «близкий» † тюрк. *yaγuq*, јағуқ, јауқ id. † монг. *dayan* «близко» **<Gombocz 1913: 23>**.

Чув. сивэ «холод» † тюрк. Осм. *soγuq*, соуқ id., Алт., Шор. сōk id., Тел., Каз. сүк id.

Чув. пэвэр «печень» † тюрк. Осм., Ад. бағыр id., Каз. баур, Якут. быар id. Чув. пағарда «птичий зуб» по Grønbech 'у, вероятно, обратное заимствование из черемисского **<Grønbech 1902: § 51; Räsänen 1920: 12>**.

Чув. савэл «кин» † тюрк. Кмд., Леб., Алт. сығыс id.

Чув. сывэ «здоровый» † тюрк. Чагат., Осм. *say* id., Кирг., Каз., Тоб. сау id., Алт., Тел. сү id. † монг. *sayin* < **sayin* «здоровый, хороший».

Во многих случаях *γ > чув. 0, т. е. пройдя стадию спиранта в, исчезает, срв. след.:

Чув. пыр «горло» † тюрк. *boγaz* id.

Чув. сэр- «месить» † Осм. јубур-, Тел. јүра- id. † монг. *juγura-* id.³¹

Праязыковой *g в положении между гласными дает в тюркск. диал. г ~ j, срв.:

Монг. *böge* «шаман», халх., бур. бō, дэрб., торг.-Астр. бō id. † Осм., Туркм. бүйү «колдовство», Осм. bүй id., Ком. *bügü* «мудрец», Чагат. *bügi* «колдовство».

Монг. *bögesün*, бур.-Хори бōһен «вошь», дэрб.-Астр., торг.-Астр. бōсң id. † тюрк. все диал. бит < **büt* < **biyit* < **bigit* id.

Монг. *köge* «сажа» † Кач. кјјä id., Кирг. кјјö id. и т. д.

Что касается отражений *g между гласными в чувашском языке, то Grønbech указывает схему: **eg* > чув. ав, **ig* > чув. і, **üg* > чув. эв **<Grønbech 1903: 120–121; 1902: § 51>**³² и приводит примеры: чув. ав- «гнуть» † тюрк. *eg-*, чув. сирэм «двадцать» † тюрк. *yigirma*, чув. јэвен «узда» † тюрк. *yöğön*, чув. сэвэ «шов» † Каз. joi- «шить», Бар., Алт. јік-; срв. еще чув. кэвэ «мелодия» † Бар., Ад., Кир. кјі «голос, мелодия», Бар., Тел. кј̄ «звук, напев» † монг. *kög* «тон, звук» и пр.

Таким образом, в конце и в положении между гласными *γ > монг. γ, тюрк. γ ~ 0, чув. в ~ 0; *g в том же положении > монг. g, тюрк. g ~ j, чув. в ~ 0.

§ 8. Глухой заднеязычный *q можно предполагать в конце слова в тюркск. диалектах там, где в орхонском q, которому в современных диалектах соответствует k, который не вокализуется (т. е. не > ь > 0), срв.:

тюрк. все диал. ак- «течь»; ак «белый»; ок «стрела»; Уйг. *yaq-*, Алт. Каз. јак- «приближаться», срв. јакын «близко»; Уйг. *oq* «крик, слово», *oqu-* «читать»,

³¹ Ср. еще у Ашмарина **<Ашмарин 1898: 49>**.

³² Ср. **<Räsänen 1920: 60, ср.: 12>**. Раньше еще **<Gombocz 1912: 168>**.

Кирг, Осм. оку- «звать, петь, читать», etc. В монгольском соответствуют тюркск. формам с *ausl. k* таковые с *inl. q*, т. е. тюркск. наречия утратили и здесь конечные гласные. Такие примеры относятся уже к *inlaut'у*, например:

Уйг. *uq* «понимание, значение», *uq-* «понимать», Алт., Леб., Кирг. *ук-* «слушать» † монг. *uqa-* «понимать».

Бар., Каз., Алт. *jak* «сторона», Кирг. *цак id.* † монг. *јага* «край, ворот» > тюрк. *јака* «воротник».

Алт., Леб., Осм. *тык-* «набивать, утрясти» † монг. *čiqul < tiqil* «тесный».

Уйг. *saq*, Тел., Леб. ККир. *сак* «чуткий, осторожный», Осм. *сакла-*, «охранять» † монг. *saki-* «стеречь, охранять».

Уйг., Орх. *siq* «давить, жать», Тел. *сык- id.* † монг. *siqa- id.*

Чагат., Тар. *bek* «крепкий», Уйг. *bek*, Крм., Шор., Кюар. *пак id.*, Каз. *бик id.* † монг. *beki* «крепкий».

Орх. *kök*, Як. *күөх* «синий, голубой», Уйг. *kök* «небо» † монг. *köke* «голубой», баит. *көк-тенр* «небо!».

Чагат., ККир., Ком. *tik* «прямой, крутой» † монг. *čike < *tike* «прямой».

В чувашском языке во всех двусложных (и многосложных) словах, согласно *Gombocz'у* и *Räsänen'у*, конечный **q > 0* (отпадает) и сохраняется или дает *x* в заимствованиях [<Gombocz 1912: 170; Räsänen 1920: 25>](#).

В действительности же **q* в конце слова закономерно дает чув. *x*, срв.:

Чув. *јух-* «течь» † тюрк. *aq- < *jaq- id.*

Чув. *јэх* «сперма» † тюрк. *uq*, *ук* «род, племя».

Чув. *пэх* «смотреть» † тюрк. *baq- id.*

Чув. *ујэх* «месяц», срв. булг. *ح id.* † Осм., Каз. и т. д. *ai id.*

Чув. *сілэх* «грех» † Уйг., Орх. *yazuq*, Чагат. *yazuq*, Каз., Алт., Осм. *язык* «грех, преступление».

Чув. *јэрэх < *iriq* «злой дух» † Орх. *їдиq* «священный», Як. *ытык* «почтенный, священный», Койб., Кач. *ызык* «посвященный», Алт. *ыјык* «предназначенный в жертву».

Точно так же *ausl. *k > чув. k* (сохраняется):

Чув. *кэвак* «синий» † Як. *күөх*, Осм. *гөк*, Алт. *көк, id.* † монг. *köke id.*

Чув. *алэк* «дверь» † тюрк. (все диал.) *äşik id.*

Чув. *пілэк* «талия, середина туловища» † монг. *belkegüsün < belke + суфф. -gü-sün- id.* † тюрк. *bel id.*

Чув. *піллэк* «пять» † Уйг. *beš id.*

Чув. *кірэк* «грязь» † тюрк. Уйг. *kir* «грязь, нечистоты, пятно» > монг. *kir, kkir id.*³³

На основании этих и других примеров можно заключить, что *ausl. *q, *k* в чувашском закономерно дают *x* или *k*. Что же касается случаев, когда тюркскому **q* в *ausl.* в чувашском языке соответствует 0 (т. е. отпал), то здесь в чувашском был не **q*, а **γ*, ибо слова, оканчивающиеся в тюркск. наречиях на *k*, имеют соответствия в чувашском с суффиксом *-*γ* (т. е. здесь просто разные суффиксы: в тюркск. *-q*, в чув. *-*γ*), срв.:

³³ Другие примеры «лишнего» *k* в конце слова в чув. у Ашмарина [<Ашмарин 1898: 85>](#).

Тюрк. Каз., Ком., Сой., Тоб. кадак «гвоздь, подкова» † монг. *qadaγa + sun* «гвоздь, кол».

Тюрк. Кирг. цудрук, Алт., Тел., Бар. јудрук, Як. сутурук, Караг. нудурук, Шор. нузрук, Койб. нумзурук < *нузурук «кулак» † монг. *nidurya* «кулак».

Тюрк. все диал. адак, ајак, азак «нога» † чув. ура «нога», etc.

Поэтому такие слова, как чув. эвэс «осина» или пурне < *пурине «палец» необходимо отличать от соответствующих тюркских форм. Прежде всего, эвэс с аусак, апсак «осина, тополь» может и не иметь ничего общего, ибо эвэс † Саг., Койб., Кач., Кыз. ос < *ōs < *aps «осина», а Каз. усак, Тоб. аусак, Осм. апсак «тополь, осина» < *arsaq (т. е. *aps + суфф. -aq), очевидно, не зависит от иранск. (срв. и.-евр. *apsika)³⁴. Что касается чув. пурне «палец», то пурне не < *barmaq, ибо чув. н никогда не восходит к *m, а во-вторых, здесь совершенно другой суффикс -не (суфф. прич. прошедш. времени) <Ашмарин 1898: 307> и не зависит от тюрк. суфф. nominis verb. -maq.

Наконец, что ausl. *q, *k в чувашском никогда не отпадают, доказывається суффиксами с -q: -лэк († тюрк. -liq) <Ашмарин 1898: 107>³⁵ (не зависит от -лэ † тюрк. -liγ † монг. -luγa)³⁶, -эк <Грамматика 1869: 26> (не зависит от -*γ <Там же: 25> † монг. -γa)³⁷, etc.

Конечный *q сохраняется в чувашском и в заимствованиях, например јумах «сказка» < Каз. jəmök id., чув. јанах «дверной столб» < Каз. јаңак id., чув. јасмэк «чечевица» < Каз. јасмык id. и т. д.

Z. Gombocz разделяет заимствованные из тюрк. (resp. болгарского) слова с ausl. q в венгерском языке на две группы: 1) слова, в которых k удержался, и 2) слова, в которых k отпал. В первой группе в части слов k дал на венгерской почве g <Gombocz 1912: 170>. В действительности же здесь произошло следующее: 1) такие слова, как *apró, békó, kapu*, etc. <Там же> восходят к формам с *γ в auslaut'e; 2) слова, как *kék, tyúk*, etc., восходят к формам с *q ~ *k в auslaut'e.

§ 9. Тюркские диалекты в положении между гласными и в конце слова имели в праязыке глухой *t. Соответствующим звонким был интердентальный спирант *ð. Последний в ряде диалектов дает j, з, д, т <Thomsen 1896: 190>³⁸. В монгольском тюркскому inl. *t соответствует t, а *ð > монг. d, перед i дает монг. j (как *t перед *i дает ċ). В чувашском языке t сохраняется как смычный, в положении между гласными *t > д; *ð > чув. р <Ашмарин 1898: 95; Gombocz 1912: 167; Räsänen 1920: 12>.

ausl. *t

Тюрк. (все диал.) ат- «бросать, стрелять», Як. ыт- id. † чув. ывэт- «бросать, кидать».

³⁴ Иначе у Ноорс <Ноорс 1905: 123; 1911: 632>.

³⁵ Ср. <Грамматика 1869: 22>.

³⁶ Вопреки В.В. Радлову <Radloff 1882: § 269; 182, anm. 1>.

³⁷ Ср. <Ramstedt 1902: 85>.

³⁸ Ср. <Grønbech 1902: § 36; Munkácsi 1883: 156; Gombocz 1913: 22, 29; Radloff 1882: § 338, §§ 274–275>.

Тюрк. (все диал.) от, Уйг. *oot* (= *ōt*), Як. уот «огонь» † чув. *вут id.*

Тюрк. Уйг. *qat*, все диал. кат «слой, ряд, этаж» † чув. *хут id.*

Тюрк. (все диал.) кат- «стать крепким, затвердеть, замерзнуть» † монг. *qata-* «засохнуть, затвердеть», *qataγu* «жесткий, твердый» † чув. *хыг-* «затвердеть, замерзнуть».

В положении между гласными **t >* чув. *д*, так как в этом положении в чувашском языке встречаются только *mediae lenes*; перед **i *t >* чув. *дж* или артикуляционно сильный *т́т́ш*.

Примеры

Чув. *вадэ* «старый» † монг. *ötegü* «старый», *ötel-* «стариться».

Чув. *јэдэ* < **ita* «собака» † Орх. *it*, Сой. *ыт id.*, Як. *ыт*, др. диал. *it id.*

Чув. *удэ* < **ota* «сено» † Уйг. *ot* «травя», др. диал. *от*, срв. Крм., Ног., Кирг. *отар* «пастбище», Осм., Чагат. *otar-* «пастись», срв. Уйг. *otači* «врач» † монг. *otači* «врач», срв. *отар* «пастбище», дэрб.-Кобд. *отрᠫᠣᠷ jowᠨ᠗* «находится на подножном корму» и т. д.

Чув. *с́т́т́шэ* «семь» † Ком., Чагат. *yeti*, Алт., Тел. *jätᠲᠲᠢ*, Осм., Кар., Л. Т. *jädi*, Кир. *цегі id.*, Орх. *yeti*, Енис. *yēti id.*

Чув. *в́джэ́гэн* «острый», **ōti-* † Уйг. *ōtkür-*, Алт., Тел., ККир. *ōtkür-* «пронзить», Тел., Леб., Шор. *ōtkür* «острый», Каз. *ūtқан* «острый» и т. д.³⁹. Поэтому такие формы, как чув. *адэл*⁴⁰ «Волга» следует признать новым сравнительно заимствованием из тюркск., так как здесь **t* перед *i* не > *дж*, срв.: дэрб., торг., хош. Астр. *icᠯ* < **ijil* < **idil* «Волга».

§ 10. Относительно фонемы *b* в положении между гласными *G r o n b e c h* утверждает, что Орхонск. *b*, чувашск. *в* и осм. *в* или *w* восходят к **b* < *Grønbech 1902: 46*>. Однако, как показывают следующие примеры, Орхонск. *b* часто является вторичным, восходя к **w*, срв. Орх. *sub* «вода», все проч. диал. *сᠦ*, *су*, **suw*; Орх. *yabyu* – высокая должность у древних тюрков < *Barthold 1897: 15–16*> † монг. *dayamal* < **dawamal* «ответственный, владетель, наместник» < *Ramstedt 1912b: 182*>; Орх. *yabiz*, Уйг. *yablaq* «негодный, подлый» † монг. *jayilaγu* < **jawilaγu* «жалкий, негодный» < *Там же: 185*>; Орх. *tabyač* < **tawyač* «Китай», срв. у Феофилакта Симокатты *Tavγḗst* < *Chavannes 1903: 246*> и т. д., наряду с Орх. *qabiš* «соединяться» † монг. *qabir-* «класть рядом», **qabi-* (восходит к форме с **b*) < *Ramstedt 1912a: 23*>.

Таким образом, на основании орхонского языка решить невозможно, где был **b*. Чувашский язык тоже ничего не дает, так как чув. 1) *в* < **γ* 2) *в* < **w*, 3) *в* < **γ*, 4) *в* < **b*.

Исходить приходится из монгольского, в котором **b* в положении между гласными > *b*. Вообще же, монг. *b* ~ *γ* восходит к **w*, так же, как монг. *γ* † тюрк. *b* восходит к **w*. К смычному **b* восходит в монгольском тот *b*, который не чередуется с *γ*.

³⁹ Ср. остальные примеры у < *Ашмарин 1898: 99; Räsänen 1920: 36*>.

⁴⁰ Правильно – *адэл*. – *Прим. ред.*

Примеры чув. в < *b

Чув. тэвар «соль» † монг. *dabusun* «соль».

Чув. сүлзэ, Золотницк. сівэлзэ «лист» † монг. *nabči* id. † тюрк. жапрак, цапрак, Як. сәбірдәх id.

Чув. ывэс «пригоршня» † Каз. уыч, Тар. бч, Осм., Ад. авуц, Ад. авыч, Кюар. ауц «пригоршня», **abuča* † монг. *ab-* «братъ», *abuča* «схватка, взятка» и т. д.

В положении между гласными в чувашском встречается и б̣, но он восходит к *p.

III. Спиранты.

§ 11. Праязыковой *s отражается в монг., турецк. и чувашск. языках как с. В Бурятск. *s > h, в Якутск. anl. *s > 0 (исчезает), пройдя стадию *s > *h > 0, в Башкирск. anl. s > h.

Примеры anl. *s

Чув. сағэр, саккэр «восемь» † тур. *sekiz* id.

Чув. самэр «жир» † тур. *semiz* id.

Чув. сав- «любить» † тур. *sev-* id.

Чув. савэл «клин» † тур. Кмд., Леб. сығыс id.

Чув. сэр- «фильтровать» † тур. Каз., Алт. сүз- id.

Чув. сэт «молоко» † тур. *süt* † монг. *sün* id.

Чув. сэмза «нос, клюв» † монг. *samsa* «ноздри».

Чув. сыхэ «осторожный» † тур. *saq* id. † монг. *saki-* «стеречь, быть бдительным».

Перед *i, *i̇, *s > чув. ш

Чув. шан- «завянуть» † Каз. сиң id.

Чув. шэвэ «жидкий» † Каз. сыжык † монг. *singgeg* id.

Чув. шэк «моча» † Каз. сідік, Осм. сідік, Як. ік id.

Чув. шэбэр «метла» † Каз. сибіркә «веник» † монг. *sigiür*, Халх. шүр «метла».

Чув. шыв «вода» † Орх., Уйг. *sub* < **suw*, Кирг. сү «вода» † монг. **usub*, срв. *usubki* «водянистый».

Чув. шур «болото» < **sjar* † Осм., Каз., Кир. саз id., Башк. һаһ «болото».

В положении между гласными *s > чув. з, в конце слова *s > чув. с, срв.:

Чув. ас «память, разум» † Уйг. *es*, Тел., Кар. Л. әс id.

Чув. јус < **jas* «горностай» † Орх. *as*, Каз. ас id.

Чув. кас- «резать» † тур. *kes-* id. и т. д.

Чув. пус- «давить, наступать» † Орх. *bas-*, Каз., Осм., Ад., Крм., Тар. и т. д. бас- id. † монг. *basu-* «оскорблять».

Чув. хэс- : куé х. «зажмурить глаза», хэстер- «давить» † Каз., Кирг., Алт. кыс-, Орх. *qis-* «давить» † монг. *kisa-* «давить, жать» и т. д.

Чув. эзан «тетерев» † Каз., Тоб. усан id.

Чув. казэк «кусок» † монг. *keseq* id. † Осм., Чагат. и т. д. *kesek* id.

Фонема *s в положении между гласными, из которых второй *i, дает в чувашском ж: чув. эжэ «теплый» † Джаг. *isiy*, Уйг. *isig*, Каз. іссі и т. д. В силу дис-

симилиации со следующим *s, начальный *s в чувашском исчезает <Ашмарин 1898: 102; Räsänen 1920: 27>. Что касается перехода *s > ш перед i, то уже в венгерском языке s перед i в заимствованных словах представлен как š, перед другими гласными как s. Срв. венг. s (= š) † чув. ш.:

Венг. *söpör, söpör* «мести», *söprü* «метла» † чув. шэбэр «метла».

Венг. *sérke* «гнида» † чув. шэрга id.

Венг. *síma* «гладкий» † Уйг. *siba*, Чагат. *šima* id.

Кроме того, в венгерском языке сохранился ряд форм с sz (= s) < *sⁱ, что указывает на то, что в эпоху заимствования *sⁱ еще не всюду дал š, срв.: венг. *szarú* «шест» † монг. письм. *siryu* (= *širyu*) id. и т. д. <Gombocz 1912: 120>.

§ 12. При определении праязыкового *š необходимо исходить из монгольского и чувашского, исключая случаи с ш в положении перед *i или *i, так как в этом положении развивается в этих языках вторичный ш⁴¹.

Примеры *š

Чув. шан- «верить» † тур. Каз. ышан-, Кар. Т. ышан- «доверять».

Чув. канаш «совет» † Уйг. *kenggeš* и др. <Räsänen 1920: 33> В некоторых случаях наблюдается соответствие чув. ш † тур. š, однако, как показал Räsänen, только в случаях диссимилиации в заимствованных словах <Там же: 34>. О случаях соответствия чув. ś † тур. š в auslaut'e см. ниже § 23.

§ 13. Турецкий j (|| Кирг. ц, Як. с) в начале слова восходит к разным фонемам: к *đ, *j, *n, *y. В чувашском все эти фонемы тоже совпали и дают ś.

Праязыковой *đ отражается в монгольском и маньчжурском как d, в турецких языках как j || ц и т. д., в чувашском как ś.

Примеры anl. *đ

Монг. *dalda* «скрытое, потайное, в тайне», *dal < *dal † тур. Каз., Кар. Т. јашын- «прятаться».

Монг. *darуа* «следующий по порядку», Дэрб., Баит. дарāлц «друг за другом», монг. *darui* «тотчас, вслед за» (попен на -i от глагола *daru-*) † тур. Уйг., Крм., Осм. *yarın* «следующий день, завтра». Самоедск. Тавг. *jāri* «ема «давить» <Castren 1855: 51> < монг. **đaru-* id.

Монг. *degeji* «лучшая часть», *degere* «вверх, выше» † тур. Уйг. *yeg* «хороший»⁴².

Чув. сывэх «близко» † Уйг., Орх. *yaуиқ*, Чагат. *yaug*, Бар., Леб. јауқ и т. д. «близкий» † монг. *daуа-* «следовать» † тунг. Castr. дага «близкий», дагауу id. и т. д.⁴³

Чув. сілхє, сілҫє «грива» † Осм. *jälä*, Кач. јелін, Койб. Castr. дїлн id., Як. сіäl id. † монг. *del* «грива».

⁴¹ Следует оговориться, что и это не всегда гарантирует от ошибок ввиду монгольских «переломов» гласных. Ср. <Рамстедт 1908: 51> и сл.

⁴² Иначе у Gombocz'a <Gombocz 1913: 27>.

⁴³ Ср. <Gombocz 1913: 23>.

Чув. *сyла-* «лизать» † Осм., Алт., Каз. *жала-* id., Кирг. *цала-* id., Як. *салā-* id. † монг. *doliya-, doluya-*, Халх. долб- «лизать» <Там же: 24>.

Чув. *сйла* «вымя» † Бар. *јілін*, Тел. *jālin*, Кирг. *целін* «вымя» † монг. *deleng* id. † маньчж. *delen* «вымя».

В положении между гласными и в конце слова **ḍ* > монг. *d*, тур. *t* || *д* || *з* || *ј*, чув. *p*.

Чув. *ура* < **аḍау* «нога» † Як. *атах*, Уйг. *аḍақ*, Сой., Ур. *адақ*, Шор. *Саг.*, Кач. *азак*, Осм. *ajak* «нога».

Чув. *сyран* «пешком» † Орх. *уаḍау* «пеший», Чагат. *уауақ* id., Бар., Каз. *јајау* id., Осм. *јаја* id., Абак. *јазак* id., Як. *сатб* «пешеход» к глаголу **уаḍа-* > самоед. Юрак. *јадам* «ходить» <Castren 1855: 12>. (Ввиду этого кажется сомнительным предположение К о р ш а, что турецк. формы заимствованы из средне-персидск. **pijādak* <Korsch 1912: 199>).

Чув. *тйар-* < **tīḍ* «унимать, останавливать» † Уйг. *tīḍ-*, Джэг. *tüz-*, Каз. *тыі-* id. † монг. *čid-ür* «треног».

Чув. *хур-* «класть» † Уйг. *qoḍ*, Осм., Чагат. *qo-*, Алт., Шор., Койб. *koі-* id. «ставить, класть» и т. д.⁴⁴

Когда слово в чувашском языке кончается на **y*, каковая фонема в этом положении сливается с предыдущим гласным, то суффиксы с нач. **ḍ* претерпевают такие же изменения, как в тех случаях, когда они присоединяются к основе с гласным в конце, т. е. **ḍ* > *p*, напр. *сурḗ* «доил» < **saḡḍi*.

Отсюда можно заключить, что комплекс *-*yḍ-*, принадлежащий к основе, т. е. в аморфных образованиях, должен дать тоже *p*, что действительно наблюдается:

Монг. *qayḍа* < **qayḍа* «сухая прошлогодняя трава» † Чув. **qayḍа* > *хура* «сухая трава» > луг.-черем. *ора*, горно-черем. *ара* «подстилка» <Räsänen 1920: 45>.

Тур. Крм., Кир., Леб., Осм. *ојан-*, Каз. *ујан-* «проснуться», Чагат. *oiyan-* † чув. *вэран-* id. и т. д.

Точно так же в положении перед некоторыми согласными **ḍ* > чув. *p*, а именно перед **l* и **n*, срв. чув. *сырла* «ягода» < **šidleg* < **yeḍleg* † тур. Леб. *jiglak* < **yeḍlek*, Алт., Тел., Кум. *jilak* «земляника». В венг. это слово заимствовано в форме *szöllő*⁴⁵ со значением «виноград» <Gombocz 1912: 125>.

Чув. *ерне* «неделя» < перс. *ādīna*.

В противоположность случаям, приведенным выше, когда в положении перед **n*, **l* в чувашском наблюдается *p* < **ḍ*, в обратных случаях, т. е. в положении после соноров **n*, **l*, **r* в праязыке был не спирант **ḍ*, но звонкий смычный **d*, вообще в inlaut'e не встречающийся, кроме положений после **n*, **l*, **r*. Это доказывается тем обстоятельством, что в языке орхонских надписей для комплексов *ld* и *nd* имелись особые начертания или же за *l*, *r*, *n* всюду следовал знак для *t*, указывающий, что здесь был не интердентальный **ḍ*, но звонкий смычный. Это предположение доказывается еще тем, что *d* суффиксов *-da*, *-dan*, *-di* и т. д. в чувашском языке после гласных и некоторых согласных дает *p* (<**ḍ*), но в положении после *n*, *l*, *p* переход в *p* не наблюдается⁴⁶. На основании этого можно установить для праязыка комплексы *-*nd-*, *-*ld-*, *-*rd-*.

⁴⁴ Ср. у G o m b o c z ' a <Gombocz 1913: 29; Ашмарин 1898: 95–96; Räsänen 1920: 44–45>.

⁴⁵ Современная норма – *szőlő*. – Прим. ред.

⁴⁶ Ср. <Thomsen 1896: 190; Grønbech 1902: 37; Gombocz 1912: 167–168>.

Примеры

Чув. *сэлдэр* «звезда» † тур. *yulduz id.*

Чув. *пулдэр* «младшие сестра или брат жены» † Каз., Осм. *балдыз id.*

Чув. *кэндэр* «юг, полдень» † Кир., Тар. *күндүз* «день», Осм. *гүндүз* «дневное время», Орх., Уйг. *kündüz* «день».

Чув. *эндэх-* «клясться» † Орх., Уйг. *antiq* (= *andiq*) «клятва» † монг. *andayar* «клятва».

Сказанное здесь прямо не относится к главе о спирантах, но все же имеет отношение к вопросу о **ǰ* и **d* в праязыке, почему пришлось остановиться на этом.

Остается сказать еще несколько слов о **ǰ* в чувашском языке. В VI столетии нашей эры anl. **ǰ* в некоторых турецких диалектах еще существовал. Можно привести следующий пример: название реки Яик у Менандра Протектора Δαῖχ <Tomaschek 1889: 39>, т. е. **ǰayiq*. Точно так же в болгарских заимствованиях в венгерском языке в anlaut'e наблюдается *gy* (т. е. *d'*) на месте нынешнего чувашск. *с* <Gombocz 1912: 180>. Однако относительно чувашского следует сказать, что в нем уже на очень ранней ступени развития в одной фонеме, из которой развился anl. *с*, совпали и **ǰ*, и **j*, и **n*, как в якутском *с* и *j* прочих диалектов.

Гораздо интереснее судьба **ǰ* в положении между гласными и в конце слова. На чувашской почве **ǰ* > *р*. Это явление очень древнее, что доказывается многими обстоятельствами. Прежде всего, переход **ǰ* > *р* одна из наиболее характерных черт чувашского языка, сближающая его с болгарским языком, срв. болгарск. *турун* (**turun*) † Орх. *tuǰun* «наместник» <Шахматов 1918: 395>. В эпоху первых болгаро-венгерских сношений переход **ǰ* > *р* уже начался: срв. венг. *karó* «гвоздь, кол» <**qariǰ*>, срв. Осм., Уйг. *qaziq*, Каз., Кирг., Алт., Тел., Леб. *казык*, Башк. *кадык id.* <Gombocz 1912: 90>, срв. Каз., Ком., Сои., Тоб., кадак «гвоздь» † монг. *qadayasun* «кол, гвоздь». В других же словах **ǰ* еще не перешел в *р*, срв. венг. *szólló* <**šiǰleg* † чув. *сырла*, Каз. *jiläk* «ягода». Неудивительно поэтому, если некоторые культурные заимствования из персидского языка подверглись этому же закону, срв. чув. *ерне* «неделя» <перс. *ādīna*, в др. диал.: Каз. *атна*, Крм., Кар. *Л. Т. айна id.*

§ 14. Фонема **у* отражается в anlaut'e в монгольском как *у*, турецк. как *j* (|| ц || с), в чувашском как *с*. В положении между гласными **у* > чув. *в* и *j*.

Примеры

Чув. *эуран* «пешком» † Орх. *yaǰay*, Алт. *jaǰay id.*

Чув. *сэвар* «рот» † Уйг. *ayiz*, Бар. *аыс*, Осм., Чагат. *ayz*, Каз., ККирг. *ауз*, ККир. *бз*, Тел., Алт. *ус*.

Чув. *сэмарда* «яйцо» † Бар. *јумуртка*, Осм. *јумурта*, Тар. *умуртка*, Тар. *омуртка*, *омутка* «яйцо».

Как видно, часто в чувашском наблюдается *с* < **у*, где в турецк. диалектах в anlaut'e гласный. Можно поэтому полагать, что в турецких диалектах начальный **у* исчез.

В середине слова, в положении между гласными, **у* > чув. *в*, срв.:

Чув. *хэвел*, *х³вел* «солнце» † тур. Уйг. *quyaǰ*, все диал. *куяш id.*

Чув. *сэв*, *су* «лето» † Уйг. *yai* (*yay*), все диал. *jai* (*jaj*) id.

Чув. *сэва*- «считать» † Осм., Крм. *сајы*, Чагат. *sai* «число, счет».

Кроме того, чув в < вторичного *у (< *д) в ряде заимствованных слов, так как развитие *у > в, вероятно, новое. Срв.:

Чув. *пэвэ*- «красить» < Каз. *буја*, Уйг. *buda*- † монг. *budu*- < **buda*- «красить».

Чув. *пэвэ*- «рост» < Каз. *буј*, срв. Уйг. *bod* «тело» † монг. *boda* «вещь, предмет».

Чув. *су* «лук» < тур. *jai*, срв. Осм. и т. д. *jai* «лук» † монг. *jadasun* «выструганные концы лука», **jada*.

Чув. *хыв*- «лить» < Каз. *kөi*-, срв. Саг. *кус*-, Алт., Тел., Леб., Кир. *куi*- «лить», **qid*-.

Чув. *хыв*- «перебрасывать мостик» < Каз. *куј*-, Уйг. *qod*- «класть»⁴⁷.

Этот переход *у > в завершился, вероятно, сравнительно недавно и притом в положении после или перед лабиализованными гласными. После и перед нелабиализованными гласными переход *у > в не наблюдается в чувашском языке, срв.:

Чув. *пујан* < **bayan* «богатый» † монг. *bayan* id. † Уйг. *bai*, др. диал. *баi*, *паi* «богатый».

Чув. *ујар*⁴⁸ < **ayar* «ведро» † тур. Кирг., ККирг., Каз., Осм., Ком. *ayaz* «ясная погода, мороз, лунный свет», Алт., Шор. *ајас* «ясный, безоблачный».

Чув. *ујэх*⁴⁹ < **ayiq*, срв. булг. *آج* «месяц» † тур. все диал. *ai*, Орх. *ay*, id. и т. д.

В заимствованных словах *у сохраняется, например, Чув. *хајар* «злой дух» (< араб.), но иногда и исчезает вовсе, например *хајицэ* ~ *хајдүжэ* «ножницы» < Каз. *каичы* id. < монг. *qayici* id. † Як. *кыптыi* < **qawiti* id.; чув. *уран*⁵⁰ < Каз. *airan* «кислое молоко»; чув. *хуйэ* < Каз. *кајын*, срв. *казын*, *кадын* < **qadiin* † монг. *qadam* «тесть»; чув. *хүре* «хвост» < **хујре*, срв. *кузрук*, *кутурук* «хвост» † монг. *qidurγa* «подхвостник» и т. д. Во всех приведенных примерах *у в чув. языке исчез, оставив после себя палатализацию следующего согласного (*хуй*), задние же гласные под влиянием его перешли в передний ряд, напр. *хү* «грудь» < **хуј*, срв. Осм. *којун* id.

Аффрикаты

§ 15. В монгольском и турецких языках имеются только два аффриката: **č* и звонкий **ǰ*. Первый из них отражается: в монгольском как *č*, в живых монгольских диалектах как *ц* (перед **i* сохраняется *ч*), в турецк. диал. как *ч*, в Кюарик., Бараб., Ирт., Мишер. *ц*, Шорск., Кирг. *ш*., Абак. и Якутск. с <Radloff 1882: § 283>. В монгольском, судя по записям, датированным XIII–XIV столетиями, в то время был еще всюду *č*, как ныне в южно-монгольском. В бурятских говорах **č* перед **i* отражается как *ш*, перед остальными гласными как *с*. В чувашском **č* во всех положениях дает *с*.

⁴⁷ Примеры еще у <Ашмарин 1898: 80; Räsänen 1920: 60>.

⁴⁸ В тексте статьи <у>- без диакритик. – Прим. ред.

⁴⁹ В тексте статьи <у>- без диакритик. – Прим. ред.

⁵⁰ Современная норма – уйран. – Прим. ред.

Примеры

Чув. *сэр*- «истлеть, сгнить» † Чагат. *čüri*-, Тар. *чүри*- id.

Чув. *суп*- «бить в ладоши, давать пощечины» † Уйг. *čab*-, Алт., Леб. чап- «бить» † монг. *čab-či*- «сечь».

Чув. *сүпсэ* «кадка» † Тел., Алт., Крм., Каз. чапчак «кадушка, ведро».

Чув. *сар* «войско, солдат» † Уйг. Чагат. *čerik*, Осм. *чәри* «войско, армия» † монг. *čerig* (< санскр.).

Чув. *саран* «лужайка» † Каз. *чирәм* id. и т. д.

В конце слова **č* > чув. *с*, между гласными *š*.

Чув. *күс*- «переселяться» † Алт., Леб., ККир. *көч*-, Уйг. *köč*- «кочевать».

Чув. *кас* «вечер» † Алт. *кәч*, Уйг. *keč* id.

Чув. *ус*- «открывать» † тур. *ač*- id.

Чув. *вас*- «летать» † тур. *uč*- id.

Чув. *выс*- «быть голодным» † Крм., Каз., Уйг. *ač*- id.

Чув. *ви́ссэ*, *ви́žэ* «три» † тур. *üç* и т. д.

Что касается чув. *ти́ц*, то последний восходит к **t'*, но в заимствованиях он соответствует турецкому *č*, напр. чув. *ти́пальш* «кривой» < Каз., Кмд. *чалыш* id.; чув. *ти́пан* «слава» < тур., срв. Алт., Тел. *чан*, Уйг. *čab* id.

В ряде заимствований наблюдается соответствие чув. ш и тур. ч, напр. чув. *шэ́пті́эк* «соловей», срв. Каз. *чыпчык* id., но такие случаи объясняются диссимилацией.

§ 16. Фонема **j* в тур. яз. дала *j*, совпав с отражениями **у*, **д* и **п*. В монгольском **j* > письм. *ж*, Халхаск. *з*, Ойратск. и Бурятск. *з*. В чувашск. **j* > *с*, напр. Чув. *сэ́нэ* «новый» † Орх., Уйг. *yangyï*, Алт., Тел. *јаңы*, Каз. *јаңа* id. † монг. *janggi* «новость».

Чув. *сэр* «земля» † тур. *jär*, *jir* id. † монг. *jerlig* «растущий в диком состоянии на земле».

Чув. *сэл*- «выщипывать» † Осм. *јол*-, Алт., Тел. *јул*- id. † монг. *julyu*- «выщипывать».

Чув. *сэрха* «иноходец» † Осм., Чагат. *yorya*, Алт., Тел. *јорҗо* id., *јор*- «ходить» † монг. *jiroya* «иноходец», *јорчи*- «шествовать», *јори*- «намереваться», *јори* «намерение, цель».

Чув. *си*- «есть» † тур. *jä*- id. † монг. *jeme* «стерво», *jimis* < тур. *yemiš* «плод» † маньчж. *je*- «есть», *jeku* «еда».

Чув. *су* «лук» † Алт., Койб. *ја*, Осм., Крм. *jai* < **jad* «лук» † монг. *jadasun* «концы лука».

Чув. *сул* «год» † тур. *јаш* «возраст, год жизни», срв. болгарск. *Ја* – *јал* «год».

В середине слова определить фонему **j* трудно, так как в монгольском языке в этом положении наблюдается также вторичный *ж*, срв. *ajurya* «жеребец» † тур. *азбыр*, *атыр*, id.; монг. *yadana* «снаружи», Дэрб. *газә* < **yajaya* id. и т. д., где *j* восходит к **д*.

К истории чув. *с* < **j* и тур. *j* < **j* можно заметить, что в эпоху венгро-болгарских (чувашских) сношений (VIII–IX ст.) в болгарском языке *j* еще существовал, срв. венг. *gyúr* «месить» < **jojur*-, Уйг. *yojur*, Осм. *јоџур* † монг. *jiyura* id. <Gombocz 1912: 80>.

Венг. *gyümölcs* (= *d'ümölc*) «плод, фрукт» < **jemelč*, срв. Уйг. *yemiš*, Осм. *jämış* «фрукт», маньчж. *je-* «есть» <Там же: 82>. Примеров можно привести много, и всюду *j* дает венг. *gy* (= *d'*). Аффрикат *j* сохранился до XIV столетия в языке волжских болгар, срв. *جال* – *jal* «год» † чув. *эул* «год» † тур. *yaş* «год жизни», булг. *جور jur* «сто» чув. *сэр id.* † тур. *yüz id.*

Соответствие чувашского и монгольского *r* и турецкого *z*.

§ 17. Соответствие чувашского *p* и турецкого *z* было известно еще Клапроту, сопоставившему ряд чувашских слов с *p* и турецких с *z* <Klaproth 1828: 237>, далее Шотту <Schott 1841: 13> и Буденцу <Budenz 1862>. В более новое время этому вопросу посвятил статью Gombocz <Gombocz 1913: 2>.

Большинство исследователей объясняли это явление таким образом, что чувашский *p* развился из **z*. Так думали В.В. Радлов <Radloff 1882: § 192, 286>⁵¹, E.N. Setälä <Setälä 1902: 273> и Z. Gombocz <Gombocz 1913: 13; 1912: 177>. В противоположность им Г.И. Рамstedт полагает, что тур. *z* и чув. и монг. *p* восходят к **r*, т. е. к палатализованному *r* <Räsänen 1920: 43>⁵². Доводы в пользу этого предположения Räsänen считает убедительными, но так как работа Рамstedта остается мне недоступной, я о них судить не могу. Как бы то ни было, гораздо более вероятным кажется, что в праязыке был не палатализованный **r*, но **r̥*, близкий к чешскому *ř*. В дальнейшем соответствие *z* † *r* будет вводиться именно к **r̥*⁵³.

Примеры чув. *p*, монг. *r* < **r̥*

Чув. *jэран* «грязь, межа» † Каз. *ызан id.*, ср. чув. *jэр* «след, полоса» † тур. *Тар.*, *Сарт.*, *Крм.*, Осм. *из* «след, полоса» † монг. *ira-* «делать борозды сохой, резать», *ir* «лезвие».

Чув. *хэрлэ* «красный» † монг. *kirayan* «красные полосы на заре» † тур. *qizil* «красный».

Чув. *пэр* «лед» † Орх. *buz*, все диал. *буз id.*⁵⁴

Чув. *сэр* < **jür* «сто» † тур. *jүз*, *цүс id.*

Чув. *сэлдэр* «звезда» † Уйг. *yulduz*, *Тар.* *жулгуз id.*

Чув. *сүр* «весна» † монг. *nirai* «новорожденный», **njař*, срв. маньчж. *niyarχun* (= *niarχun*) «новый, свежий, зеленый» † тур. *Орх.*, *Уйг.* *yaz*, *Тар.*, *Крм.*, *Каз.*, *Осм.* *яз* «весна», *Як.* *сас* «весна».

⁵¹ И passim.

⁵² Цитирую здесь и дальше всюду работу Räsänen'a, пользовавшегося рукописными материалами Рамstedта, т. к. последняя работа Рамstedта о чувашском языке мною была получена уже во время чтения корректур настоящей работы и поэтому использована быть не могла.

⁵³ Получив во время печатания настоящей работы последнюю работу Г.И. Рамstedта в Journal de la Société finno-ougrienne XXXVIII, № 1, я мог с удовольствием констатировать, что моя точка зрения вообще очень близка к точке зрения Рамstedта. (Корректурное примечание.)

⁵⁴ Однако развивается и *tuz*. – Прим. ред.

Чув. кәр «осень» † Уйг. *küz id.*, др. диал. күз, күс *id.*

Чув. кэвар «уголь» < **kōř* † Осм. көз «жар, горячие угли», Саг., Койб. көс *id.*

Чув. хэмэр «пчела» † Кир. коңуз, Тел. коңыс «жук».

Чув. хэндэр «оторочка на шубе» † Бар., Шор. кундус «бобр», Кирг., Осм. кундуз «бобр, выдра».

Чув. мар «нет, не имеется» † тур. Тел., Алт., Кюар. *ämäs* < **emez* «нет» (отрицательная форма на *-maz* ~ *-mez* от глагола *e-*), срв. монг. *nomen agendi seu acturi -mar* ~ *-mer* <Ramstedt 1902: 38>⁵⁵.

В отношении истории фонемы **ř* чувашский язык, монгольский и тунгусские должны быть отнесены к одной группе, так называемых р-языков. Им можно противопоставить турецкие языки, как з-языки. К р-языкам принадлежал, конечно, и болгарский язык, старший брат или предок чувашского языка, срв. *جور* «сто», *هير* «дочь», *طحر* «девять», срв. также болгарские заимствования в венгерском языке.

Соответствие чувашского и монгольского / и турецкого *ř*

§ 18. В литературе уже хорошо известно соответствие турецк. *ř* и монгольск. / и чувашск. л. Впервые на это указал, насколько известно, Шотт <Schott 1841: 14>, затем Буденц <Budenz 1864: 243>. Указания на это соответствие можно найти у Ашмарина <Ашмарин 1898: 92>, на монгольской почве это соответствие впервые проследил Рамстедт <Ramstedt 1902: 97>, а в более широком масштабе исследовал его Gombocz, привлекая монгольский, чувашский, турецкий и тунгусский материалы <Gombocz 1913: 13>.

Объяснения этому явлению давались разные. В.В. Радлов возводил чувашский л к турецкому *ř*, т. е. полагал, что л < **ř*, что видно из его выражения «Verflüssigung des *ř*» <Radloff 1882: § 288>. Е.Н. Setälä понимал это явление приблизительно так же, с той лишь разницей, что возводил л к звонкому **ž*, наподобие того, как **z*, по его мнению, дал чувашск. р <Setälä 1902: 273>. Gombocz видел причину этого перехода **ř* > л в разных особых обстоятельствах, например, ставил его в зависимость от ударения, полагая, что **ř* в определенном положении по отношению к ударенному слогу мог на чувашской почве дать л <Gombocz 1913: 21>. Совсем иного рода теорию создает Рамстедт, полагаящий, что чувашский л и монгольский / † тур. *ř* восходят к **l*' (палатализованному /), напр. чув. хэвел † тур. *quyař* «солнце» < **quyal*'⁵⁶.

Трудно высказаться в пользу той или иной теории, ибо с одинаковым успехом л может восходить к **ř* и, наоборот, *ř* к **l*, срв., напр., в ряде языков, где / восходит к разным фонемам и, наоборот, разные фонемы восходят к **l*: южно-остяк. т < **l* через *ř* <Paasonen 1902: 97> и, наоборот, согдийско-манихейск. / < **ř* = согд.-сир. *d*⁵⁷ и т. д. Аналогии можно привести из ряда языковых семей. Что касается настоящей работы, то здесь монг. / и чувашск. л † турецк. *ř* возводятся к **l*, глухому /, быть может **l*' или **ř*'.

⁵⁵ Примеры чув. р и тюрк. з еще у <Ашмарин 1898: 96; Gombocz 1913: 3; 1912: 178>.

⁵⁶ Ср. <Räsänen 1920: 43–44>.

⁵⁷ Ср. <Gauthiot 1914–1923: 139, 166>.

Примеры

Чув. *тiшул* < **tjal* «камень» † тур. Орх. *taš*, Осм. таш, даш, Кирг. тас, Як. *tās* id. † монг. *čīlayun* «камень».

Чув. тул «внешнее, вне находящееся» † Орх. *taš* «вне», таҫра «вне, по направлению вон», Тар. таш, Як. тас «внешняя сторона» † маньчж. *tule* «вне», *tulergi* <Gombocz 1913: 18>.

Чув. тәл «место, толк» † Осм. дүш «противолежащая сторона», Каз. төш id.

Чув. хәл «зима» † тур. Джаг. *qiš* id.

Чув. тәлэ «ножные пути» † Каз. тышау id. † монг. *tušaya* < тур.⁵⁸

Чув. кәмәл «серебро» † тур. *kümüš* id. и т. д.⁵⁹

Явление это, как сказано, распространяется на монгольский, чувашский и тунгусские языки (л-языки) и турецкие (ш-языки). К л-группе принадлежал и болгарский язык, срв. *جال jal* «год» к тур. *yaš*, срв. болгарские заимствования в венгерском языке <Gombocz 1912: 179>.

Соноры

§ 19. Из соноров в турецких и монгольском языках в начале слова бывают лишь *n* и *m*, остальные, т. е. *l*, *r*, *ŋ* встречаются только внутри и в конце слова, также и соответствие монг. *r* и чув. *p* † тур. *z*, монг. *l* и чув. *л* † тур. *š* наблюдаются только в середине и в конце слова.

В начале слова в турецких языках фонема *n* встречается только в заимствованных словах, кроме того, *n* появляется в anlaut'e там, где отпал предыдущий гласный, срв. Алт., Тел., Леб. *nak* < *inak* < монг. *inau* «друг», срв. Уйг. *inanč* «доверие», *inan-* «доверять»; Шор. *näk* < *inäk* «корова» и т. д.

Монгольских заимствований с *n* в начале слова в турецких наречиях много, срв.: Кирг., Шор., Саг., Койб. *nokta* «недоуздок» < монг. *noyta* id.

Уйг., Орх. *neŋ* «очень, весьма» < монг. *neng* id.

Джаг. *nöker* «слуга, клиент, товарищ» < монг. *nökür* «друг, спутник».

Кирг. нура «обрыв» < монг. *nura* id.

Каз. нарат «сосна» < монг. *narasun* id.

Чагат. *nari, naru*, Уйг. *naru* «на той стороне» < монг., срв. *inaru* «доселе» и т. д.

Наконец, *n* появляется в тур. вторично, срв.: Койб., Кач. *negäji* «жена старшего брата» < монг. *egeči* «старшая сестра». Также *j* > тур. *n* перед носовым, срв. *jaŋmyr* и *namyr* «дождь» и т. д. Закономерно в тур. диал. Леб., Туб, Сой., Караг., Абак. *n* < *j* (< **y*, **ǰ*, **ǰ̣*, **n*) в anlaut'e, если в следующем слоге *n* или *m* <Radloff 1882: §§ 223, 224, 226>.

Точно так же в чувашском языке *n* встречается в начале слова только в заимствованиях (русск. и татарск. < др. яз.).

Что касается праязыкового **n*, то в турецких диалектах он дает anl. *j* (конечно, *ц* и *с* и все фонемы, которые могут чередоваться с *j*), совпав с отражениями **ǰ*, **ǰ̣*, **y*. В чувашском ему соответствует *é* (как в якутском *с*). Только в монгольском и тунгусских наречиях anl. **n* отражается как *n*.

⁵⁸ В статье за сокращением <тур.> ничего не следует. – Прим. ред.

⁵⁹ Примеры еще <Ашмарин 1898: 90; Gombocz 1913: 13>.

Примеры *n

Монг. *nabči* «лист», Халх. набчї, Дэрб.-Кобд. набчї ~ намчї id., Вост. лѣпш id. † тур. Крм., Каз., Чагат., Осм. *yapraq* id., Як. сәбірдәх id. † чув. сүлӳӳ, Золотн. сівәлӳӳ «лист».

Монг. **nob*, *notuqan* < **nobuqan* «смирный, кроткий», *noyir* < **nowir*, **now* «сон» † тур. Тар. јобаш «смирный, кроткий», Уйг. *yabaş* id. † чув. јәваш «смирный» < Каз. јыӳаш id.

Монг. *nirai* «новорожденный» † маньчж. *niyarḡun* «зеленый, свежий» † тур. Орх., Уйг. *yaz* «весна», Тар., Крм., Ад., Каз., Осм. јаз, Алт., Тел. јас id., Як. сәс † чув. сур «весна».

Монг. *nidurya* «кулак» † маньчж. *niḡan* «кулак» † тур. Алт., Леб., Бар., Крм. јудрук «кулак», Кирг. цудрук, Саг., Шор. нузрук, срв. Койб. нумзурук «кулак», Як. сутурук id. † чув. сэмәр «кулак».

Монг. *niya-* «клеить», *niyaldu-* «прилипать», *niyalduya* «клей, клейкий» † тур. *yapış-* «прилипать», *yapşir-* «приклеить», *yapşiniş-* «прилипнуть» † чув. сьбӳс- < **yapılca* «приклеиться».

Монг. *nilbu-* «плевать», *nilbusun* «слеза» † тур. Тур., Алт., Осм. јаш, Уйг., Орх. *yaş* «слеза» † чув. сүл «слеза».

Монг. **nilayi-*, **nilçayi-*, Халх. н'ал'э, н'ал'ц'а'э- «быть липким, водянистым, скользить» † тур. Алт. јылҗа- «скользить», јыл- id., јылдыр- «заставить скользить», тур. *yılan* «змея» † чув. элен «змея» <Ramstedt 1912a: 15>. Сюда же монг. *nilçal-* «раздавить», *nilçaçi-* id., *nilçara-* «раздавиться», Халх. н'ал'ц'ал- «раздавить» † тур. Тел. ылчы- < **yılca-* «раздавить», Шор., Саг. ылчыра- «слабеть» <Там же: 6>.

Монг. *nauiyu-*, *nauiḡa-* «колебаться, дрожать», *nauiḡayur* «росток, молодая ветвь» † маньчж. *nauiḡu-* «нависать» † тур. Осм., Леб., Крм. јаика-, Тел., Алт. јаikka- «трясти, кивать», Кирг. наикал- «ходить, переваливаясь», Соj. наиккал-, Тел. наиккыл- < монг. <Там же: 14>.

Монг. *niyul-* «складывать», *niyuçi-* id., *niyura-* «гнутьяся», срв. монг. *niqul* «мять руками, тереть» † тур. Алт., Тел., Леб., Кюар., Каз., Осм. јык-, Уйг. *yıq-* «уронить, рубить, уничтожать», Алт. јығыл- «разваливаться» <Там же: 6>.

Маньчж. *niolmongge* «голый», Ороч. нулаки id. † тур. Орх., Уйг., Джаг. *yalang*, Бар. јалаң «голый» <Gombocz 1913: 36>.

Гольд. наму- «заплатать», Манегир. Намачептиң «заплатка» > самоед. Камасинск. немнеі «заплатка» † Осм. јама «заплатка», Алт., Каз., Тоб. јама- «заплатать», Саг., Кач. нама- id., Туб. һама- id. <Там же> и т. д.

Этот праязыковой *n в начале слова был, по-видимому, палатализованным, т. е. = *n', чем и объясняется переход его в j в турецких диалектах. Этим же объясняется, вероятно, и чередование монг. н ~ л: монг. *noyto* «недоуздок» || Вост.-монг. лохто, локто id.; монг. *nabči*, Халх. набчї || Вост. лапчї, лѣпш id.; далее, *naçin* || лачин «коршун»; *nutun* «лук» || луму; *nilbusun* «слеза» || лимбу, лимпсы id. и т. д. <Руднев 1911: 183>. Любопытным примером является самоедск. О. лога, Чл., Н. лога, МО. лока, Таз. локә «лисица» <Castren 1855: 224> < тунгусск., срв. Гольд. М. луккү «длинношерстная собака», О. локкө, маньчж. *luku* «густая шерсть», *lukungge* «лохматый» (о собаках) и монг. *noqai* «собака».

В чувашском языке наблюдается в середине слова и в конце двоякое соответствие турецкому **n*, а именно развитие **n > н* и **n > м*.

Примеры чув. н † тур. n

Чув. айнэ «мать» † Алт., Шор., Леб. äнä, Алт. äнä «матушка».

Чув. энэ «корова» † ККирг., Тел., Шор., Осм. инäk «корова» † монг. *üniye* < **ünige* id.

Чув. јәнэ «ножны» < **qini* † тур. все диал. кын, Як. кын id.

Чув. јэран «межа» † Каз.Б. ызан id.

Чув. хән «страдание» † Каз., Кар.Л. кыјын, Тел., Леб., Кир. кын id.

Чув. хән «жеребенок» † Алт., Леб., Саг., Кир., Крм. кулун «однолетка», Тар., Чагат. *qulun* id., «цыпленок».

Чув. сун «гореть» † Крм., Ком., Каз., Чагат., Осм. *yan*- id.

Чув. вун «десять» † тур. все диал. он, Каз. өн, Як. уон id.

Примеры чув. м † тур. n

Чув. хырэм «живот» † тур. Алт., Леб., Шор., Койб., Крм., Осм. карын, Чагат. *qarin*, Уйг. *qarin* id. † монг. *qarbing* < *qarbin* «отвислое брюхо».

Чув. хулэм «толстый, частый, густой» † Каз., Крм., Саг., Кач., Осм. калын id.

Чув. сизэм «молния» † Тоб. јашын, Тел. јалкын id., Бар., Каз. «пламя», **jalçin*, срв. монг. *jali* «пламя», срв. чув. сүлэм «пламя».

Чув. сурэм «спина» † Чагат. *yaşrin* «лопатка», Бар. јаурун id. † монг. *dayari[n]* «садно на спине».

Чув. тум «платье» † тур. все диал. тон «верхняя одежда».

Чув. тішэм «дыхание, жизнь» † Уйг. *tin*, Алт., Тел., Леб., Койб., Кюар., Каз. тын id.

Чув. вэрэм «длинный» † тур. все диал. узун id. † монг. *ur-tu* «длинный» и пр.

Только в положении перед **d* в чувашском **n* удержался как н, срв. Чув. кәндәр «юг» † Уйг., Орх. *kündüz* «день», Тел. күндүс id.; Чув. хәндәр «оторочка на шубе» † Осм. кундуз, Кирг. кундуз «бобр».

Переход **n > чув. м* должен был завершиться в чувашском языке давно, так как в венгерском языке слова с *ausl. *n* уже заимствованы с *m*, срв. венг. *szám* «число» < **sam*, Чув. сум, Осм. сан, Уйг. *san* id. <Gombocz 1912: 184>.

В монгольских наречиях наблюдается чередование м ~ н, срв. нăдăм ~ нăдăн «игра», садам ~ садан «друг», а также иногда монг. м. † тур. н, срв. монг. хадăм «родня жены» † тур. кадын «тесть» id. Поэтому можно полагать, что уже в языке существовало чередование **n ~ *m*.

Перед **i* фонема **n*, пройдя стадию **ñ*, в турецких языках исчезает, например: Монг. *qonin* «овца» † Орх. *qoñ* id., Уйг. *qou*, Алт., Шор., ККир. *koï* id.

Монг. *qatıya* < **qañıya* «где, куда», срв. Халх. хăнă, хă id. † Тел., Алт., Шор., Саг., Кир. и т. д. *kaï* (вопросительное местоимение), срв. *kaıda* «где», Тар., Каз. *kan* id., срв. *kandan* «откуда».

Орх. *añıy* «méchanceté, perversité» <Thomsen 1916: 54> † Як. ајы «грех».

Турецкому **ñ* в венгерском языке соответствует тоже *ñ* (*ny*) <Gombocz 1912: 183>.

§ 20. Фонема *η наблюдается только в *inlaut'e* и в *auslaut'e*. В монгольском и турецких языках она отражается как *ң* (в письме *ng*). В чувашском ей соответствуют *м* и *н*.

Чув. м † тур. ң

Чув. хэмэр «цвета коровы» † Тел. коңыр, Кир. коңур «желто-коричневый, кау-рый» † монг. *qongyur* < **qoŋur* id.

Чув. хэмэр «пчела» † Тел. коңыс, Кир. коңуз, Алт. комыс «жук», Кар. Т. комуз «паук, червь».

Чув. шэмэ «кость» † Осм. сүмүк, Чагат., Уйг. *sünggük* id., Кир. сүжөк, Тел., Алт., Леб., Шор., Койб. сөк id., Чагат. *sönggek* id. † монг. *čimügen* «костный мозг, мозговая кость, трубчатая кость».

Чув. тэм «мороз» † Каз. туң id., Тоб., Алт., Тел., Саг. тоң id.

Чув. ум «перед, передний» † Тел., Леб., Шор., Кир., Крм. өң, Уйг., Чагат. *öng* «передняя сторона, лицо» † монг. **ömüne*, письм. *emüne* «впереди», Дэрб.-Астр. өмнө id.

Чув. кэмэллэ «сердечный» † Тар., Кир. көнүл, Уйг., Чагат., Ком. *könggöl* «сердце» † монг. *kömlüdürge* «нагрудный ремень» > Тел. көмүлдүрбә, Ком. *kömlüdrük* id. и т. д.

Праязыковой *η отражается, следовательно, в монгольском и в чувашском языках при губных гласных как *м*.

Переход *η > чув. м должен был завершиться сравнительно недавно, ибо в вотяцкий и черемисский языки слова с *η заимствованы еще с *ң* <Räsänen 1920: 41>.

Что касается соответствия чув. н и тур. ң, то оно отражает праязыковой *η при негубных гласных.

Примеры чув. н < *η

Чув. анзэр «узкий» † Каз. иңсіз, Саг. иңзәк id. † монг. *eng* «широкий».

Чув. эн- «вянуть, замерзать» † Уйг. *öng-*, Тел., Тар. өң- «вянуть».

Чув. јәнэр «седло» † Крм., Ад., Ком., Осм. *ejer*, Чагат. *eger* id.

Чув. јәнәш «ошибка» < турецк., срв. Чагат. *yangyış* id., Каз. јаңыш id., Осм., Крм. јаңыш id., Орх. *yangılıq* «преступление», Уйг., Орх. *yangil-* «ошибаться» † монг. *janggid-* «запутаться», *janggila* «узел».

Чув. хурән «береза» † Уйг. *qadīng*, Сой. кадың id., Шор., Леб., Койб. казың, Тел. кајың, Каз., Тоб. кајын, Алт., Кир. kaiң id.

Чув. канаш «совещание, договор» † Уйг., Чагат. *kenggeš*, Ком., Бар. канәш «совет».

Чув. пін «тысяча» † Орх. *bing*, Крм. биң, Уйг., Чагат. *ming*, Кир. мың id. † монг. *mingyan* id.

Чув. сәнә «новый» † Алт., Тел. јаңы, Уйг. *yangyü*, Леб., Кмд., Саг. jā id., Осм. jāni id. † монг. *janggi* «новость» и т. д.

Что касается чув. ң, то он встречается лишь в заимствованных словах и в звукоподражательных <Там же>. В ряде суффиксов *η > чув. 0 <Ашмарин 1898: 90>, пройдя стадию *у.

§ 21. Праязыковой **m* отражается в чувашском как м. Вопреки R ä s ä n e n ' y <Räsänen 1920: 39>, м в чувашском языке встречается в anlaut'e не только в заимствованных словах, но и в качестве вторичного звука, восходя к **b* перед носовыми, напр. чув. мэҗраҫа «рог» † Алт. мўс, Як. муос «рог», Осм. боһнуз <**böñez* «рог» = монг. *mögeresün* «хрящ» <**böñeresün* «хрящ».

Чув. м < *m

Чув. ама «самка, мать» † монг. *eme* «женщина».

Чув. кэмэл «серебро» † Уйг. *kümüš*, Каз. көмөш id.

Чув. самэр «жир» † Алт. сәміз, Каз. сәмәз id.

В турецких диалектах наблюдается также вторичный м (<**b*), особенно в тех случаях, когда в следующем слоге н или ң <Radloff 1882: §§ 221–222, 341–342>. В этом отношении язык орхонских надписей сохранил самые древние формы: *ben* «я», *baña* «мне», *biñ* «тысяча», *biñ* «страдание, печаль, затруднение» и т. д.⁶⁰ Эти случаи следует, конечно, отличать от случаев диссимиляции *m* > б, напр. Шорск. ныбак || Каз. јумак, Кирг. цумак † монг. *domoγ* «сказка, повесть». В монгольском **b* перед слогом с *n* дает *m*, срв. *mingyan*, Халх. м'аңг'а «тысяча» † Орх. *biñ*, Чагат. *ming* id.; монг. *möngke* «вечный» † Орх. *beñgü*, Уйг. *menggü*, Тоб. м'аңг'у id.; *bi* «я», *mini* «меня»; *ba* «мы», *manu* «нас», срв. Орх. *ben* «я», *baña* «мне», чув. эбэ «я», но манэң «меня».

§ 22. Праязыковые фонемы **l* и **r* отражаются в монгольск., турецких и чувашск. языках как л и р. В начале слова они не встречаются ни в одном языке, за исключением заимствованных слов или тех случаев, где исчез начальный гласный.

Примеры *l

Чув. ала «сито» † Осм., Леб. *älä*- «просеивать», Осм., Крм., Шор. *äläk* «решето» † монг. *elgeg* «решето».

Чув. ил- «братъ» † тур. все диал. ал- id., Як. ыл- id. † монг. Дэрб. *äl* «подай!».

Чув. јал «деревня» † Алт., Леб. *äl* «народ», Уйг. *el* «народ», Енис. *el* id. <Thomsen 1913: 9>.

Чув. хэлха «ухо» † Уйг., Чагат. *qulyaq* id., Орх. *qulqaq*, Алт., Тел., Шор. кулак id. † монг. *qulayu* «сегумен», *qulayubči* «наушники»,

Чув. кала- «говорить» † монг. *kele*- id.

Чув. паллә «знак», палла- «знать» † Уйг. *belgü*, Як. *bäliä* «знак», срв. венг. *bélyeg*, слав. белегъ † монг. *belge* «знак» <Gombocz 1921: 84>.

Примеры *r

Чув. ар «мужчина» † Уйг., Орх. *er*, Алт., Осм. *är* «мужчина» † монг. *ere* id.

Чув. ырэ «хороший» † Уйг. *ariγ*, Шор., Кыз., Саг. арыҫ «чистый, святой» † монг. *ariγun* «чистый».

Чув. хырэм «живот» † Алт., Каз. карын id. † монг. *qarbing* «жир на отвислом брюхе».

⁶⁰ Ср. <Radloff 19116: 431; Thomsen 1916: 49>.

Чув. лар- «сидеть» † Сой. олур-, Як. олор-, Уйг. *olur-*, Каз. отур- < *oltur-* «сидеть», **ol-* † монг. *olboγ* < **olmay* «коврик».

Чув. сурэ «половина» † Осм., Ком. *yari id.*, Алт., Каз. жарым *id.* † монг. *jarim* «некоторый, половина».

Чув. шурэ «белый» † Уйг. *sariγ* «желтый», Каз. сары *id.* † монг. *sira* «желтый» и т. д.

Перед **t* в чувашском языке **r* исчезает:

Чув. вэда «середина» † Уйг. *orta*, Осм., Кач, Саг. орта «середина».

Чув. вiт- «покрывать» † Уйг. *ört-*, Тар., Осм., Ад. öрт- *id.*

Чув. тэвадэ «четыре» † Тар., Алт. төрт, Уйг. *tört*, Осм. дөрт *id.* † монг. *dörben id.*

Чув. ыдэ «излишек» † Уйг. *artuq* «избыток» <Ашмарин 1898: 94>. В заимствованиях комплекс *rt* остается⁶¹. Что касается комплекса **lt*, то в чувашск. он закономерно сохраняется, напр. чув. улдэ «шесть» † Алт., Каз. и пр. алты *id.* Чув. ылттэн «золото» † Каз. алтын, Уйг. *altun id.* † монг. *altan id.* В тех случаях, когда сталкиваются три согласных (-*lt*- и еще какая-нибудь), то л исчезает: чув. утмэл «шестьдесят» † тур. *altmış*.

Из сочетаний с **r* следует упомянуть группу **-gr-* ~ **-wr-*, которая закономерно дает чув. р:

Чув. пуре «почка» † Осм. бөбрәк ~ бөирәк, Як. бүүр *id.* † монг. *bögere id.*

Чув. вэрэн- «учиться» † Уйг. *ögren-* *id.*, Осм. öгрән- *id.*, Кир. үрөн- *id.*, Крм. үірән- *id.*

Чув. мэјраға «рог» † тур. Алт., Тел., Шор. мүс *id.*, Чагат. *mügüz id.* † монг. *mögeresün* «хрящ».

§ 23. Группы **lč* и **lč̣*.

Группы **lč* и **lč̣* закономерно дают чув. с̣. В монгольском обе отражаются как *lč* (*l̄j*), в турецких языках **lč* > лч, а **lč̣* > тур ш <Поппе 1924б: 43–44>.

Примеры **lč*

Чув. хэс «сабля» † тур. Орх. *qilič*, Уйг. *qilič*, Алт., Каз., Осм. кылыч «меч, сабля».

Чув. піҗен «шиповник» † Каз. билчән *id.* <Ашмарин 1898: 92>.

Примеры **lč̣*, **lč̣j*

Монг. *eljigen* «осел» † Осм., Чагат., Ад., Тар. ešek *id.*

Монг. *bolju* «установить срок, условиться», *boljiyatai* || *boljuyatai* «воздержанный, скромный, благопристойный, действующий по правилам», *boljaya* «условие, взаимное обязательство» † маньчж. *boljongyo* «воздержанный» † венг. *bulczu*⁶², *bolcsú* «отпущение грехов», *bocsát-* «отпускать, освобождать» < **bolč̣a-* † Осм. боша- «освобождать», бошан- «освобождаться», Уйг. *bošan-* «освободиться от грехов», Ком. *bošat-* «отпустить грехи», Уйг. *bošiq* «обет, отпущение» > монг. *bošuy id.* <Gombocz 1912: 47–48>.

⁶¹ Примеры для *rt* у Радлова <Radloff 1882: § 304> сплошь заимствования из татарск. и черемисск.

⁶² Старовенгерская орфография. Вероятно, имеется в виду произношение *bulcsú*. — Прим. ред.

Венг. *bölcső* «колыбель» < * *belčig* † Осм. бешік, Чагат. *bişik*, Каз. бішек, Койб. пэзэк, Як. бісік (*biliä-* «качать») «колыбель» <Там же: 54>.

Венг. *gyümölcs* «плод» < **jemelč* † Уйг. *yemiš*, монг. *ĵimis* id. <*Räsänen* 1920: 31>.

Gombocz в *l* в венгерском языке видит «ein unorganisches Einschiebsel» <*Gombocz* 1912: 177; 1921>, что опровергается данными чувашского языка и монгольского.

Ввиду соответствия **jemelč* и чув. *śimăc* «пицца» и **qilič* «меч» и чув. хэс id. можно полагать, что группы **lč* и **lč* дают чув. *ś*. Срв. следующие примеры:

Монг. *selgü-* «пухнуть» † Осм., Ком., Крм., Каз. шіш- «опухать», Осм. шішко⁶³ «опухоль» > русск. шишка † чув. шыś- «пухнуть» < **silče-*.

Чув. хыś- «чесать» † монг. *qalči-* «скоблить, сглаживать поверхность кожи» † тур. кашы- «чесать, гладить».

Чув. хірэс < **qarilčan* «напротив» † монг. *qarilčan* «взаимно» † тур. каршы «напротив» > монг. *qarši* «препятствие».

Чув. вэрś- «драться» † монг. *urulča-* «состязаться» † Алт., Шор., Леб. и т. д. уруш- «сражаться».

Примером **lč* > чув. *ś* может быть еще чув. віś- «мерить» † Осм. ölčä- id., Чагат., Крм. id.

Отсюда видно, что в группах **lč* и **lč* в чувашском языке первый компонент исчез, а *č* закономерно дал *ś* (§ 15)⁶⁴.

IV. Гласные

Долгие и краткие гласные первого слога.

§ 24. Вопрос о долгих гласных в турецких языках принадлежит к наиболее сложным. В.В. Радлов вообще не признавал возможным, чтобы в праязыке могли существовать от природы долгие гласные, и все долгие гласные он считал результатом стяжения двух гласных по исчезновении отделявших их согласных, возводя формы, как Як. *āt* «имя» к форме, близкой к *ait-* «говорить», Як. *ūs* «род» к **ulus* (= монг.) «народ», Як. *бүт* «бедро» к **bult* (срв. монг. *bulčün* «икры») и т. д. <*Radloff* 1882: §§ 102–108>.

Действительно, турецкие долгие гласные, в том числе и якутские гласные и дифтонги, часто восходят к комплексам гласн. + *γ* + гласн. и т. д., но все же, за вычетом последних, остается много случаев, когда якутскому долговому гласному во всех языках соответствует краткий и когда невозможно установить, исчез ли здесь какой-нибудь согласный.

Böhtlingk до В.В. Радлова вполне правильно заметил соответствие якутск. дифтонгов *iä*, *yo*, *yö* и т. д. нижегородск. мишерским долгим *ā*, *ō*, *ö* и т. д.,

⁶³ В связи со своеобразным ауслатом, чисто тюркское происхождение основы сомнительно. – *Прим. ред.*

⁶⁴ Количество примеров венг. *lč* можно увеличить монгольскими формами, не имеющими эквивалентов в чувашском, ср. монг. *biličeg*, Калм. *билцэ* «перстень» и венг. *bilincs* «ручные путы, наручники», русск. бельчуг (<*Gombocz* 1912: 46>); монг. *biligči* «мудрец», Осм. *biliči* id. и венг. *bölcs* «ученый, мудрый» (<Там же: 54>).

напр. Як. *бӣас* «пять» † Н. *бӣш*, Як. *уот* «огонь» † Н. *от id.*, Як. *кү̄өх* «синий» † Н. *кү̄к id.* и т. д., и в этом отношении подошел ближе, чем другие, к правильному решению вопроса. *Böhtlingk* крайне осторожно подошел к этой проблеме и прекрасно сознавал, что не все якутские долготы первичного происхождения <*Böhtlingk 1851: 136, 142*>, что, однако, не значило в его глазах, что первичных долгот в якутском языке нет. Что касается, в частности, Як. дифтонга *yo* <**ō*, то *Böhtlingk* как раз возводит его к **ō*, приводя аналогии из ряда европейских языков <*Там же: 144*>.

С *Böhtlingk*'ом не соглашался В.В. Радлов <*Radloff 1882: § 106*>; однако доводы, приводимые им, неубедительны, так как большинство приводимых для этого примеров и этимологий Радлова неверны.

Правильно подметил различие в количественном отношении гласных в якутском и османском, а также соответствия в орхонском К. *Foy* <*Foy 1900: 192, 209*>, статья которого вызвала возражения со стороны В.В. Радлова, приведенного против теории *Foy*'а свои прежние соображения <*Radloff 1901: 431*>.

Значительно подвинул вперед этот вопрос *Grønbech*, в то же время несколько запутав его. Дело в том, что *Grønbech* полагал, что долгие гласные в якутском языке явились результатом стяжения гласных после исчезновения согласного, находившегося между этими гласными. В своих предположениях он заходит еще гораздо дальше В.В. Радлова и возводит якутск. и прочие формы к ничем не обоснованным формам, вроде Як. *тү̄өрт* «четыре» <**töbärttä*, Як. *кү̄өх* и Чув. *кэ̄вак* «синий» <**köbäk* и т. д. <*Grønbech 1902: 88, 91; 1903: 234*>⁶⁵. Правило *Grønbech*'а, что долгие гласные отразились на начальном согласном в чувашском языке, палатализовав его, тоже оказывается не всегда действительным, срв. Як. *х̄ас* † Чув. *хур* «гусь», но Як. *х̄ан* † Чув. *юн* «кровь».

В последнем случае *Grønbech* предполагает исчезнувший **j* и возводит Як. *х̄ан* † чув. *юн* к **kajan* или **kajan* и т. д. <*Grønbech 1902: 97*>. Зато *Grønbech* правильно заметил, что следующий за долгим гласным согласный в османском становится звонким, срв. Осм. *ад* «голод» † Як. *ās id.*, Осм. *ад* «имя» † Як. *āt id.* и т. д. <*Там же: 61*>.

Против таких форм, как Як. *тү̄өрт* <**töbärttä*, выступил Н. *Pedersen*, справедливо заметивший, что долготы могли явиться не только в результате стяжения; но *Pedersen*, в конце концов, оказался неправ, заявляя, что он из якутского *Quantitätswechsel* не может вывести никаких заключений <*Pedersen 1903: 558*>.

Интересную и вполне убедительную теорию о происхождении якутских долгих гласных высказал J. *Németh*, решительно отказавшийся от теории «стяжения» *Grønbech*'а и поставивший возникновение якутских долгот в прямую связь с пратурецкой акцентуацией и указавший на соответствия якутским долгим гласным в чувашском языке. Напрасно только он на основании этого общего признака заключает о бывшем некогда периоде совместного развития якутского и чувашского языков <*Németh 1915: 161–163*>.

С акцентуацией связывает прачувашские долготы также Г.И. Рамстедт, согласно которому двойные соответствия турецким гласным в чувашском языке объясняются тем, что ныне качественно различные пары гласных восходят к различно ударенным гласным <*Ramstedt 1922: 7*>.

⁶⁵ Ср. возражения Мелиоранского в <*Melioranskij 1904: 497*>.

Итак, относительно турецких долгих гласных имеются теории, которые можно разделить на две категории: 1) теории Радлова и Grønbech'a, возводивших долгие гласные к комплексам гласн. + согласн. (+ гласн.) и 2) теории Böhrlingk'a и Foy'a, считавшихся с праязыковыми первичными долготами. К последним отчасти примыкают теории Németh'a и Г.И. Рамстеда.

Прежде чем идти дальше, необходимо остановиться на теории Grønbech'a.

Для турецк. Алт., Осм. и т. д. от «огонь» более древней формой может быть **ōt* (срв. Уйг. *oot*, Як. уот, Чув. вут), ибо для формы с кратким *o* можно привести более древнюю с долгим (Уйг. *oōt*). Возможно, конечно, что **ōt*, в свою очередь, восходит к еще более древней форме, напр. **owot*, **oyot* и т. п., но так как таковая нигде не засвидетельствована, идти дальше формы **ōt* нельзя, несмотря на аналогию Як. тūs «соль», Чув. тэвар id. и монг. *dabusun* id., где долгота действительно результат стяжения. Поэтому-то, как раз ввиду соответствий в самом архаичном языке – языке монгольском – форму Як. түүрт «четыре», Чув. тэваде и Осм. дөрт id. невозможно возвести к **töbärttä*, так как в монгольском имеется форма *dörben*, основа *dör-*. Поэтому часто дальше якутских долгот идти нельзя. Последние являются, несомненно, первичными и праязыковыми.

Что касается происхождения этих первичных долгих гласных, то, не предпринимая пока вопроса о том, обусловлены ли они какими-нибудь явлениями акцентуации или они являются долгими независимо от праязыкового ударения, они будут рассматриваться здесь просто как праязыковые долгие гласные. Что они праязыковые – пратурецкие и даже дотурецкие, а не специально якутские, как полагал В.В. Радлов, впоследствии заменивший свою теорию «стяжения» другой, согласно которой долгие гласные появились на якутской почве из стремления фонетически обособить однозвучные основы, напр. Як. ат «имя» и ат «конь», во избежание недоразумений на почве однозвучности их <Radloff 1908: 8>, каковая теория с лингвистической точки зрения не выдерживает критики, доказывается тем, что якутским долгим и кратким гласным в чувашском языке соответствуют качественно различные гласные, восходящие к количественно различным прототипам.

Итак, по всей вероятности, в дотурецкую эпоху и затем еще в пратурецком языке имелись долгие гласные, оставившие ясные следы в чувашском языке и сохранившиеся донныне в якутском языке. Следы этих долгих гласных можно проследить и в некоторых других турецких наречиях: в орхонском и нижегородском.

§ 25. Турецкому *a* первого слога в чувашском языке соответствуют *y*, *ə* (ə), *ы* (i); в монгольском языке *a*.

Переход **a* > *y* в чувашском языке не мог произойти давно: об этом свидетельствуют соответствия в заимствованных в венгерском языке словах, срв. венг. *sár* «болото» < **sjar*, чув. шур id. † тур. *saz* id.; венг. *tar* < *tar* «голый» † тур. Кир. таз «голый» † монг. *taraqai* «шелудивый», тунг. тарака «плешивый» <Gombocz 1912: 138>. Булгарские надписи XIV столетия тоже сохранили формы с *a* † чув. *y*, напр. *جال* – *jal* «год» † чув. *сүл*, *أيج* – *ayix* «месяц» † чув. *үјәх*⁶⁶ id. Отсюда можно полагать, что переход **a* > чув. *y* мог завершиться после XIV столетия. Этот переход распространяется на все случаи, кроме тех, где *y* соответствует турецкому *a*.

⁶⁶ В тексте статьи, по-видимому, набрано <үјәх>. – Прим. ред.

Переход **a* в *ы* значительно древнее. Замечательно, что в якутском языке в тех же словах тоже наблюдается *ы*, соответствующее турецк. *a*. Grønbech пытался объяснить переход **a* > чув. *ы* влиянием следующего за ним **u* <Grønbech 1902: 29–30>. Г.И. Рамстедт полагает, что праязыковой **a* > чув. *ы* перед **i*, **l*, **l'* (здесь **L*), **r*, **r'* (здесь **ř*) и **y* <Ramstedt 1922: 7>, что, однако, обнимает далеко не все случаи, срв. хур «гусь» <**qār* (а не **хыр*) и т. д. Поэтому можно полагать, что чувашский и якутский *ы* († турецк. *a*) восходят к **ā*, фонеме, близкой к **a* (> чув. *y*), но качественно отличной от нее, причем этот **ā* был, скорее всего, краткий.

Примеры Чув. и Як. *ы* < **ā*

Чув. *ил*- «братъ» † Як. *ыл*- *id.* † проч. тур. диал. *ал*- *id.*

Чув. *ырә* «хороший» † Як. *ырās* «чистый» † Уйг. *arīy*, Каз. *ару* «чистый, святой» † монг. *ariyun* «чистый».

Чув. *сыдар* «подушка» † Як. *сыттык* «подушка», *сыт*- «лежать» † тур. *јат*- «лежать», Осм. *јатак* «постель».

Чув. *ырхан* «тощий» † Як. *ырыган* «тощий» † Алт. *арык* «тощий».

Чув. *ыјт*- «спрашивать» † Як. *ыјыт*- «спрашивать» † тур. *ait*- «говорить» † монг. *ayiburči* «болтливый», **ai*-.

Чув. *хірәс* «напротив» † монг. *qarilčan* «взаимно» † тур. *каршы* «напротив».

Чув. *хыс*- «чесать» † монг. *qalči*- «скоблить, сглаживать поверхность кожи», *qalčiya* «гладилка для выделки кож» † тур. *кашы*- «гладить».

Чув. *хырә* < **qādi* «сосна» † тур. Урянх. *кады id.*

Чув. *пыр*- «ходить» † тур. Уйг. *bar*-, Алт., Койб. *пар*- *id.*

Чув. *сіс*- «сверкать» † Тоб. *јашын* «молния».

Чув. *сыләх* «грех» † Уйг. *yazuq*, Алт., Осм. *јазук id.*

Чув. *тымар* «корень» † Як. *тымыр* «жила» † Уйг. *tamur* «корень, жила» † монг. *tamir* «сила, сущность», *čisun tamir* «жила».

Чув. *хыт*- «отвердеть» † Як. *кытāнах* «крепкий» † Орх., Уйг. *qatīy* «крепкий, жесткий», Алт. *katū*, Каз. *каты id.* † монг. *qatayu* «жесткий», *qata*- «твердеть».

Як. *ыс*- «сеять» † Уйг. *sač*- *id.* † монг. *saču*- *id.*

Як. *кытар*- «присоединять», *кытта* «вместе» † Крм., Каз., Тоб., Осм. *катык* «прибавка».

Як. *кытар* «заря» † Алт., Кир. и т. д. *таң id.*

Як. *сыңах* «щека» † Уйг. *yangyaq*, Тар., Бар., ККир. *јаңак id.*

Як. *сырдык* < **yārlīq* «светлый» † Уйг. *yariq* «свет, блеск».

Трудно сказать, можно ли **ā* считать праалтайской фонемой: в монгольском и в турецк. ничто не указывает на существование таковой в праязыке. Поэтому на основании чувашского и якутского можно установить лишь праязыковое чередование **a* ~ **ā*, обусловленное, быть может, комбинаторными влияниями.

Якутский *ā* и чувашский *y* восходят к долгому **ā*.

Примеры

Як. *бār* «существование» † чув. *пур*- «быть» † тур. *bar* «бытие».

Як. хās «гусь» † чув. хур id. † тур. qaz id. † монг. *γalaγun* ~ **γarayun* id., срв. Дахурск. гару «гусь»⁶⁷.

Як. āл «судно» † Уйг. *sal* «плот», Алт., Осм. сал id. † монг. *sal* id. † чув. сүлэ «плот».

Як. сāl «жир под гривой» † тур. жал «грива» † монг. *dalū* «лопатка».

Як. āт «имя» † тур. *at*, Осм. ад id.

Як. āх- «считать» † Уйг. *saqış* «счет, число», *saqışcī* «счетчик».

Як. хās «бровь» † тур. *qaş*, Н. kāш id.

Как видно, **ā* в чувашском дал у. Но в anlaut'e **ā* отражается своеобразно, срв. следующие примеры: Як. āс- «голодать» † чув. вы́с- «голодать», вы́зэ «голодный» † тур. *aç* «голод», Осм. аç id.⁶⁸

Ввиду того, что переход **a* > чув. у сравнительно недавнего происхождения, у < **a* не может служить критерием при определении происхождения слова: оно может быть заимствованным и исконным. В таких случаях критерием является консонантизм, срв. чув. ху́жэ «горе» < Каз. ка́йы id. † Уйг. *qadū* id. † монг. *γasiyuda-* «печалиться», но закономерной формой является чув. хэрхү < **qadqui* «кислый».

Переходя, в заключение, к соответствию чув. э ~ э и турецк. а, следует сказать, что чув. э ~ э восходят здесь к краткому **a*. Это развитие является результатом перемещения праязыкового ударения с первого слога на последний, в результате чего гласный первого слога стал сперва кратким, а потом гласным неполного образования. Таким образом, чувашск. хэрхү «кислый» < **qadqui* должен был пройти стадии **qadqui* > **qadqui* > **qarqūi* > чув. хэрхү и т. д.

Примеры

Чув. пәвэр «печень» † Як. быар, Осм. ба́ыр id.

Чув. сэмза «нос» † монг. *samsa* «ноздря».

То же произошло и в заимствованных словах с уже переместившимся ударением, срв. чув. жәлдәрдат- «блестеть» < Каз. жалтыр- id. Наконец, в заимствованиях *a* также сохраняется, срв. чув. жах «сторона» < Алт., Каз. и пр. jak id.

§ 26. Праязыковой **e* отражается в монг. как *e*, в турецк. как *e* (в транскрипции Р а д л о в а ä), в чувашском как *a*. Переход **e* > чув. *a* позднего происхождения, так как в заимствованиях в венгерском языке *e* удержался, срв. венг. *tengër* «море» < **tengir* † Уйг. *tenggiz* id. <Gombocz 1912: 154–155>. Этот **e* был, вероятно, открытым, чем и объясняется переход его в чув. *a*⁶⁹.

Примеры для **e*

Чув. акка «старшая сестра» † монг. *eke* «мать».

Чув. ала «сито» † монг. *elgeg* «решето», *elge-* «просеивать» † тур. *äläk* «решето».

⁶⁷ Разные этимологии этого слова у Gombocz'а и Ramstedt'а, см. <Gombocz 1913: 15> и <Ramstedt 1902: 97>.

⁶⁸ К вопросу об *a* в языке Орх. надп. ср. <Foy 1900: 193, 214>.

⁶⁹ В венгерском примере первый *e* – открытый, второй же *e* – закрытый. – Прим. ред.

Чув. алĕк «дверь» † тур. *eşik* id.

Чув. аллĕ «пятьдесят» † тур. *elik* id.

Чув. алт- «копать» † тур. *eş-* «грести».

Чув. ама «мать» † монг. *eme* «женщина».

Чув. ар «мужчина» † тур. *er* id. † монг. *ere* id.

Чув. кала- «говорить» † монг. *kele-* id.

Чув. паллĕ «знак» † Уйг. *belgü* id. † монг. *belge* id.

Чув. парĕа «крепкий» † Уйг. *berk* id. † монг. *berke* «трудный, сильный».

Чув. сағĕр «восемь» † тур. *sekiz* id.

Чув. самĕр «жир» † тур. *semiz* id. и т. д.

Кроме открытого **e* (= *ä*) в праязыке был еще закрытый **é*, отражающийся в чувашском как *i*, в азербиджанском как *é*, в других диалектах как *ä* ~ *i*.

Примеры для *é*

Чув. итлĕ- «слушать» † Крм. *äſit-*, Кирг. *eſit-*, Тар., Осм. *iſit-* id.

Чув. пиллĕк «пять» † тур. Осм., Тар., Хив., Крм., Тркм., ККир. *bäſ* id., Каз., Тоб. *biſ* id.

Чув. *ſi-* «есть» † Крм., Тар., Туб., Леб. *jä-*, Ад. *jé-* id. † монг. *jeme* «падаль» † маньчж. *je-* «есть».

Чув. *ſil* «ветер» † Крм., Тар., Алт., Леб., Осм. *jäl* id.

Чув. *ſilä* «вымя» † Тар. *jälin* id. † монг. *deleng* id.

Чув. *ſiſiſä* «семь» † Ен. *yéti* id.

Судя по всем признакам, *é*, давший в чувашском языке *i*, был долгий.

Примеры

Як. *biäs* «пять» † Ен. *běſ* id., др. диал. *bäſ*, Каз. *biſ* † болгарск. *bielim* «пятый», чув. *pilläk* «пять».

Як. *ſiä-* «есть» † Уйг. *ye-*, Крм., Тар., Туб., Леб., Осм. *jä-* id. † маньчж. *je-* «есть» † чув. *ſi-* id.

Як. *ſit-* «достигать» † Тар., Алт., Леб., Туб. *jät-* «достигать», Крм. *jatä-*⁷⁰ «привести», Осм. *jädä-* «вести» † чув. *ſit-* «достигать».

Як. *ſiäl* «грива» † Осм. *jälä*, Кюар. *jäläk* id. † чув. *ſilxä* «грива» † монг. *del* < **del* «грива».

Любопытно отметить, что особое произношение этого звука отразилось на алфавите Енисейских надписей. Как раз в тех случаях, когда в якутском имеется *iä* и в чувашском *i*, в Енисейских надписях звук «е» передается особым знаком, который V. Thomsen транскрибирует через *é*; срв. след. примеры⁷¹: Ен. *éki* «два»; Ен. *běſ* «пять», Як. *biäs*; Ен. *běl* «талия», срв. Як. *bīl* id., чув. *piläk* id., монг. *belkegüsün* id.; Ен. *eſ* «приятель»; Ен. *ét-* «делать»; Енис. *yétiſ* «семьдесят»; Ен. *él* «народ», чув. *jäl* «деревня».

В языке Енисейских надписей, как показывают примеры, сохранился *é*, как в древнем монгольском языке, о чем свидетельствуют надписи квадратного

⁷⁰ <jatä-> – так в наборе статьи. – Прим. ред.

⁷¹ Взяты у <Thomsen 1913: 9>.

письма⁷², срв. Б. 2 *уё-ке* «большой»; Б. 1, Б. 15, М. 1, Н. *dəŋ-ri* «небо»; Б. 5, Д. 4 *él-či-ne* «послам»; Б. 21, Д. 15 *é-de* «эти» и т. д. Для основы *él* (Ен. «народ») имеется, как сказано, форма монг. квадратного письма *él-čin* (помен на *-či*) «посол». В языке турок Средней Азии XIII–XIV столетия *él* > *il*, срв. титул «Ильхан». Наконец, в чув. **él* > жал «деревня». Отсюда можно полагать, что чув. anl. ja-, Як. iä и Енис. *é* одного происхождения. Восходит этот ряд соответствий, несомненно, к долготу **ē*.

Что в языке-предке чувашского языка был тоже долгий **ē*, доказываются булгарскими надписями, срв. *جيات jiet* «семь», *بيالم bielim* «пятый» († Енис. *yētmiš* «семьдесят» и *běš* «пять»).

Кроме **жал* < **ēl* «деревня», в чувашском языке можно найти другой пример *ја* < **ē*: это чув. *јат* «имя» < **ēt*. Дело в том, что возвести чув. *јат* к **at* совершенно невозможно, ибо **a* > чув. *y*, а **ja* > чув. *ју*. Поэтому для чув. *јат* можно предположить только форму **ēt*, срв. Уйг. *ēt* «мясо, тело» и контаминацию с **āt*, как предполагает Рамстедт <Räsänen 1920: 53>.

На переходе **e* > чув. *э* (ə) можно не останавливаться, ибо он обусловлен таким же перемещением ударения, как переход **a* > ə, э (§ 25).

В заимствованных словах турецкому *ä* (е) в чувашском часто соответствует *ε* (открытый е), например *εлек* «клевета», *jejü* «разлив» < Миш. Б. *jäjä* «мелкое место в воде» и т. п. *Räsänen* объясняет переход *e* > чув. *ε* правильно, полагая, что чувашаи подставляли *ε* вместо татарск. *ä* после перехода **e* > чув. *a* <Там же: 93>. Чувашский *ε* соответствует также турецкому *a*, срв. *εрне* «неделя» † Каз. *атна* < перс. Это явление *Räsänen* объясняет таким образом, что *ε* развился из **a* в то время, когда **a* уже дал чув. *y*, а **e* еще не дал чув. *a* <Там же>. Однако, переход **e* > чув. *a* завершился раньше, чем переход **a* > *y*, и поэтому, скорее всего, чув. *ε* восходит в заимствованиях к Каз. *ä* < **a*, каковой переход в Каз. наблюдается, как и в других диалектах, чаще в заимствованных словах, срв. Кир. *ädäm*⁷³ «человек» < *адәм* и т. д. <Radloff 1882: § 110>.

§ 27. Общетурецкий **i* отражается во всех диалектах как *ы*. Соответствующим гласным заднего ряда для *i* в старом монгольском языке был, вероятно, тоже **i*, что доказывается такими написаниями, как *taqıyčid*, *qıjayar* и т. д. <Владимирцов 1918: 1550>. В чувашском языке краткий **i* дает *э*, *ə*, точно так же, как и краткий **i* дал *э*, *ə*. В чувашском, следовательно, краткие **i* и **i* совпали, как в монгольском.

Чув. *э*, *ə* < **i*

Чув. *хэл* «зима» † тур. *qiš id*.

Чув. *хэлэх* «конский волос» † тур. *qıl id*. † монг. *kilyasun* < **qilyasun* «волос».

Чув. *хэр* «девушка» † тур. *qız id*.

Чув. *хэр-* «краснеть», *хэрлэ* «красный» † тур. *кыз-* «краснеть», *кызыл* «красный» † монг. *kirayan* < **qirayan* «полосы зари (красные)»).

⁷² Сокращения: Д. – Дармабалы, Б. – Буянту Хана, М. – Минусинская таблетка, Н. – Нюкская. Цифры означают строки.

⁷³ Современная казахская и киргизская норма – *адам/adam*. – Прим. ред.

Чув. сэмрэт «черемуха» † Тел. жымырыт, Шор ныбырт id.

Чув. тiшэлхе «язык» † тур. *til*, Як. тыл id.

Чув. jэран «межа» † Каз. ызан id.

Чув. jэдэ «собака» † Орх. *it*, Сой., Як. ыт id.

Чув. jэвэс «дерево» † Орх. *i* «лес», пр. диал. ыҗач «дерево», аҗач id. † монг. *iryai* < **i-ryai* «кустарник» < **φi-*.

Чув. пэру «теленек» † Каз. бызау id. † монг. *birayu* id.

Двойное отражение **i* как э и ә, по-видимому, обусловлено индивидуальными колебаниями произношения, а также комбинаторными влияниями. И э, и ә – гласные неполного образования, срв. у З о л о т н и ц к о г о пр у «теленек» и пр.

§ 28. Праязыковой **i* отражается в турецк. диалектах как *i*, в монгольском как *i* (совпав с **i*), в чувашском языке как э или ә (совпав с **i*).

Примеры Чув. э, ә < **i*

Чув. пэл- «знать» † турецк. *bil-* id.

Чув. тiшэр- «колено» † Орх., Чагат. *tiz*, Алт. тiзä id. † монг. *türei* «голенище».

Чув. тiшэрэ «живой» † Орх. *tirig*, Койб., Шор., Саг. тiриг id., Кир. тiри id.

Чув. әҗә «теплый» < **isig* † Уйг. *isig*, Саг. изiг «теплый».

Чув. шәбәр «метла» † Чагат. *sipür-* «мести», Крм. сiпiр- id. † монг. *sigür* < **siwür* «метла».

Как правильно заметил R ä s ä n e n, переход **i* > ә в чувашском наблюдается после ш, который часто восходит к **s* < Räsänen 1920: 91>. Попутно следует заметить, что **i* оказал влияние на предыдущий согласный, в результате чего **q* > j, **s* > ш, **t* > тiш.

Долгие **i* и **ī* оставили после себя ясные следы в якутском языке.

Примеры Як. ī < **ī*

Як. кiс «соболь» † Орх., Уйг. *kiš*, Алт., Тел., Тоб. кiш id. † самоед. Тавг. кi, Ост. шi < тур., Камасинск. шiлi < Donner 1920: 2> < тунг. Грубе цылi «горностай»; Як. кiс и тунг. цылi восходят к **gili*.

Як. кiр- «войти» † Алт., Леб., Шор., Саг., Кач. и т. д. кiр-, Орх., Уйг. *kir-* «войти, проникнуть» † сам. Ост. шёрбаң «войти» < тур. < Там же: 1> † монг. *kür-* «прибыть, подойти».

Як. тiс «зуб» † Уйг., Чагат. *tiš*, Алт., Тел., Кач., ККир. и т. д. тiш id.

Як. бiр «один» † Нижег. бiр id., Орх., Уйг. *bir*, Осм., Хив., Крм. бiр, Каз., Кир. бр id.

Долгий **ī* тоже не оставил после себя следов в турецких языках; только в якутском и изредка в нижегородском говоре он отражается как бi < Böhtlingk 1851>.

Примеры Як. бi < **ī*

Як. ыт- «посылать» < **īd-* † Уйг. *īd-*, Сой. ыт- «посылать, отпускать», Шор., Саг. ыс- id, Алт., Кюар., Ком. ī- id. † чув. жар- «посылать».

Як. бiн «ножны» † Уйг. *qin*, Алт., Леб., Бар., Осм. кын id. † чув. jәнә id.

Як. кыс «дочь» † Нижег. кыз id., Уйг., Орх. *qiz* id., Алт., Леб., Шор., Тоб., Тел. кыс, Осм., Каз., ККир. кыз id.

Як. тьт- «разрывать» † Уйг. *tīð-* «удерживать», Сой. тыс- «останавливать», Кир., Каз. тыи- id. † чув. *т́шар-* < **tīr-* < **tīð-* id.⁷⁴

Как видно, в некоторых случаях якутскому Ы соответствует чув. а: *jar-*, *т́шар-*. Grønbech полагал, что переход **i* > чув. а обусловлен следующим р (< **ð*) <Grønbech 1902: § 30>; однако, судя по примерам, приводимым у Räsänen, это же развитие получилось и в некоторых других случаях, срв. чув. *т́шарак* «подпорка» † Чагат. *tirek*; горно-черемисск. *цаш* «тотчас» < чув. *т́шас* † Каз. *tiz* < перс. *tiz* и т. д. <Räsänen 1920: 77>⁷⁵ Вообще, таких примеров очень мало, и поэтому трудно решить, есть ли переход *i* > чув. а результат долготы праязыкового **ī* или нет.

§ 29. Праязыковые фонемы **o* и **u* в чувашском языке совпали и дают э (э) или у <Radloff 1882: § 116; Grønbech 1902: 28; Ашмарин 1898: 70–73; Gombocz 1912: 146; Räsänen 1920: 84, 86>.

1. Чув. э < **o*

Чув. хэв- «гнать» † тур. *qoy-* id.

Чув. хэвэл «пустота, душло» † Уйг. *qoyuŝ* † монг. *qoyosun* id.

Чув. сэхэ «жадный» † Уйг. *soq* id.

2. Чув. э < **u*

Чув. *жэва* «гнездо» † монг. Халх. *ujā* «засада, разбойничье гнездо» † маньчж. *feje* < **fiya* «берлога».

Чув. *жэх* «сперма, семя» † монг. *uy* «начало» † Алт., Тел. ук «род».

Чув. *хэлха* «ух» † тур. кулак id. † монг. *quluɣu* «сера в ушах».

Чув. *хэндэр* «оторочка из меха» † Осм. кундуз «бобр».

Чув. *э́лдэр* «звезда» † Уйг., Чагат. *yulduz* id.

Чув. *э́марда* «яйцо» † Осм. *јумурта*, Бар. *јумуртка* id.

Чув. *пэр* † Уйг. *buz*, проч. диал. *буз*, *бус* id.

3. Чув. у < **o*

Чув. *ухэ* «стрела» † Уйг., Орх. *oq* id., Осм., Саг., Алт. *ok* id.

Чув. *удэ* «трава, сено» † Уйг. *ot* «трава», Осм., Саг., Алт. *ot* id.

Чув. *хур-* «класть» † Уйг. *qod-*, Алт., Леб., Саг., ККир. *koi-* id.

Чув. *тум* «одеяние» † Орх., Уйг., Чагат. *ton*, Алт., Саг., Кир. *тон* «шуба» и т. д.

Чувашск. у здесь восходит к долгим **o* и **u*, а чув. э (э) к кратким.

§ 30. Турецким *ö* и *ü* в чувашском соответствуют э, э, у. Отражения **ö* и **ü*, следовательно, здесь совпали с **o* и **u*. В монгольском **ö* > *ö*, **ü* > монг. *ii*.

⁷⁴ Вероятно, *ī* или *ĩ*. – Прим. ред.

⁷⁵ Примеры а † ы можно привести и из венгерского языка, ср. <Gombocz 1912: 151>.

Примеры Чув. э, ә < *i

Чув. кәр «осень» † Уйг. *küz*, Як. күс id., Тар., Кир. күз id.

Чув. кэрэ «шнурок» † Алт. Вербицк. «нитчанки», срв. Кир. күзö- «стричь овец».

Чув. кэрү «муж младшей сестры» † Орх., Уйг. *küdegü*, Кир. күjöү «зять, жених», Чагат. *küyegü* «зять».

Чув. сэр «сто» † тур. jüz id.

Чув. сэр- «цедить, ловить рыбу сетью» † Уйг., Ком. *süz-*, Бар. сүс-, Осм., Кир. сүз- «фильтровать, цедить», Кир. сүз- «ловить рыбу бреднем».

Чув. сэт «молоко» † тур. все диал. сүт id. † монг. *sün* id.

Чув. сэрэ «кольцо» † Осм., Бар. jüzük id.

Чув. тэлэк «сон» † Уйг., Чагат. *tüš*, Тар., Алт. түш «сновидение».

Чув. кэндэр⁷⁶ «полдень» † Уйг. *kündüz* «дневное время», Тел. күндүс id.

Чув. сәнә «жало, колючка» † Крм. сүңгү «копье».

Чув. сәғән- «согнуть колени» † Орх., Уйг. *yükün-* «становиться на колени».

Примеры Чув. э, ә < *ö

Чув. эн- «гореть, тлеть, вянуть» † Уйг. *öng-* «побледнеть», Тел. öң- «вянуть», Тар. öң «полинить».

Чув. кәбәр «мост» † Осм. көпрү id. † монг. *kögerge* < **köwerge* id.

Чув. пәве «плотина, запруда» † Кирг. бөгө id.

Чув. кәғәр⁷⁷ «грудь» † Осм. гөкүз, Крм. гөкүс id.

Чув. кәмәллә «ласковый, сердечный» † Орх., Уйг. *köngül* «сердце, мысль», Тар., Кир. көңүл id. † монг. *kömlüdürge* «нагрудный ремень».

Чув. кәбәк < **köpük* «пена» † Осм. көпүк id. † монг. *kögesün* < **köwesün* id.

Чув. пәғә «пробка, затычка» † Алт. пөк id. † монг. *bögle-* «закупорить».

Что касается развития **ö* и **i* > э, ә, то прежде чем дать ә, э, **ö* и **i* и должны были совпасть. Двойное отражение э и ә объясняется физиологическими причинами, ибо э и ә в чувашском часто чередуются, и оба они – гласные неполного образования. Деллабиализация **i* и **ö* объясняется, главным образом, тоже как результат переместившегося ударения.

§ 31. Переходя к более подробному рассмотрению долгих лабиализованных гласных, следует заметить, что из долгих гласных лабиализованные – единственные, оставившие после себя ясные следы в чувашском языке. В якутском **ö* > уо, в нижегородском *ö* < *Böhltlingk 1851: 143*>, в кйгурском еще существовал *ö* (графическое изображение *oo*, напр. ~~ооо~~ – *oot* «огонь»), в чувашском **ö* > у (у), в начале слова часто в + у (у).

Примеры

Як. уот «огонь» † чув. вут id. † Уйг. *oot* «огонь», Нижег. öт id., проч. диал. от id. † монг. *odčigin* «младший сын» (досл. «царевич огня» = «хранитель очага»).

⁷⁶ В тексте статьи, по-видимому, набрано «кэндэр». – Прим. ред.

⁷⁷ В тексте статьи, по-видимому, набрано «кәғәр». – Прим. ред.

Як. уон «десять» † чув. вун id. † Нижег. ън, пр. диал. он id.
В anlaut'e якутскому уо соответствует чув. у.

Примеры

Як. туол- «наполниться» † Ниж. төл-, Каз. тул-, Уйг., Чагат. *tol-*, Алт., Кир. и т. д. тол- † чув. тул- id.

Як. буол- «быть, становиться» † чув. пул- id. † Орх. *bol-*, Тар., Тркм., Кир. бол- id. † монг. *bol-* id.

Як. суол «дорога, путь» † чув. сул id. † Орх., Уйг. *yol* id., Алт., Осм. *jol* id. † монг. *jol* «счастье» (= Уйг., Кар. Л., Тел. «судьба»).

Як. суох «нет» † чув. сух «нет» † Орх., Уйг. *yoq* id., Алт., Тел. *jok*, Каз. *juk*, Кир. цок id.

Долгий **ō* отражается в якутском как *ȫ*, в чувашском в середине слова как *эва*:

Як. күөх «синий» † чув. кэвак, срв. венг. *kék* (= *kēk*) «синий» < булг. **kōk* † тур. Уйг., Чагат. *kōk* «синий, небо», Алт., Кир. көк id., Осм. гөк † монг. *kōke* «синий». Сюда же еще чув. кэвагал «утка» † ККир. көгөл «селезень», русск. гоголь < тур. и чув. кэвагар «джен «голубь» † Каз. күгәрчин id., Алт. көбөрчүн id. † монг. *kögeljirgene* id.

Чув. кэваба «пупок» † тур., Осм., Крм. гөбәк, Ад. гүбәк id.

Як. түөрт «четыре» † чув. тэвадэ id. † тур. Орх., Уйг. *tört*, Алт., Шор., Койб., Кирг. төрт id., Осм., Крм., Кар. Т. дөрт id. † монг. *dörben* id.

В anlaut'e **ō* > чув. в + гласн. (а или э), срв. следующие примеры:

Як. үөс «сердцевина, середина» † чув. вар «середина» † тур. Уйг., Орх. *öz* «сам», Кир., ККир., Тар., Осм. *öz* «сердцевина, сам» † монг. бур. С а s t r. *ör*, *örö* «сам», документы из Идикут Шари *öre* (= *öre*) < Ramstedt 1909: 847 > и т. д. < **öwere*, письм. *öbere*. Долгота в турецк. объясняется исчезновением спиранта **w*.

Як. үөрән- «учиться» < **ögren-* † чув. вәрен- < **ören-* < **ögren-* «учиться» † Уйг. *ögren-* id., Осм. *öirän-*, Крм. *ögrän-* id.

Як. үөс «желчь» < **ōč* † тур. Тар., Алт., Леб., Крм. *öç*, Уйг. *öç* «злоба, месть», Осм. *öd* < **öt* «желчь», Алт., Тел., Шор., Саг., Кир. *öt* «желчь» † монг. *ösi-* «ненавидеть», *ösiye* < *ösige* «ненависть» † чув. ват < **öt* «желчь».

Чув. вадэ «старый» < **öte* † монг. *ötegü* «старец», монг.-квадр. (Дармабала, 4) *ö-tö-gü-se* «старшинам».

Примеров для чув. *эва* < **ō*, как видно, много, и любопытно, что слова с **ō* заимствованы в венгерск. языке с *é* (= *ē*), что указывает на долготу гласного < Gombocz 1912: 159 >.

В некоторых случаях чувашск. в + гласн. соответствует краткому Як. *ö*, напр. Чув. вил- «умирать» † Як. *öl-* id. † монг. *ölüs-* «голодать, умирать от голода».

§ 32. Долгие **ū* и **ī* отражаются в якутском и в нижегородском как *ū* и *ī̄*.

Примеры Як. *ū* < **ū*

Як. *ūr-* «класть».

Як. *ūs* «род».

Як. *būs* «лед» † пр. диал. *buz* id.

Примеры Як. \bar{y} < * \bar{i}

Як. \bar{y} р- «гнать» † Орх., Уйг. *sür-*, все диал. *sür-* id.

Як. \bar{y} с \bar{a} «вышина»⁷⁸ † Тел., Алт., Саг. и т. д. \bar{y} ст «верхняя часть».

Як. \bar{y} н «ночь» † все диал. тур. \bar{y} н id. † монг. *tüne* «мрак, мрачный».

Як. \bar{y} л «сон» † тур. Уйг. *tüš*.

Як. \bar{y} с «сто» † тур. *yüz* id.

В начале слова наряду с теми случаями, когда турецким *u* и \bar{i} в чувашск. соответствует \bar{y} , этим же *u* и \bar{i} соответствует еще чув. *v* + гласн., срв. следующие примеры:

Чув. *v*с «конец» † Алт., Леб., Шор. уч, Уйг. *u*с «острый конец».

Чув. *v*с- «летать» † Алт., Леб., Шор., Тар., Осм., Ад. уч-, Уйг. *u*с- id.

Чув. *v*л \bar{d} ж \bar{e} «икра» = Каз. \bar{y} лдык id., Тоб. ултык < **oyulduq*, срв. Чагат. *oyulduruq* id., Кир. улдурук id.

Чув. *v*рах «долго» † тур. Алт., Кир., Осм. узак «долгий», уза- «длиться долго».

Чув. *v*ран- «просыпаться» † Каз., Осм. \bar{y} жан- «просыпаться», Крм., Кир., Леб. и т. д. \bar{y} жан- id. < **u*жан-, срв. Чагат. *oiyan-*, Алт. *oiyan-* id.

Чув. *v*р \bar{e} «семья» † тур. Тар. урук «семья, род, племя», Кирг. \bar{y} р \bar{u} < **uruy* id., Як. \bar{y} р \bar{u} «родство» † монг. *uruu* id.

Чув. *v*р \bar{e} с- «драться» † монг. *urulča-* «сосязаться» † Алт., Тел., Кач., ККир., Кар. Т. уруш- < **urulča-* «сражаться», Саг., Койб. урус- «ссориться».

Примеры Чув. *v* + гласн. † тур. \bar{i}

Чув. *v*ал \bar{e} «доля» † Як. \bar{y} л \bar{y} < * \bar{y} л \bar{y} < **ülüg* «доля» † Тел., Кумд., Бар. \bar{y} л \bar{y} , Уйг. *ülüg* «доля, часть», Уйг. *ülüş* id.

Чув. *v*ар «долина, овраг» † Каз. \bar{y} з \bar{a} н «долина», Бар. \bar{y} з \bar{o} н «ручей», Кир. $\bar{ö}$ з \bar{o} н «речка».

Чув. *v*э \bar{r} «бык» † монг. *üker* «бык», срв. венг. *ökör* (1291 г. *wkur*, 1326/1470 *ewker*) «бык, рогатая скотина» < **Gombocz 1912: 111** > † тур. Осм. $\bar{ö}$ к $\bar{ü}$ з, Ком. *ogus*, Кир. $\bar{ö}$ г $\bar{ü}$ з, Каз. \bar{y} г \bar{e} з «бык», Башк. \bar{y} г $\bar{ü}$ д, Караим. $\bar{ä}$ г \bar{i} з, Як. \bar{o} бус «бык».

Чув. *v*и \bar{z} э «три» † тур. (все диал.) *üç* id.

Можно полагать, что во многих случаях чув. *v* + гласн. восходит к anl. * \bar{u} и * \bar{i} .

Закономерно чувашск. \bar{y} восходит также к * \bar{u} (< **a*, < **u* и т. д.) + * \bar{u} (*i*), срв. Чув. \bar{p} рне < * \bar{p} рне < **bariyan* «палец» † тур. *barmaq* id. † монг. *bari-* «хватать».

Чув. \bar{x} ре < * \bar{x} ур \bar{e} «хвост» < Каз. \bar{k} өп \bar{e} к⁷⁹ id.

Чув. \bar{p} \bar{y} < **buj* «рост» < Каз. \bar{b} у \bar{i} id. и т. д.

Дифтонг * \bar{i} \bar{a} или * \bar{i} \bar{a}

§ 33. Наряду с такими случаями, когда якутскому долговому \bar{a} в турецк. диалектах соответствует краткий *a* и чув. \bar{y} (< **a*), наблюдаются еще такие, когда якутскому \bar{a} соответствует в чувашском тот же \bar{y} (< **a*), но с предыдущим \bar{j} или сильно палатализованным согласным. Гласный здесь отражается в обоих случаях одина-

⁷⁸ Не путать с *y*с «рысь». – Прим. ред.

⁷⁹ Современная орфография – койрык. – Прим. ред.

ково: и в первом случае наблюдается чув. y († як. \bar{a}), и во втором случае y († як. \bar{a}) с той лишь разницей, что во втором случае предшествующий согласный в чувашск. палатализован, т. е. 1) як. $x\bar{a}s$ «гусь» † чув. xur id., 2) як. $x\bar{a}n$ «кровь» † чув. $j\bar{u}n$ id.

Отсюда ясно, что между обоими рядами соответствий необходимо делать разницу. Первый случай восходит к $*\bar{a}$, а второй к $*i\bar{a}$ (resp. $*ia$), ибо палатализация и ряд переходов $*t > \check{c}$ (т́щ), $*s > ш$, $*q > j$ вообще наблюдаются только перед $*i$.

Итак, anl. $*i\bar{a}$ ($*ia$) чув. $> j\bar{y}$, тур. a ; inl. $*i\bar{a}$ ($*ia$) $>$ чув. y (с палатализацией предшествующего согласного), Як. \bar{a} , тур. a , монг. i .

Примеры $*i\bar{a}$ (resp. $*ia$)

Чув. $j\bar{u}s$ «горноста́й» † Алт., Леб., Сой., Койб., Кач., Каз. ас, Орх. as id.

Чув. $j\bar{u}x$ -«течь» † тур. (все диал.) ak - id.

Чув. $j\bar{u}n$ «кровь» † тур. (все диал.) кан, Як. $x\bar{a}n$ id., срв. самоед. Юрак. $хеам$ «кровь».

Чув. $j\bar{u}l$ -«оставаться» † тур. (все диал.) кал-, Н. $k\bar{a}l$ -, Як. $x\bar{a}l$ - или $k^*a\bar{l}$ - id.

Чув. $j\bar{u}r$ «снег» † тур. кар id., Як. $x\bar{a}r$ или $k^*a\bar{r}$ id. † монг. $kirma\bar{y}$ «снежок, мелкая порoша» $kir < *q\bar{i}ar + \text{суфф. } -ma\bar{y}$ (срв. $na\bar{y}ur-ma\bar{y}$ «озерко»).

Чув. $t\bar{i}su\bar{l}$ «камень» † Як. $t\bar{a}s$, ост. тур. диал. таш id. † монг. $\check{c}ilayun$ id.

Чув. $шур\bar{e}$ «белый» † тур. сары, $sari\bar{y}$ «желтый» † монг. $sira$ «желтый».

Чув. $шур$ «болото» † тур. Каз. и пр. saz id.

Чув. $\acute{c}ul$ «год», булг. jal id. † тур. Тар., Алт., Ком., Каз. $ja\bar{s}$ «год жизни», Як. $s\bar{a}s$ «возраст».

Чув. $\acute{c}ur$ «весна» † Орх., Уйг. yaz , Осм., Тар., Каз. $ja\bar{s}$ id., Як. $s\bar{a}s$ «весна» † монг. $nirai$ «новорожденный» † маньчж. $niyar\bar{c}hun$ «зеленый, свежий».

Чув. $\acute{c}ul$ «слеза» † тур. Тар., Алт., Тел., Осм. $ja\bar{s}$ id. † монг. $nilbu$ - «плевать», $nilbusun$ «слеза», $*nil-$ $< *ni\bar{a}l-$.

Дифтонг $*-i\bar{a}$ - является, вероятно, праалтайским: отражения его имеются в монгольском, маньчжурском, турецких диалектах, якутском и болгаро-чувашском: в монг. $*i\bar{a} > i$, в маньчж. ia (в письме iya), в турецк. $*i\bar{a} > *a > a$, в якутск. \bar{a} , в чувашском y ($< *a < *a\bar{a}$) с палатализацией предшествующего согласного или $j\bar{y}$ в anlaut'e <Владимирцов, Поппе 1924: 33>.

Гласные второго слога

§ 34. Установить какие-либо правила соответствий чувашских и турецких гласных второго и следующих слогов не представляется пока возможным. Следует лишь остановиться на одном вопросе, могущем быть интересным для последующих работ.

Прежде всего, любопытно отметить то обстоятельство, что в монгольском языке слово, часто двусложное, соответствует турецкому односложному. Это объясняется тем, что двусложная праязыковая основа с ударением на первом слоге и с открытым вторым слогом в турецких диалектах утратила неударенный гласный второго слога, срв. следующие примеры:

монг. $\check{c}ila-yun$ «камень» † тур. $ta\check{s}$ id.

- монг. *düri* «вид» † тур. *yüz* «лицо».
 монг. *qata-* «сохнуть» † тур. *qat-* id.
 монг. *saγa-* «дойть» † тур. *saγ-* id.
 монг. *sayin* < **sayi-n* «хороший» † тур. *saγ* «здоровый».
 монг. *saki-* «охранять» † тур. *saq-* «бодрствовать».
 монг. *qonin* «овца» † тур. Орх. *qoñ*, Алт. *koi* id.
 монг. *tüne* «мрачный» † тур. *tün* «ночь».
 монг. *düli* «юг» † тур. *tüš* «полдень, юг».
 монг. *basu-* «глумиться» † тур. *bas-* «попирать».
 монг. *siqa-* «давить» † тур. *sīq-* id.
 монг. *jadason* < **jadā-sun* «концы лука» † тур. **jad* > *yai* «лук».
 монг. *baya-n* «богатый» † тур. *bai* id.
 монг. *erke* «сила» † тур. *erk* id.
 монг. *ere* «мужчина» † тур. *er* id.
 монг. *köke* «синий» † тур. *kök* id.
 монг. *γala-γun* «гусь» † тур. *qaz* id. и т. д.

Таким образом, по приведенным примерам можно полагать, что гласный открытого второго и неударенного слога праязыковой двусложной основы в турецких языках исчез, пример: монг. *siqa-* «давить» < **sīqa-* > тур. *sīq-* id.

Закрытый неударенный слог (второй) двусложной основы этим изменениям в турецком не подвергся, срв. следующие примеры:

- монг. *bira-γu* «теленок» † тур. *bīzaγ*.
 монг. *qadum* «тесть» † тур. *qadīng* id.
 монг. **domaγ* > *domoγ* «повесть» † тур. *yumaq* «загадка, сказка».
 монг. *kömül-dürge* «грудной ремень» † тур. *köngül* «сердце».
 монг. *qoγur* «балалайка» † тур. *qobuz* id.
 монг. *oturu-γun* «грудь» † тур. *otuz* «плечо».
 монг. *deleng* «вымя» † тур. *jäläñ* и т. д.

Принимая во внимание последний ряд соответствий, можно полагать, что во всех тех случаях, когда в турецких диалектах сохраняется гласный открытого второго слога, мы имеем дело с древними заимствованиями из монгольского, напр. монг. *janggi* «новость» > тур. *yangyi* «новый»; монг. *törü* < **törä* «закон» > тур. *törä* id.; монг. *ači* < **atī* «внук» > Орх. *atī* id. и т. д. При этом к хронологии этих заимствований можно заметить, что попали они в турецк. диалекты уже после исчезновения гласных вторых открытых слогов в турецких диалектах.

Гласный второго слога, закрытого, как уже сказано, в турецких диалектах сохраняется. При этом любопытно соответствие монг. *a* и турецк. *i* второго слога, которое наблюдается наряду с соответствием монг. *a* и тур. *a*, срв.: монг. *sira* «желтый» и турецк. *sariγ* id.; монг. *kirayan* < **qirayan* «красные полосы зари» † тур. *qizil* «красный»; монг. *dulayan* «теплый» † Леб., Кюар. *жылыг* id. и т. д., так же как и чередование в монгольск. *i* ~ *a* второго слога, срв. *qurayan* ~ *quriyan* «ягненок», *γadayi-* ~ *γajiyi-* < **γadiyi-* «кривиться», *kilayi-* «скосить глаза» ~ *qalir* «козой» и т. д. Это чередование, так же как и соответствие монг. *a* и тур. *i* второго слога, восходит к гласному неполного образования, именно к **a*^o. Любопытно, что и в чувашском языке турецкому *i* второго слога соответствует *a*, срв.:

Чув. сырлах- «смилоствиться» † тур. Орх. *yarliqa-* id.

Чув. тымар «корень» † тур. *tamir* id.

Чув. ыраш «рожь» † Каз. арыш id. и т. д. <Ашмарин 1898: 76>.

Далее, в чувашском языке часто слово бывает двусложным, а соответствующее турецкое односложное, срв. чув. ухэ «стрела» † тур. *oq*; чув. јэдэ «собака» † тур. *it* id.; чув. удэ «сено» † тур. *ot* «трава» † монг. *ota-či* «врач» и т. д. В таких случаях чувашский язык, как и монгольский, является несомненно более консервативным.

Все сказанное несомненно говорит в пользу предположения, что в праязыке ударение было на первом слоге. Этим и объясняется исчезновение гласных вторых слогов, открытых в турецких диалектах. Сохранились же гласные вторых открытых слогов, кроме заимствований, в тех случаях, когда ударение перешло с первого слога на второй ранее, чем гласный второго слога редуцировался.

Пока это все, что можно сказать о вокализме второго слога. О трехсложной основе пока еще не приходится говорить.

Заключение

Чувашский язык, как видно из данного исследования, имеет много общего с турецкими диалектами, а также много общих черт с монгольским языком.

Самым характерным признаком чувашского языка, по которому его необходимо выделить из группы турецких диалектов в особую группу, к которой принадлежит и монгольский язык – это отражение праязыкового *ʃ как чувашск. и монг. *r*, а затем соответствие чув. и монг. *l* < *L и тур. *ş* < *L. Эти две особенности, можно сказать, самые главные. Далее, чувашский язык имеет еще несколько общих черт с монгольским языком, но эти, быть может, являются результатом параллельного развития, таковы: 1) развитие *t' > чув. и монг. *č* (чув. *tíń*); 2) развитие *s' > чув. и монг. *š*; 3) развитие *q > чув. и монг. *x* (в письм. монг. *q*, в живых диалектах *x*), *k > чув. *k* и монг. письм., а также ойратск. *k*, но эта особенность – общая и для якутского языка.

Теперь остается сказать об общих чертах чувашского и турецких языков. Прежде всего, замечательно то обстоятельство, что, подобно турецким диалектам, в чувашском языке совпали в anlaut'e *n (*ñ), *ǰ, *j, *y, дав чув. *ć*, як. *c*, в др. тур. диал. *j* (кирг. *ц*). Затем совпадение глухих и звонких смычных в anlaut'e, а именно *t и *d дали в чув. и тур. *t*; *q, *k, *γ и *g дали в тур. *k* и *k*, в чув. *x* и *k*. Замечательно также, что некоторые изоглоссы соединяют чувашский язык специально с якутским языком: срв. развитие *y и всех совпавших с ним фонем в anlaut'e в чув. *ć* и як. *c*, затем развитие *č в як. *c* и в чув. *ć*, далее развитие *á в як. и чув. *ы*. Наконец, самое главное, это то, что в чувашском языке некоторые долгие гласные отражаются совершенно своеобразно, что наблюдается теперь еще только в якутском языке. Однако эта изоглосса проходит также через все турецкие диалекты, ибо долгие гласные существовали в уйгурском, орхонском и османском и имеются в нижегородском наречии.

Чувашский язык отличается также от турецких и монгольского языков рядом особенностей, свойственных только ему одному. Во-первых, развитие inl. *ǰ >

чув. р, inl. *у > чув. в. Наконец, совершенно отличное отражение праязыкового *ja и еще развитие *qⁱ > в чув. j. Совершенно отличен также вокализм чувашского языка, но это инновация недавняя: еще в XIV столетии на месте нынешнего у в чувашском был а, несколько ранее произошел переход *e > чув. а.

Итак, считать чувашский язык диалектом турецким невозможно, невозможно его считать и диалектом монгольским. Вот почему необходимо было выделить его в особую группу, так называемую «булгарскую», ибо нынешний чувашский язык и волжско-булгарский, насколько он дошел до нас, два диалекта одного языка. Возможно, что чувашский язык – прямой потомок булгарского, прямое продолжение последнего, но возможно, конечно, что прачувашский и булгарский существовали наряду, являясь двумя чрезвычайно близкими друг к другу диалектами одного языка. Это и дает, до некоторой степени, право рассматривать булгарский язык, как более древнюю стадию чувашского языка.

Чувашский язык восходит не к пратурецкому языку, ибо ближайший предок нынешних турецких наречий – пратурецкий язык – был з- и ш- язык, в котором уже завершился переход *ř > *z и *L > *š, но к одному предку с пратурецким языком. Этот чувашско-турецкий или булгарско-турецкий праязык является гораздо более древним, чем пратурецкий язык, и самым правильным названием для него будет «дотурецкий».

На этом можно остановиться. Целью настоящего исследования было установить фонетическую систему алтайских языков – монгольского, турецкого и чувашского, – определить место чувашского языка среди родственных ему, и в результате настоящей работы выяснилось, что чувашский язык, входящий с языком волжских болгар в одну группу, названную здесь булгарской, должен быть причислен к алтайским языкам как язык, отделившийся в дотурецкую эпоху.

Литература

- Ашмарин 1898 – *Ашмарин (Ашмаринъ) Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. (Материалы для изслѣдованія чувашскаго языка.) Ч. I. Учение о звуках. (Учение о звукахъ (фонетика).) Ч. II. Учение о формах. (Учение о формахъ (морфология).) – Казань: Типо-литография Университета (Типо-литография Императорскаго Университета), 1898. {*N.I. Ashmarin. Materials (Data) for research of the Chuvash language. Part 1. Phonology. Part 2. Morphology. – Kazan: University's Typo-lithography, 1898.*}
- Ашмарин 1902 – *Ашмарин (Ашмаринъ) Н.И.* Болгары и чувашы // Известия Общества археологии и этнографии при Императорском Казанском университете. (Отдѣльный оттискъ изъ XVIII тома „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи“ за 1902 годъ). – Казань: Типо-литография Университета (Типо-литография Императорскаго Университета), 1902. – Т. XVIII. {*N.I. Ashmarin. Bulgars and Chuvashes // Proceedings of the Society for Archaeology and Ethnography at Imperial Kazan University. (An offprint from the 18th volume of the “Bulletin of the Society for Archaeology, History and Ethnography”, 1902.) – Kazan: Imperial University's Typo-lithography, 1902. – Vol. 18.*}
- Ашмарин 1903 – *Ашмарин (Ашмаринъ) Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. I. – Казань: Типо-литография И.М. Ключникова (Типо-литография/въ типо-литографіи И.М. Ключникова), 1903. {*N.I. Ashmarin. An attempt at research of Chuvash syntax. Part 1. – Kazan: at I.M. Klyuchnikov's printing house/typo-lithography, 1903.*}
- Березин 1852 – *Березин (Березинъ) И.Н.* Булгар на Волге (Булгаръ на Волгѣ) // Ученые записки Казанского университета. (Ученыя записки, издаваемыя Императорскимъ Казанскимъ уни-

- верситетом/Казанского университета.) – Казань, 1852. – Кн. III. – С. 74–160. {*I.N. Berezin. Bulghar(Bolghar)-on-Volga // Scientific Notes of Kazan University (edited by Imperial Kazan University).* – Kazan, 1852. – Book 3. – PP. 74–160.}
- Владимирцов 1918 – *Владимирцов (Владимирцовъ) Б.Я.* Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской академии наук от профессора А.Д. Руднева (/Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии наук от проф. А.Д. Руднева) // Известия Российской академии наук. (/Азиатский Сборник /Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ/Новая серия / Mélanges Asiatiques /tirés/ du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie / Nouvelle Série) – Петроград, 1918. {*B.Ya. Vladimirtsov. Mongol manuscripts and xylographies received by the Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences from Prof. A.D. Rudnev // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. (The Asiatic Miscellany /From the Bulletin of the Russian Academy of Sciences/A New Series)* – Petrograd, 1918.}
- Владимирцов, Поппе 1924 – *Владимирцов Б.Я., Поппе Н.Н.* Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // Доклады Российской академии наук. – Л., 1924. – Апрель–июнь. (/Comptes rendus /de l'Académie des Sciences de Russie /AVRIL–JUIN) {*B.Ya. Vladimirtsov, N.N. Poppe. On vocalism of the Mongolic-Turkic proto-language // Reports of the Russian Academy of Sciences.* – Leningrad, 1924. – April–June.}
- Грамматика 1869 – Грамматика алтайского языка / сост. членами Алтайской миссии. (/Грамматика Алтайского языка / составлена членами Алтайской миссии). – Казань: Университетская Типография (/въ Университетской Типографіи), 1869. {*A Grammar of the Altai Language / Compiled by members of the Altai Mission.* – Kazan: The University Printing House (/Press), 1869.}
- Григорьев 1876 – *Григорьев (Григорьевъ) В.В.* Россия и Азия сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым, ориенталистом. (Россия и Азия. Сборник изслѣдованій и статей по исторіи, этнографіи и географіи, написанныхъ въ разное время В.В. Григорьевымъ, орьенталистомъ.) – СПб.: Типография братьев Пантелеевых (/Типографія брат. Пантелеевыхъ), 1876. {*V.V. Grigoriyev. Russia and Asia. (A compendium of studies and articles on history, ethnography and geography written at various times by V.V. Grigoriev, the Orientalist.)* – Saint Petersburg: Panteleyevy Brothers' Printing House, 1876.}
- Ильминский 1865 – *Ильминский (Ильминскій) Н.И.* О фонетических отношениях между чувашским и тюркским языками (/О фонетическихъ отношеніяхъ между чувашскимъ и тюркскимъ языками. Письмо Н.И. Ильминскаго къ В.В. Григорьеву) // Известия Императорского археологического общества. (/Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества.) – СПб.: Типография Императорской Академии Наук (/въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ), 1865. – Т. V. – С. 80–84. {*N.I. Il'inskiy. On phonological correspondences between Chuvash and Turkic languages // Bulletin of the Imperial Archaeological Society.* – Saint Petersburg: the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1865. – Vol. 5. – PP. 80–84.}
- Куник 1878 – *Куник (Куникъ) А.А.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1. Статьи и исследования А. Куника и барона В. Розена. Приложение к XXXII-му тому Записок Императорской академии наук. № 2. (/Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Часть 1. Статьи и разысканія А. Куника и барона В. Розена. Приложеніе къ XXXIIму тому Записокъ И. Академіи Наукъ. № 2.) – СПб., 1878. {*The reports of Al-Bakrī's and other authors about Rus' and the Slavic tribes. Part 1. Articles and research by A. Kunick and Baron V. Rosen. An appendix to the 32nd volume of the Proceedings of the Imperial Academy of Sciences. No. 2.* – Saint-Petersburg: the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1878.}
- Поппе 1924а – *Поппе Н.Н.* Die tschuwassischen Lautgesetze [Звуковой строй чувашского языка] (Besprechung von G.J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. JSFOu XXXVIII, I. Helsinki, 1922–1923) // *Asia Major.* – Lipsiae: Editores Bruno Schindler et Friedrich Weller, 1924/MCMXXIV. – Vol. 1. – S. 775–782. (In German.)
- Поппе 1924б – *Поппе Н.Н.* К консонантизму алтайских языков [N. Poppe. Une question de consonantisme des langues altaïques] // Доклады Российской академии наук. – Л., 1924. – Апрель–июнь. {*N.N. Poppe. A question of consonantism of the Altaic languages // Reports of the Russian Academy of Sciences.* – Leningrad, 1924. – April–June.}
- Поппе 1925 – *Поппе Н.Н.* Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук. – Л.: Российская

- Академия Наук / Главное Управление научными учреждениями (Главнаука) / Государственное Издательство (Госиздат), 1925. – Т. I. {*N.N. Poppe*. Mongolian animal names in Hamdallāh Qazwīnī's work // Notes of the College of Orientalists at the Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences. – Leningrad: Russian Academy of Sciences / Head Office of the Scientific editions (Glavnauka) / The State Publishing House (Gosizdat), 1925. – Vol. 1.}
- Радлов 1878 – *Радлов (Радловъ) В.В.* Анализ болгарских числительных имен // Куник А.А. Исследование 1-е. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именику. (Разыскание 1-ое. О родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашами по славяно-болгарскому Именику. А. Куника) // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1. Статьи и исследования А. Куника и барона В. Розена. Приложение к XXXII-му тому Записок Императорской академии наук. № 2. (Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Часть 1. Статьи и разысканія А. Куника и барона В. Розена. Приложение къ XXXIIму тому Записокъ И. Академіи Наукъ. № 2.) – СПб.: Типография Императорской Академии Наук (Типографія Императорской Академіи Наукъ), 1878. – С. 138–146 {*V.V. Radlov*. An analysis of Bulghar numerals // A.A. Kunik. Research 1. On the kinship of the Khaghano-Bulghars with the Chuvashes according to the Slavic-Bulghar name list (anthroponymicon) // The reports of Al-Bakrī's and other authors about Rus' and the Slavic tribes. Part 1. Articles and research by A. Kunick and Baron V. Rosen. An appendix to the 32nd volume of the Proceedings of the Imperial Academy of Sciences. No. 2. – Saint-Petersburg: the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1878. – PP. 138–146.}
- Рамстедт 1908 – *Рамстедт Г.И. (Рамстедтъ Г.И.)* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора (Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и Халха'ско-Ургинскаго говора) / Перевод издания (Переводъ студентовъ <...>) с доп. автора: Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen von G.J. Ramstedt (Journal de la Société Finno-ougrienne XXI, 2). Helsingfors, 1902 (Vom Verfasser revidierte und verbesserte russische Auflage).– СПб./St. Petersburg: Типография Императорской Академии Наук (Типографія Императорской Академіи Наукъ)/Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1908. {*G.J. Ramstedt*. A Comparative phonology of Mongolian written language and the dialect of Khalkha-Urga / A translation (made by students <...>) with author's additions of: Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen von G.J. Ramstedt (Journal de la Société Finno-ougrienne XXI, 2). Helsingfors, 1902 (Vom Verfasser revidierte und verbesserte russische Auflage).– Saint Petersburg: the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1908.}
- Руднев 1911 – *Руднев (Рудневъ) А.Д.* Материалы по говорам восточной Монголии (с рисунками и нотами в тексте). (Материалы по говорамъ восточной Монголіи (съ рисунками и нотами въ текстѣ).) – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума (Типографія В. Ф. Киршбаума (отдѣленіе)), 1911. {*A.D. Rudnev*. The materials on the dialects of Eastern Mongolia. (With figures and notes in the text.) – Saint-Petersburg: V.F. Kirschbaum Printing House, 1911.}
- Самойлович 1918 – *Самойлович (Самойловичъ) А.Н.* Турун-тудун (еще пример турко-болгарского ротацизма) (Турунь-тудунъ (Еще примѣръ турко-болгарскаго ротацизма)) // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. (Сборникъ Музея антропологии и этнографіи при Россійской Академіи наукъ.) – Петроград: Типография Российской Академии Наук (Типографія Россійской Академіи Наукъ), 1918. – Т. V. {*A.N. Samoylovich*. Turun-()tudun (another example of the Turkic-Bulghar rhotacism) // A Compendium of Museum of Anthropology and Ethnography at the Russian Academy of Sciences. – Petrograd: the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1918. – Vol. 5.}
- Самойлович 1922 – *Самойлович А.Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Петроград: Российская Государственная Академическая Типография, 1922. {*A.N. Samoylovich*. Some additions to the classification of the Turkic languages. – Petrograd: Russian State Academic Typography, 1922.}
- Фейзханов 1863 – *Фейзханов (Фейзь-Хановъ, Хусейнь Фейзь-Хановъ, Мулла) Х.* Три надгробных болгарских надписи (Три надгробныхъ болгарскихъ надписи) // Известия Императорского археологического общества. (Извѣстія Императорскаго Археологическаго общества.) – СПб.: Типография Императорской Академии Наук (въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ), 1863. – Т. IV. {*Kh. Feyz-Khanov/Feyz Khanov [Mullah]*. Three gravestone Bulghar inscriptions (epi-

- taphs) // Bulletin of the Imperial Archaeological Society. – Saint-Petersburg: at the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1863. – Vol. 4.}
- Шахматов 1918 – *Шахматов (Шахматовъ) А.А.* Заметка об языке волжских болгар (Замѣтка объ языкѣ волжскихъ болгаръ) // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. (Сборникъ Музея антропологии и этнографии при Россійской Академіи наукъ.) – Петроград: Типография Российской Академии Наук (Типографія Россійской Академіи Наукъ), 1918. – Т. V. {*A.A. Shakhmatov.* A note on the language of Volga Bulgars // A Compendium of Museum of Anthropology and Ethnography at the Russian Academy of Sciences. – Petrograd: the Printing House of the Russian Academy of Sciences, 1918. – Vol. 5.}
- Шестаков 1884 – *Шестаков (Шестаковъ) П.Д.* Кто были древние болгары? (Кто были древніе болгары?) // Известия Общества археологии и этнографии при Императорском Казанском университете. (Извѣстія Общества археологіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.) – Казань: Типо-литография Императорского Университета (Типо-литографія Императорскаго Университета), 1884. – Т. III. – С. 60–72. {*P.D. Shestakov.* Who were the ancient Bulgars? // Proceedings of the Society for Archaeology and Ethnography at the Imperial Kazan University. – Kazan: Imperial University's Typo-lithography, 1884. – Vol. 3. – PP. 60–72.}
- Adelung 1806 – *Adelung J.Ch.* Mithridates[,] oder allgemeine Sprachenkunde <...>. [Митридат, или Общее языкознание <...>]. – Berlin: in der Vossischen Buchhandlung, 1806. – Bd. I. (In German.)
- Adelung 1820 – *Adelung J.Ch.* Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte [Обзор всех известных языков и их диалектов]. – St. Petersburg: Gedruckt bey Nic. Gretsch, 1820. (In German.)
- Ahlqvist 1856 – *Ahlqvist A.* Ensím(/m)äinen matka-kertomus [Первый отчет о поездке] // Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen. 1856. Vol. XVI. – Helsingfors: FLST, 1857. – PP. 215–223. {*A. Ahlqvist.* The First travel report // Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen. 1856. Vol. XVI. – Helsingfors: FLST, 1857. – PP. 215–223.} (In Finnish and Swedish.)
- Barthold 1897 – *Barthold W.* [Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold] Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften [Историческое значение древнетюркских надписей] // Die alttürkischen Inschriften der Mongolei von W. Radloff. – St. Petersburg: Издание Имп. Академии Наук/Published by the Imperial Academy of Sciences, 1897. (In German.)
- Böhtlingk 1851 – *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. Theil 2. Jakutisch-Deutsches Wörterbuch [О языке якутов. Часть 2. Якутско-немецкий словарь]. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1851. (In German.)
- Budenz 1862 – *Budenz J.* Csuvás közlések és tanulmányok [Чувашские статьи (известия) и исследования] // Nyelvtudományi Közlemények. – Pesten: Eggenberger Ferdinánd Magyar Akadémiai (/Akadémiai) könyvtárusnál/nyomatott Emich Gusztáv magyar akad. nyomdásznál, 1862. – I. – PP. 200–268, 353–433; 1863. – II. – PP. 14–68. {*J. Budenz.* Chuvash papers and studies // Nyelvtudományi Közlemények. – Pest: Eggenberger Ferdinánd Magyar Akadémiai (/Akadémiai) könyvtárusnál/nyomatott Emich Gusztáv magyar akad. nyomdásznál, 1862. – Vol. 1. – PP. 200–268, 353–433; 1863. – Vol. 2. – PP. 14–68} (In Hungarian.)
- Budenz 1864 – *Budenz J.* Némely látszólagos képtelenségek a csuvás-török hangviszonyokban [Некоторые кажущиеся несоответствия в чувашско-тюркских звуковых соответствиях] // Nyelvtudományi Közlemények. – Budapest/Pest: Kiadja A Magyar Tudományos Akadémia (/Akadémia) nyelvosztályának bizottsága. Eggenberger Ferdinánd Magyar Akadémiai (/Akadémiai) könyvtárusnál, 1864. – III. {*J. Budenz.* Some apparent mismatches in Chuvash-Turkic sound correspondences // Nyelvtudományi Közlemények. – Budapest/Pest: Edited by: A Magyar Tudományos Akadémia (/Akadémia) nyelvosztályának bizottsága. Eggenberger Ferdinánd Magyar Akadémiai (/Akadémiai) könyvtárusnál, 1864. – Vol. 3.} (In Hungarian.)
- Castrén 1855 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen [Словарные указатели (из) самоедских языков]. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bearbeitet von Anton Schiefner // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1855. (In German.)
- Castrén 1856 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 [Отчеты о путешествиях и письма 1845–1849 годов]. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1856. (In German.)

- Castren 1857 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker [Лекции об алтайских народах]. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1857. (In German.)
- Chavannes 1903 – *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux [Документы о западных ту-кю (тюрках)] // Сборник трудов Орхонской экспедиции. (Сборник трудов Орхонской экспедиции.) – St. Pétersbourg : Типография Императорской Академии Наук (Типография Императорской Академии Наук), 1903. – Т. VI. (In French.)
- Donner 1920 – *Donner K.* Über samojedisches š- und s- [О самодийских ш- и с-] // Journal de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1920. – XXXVII. – No. 2. (In German.)
- Encyclopaedia 1913 – The Encyclopaedia of Islam. Vol. I. A–D. – Leyden–London: E.J. Brill–Luzac & Co., 1913.
- Foy 1900 – *Foy K.* Türkische Vocalstudien [Тюркские гласные: исследования] // Seminar für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich Wilhelms-Universität zu Berlin. III. Abth. 2. West-asiatische Studien. – Berlin–Stuttgart: Commissionsverlag von W. Spemann, 1900. (In German.)
- Fraehn 1832 – *Fraehn Ch.M.* Die ältesten (/aeltesten) arabischen Nachrichten über (/ueber) die Wolga-Bulgharen, aus Ibn-Foszlans Reiseberichte [Древнейшие арабские сообщения о волжских булгарах, из путевых заметок Ибн-Фадлана] // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences. 6 série. – St. Pétersbourg: Akad. der Wissenschaften, 1832. – Т. I. (In German.)
- Gauthiot 1914–1923 – *Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne [Очерк согдийской грамматики]. – Paris: Librairie Paul Geutner, 1914–1923. (In French.)
- Gombocz 1912 – *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache [Булгаро-тюркские заимствования в венгерском языке] // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1912. – Т. XXX. (In German.)
- Gombocz 1913 – *Gombocz Z.* Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen [К исторической фонетике алтайских языков] // Keleti Szemle. – Budapest–Leipsic: Druck des Franklin-Vereins/En commission chez Otto Harrassowitz, 1912/13. – XIII. – Hf. 1–2. – S. 1–37. (In German.)
- Gombocz 1921 – *Gombocz Z. Rez.:* Räsänen M. Die tschuwassischen Lehnwörter im tscheremissischen [Рецензия на: Räsänen M. Чувашские заимствования в марийском языке] // Kőrösi Csoma-Archivum. – 1921. – I. (/1. Kötet.) – № (/Szám) 1. (In German.)
- Grønbech 1902 – *Grønbech V.* Forstudier til tyrkisk lydhistorie [Предварительные исследования по тюркской исторической фонетике]. – København: Lehmann og Stage (/Lehmann og Stages boghandel), 1902. (In Danish.)
- Grønbech 1903 – *Grønbech V. (/Grønbech, Vilh.)* Forstudier til tyrkisk lydhistorie (Erste Mittheilung. Selbstanzeige) [Предварительные исследования по тюркской исторической фонетике (Сообщение Первое. Рассказ о своей собственной книге)] // Keleti Szemle. – Budapest–Leipsic: Franklin-társulat nyomdájá/En commission chez Otto Harrassowitz, 1903. – IV. (In German.)
- Hoops 1905 – *Hoops J.* Waldbäume und Kulturpflanzen im germanischen Altertum [Лесные деревья и культурные растения в эпоху германской древности]. – Strassburg (/Straßburg): Verlag von Karl J. Trübner, 1905. (In German.)
- Hoops 1911 – *Hoops J.* Reallexikon der germanischen Altertumskunde [Энциклопедия германской археологии]. Bd. I. (A–E). – Strassburg (/Straßburg): Verlag von Karl J. Trübner, 1911[–13]. (In German.)
- Klaproth 1823 – *Klaproth J.* Asia polyglotta mit Sprachatlas in folio [Многоязыкая Азия. С вложением языкового атласа]. – Paris: bei A. Schubart, 1823. (In German.)
- Klaproth 1828 – *Klaproth J.* Comparaison de la Langue des Tchouvaches avec les Idiomes turks [Сопоставление языка чувашей с тюркскими языками] // Nouveau Journal asiatique. – Paris: à l'Imprimerie Royale, 1828. – Т. I. – PP. 237–246. (In French.)
- Korsch 1912 – *Korsch Th.* Türkische Etymologien [Тюркские этимологии] // Festschrift für Vilhelm Thomsen. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1912. – PP. 198–201. (In German.)
- Levesque 1825 – *Levesque P.C.* Grammaire abrégée de la langue des Tchouvaches [Краткая грамматика языка чувашей] // Journal Asiatique. – Paris: chez Dondey-Dupré père et fils, 1825. – Т. VI. – PP. 213–224. (In French.)
- Marquart 1898 – *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften [Хронология древнетюркской эпиграфии]. – Leipzig: Dieterich'sche Verlags-Buchhandlung Theodor Weicher, 1898. (In German.)

- Melioranskij 1904 – *Melioranskij P.* Platon Melioranskij: [Rez.:] Forstudier til tyrkisk Lydhistorie af Vilh. Grønbech. København. Lehmann og Stages Boghandel. 1902. 121 S. [Рецензия на: Grønbech V. Предварительные исследования по тюркской исторической фонетике. København. 1902. 121 с.] // *Göttingische gelehrte Anzeigen*. 166. Jahrgang. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1904. – S. 491–499. (In German.)
- Mikkola 1913–1918 – *Mikkola J.J.* Die Chronologie der türkischen Donaubulgaren [Хронология тюркских дунайских болгар] // *Journal de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja*. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1913–1918. – No. 33 (XXXIII). (In German.)
- Munkácsi 1883 – *Munkácsi B.* Votják nyelvtanulmányok. I. Idegen elemek a votják nyelvben [Исследование удмуртского языка (Удмуртское языкознание.). I. Заимствованные элементы в удмуртском языке] // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest: a M. Tudom. Akadémia könyvkiadó-hivatala (az Akadémia épületében), 1883. – XVIII. – № 1. – Old. 35–155. {*B. Munkácsi*. The Udmurt Research. I. Foreign elements in the Udmurt language // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest: a M. Tudom. Akadémia könyvkiadó-hivatala (az Akadémia épületében), 1883. – Vol. 18. – Issue 1. – PP. 35–155.} (In Hungarian.)
- Németh 1911 – *Németh J.* Egy török-mongol hangtörvény [Один тюрко-монгольский фонетический закон] // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest: a Magyar Tudományos Akadémia kiadása, 1911. – XLI. – Old. 401–412. {*J. Németh*. A Turcic-Mongolic phonetic law // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest: a Magyar Tudományos Akadémia kiadása, 1911. – Vol. 41. – PP. 401–412.} (In Hungarian.)
- Németh 1913–1914 – *Németh J.* Über den Ursprung des Wortes *Šaman* (*/šaman*) und einige Bemerkungen zur türkisch-mongolischen Lautgeschichte [О происхождении слова *шаман* и некоторые заметки к тюрко-монгольской исторической фонетике] // *Keleti Szemle*. – Budapest–Leipsic: En commission chez Otto Harrassowitz, 1913–1914. – XIV. – S. 240–249. (In German.)
- Németh 1915 – *Németh J.* Die langen Vokale im Jakutischen [Долгие гласные в якутском языке] // *Keleti Szemle*. – Budapest–Leipsic: Druck des Franklin-Vereins/ En commission chez Otto Harrassowitz, 1915. – XV. – S. 150–164. (In German.)
- Paasonen 1897 – *Paasonen H.* Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen [Тюркские заимствования в мордовском языке] // *Journal de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja*. – Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1897. – XV. – No. 2. (In German.)
- Paasonen 1902 – *Paasonen H.* Über die türkischen lehnwörter im ostjakische [О тюркских заимствованиях в хантыйском языке] // *Finnisch-ugrischen Forschungen*. – Helsingfors–Leipzig: Red. der Zeitschrift– Otto Harrassowitz, 1902. – Bd. II. – S. 81–137. (In German.)
- Pedersen 1903 – *Pedersen H.* Türkische Lautgesetze [Основы тюркской фонетики] // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Leipzig: in Commission bei F. A. Brockhaus, 1903. – Bd. LVII. (*/Siebenundfünfzigster Band*) – Heft III. – S. 535–561. (In German.)
- Radloff 1882 – *Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen [Фонетика северных тюркских языков]. – Leipzig: T.O. Weigel's Verlag, 1882. (In German.)
- Radloff 1901 – *Radloff W.* Zur Geschichte des Türkischen Vokalsystems [К истории тюркской системы гласных] // *Bulletin de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg*. (*Извѣстія Императорской Академіи наукъ*) – St.-Petersbourg, 1901. – T. XIV. – № 4. – S. 707–744. (In German.)
- Radloff 1908 – *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen [Якутский язык в своем отношении к (другим) тюркским языкам] // *Записки Императорской академии наук по историко-филологическому отделению*. (*/Записки Императорской Академіи наукъ по Историко-филологическому отдѣленію*.) – СПб.: Типография Императорской Академии Наук (*/Типографія Императорской Академіи Наукъ*), 1908. – T. VIII. – № 7. (In German.)
- Radloff 1911a – *Radloff W.* Altürkische Studien. IV [Старо-тюркскія замѣтки. IV] // *Mélanges asiatiques*. Tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. – St.-Petersbourg: Типография Императорской Академии Наук (*/Типографія Императорской Академіи Наукъ*), 1911. – T. XV (1911–1912). – PP. 305–326. (In German.)
- Radloff 1911b – *Radloff W.* Altürkische Studien. V [Старо-тюркскія замѣтки. V] // *Mélanges asiatiques*. Tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. – St.-Petersbourg: Типография Императорской Академии Наук (*/Типографія Императорской Академіи Наукъ*), 1911. – T. XV (1911–1912). – PP. 427–452. (In German.)

- Radloff 1916 – *Radloff W.* Alttürkische Studien. VII [Старо-тюркскія замѣтки. VII]. – 1916 (рукопись) [A Manuscript]. (In German.)
- Ramstedt 1902 – *Ramstedt G.J.* Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen [О глагольном спряжении в халха-монгольском языке] // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia. – Helsingfors : Société Finno-Ougrienne, 1902. – XIX. (In German.)
- Ramstedt 1909 – *Ramstedt G.J.* Mongolische Briefe aus Idikut-Schähri bei Turfan [Oase von Turfan] [Монгольские письма из Идикут-Шэхри (Шахри/Шехри/Шээри) близ Турфана] / Mit einer Einleitung von A. von Le Coq. (hierzu Taf. VI) / Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. XXXII. Jahrgang. – Berlin : Verlag Der Königlischen Akademie Der Wissenschaften, 1909. – S. 838–849. (In German.)
- Ramstedt 1912a – *Ramstedt G.J.* Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen [Глагольное основное словообразование монголо-тюркских языков] // Journal de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1912. – XXVIII. – № 3. – S. 1–86. (In German.)
- Ramstedt 1912b – *Ramstedt G.J.* Zur Geschichte des labialen Spiranten im Mongolischen [К истории лабиальных спирантов в монгольском языке] // Festschrift für Vilhelm Thomsen. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1912. – S. 182–187. (In German.)
- Ramstedt 1913 – *Ramstedt G.J.* Egy állítólagos török-mongol (/mongol-török) hangtörvény [Один возможный тюрко-монгольский (/монгольско-тюрский) фонетический закон] // Nyelvtudományi Közlemények. – Budapest: a Magyar Tudományos Akadémia kiadása, 1913. – XLII. – № 1–2. – Old. 69–74. {*G.J. Ramstedt.* A possible Turkic-Mongolic (Mongolic-Turkic) phonetic law // Nyelvtudományi Közlemények. – Budapest: a Magyar Tudományos Akadémia kiadása, 1913. – Vol. 42. – Issue 1–2. – PP. 69–74.} (In Hungarian.)
- Ramstedt 1916 – *Ramstedt G.J.* Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache [Начальный глухой губной в монгольско-тюркском праязыке] // Journal de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1916[–20]. – XXXII. – № 2. (In German.)
- Ramstedt 1922 – *Ramstedt G.J.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen [К вопросу о положении чувашского языка] // Journal de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1922. – XXXVIII. – № 1. – S. 1–34. (In German.)
- Räsänen 1920 – *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen [Чувашские заимствования в марийском языке] // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia. – Helsinki: Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilainen Seura, 1920. – XLVIII. (In German.)
- Rask 1834 – *Rask R.K.* Samlede tildels forhen utrykte Afhandlinger <...>. I. (/Første) Del [Сборник частично опубликованных трудов. Часть I]. – København: trykt i det Poppske Bogtrykkeri, 1834. {*R.K. Rask.* Collection of partially published works. Part I. – København, 1834.} (In Danish.)
- Schlözer 1771 – *Schlözer A.L.* Allgemeine Nordische Geschichte [Всеобщая северная история]. Aus den neuesten und besten Nordischen Schriftstellern und nach eigenen Untersuchungen beschrieben, und als eine Geographische und Historische Einleitung zur richtigern Kenntniss aller Skandinavischen, Finnischen, Slavischen, Lettischen, und Sibirischen Völker, besonders in alten und mittleren Zeiten. – Halle: bey Johann Justinus Gebauer, 1771. (In German.)
- Schott 1841 – *Schott G.* De lingua Tschuwaschorum [О языке чувашей] / Dissertatio qua ad audiendam praelectionem muneris rite adeundi gratia die XXXI. mensis Julii, hora prima habendam invitatur. – Berlin: ex Officina Jul. Sittenfeld, 1841. (In Latin.)
- Schott 1843 – *Schott W.* Etwas über die tschuwaschische Sprache [Кое-что о чувашском языке] // Erman's Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. – Berlin: Druck und Verlag von G. Reimer, 1843. – Bd. 3. – Heft 1. – S. 115–120. (In German.)
- Setälä 1902 – *Setälä E.N.* Zur finnisch-ugrischen Lautlehre [О финно-угорской фонетике] // Finnisch-ugrischen Forschungen. – Helsingfors–Leipzig: Red. der Zeitschrift–Otto Harrassowitz, 1902. – Bd. II. – S. 220–276. (In German.)
- Strahlenberg 1730 – *Strahlenberg P.J.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia [Северная и восточная часть Европы и Азии]. /In so weit solches /Das gantze Rußische Reich mit Siberien /und der grossen Tatarey in sich begreiffet <...>. – Stockholm /, in Verlegung des Autoris/, 1730. (In German.)

- Thomsen 1896 – *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées [Распознанные и прочитанные орхонские надписи] // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. – Helsingfors: Imprimerie de la Société de Littérature Finnoise, 1896. – V. (In French.)
- Thomsen 1901 – *Thomsen V.* Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure [О системе согласных в уйгурском языке] // Keleti Szemle. – Budapest–Leipsic: Franklin-társulat nyomdája./En commission chez Otto Harrassowitz, 1901. – II. – PP. 241–259. (In French.)
- Thomsen 1913 – *Thomsen V.* Une lettre méconnue des inscriptions de l'Iénissei (*Iénissei*) [Неизвестный символ надписей Енисея] // Journal de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1913. – T. XXX. – № 4. – PP. 1–9. (In French.)
- Thomsen 1916 – *Thomsen V.* Turcica // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. – Helsingfors: Imprimerie de la Littérature Finnoise, 1916. – XXXVII. (In French.)
- Tomaschek 1889 – *Tomaschek W.* Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. II. Die Nachrichten Herodot's über den skythischen Karawanenweg nach Innerasien [Обзор древнейших сообщений о скифском севере. II. Сообщения Геродота о скифском караванном пути во Внутреннюю Азию] // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. – Wien: In Commission bei F. Tempsky Buchhändler der Kais. Akademie der Wissenschaften/Druck von Adolf Holzhausen, k.k. Hof- und Universitäts-Buchdrucker in Wien, 1889. – Bd. CXVII. (*Hundertsiebzehnter Band.*) (In German.)
- Wichmann 1903 – *Wichmann Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen [Чувашские заимствования в пермских языках] // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne/Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. – Helsingfors: Société Finno-Ougrienne/Druckerei der Finnischen Litteratargesellschaft, 1903. – XXI. (In German.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 131–172. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 398.541

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-131-172

ГРОМОВНИК ПО ПОВЕРЬЯМ И СКАЗАНИЯМ ПЛЕМЕН ЮЖНОЙ СИБИРИ И СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ^{1,2}

Г.Н. Потанин

Для цитирования: *Козин С.А.* Громовник по поверьям и сказаниям племен южной Сибири и северной Монголии // *Российская тюркология*. 2024. № 3–4 (44–45). С. 131–172. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-131-172.

The Thunderer according to beliefs and folk tales of tribes of Southern Siberia and Northern Mongolia

G.N. Potanin

For citation: *Kozin S.A.* The Thunderer according to beliefs and folk tales of tribes of Southern Siberia and Northern Mongolia // *Russian Turkology*. 2024. № 3–4 (44–45). P. 131–172. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-131-172.

I.

Выдающееся место между явлениями природы, наводившими ужас на первобытного человека и потому послужившими основой для образования мифов, занимает грозовое явление, реализацию которого в мифе у нас принято называть «Громовником». О том, как отразились представления о грозовом явлении в мифах северной Азии, нам мало известно за исключением того, что сказано об этом Кастреном в его «Финской мифологии». Вклад, сделанный Кастреном в науку, относится преимущественно к финнам Финляндии; шаманского же мира Сибири Кастрен касается в своей книге только мимоходом, при случае, когда ему нужно осветить темные места в верованиях прибалтийских финнов. Мы попытаемся пополнить сведения об этом предмете, сделав свод представлений о Громовнике преимущественно по сказаниям и поверьям южной Сибири и северной Монголии.

¹ Перепечатано с: *Потанин Г.Н.* Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии // *Журнал министерства народного просвещения*. Пятое десятилетие. Часть ССХІХ. – С.-Пб., 1882. – С. 116–167.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены к современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим. ред.*

Что гром монголы приписывают «Лу», то есть дракону, это известно из многих путешествий по Монголии. По более подробному поверью, Лу есть только подседельное животное, на котором разъезжает Тэнгри-хан, или просто Тэнгри. На вопрос: что производит гром? – монголы отвечают различно; кто скажет, что это Лу, кто – что это Тэнгри. О самом Лу представления также различны; самое распространенное, конечно, поддерживаемое рисунками на китайских знаменах, есть то, что это – змей, но от одного халхасца мне довелось услышать, что есть и такое мнение, будто это – шаман, а также другое, что это – верблюд, на котором сидит человек, бьющий в бубен. Урянхайцы вместо Лу говорят Улы и вместо Тэнгри-хан – Терь-хан; последнее имя вполне соответствует монгольскому, потому что урянхайцы, вместо монгольского тэнгри, небо, произносят терь. Монголы к имени Тэнгри прибавляют иногда Хурмусту; они говорят, что во время грозы на Лу ездит Тэнгри-Хурмусту-хан. Что Хурмусту было именем Громовника, показывают некоторые места в сказках и былинах; в напечатанной мною сказке о Боролдае-Ху <Потанин 1881б: 171> Гурбустэн-хан (который, вероятно, есть то же, что Хурмусту-хан) заменяет Гром-батюку русских сказок, представляющихся вариантами Боролдая-Ху; в конце сказки Гурбустэн-хан убивает молнией темную силу Мангыса. В дорбютской былине о богатыре Ирин-Сайне Гучин-Гурба-Гурбустэн-хан также является мечущим молнию с неба <Известия 1881: 175>. Алтайцы приписывают гром и Улы, и Кайракану. Во время грома алтайцы произносят: «Кайракан!» вроде того, как у нас простой народ говорит в это время «Свят, свят, Господь Саваоф». Под Улы алтайцы, подобно урянхайцам и монголам – насколько могу судить из своих скудных расспросов, – разумеют змея.

К этим именам мы вправе присоединить монгольское «Хаирхан», хотя и не имеем прямого указания, чтоб этим именем назывался гром. Это причисление хаирхана к именам Громовника мы основываем на следующих соображениях: во-первых, хаирхан фонетически вполне соответствует алтайскому кайракан; татарский звук *к* в монгольском постоянно переходит в *х*, как, например, *кара* – черный – в монгольском *хара*, *ку* – лебедь – в монгольском *хонг*, и т. д. Во-вторых, выражение «э, хаирхан!» существует и у монголов, хотя я слышал его употребляемым только для показания своего удивления, например, при рассказе о чем-нибудь необыкновенном. В-третьих, хаирханами в Монголии часто называются горы или небольшие, но уединенно стоящие посреди равнины, или, хотя и стоящие в ряду других, но выдающиеся значительно своею высотой. Иногда такие высоты бывают покрыты вечным снегом. В северо-западной Монголии есть несколько таких уединенных белков, как, например, Харкиринский белок к востоку от озера Убса, Биту-Ерик и Алтын Чучей – на правом берегу реки Кобдо, Теректинский белок – на правом берегу реки Буянту к востоку от города Кобдо, Отхан-Хаирхан – к северу от города Улясутая и т. д. Такие высокие горы, покрыты ли они вечным снегом или нет, имеют свойство притягивать к себе грозовые облака. Часто на равнине в течение целого месяца стоит ясная погода, а на соседнем белке, верстах в тридцати или сорока, чуть не через день разряжается гроза, гремит гром, идет дождь или град. Мы сами были часто свидетелями подобных картин, когда жили в монастыре Улангоме. Такие горы пользуются особым уважением не только у шаманистов, но и у буддистов. Окрестное население выбирает какую-нибудь возвышенность поблизости высокой горы, насыпает здесь «обо»,

то есть кучу камней, и собирается около нее в известные дни года, причем ламайты читают молитвы, а шаманисты приносят жертвы. Шаманисты – насколько я понимаю их мысль – признают самый белок за источник грозового явления; для них белок также гремит, проливает дождь и сыплет град, как для нас по крайней мере грамматически вулкан бросает золу и бомбы, изливает лаву и производит гул и землетрясение. Шаманист отождествляет высокую гору или белок с самим громовником. Для отличия одного хаирхана от другого к нарицательному «хаирхан» прибавляется собственное имя; таким образом, в северо-западной Монголии находим горы под названием Дзун-Хаирхан, Батыр-Хаирхан, Отхан-Хаирхан, Хотгун-Хаирхан, Бур-Хаирхан, Бурен-Хаирхан, Онго-Хаирхан, Тельгир-Хаирхан, Тос-Хаирхан, Баин-Хаирхан, Цаган-Хаирхан, Курён-Хаирхан и многие другие. Небольшие горы с названием хаирхан также встречаются, но реже; мы знаем, например, Табын-Хаирхан, Талэн-Хаирхан; нельзя не заметить, что эти низкие хаирханы носят эпитеты простые; Табын-Хаирхан в переводе означает «пять хаирханов» (тут действительно пять отдельных высот), Талэн-Хаирхан – «равнинный хаирхан»; у высоких же хаирханов эпитеты, по-видимому, старинные, мифологические, утратившие смысл, а если последний иногда и замечается в них, то должен быть объясняем позднейшим домышлением народа. Поэтому перенос имени хаирхан на невысокие горы, вероятно, есть явление исключительное; главным же образом под хаирханами разумелись высокие, тученосные горы. Хаирхан, как название для гор, встречается, кажется, только в западной Монголии, в Хангае и Алтае; в Тянь-Шане мы это имя совсем не слышали; на севере границей распространения этого названия служит Танну-Ола; в этом хребте я знаю только два хаирхана; в долине Улу-Хэма стоит отдельная каменная гора Кайракан, но это уже собственное имя, и никакого эпитета к слову кайракан не приставляется. Другой Кайракан в Танну-Оле стоит в вершинах реки Самгалтая³. У урянхайцев и алтайцев для высоких гор, которым делается поклонение, существуют уже другие имена; урянхайцы называют их адыкту, алтайцы – джайкту или иикту, но об этих словах мы скажем особо. На востоке в хребте Алтая хаирханы встречаются довольно далеко; так, гора Того-Хаирхан упоминается между хребтами Гурбань-Сайхан и Муни-ула (под 44° с. ш.). Итак, на первый раз мы имеем для бога-громовника имена: 1) Тэнгри-хан, в урянхайском произношении Тэрь-хан, 2) Хаирхан, в алтайской и урянхайской передаче Кайракан; 3) Хумусту или Гурбустан-хан и 4) Лу, в алтайской и урянхайской передаче Улы.

Остановимся сначала на имени Тэнгри-хан. Слово тэнгри, произносимое также тэнгир, по-монгольски означает небо, так что Тэнгри-хан может быть переведено: небо-царь (или небесный царь). Это слово производит ряд диалектических видоизменений, обусловленных или переходом гласных, или свойством турко-монгольских языков изменять носовой звук *ng* в *g*, *n* или в *й*, и наконец, совсем опускать его; приводим здесь список этих видоизменений: тангара – небо и бог по-якутски; тенгре – небо, каан тенгере – царь-небо по-алтайски; тэнгри-тагали – бог, обитающий в небе, у казанских татар. Тегри – небо у кондомских черневых татар; (Тыгири-тижи – зубы неба, название гор в вершинах р. Томи);

³ На карте г. Орлова, сопутствовавшего нам в северо-западную Монголию в 1879 г., назначены горы Хаирхан на правом берегу Ха-кема, против устьев Седзена и Джибея.

Тегер-куль – (инородческое имя Божьего озера в Томской губернии); терь – небо, по-урянской; торум – небо и Бог по-остяцки; тора – высшее божество по-чувашски. У простых неграмотных киргизов встречаются выражения тайр джарылгасун! (да возблагодарит тебя небо!); ой тайрай, восклицание при удивлении чему-нибудь; вероятно, первоначально было: ай тангри (о, небо!). Можно полагать, что название тэнгри сначала обозначало не одно небо, но небо и гром вместе, и есть слово звукоподражательное; первобытный человек едва ли был в состоянии при первоначальной бедности языка дифференцировать понятие о небе от понятия о громах.

В подтверждение мысли, что это слово звукоподражательное, привожу факты, свидетельствующие, что тот же корень распространен во многих словах туркских языков, которые должны обозначать гром, треск или вообще звук.

В алтайском языке есть несколько глаголов этого корня, которые для наглядного представления их параллелизма я располагаю в виде следующей таблицы:

канградып јат	шанградып јат	
кунгрэдып јат	шингрэдып јат	тюнгрэдып јат
кункэльдэдып јат	канкылдадып јат	тюнкелдадып јат

Все эти глаголы передают различные звуки, громы и трески. «Канградып» говорят о громах, о колоколе, «кунградып» – о большом колоколе, шинградып јат говорят тогда, когда хотят сказать, что звенит колокольчик под дугой, кункэльдэдып говорится о громах пустой бочки, которую везут в телеге или о самой телеге, когда едут по замерзшей земле; тункэльдэдып говорят о звуках бубна; подобные же оттенки, которые я, к сожалению, не записал, передаются и формами тюнгрэдып, шанградып и шанкылдадып (от последней через опуск носового *n* образован глагол шакылдадып, чакать).

В языке казанских татар также есть слово этого же корня анграша; говорится о реве медведя. У котонов на озере Убса глагол чингир – звать, кричать; у койбалов: kègararben, keigararben – звать; kèigalîrben, kyigalîrben – кричать, keiga – крик <Castren 1857a: 155–157>, у карагасов: kègararmen – звать, кейшкерармен – кричать. У алтайцев кричать – кыйгыр, кыйгыра, о птицах – пойыра, во время охоты на зверей – агыр <Грамматика 1869: 45, 34>; звать – кычыр; о ревущем медведе алтайцы говорят багра. У киргизов звать – чакыр, кричать качкыр. У якутов ыгыр, звать; сангар – звать, кричать; возвышать голос <Böhtlingk 1851: 29, 152>; у урянхайцев: ыт ынгырер – собака лает (на языке черневых татар ынгыр – колокольчик <Золотницкий 1875: 15>); у алтайцев чынгыр – сморкаться; у чувашей шынгыр – сморкаться <Там же: 109>, отсюда чынгыр, алтайское сопля; по-чувашски манга, по-татарски мангка сопля; мангыл чув. сопливый; у тазовских самоедов лангурум, лангурм, у енисейских остяков leungaro, leungado – кричать, у юраков handau (handau), у енисейских остяков кангабо, leungaro звать <Castren 1855: 265, 276>.

К этим глаголам можно присоединить звукоподражательные междометия: монгольское хангир-чангир вроде нашего трын, трын!; алтайск. шангыр-шунгур – звон; ынгыр-чынгыр – скрип <Грамматика 1869: 34, 289>; манджурск. кунгур-кангар – гром, треск от пустых экипажей или от небесного грома <Захаров 1875: 289>; казанск.-татарск. шингыр-шангыр <Золотницкий 1875: 15, 80, 100>, чувашск. чангыр-чангыр – звон меди (ср. якутск. лынгкыр – звон) <Böhtlingk 1851: 151>.

Понятие о небесном громе передается так: у алтайцев: кузуре, кугуре – гром гремит; кузурт, кугурт – гром <Грамматика 1869: 20>; у койбалов *kügürt* – гром, *kusurîben* – греметь (о громе); у сойотов *тунгурип* – гром; у карагасов *dîr* <Castren 1857a: 99, 138>; у киргизов кунь *кунгрёды*, кунь *куркрёды* – гром гремит; у хамийцев и у крымских татар кунь *кургульдейды* – гром гремит⁴; у чувашей *кундурдэдэть* <Золотницкий 1875: 200>; у крещеных татар *тәнгре бабай* *кукрәтә* – небо-дед гремит; у горных черемисов *кудурча* – гром гремит; у вотяков: *гудыры* – гром. Тот же корень встречается во многих существительных именах для предметов, имеющих какое-нибудь отношение к звуку: *конгру*, *конгору*, по-алтайски *колокольчик*⁵; *кынграу* – по-татарски *id.*, *шынграв* – по-чувашски *id.* <Золотницкий 1875: 109>; *хонгро* по-монгольски – погремушки на бубне; *кунгуру* те же погремушки по-уряньхайски; *кунгуру* – на языке хамийцев кустарник семейства бобовых, у которого стручки должны греметь, судя по аналогии с другими видами того же семейства; *хэнгрик*, *хэнгрке* – бубен по-монгольски, *кангири* – музыкальный инструмент у манджуров <Захаров 1875: 252>; *сихянь* и *кангири* – побрякушки, пластинки из муравленой черепицы, навешанные на нитку под кровлею у манджуров <Там же: 537>; *конгора* – колокол по-сойотски, *конкинор* – *id.* по-койбальски <Castren 1857a: 144>; *конгоро* у камасинцев <Castren 1855: 181>, *хонгорок* – на языке енисейских остяков, *конгорош*, *конкорош* – по-котовски <Castren 1858: 240> колокол; *шангыр* – трехструнная балалайка у вогуличского шамана, *синкэръ* – погремушки на бубенной колотушке у телеутов; *дюнгур* – бубен по-уряньхайски, *тунгыр* – бубен по-алтайски, *тунгур* – по-сойотски и карагаски <Castren 1857a: 161>, *тйг* по-койбальски. *Донкур* – дятел на языке сойонов в вершине р. Кобдо (у так называемых по-монгольски *кокчулутунов*), *тонгуртка* – дятел по-алтайски (тонгсогой по-якутски); *тэнгэри* – трехструнная балалайка, употребляемая шаманами и простонародьем в Манджурии <Захаров 1875: 720>. К этому перечню можно еще прибавить слова *шанг*, колокол по-алтайски, *чанг* по-татарски, *шынг* по-киргизски, *сан* по-койбальски <Castren 1857a: 144>, *хонхо* по-монгольски, *цанга* у горных черемисов, *чан* у чуваш и луговых черемисов <Золотницкий 1875>, *jonko*, колокол по-юкагирски <Mélanges russes 1860: 604>; *сеанга*, *сиенга*, *шенга*, *санку*, *сегга* по-самоедски <Castren 1855: 229>.

Кроме имени дятла, крик, по-видимому, подал повод от того же корня заимствовать названия и других птиц; для красной утки (*Vulpanser rutila*) монгольское имя *ангир*, алтайское *ангыр*⁶. По-якутски *хонгор* – род дикого гуся <Böhtlingk 1851: 85>; *ангыр* же у якутов – *Rohrdommel*; *шингырчъ* – скворец по-чувашски

⁴ Ср. названия птиц: *кургулдай* – ремез по-киргизски; *алтын гургулдай* – *Emberisa aureola* монгольск. и бурят. <Radde 1862: II, 157>; *хоргол*, *хорголдай* – фазан по-халхасски, *алтын хорголдай* – золотой фазан; очевидно, под этою формой алтан *хорголдай*, алтан *гургулдей*, когда она встречается в песнях, иногда может подразумеваться громовник.

⁵ Синоним *кондрачак* (*id.*) по замещению носового можно приравнять к чувашск. *кундурдэдэть*, гром гремит <Грамматика 1869: 136>.

⁶ Нельзя ли турецкое *айгыр*, жеребец считать происшедшим от *ангыр* вроде того, как *кыйгыра*, кричать произошло от *чингыр*? Наименование того же животного на других языках – чувашском: *ыйгыр*, якутском: *атыр*, монгольском: *адзирга* – представляют, по-видимому, только видоизменения этого корня.

<Золотницкий 1875: 109>; ынгырба – дикая пчела по-якутски. Названия журавля представляют опуск носового *n*: тогра, тогура по-халхаски, тохурюн по-бурятски⁷. На многих татарских наречиях голубь называется көгөршин, что можно сравнивать с кугурт, гром. Из растений, кроме кунгуру, сюда, может быть, относится чингиль, киргизское названия стручкового кустарника с гремящими плодами, принадлежащее к одному роду с хамийским кунгуру; окончание этого имени находится в связи с глагольной формой кункэль⁸. Тунгусское название можжевельника (*Juniperus*) хонкіра <Mélanges asiatiques 1877: 378> дано кустарнику не по звукоподражанию, а по какой-то другой связи с этим корнем; растение это встречается в шаманских легендах и употребляется при курениях во время шаманских мистерий; растёт он на высоких горах, поднимающихся выше предельной линии лесов, где ходят грозовые тучи.

Сравнивая слова этого списка между собою, мы замечаем здесь те же переходы звуков, какие выше были уже указаны по поводу вариаций слова «тэнгри», небо то есть, или из носового звука выпадает *n* (агыр, ыгыр, чакыр в алтайском, якутском и киргизском кричать, звать, вместо чингыр, как у хамийцев⁹), или замечается полное выпадение носового *z*, как в карагасском *dîr*, гром, и в койбальском *tûr*, бубен; эта последняя форма тождественна с терь, небо по-уряньхайски, и указывает на неотделимость представлений о громе и небе у первобытных насельников южной Сибири. Кроме того, замечаются еще следующие изменения: носовой звук замещается 1) *йг* в киргиз. кыйгыра – кричать, вместо котонского чингыр, 2) *нд* кундурдэдэт – гром гремит в чувашск.; 3) *д* кудурча – гром по-черемисски, и 4) *й* пойыра – алт. кричать, *kohinog* в карагасском колокол вместо *konkinog*, как в койбальском (подобно тому, как монгольское тангри перешло в киргизское тайр¹⁰).

⁷ Другого журавля *Grus Virgo* монголы зовут каркира; это название также в связи с глаголом кричать; по-уряньхайски кричать, греметь (о громе) *харкыра*; этим можно объяснить название белка Харкира, лежащего в дурб. хошуне у монастыря Улангома. К тохурюн близок по звуку наш Тугарин Змеевич. Имя Дегуренг встречается в одном сказании об отнимании жены у мужа, включенном в Алтан-Тобчи (<Труды 1858: 40>), только в монгольском сказании не Дегуренг у хана, а хан у Дегуренга отнимает жену. По-тунгусски журавль *tokogof* (сравни сойотское тунгуруп – гром).

⁸ Ср. йынгыл (звукоподражательное), звон колокольчика (<Золотницкий 1875: 15>). На языке енисейских остяков: конгелак, колокольчик (<Castren 1858: 270>). По-чувашски шыгыльчан, растение колокольчики (*campanula*).

⁹ Может быть, алтайское сагыр, свистеть (ср. алтайск. сыгырчак, сверчок <Грамматика 1869: 259> (по <Грамматика 1869: 102, 255> *сыгырчык* – прим. ред.); сыгырган, пищуха, *Lagomys alpinus*) было первоначально сынгыр. От замены *z* на *й* из сыгырчик образовалось татар. шыйырчык, сверчок. Алтайское и киргизское сыйыр, корова, имеет предшествующую форму в остяцком сыгыр, корова, и в чувашск. вугур, мугур, бык; монгольское укыр, корова, не образовалось ли отпадением начального звука? Замечательно, что речение ухыр входит в состав халкасского имени пищухи, ухыр-окто, между тем как тот же зверек, сейчас мы видели, по-алтайски называется сыгырган.

¹⁰ На том же основании в чувашском жеребец – ыйыр (<Золотницкий 1875: 11>). Другие наименования жеребца – на монгольском адзырга, на уряньхайск. и карагасск. аскыр, азкер указывают на новые изменения того же корня. С уряньх. аскыр можно сбли-

Алтайские формы пойыра, кричать (о птицах), багра, реветь (о медведе) предполагают изменения корня хонгро в бангра – пангра; на то же указывает и остяцкое *põnгер*, бубен <Castren 1855: 292> и чувашское мугурь, реветь, мычать; с таким же изменением придыхания и с изменением носового в *дз* имеем самоедские формы: *reanser*, *reanzer*, феанджир, шаманский бубен <Там же>; ср. с фандыр, осетинск. балалайка¹¹ (тут переход носового в *нд*). Конечное *р* переходит в *л*: кункель, чингиль, или совсем отпадает, как в названиях колокола: шанг, цанго и пр., в которых опять носовой может представлять уже указанные случаи опускания (как, например, в чувашск. колокол: чан).

Список приведенных слов показывает распространенность (от среднего Амура вплоть до Казани) корня ангра-шангра-тюнгре для обозначения звуковых явлений, и здесь нужно искать основания, почему тем же корнем названо небо у монголов и тюрков. В грозовом явлении небо являлось первобытному человеку элементом действующим, активным, а потому, наименовав грозовое явление звукоподражательным словом, дикарь перенес то же имя и на голубую среду, в которой разыгрывается гроза.

Отдельные черты этого явления или частные явления, находившиеся по представлениям дикарей в связи с ним, должны были заимствовать свои имена от того же корня. Якутские: чагылы¹² – блестеть (о молнии), чагылган – молния, блеск, Бётлинг сближает с монгольским цагильган – молния, с уйгурским *oot-tscgahildy*¹³ – молния и с якутск. же чакыр – камень, т. е. камень, дающий искру (по-монгольски камень – цахир). Первоначальную форму этих слов можно видеть в глаголах: чангыр и кункель. Дождь по-киргизски называется *janгбыр*, по-татарски *janгыр*; алтайск. *jamгыр*, *janгыр*, по-койбальски: *nanгмер*, *nanгмыр*; у кондомских татар *нагур*, *намур*; чувашск. *сьомыр* <Золотницкий 1875: 71>; якутск. *самыр*¹⁴; в тунгусском тем же корнем выражается понятие «снег идет»: *хуннгрен* <Mélanges asiatiques 1877: 378>; *ненастье* – хунга.

Приводим только для памяти, не умея открыть тут связь с идеей о Громовнике, некоторые подобным же образом составленные слова: *шангар*, *сангар*, *хангар* –

жать киргизск. название волка – *каскыр*. Якутск. *атыр*, жеребец, также относится к кудуры, гром, по-вотьяцки, как монгольское *адзирга* к алтайскому *кузурт*, гром. Эти сближения имен жеребца с именами Громовника должны тем менее удивлять, что Громовник представляется в сказаниях верхом на лошади.

¹¹ Ингуши произносят *пандыр*.

¹² По <Böhtlingk 1851: 119> следует читать как <чагылы>. – Прим. ред.

¹³ По <Böhtlingk 1851: 119> следует читать как <oot - tscgahildy>. – Прим. ред.

¹⁴ У Золотницкого (<Золотницкий 1875: 71>) приводятся звукоподражательные выражения: чувашск. *шабыр-шабыр* *сьомыр* *сывать*, татарское *шибыр-шыбыр* *janгыр* *јауа* – дождь идет. У якутов *ибир самыр* значит мелкий дождь, откуда глагол *ибир* крошить. У монголов также есть выражение *ибир-шибыр* или *ибир-ябыр*, которое уже не прилагается к грозовому явлению, а означает болтовню; в чувашском *йыбыр-ябыр* вдруг, разом. У Рашид-Эддина *Ибир Шибир* – страна, по относительному положению – Сибирь (<Записки Импер. Арх. Общ. 1858: 2, 218>). Не от этих ли форм: *janгбыр*, *самыр*, происходит название известной в буддийских сказаниях горы *Сумыр-олы* или *Сумбур-олы*, под которою могло подразумеваться гремящее небо?

тунгусское Loch, Ritze <Mélanges asiatiques 1874: 367, 369>; у урянхайцев на Хуке: унгур – нора. Якутское ынгыр – седло¹⁵, мунгур – тупой (монгольское мухур, тупой, комолый¹⁶). С обменом носового *нг* на *нд*: кендыр, кандыр – конопля; тому же растению дается еще имя банг; другое растение, доставляющее волокно, лен, носит название: зыгыр, зыхир, зигир, сегир; *Arosunum sibiricum*, также дающий волокно, кендер, чиге <Киреевский 1874: 90, 134, 160, 65, 148, 149>. Растений, называемых именем тюе-сингыр, у г. Киреевского в числе обитающих в Туркестане указано несколько. Многие из них бобовые, разные *Astragalus*'ы с большими пустыми, может быть, гремучими стручьями.

Переходим к другому имени Громовника: Кайракан. Мы уже говорили, что в киргизском монгольское тэнгри переходит у простого народа в тайр; поэтому для алтайского и урянхайского кайракана можно принять восстановленную форму кангракан, то есть то же, что монгольское тенгри-хан. Именем Кайракан урянхайцы, обитающие в Танну-Оле, зовут также медведя, причем они говорят, что это имя дается ему из уважения; действительно, и в сношениях между людьми это имя употребляется как почетный титул. Так, в разговоре со своим огурда, то есть князем, урянхаец к его званию присоединяет обыкновенно титул кайракан; он говорит: кайракан огурда! Даже бошкам, урядникам, говорят: кайракан бошко! Спрашивается, как тут было дело: кайракан ли было именем громовника и потом обратилось в почетный титул, или первобытный человек на первой же поре своей жизни усмотрел сходные черты между зверем и небом-громовником и обоим дал одно звукоподражательное имя, которое, подобно именам других сильных зверей, каковы лев или тигр, стало придаваться как почетное имя сильным людям на земле?

Мы склоняемся к последнему мнению по следующим основаниям: во-первых, обращение имени медведя в почетный титул не составляет исключения в истории человеческого обряда, как указывает Спенсер; имена сильных зверей употреблялись в разговоре у южных племен Африки и Америки для возвеличения могущественных царей и князей <Спенсер 1880: 249>. Почему бы тому же обычаю не возникнуть и в северной Азии?

Во-вторых, имя Кайракан (первоначально канграхан) или даже и тэнгрихан могло быть дано медведю за его рев, как имена того же корня даны издающим сильный звук предметам: бубну, небу и т. п. Хотя, кроме урянхайского имени кайракан, мы не можем привести других для медведя, идущих от того же корня, но мы имеем их для других животных, именно: тенгар или лянгер, мышшь по-остяцки, сингери или тингэри, мышшь или вообще зверек мышшиной породы по-маньчжурски <Захаров 1875: 595, 731>; лэнгари, мышшь по-маньчжурски <Маак 1861: 123>; хэнгрик-дзэхэ, вид россомахи по-монгольски; чжухэнь-сингэри (очевидно, только перестановка предыдущего имени), большая двадцатипятипудовая мышшь, живущая подо льдом, очевидно мифическое животное или мамонт, по суеверным представлениям маньчжур <Захаров 1875: 1004>, ынгур у Маака, янгуру у Брылкина – волк по-ходженски на Амуре, jenggoga, мамонт по-самоедски <Schrenk 1854: 287>; наконец, по-тунгусски есть имя для медведя – конгнора. Конечно,

¹⁵ По-алтайски вьючное седло ынгырчак.

¹⁶ Это имя часто встречается в географических именах Монголии в соединении со словом шибир, именно Мохор-Шибир.

странно от звукоподражательного корня тэнгри одновременно производит и имя медведя, и такого ничтожного и неслышного зверька, какова мышь; волк и росомаха и по росту, и по характеру ближе к медведю; и у нас имена медведя и волка смешиваются: во многих местах России есть областное для волка – бирюк, а в Симбирской губернии бирюком зовут медведя. Но переходы имен с хищных зверей и на травоядных, и даже мелких грызунов не представляют необыкновенного явления. Приведем для примера хотя следующие: сакыл – по-якутски лисица, по-алтайски белка; суур – по-киргизски сурок, по-чувашки сывыр – суслик, по-остяцки чавр, тавр, саур – заяц, по-остяцки ъур, ёвре – волк, по-бурятски сибр, цубр – красный волк; русские же в восточной Сибири изюбрем зовут оленя; в Польше зубром зовут беловежского быка. К подобным сдвигам имен с крупных хищных животных на грызунов можно отнести и появление имени тенгар, синкэри, лянгэр, как имени мелкого зверька. Об этом мы еще будем говорить ниже.

В-третьих, сближение медведя с Громовником у первобытного человека могло быть вызвано не одним только сходством в реве: сходство их заключается еще в том, что оба они опасны и наносят смерть, оба умолкают на зиму. Связь, которую человек усмотрел между временами года и жизнью медведя, выразилась в нашем народном календаре фразой: «Спиридон солноворот – медведь на другой бок поворачивается». В поверьях о медведе и сказаниях о Громовнике мы находим много общего именно, может быть, вследствие отождествления медведя с громовником, которое делал первобытный человек. В поверьях о медведе мы часто слышим об уходе женщины; привожу вариант, записанный мною в Туранском карауле в долине р. Иркута от казака Тюменцева: «Медведь увел женщину, и она с ним зимовала; он выучил ее есть сырое мясо, зимой она сосала его лапу и была сыта. Однажды весной увидел ее в лесу охотник и отбил от медведя; женщина была уже беременна и родила медведя. Она выучилась во время зимовки с медведем медвежьему языку». В Нижегородской губернии существует поверье, что иногда женщины исчезают неизвестно куда, и по истечении нескольких лет снова возвращаются в свое селение; это временное исчезновение объясняют похищением медведя; при этом говорят, что он предпочитает уводить беременных женщин¹⁷. Родственные этим рассказы существуют в нашем народе о змеегромовнике. Огненный змей любит летать к женщинам; если женщина тоскует, народ думает, что к ней летает огненный змей; он отбивает ее от мужа, и женщина чахнет <Записки Рус. Геогр. Общ. 1869: 37>. Громовнику приписывают иногда и похищение женщин; мордовский Громовник Терюхан похищает во время грозы девицу с земли; монгольский Таин-Гирхин или Таин-Тэнгир, в котором, как увидим ниже, скрывается Громовник, то есть Тэнгри-хан, также похищает жену у Чингис-хана. В одном сказании южной России девица не похищена, а нечаянно попадает в яму, в которой зимуют змеи; золотая змея успокоила ее и сказала: «Если захочешь есть, полижи камень». Всю зиму девица прожила в змеиной яме, а весной, когда птицы прилетают из вырея, золотая змея выбросила ее из ямы <Афанасьев 1868: 548>¹⁸. Основа этих поверий может заключаться в по-

¹⁷ Похищение женщин приписывается и лешему (см. <Щапов 1863: 33>). Вообще, рассказы о медведе и лешем сливаются.

¹⁸ О похищении медведем девицы на крыльях ветр мас. см. там же.

ловой жизни зверя, которая пробуждается в нем летом, вслед за пробуждением от спячки; выйдя из берлоги, дикий зверь начинает охотиться за самкой, оглашая воздух неистовым ревом; едва ли какие другие два явления могли напроститься прежде на обобщение первобытному человеку, как эти два: рев ярующего летом медведя, и небесный рев змея-громовника. Другую общую черту в сказаниях о Громовнике и поверьях о медведе находим в описаниях той ямы, в которую зарывают умерщвленного богатыря, олицетворяющего Громовника; нельзя не увидеть в ней намек на медвежью берлогу. Царь

... посадил Егорья в глубок погреб,
Задвигал он его решетками все железными,
Засыпал он песками рудожелтыми,
Он дубьем и колодьем заворачивал.

На родственность представлений медведицы и черной тучи указывает одна купальская песня. Ветер стучит в ворота – это свекор стучит и приговаривает: «Одчинися, невісточка, одчинися медвѣдицѣ!» Потом стучится свекровь, «Одчинися, невісточка, одчинися, пахмурницѣ!» Наконец, муж: «Одчинися, миленька!» Жена жалуется, что свекор и свекровь обозвали ее медведицей, пахмурницей. Муж говорит ей, что она не умела ответить: «У нас медвѣдица в лісі буває, а пахмурница – черна хмаронька!» <Труды 1872: 211>. «Медвѣдь пиво варит», говорят русские в Карпатах, когда видят грозовые тучи на горах. Необыкновенный рев ручного медведя и глубокое выдиранье лапами земли предвещает пожар <О пред-рассудках...: 5>. Плывая по воде, не следует поминать зайца: не любит водяной, поднимет бурю; по другому поверью, плывя по воде, не следует поминать медведя <Афанасьев 1868: 644>. Урянхайское название вьющегося растения *Atragene alpina* подразумевает медведя-громовника¹⁹; оно называется к а й р а к а н к р и ж и, то есть тетива медведя; название это дает медведю в лапы лук, превращает его в стрелка, то есть громовника²⁰. Можно, конечно, перевести это название словами тетива-громовника, но растение называется также атык-крижи, ирей-крижи, где атык и ирей значит медведь, и хотя, как увидим, и под этими именами можно открыть Громовника, но сам урянхайский народ атыка и ирея теперь громовержцами не считает. У тункинских бурят я записал поверье о том,

¹⁹ Сохранилось известие, что у греков для добывания живого огня употреблялось преимущественно дерево ἀθραῦνη; это было или вьющееся или чужезданное растение (<Kuhn 1859: 38>). Растение *Atragene alpina*, по-русски называющееся дикий хмель, распространено преимущественно в Сибири; в Европейской России встречается только в Архангельской и Вологодской губерниях; классические писатели разумели под *Atragene* другое растение, именно *Clematis cirrhosa*; быть может, впрочем, что ни оно, ни другие упоминаемые древними растения ράιμος (следует читать как ράιμος – прим. ред.) и плющ не применялись к добыванию огня, и известие древних следует объяснить только тем, что вьющиеся растения, каковы *Atragene*, плющ, хмель напоминали им молнию, о которой урянхайцы и алтайцы прямо выражаются, что она вьется вокруг дерева, «айландра». По-монгольски *Atragene alpina* называется чюдур-убюсу, то есть путы-трава.

²⁰ Славянская клятва: «Чтоб тебе Перун показал свои зубы» (<Афанасьев 1868: 746>) также указывает на звериный образ громовника.

что медведь прежде был человек-охотник и в то же время шаман; по другому бурятскому рассказу, медведь был сильный человек; Бог, видя, что с этим богатырем людям не справиться, отрубил ему большой палец и обратил в зверя. Сказания об отрубленном пальце чаще, чем к медведю, жители северной Азии прилагают к сурку, зверьку, который с медведем имеет то общее, что засыпает на зиму; всех зверей, имеющих зимнюю спячку, как то: сурка, летягу, летучую мышь, медведя народное поверье ставит в связь с идеей о громовнике. Сурок, как и медведь, был великий охотник, производивший такое истребление на земле, что Бог принужден был наконец сократить его силу; он отрубил ему палец и обратил в вечно в норе живущего сурка. Этот рассказ о сурке образовался, по нашему мнению, таким образом: медведь назывался тарбаганом (нынешнее имя сурка) и представлялся народному воображению охотником, вносящим в животный мир сильное истребление; тем же именем «тарбаган» звали и бога-громовника (часть этого имени тар осталось в одном из его имен тархан²¹); Громовника представляли в виде стрелка. Затем имя тарбаган не удержалось ни за медведем, ни за Громовником, а перешло на сурка, на которого вместе с именем перешло и сказание, добавленное потом чертами из жизни грызуна.

В упомянутом выше бурятском сказании о том, что медведь был шаманом, говорится, что он был не простой бõ, шаман, а абтай; бõ бывают ложные, обманщики, абтай же – истинный шаман, неложный чудотворец. О том, как он обратился в шамана, рассказывается таким образом: Этот искусный шаман обладал такою властью, что мог обращаться в зверя; он уходил в лес, обходил три раза вокруг дерева, обращался в медведя, налавливал добычу, снова посредством трех оборотов вокруг дерева становился человеком и относит добычу домой. Однажды подсмотрели, каким путем он добывает дичь, и подрубили дерево: так он с тех пор и остался медведем. Это сказание, представляющее медведя первостепенным шаманом, очень важно; оно ставит его в начале шаманского культа. Первостепенность, превосходство в искусстве камлания и оборачивания в зверей приписывается другими алтайскими и бурятскими сказаниями первому по времени шаману, который и считается основателем шаманского сословия, или, как выражается сказание, родоначальником шаманов. Первый же или древнейший шаман, как увидим ниже, есть сам Громовник; таким образом, и здесь медведь сходится на одной мифической почве с Громовником.

В Алтае я записал сказание о древнейшем шамане, Тостогоше, которое содержится в следующем. Хан, наскучив обманами шаманов, велел всех их собрать и сжечь; он говорил: «Если они сгорят, значит – были обманщики и жалеть их нечего; если же они настоящие шаманы, то нечего бояться обложить их огнем: настоящие не должны сгореть». Собрали, по ханскому приказу, всех шаманов, заключили в юрту, обложили хворостом и подожгли; все сгорели, за исключением Тостогоша, который невредимо вылетел из пепла. После того хан позволил Тостогошу заниматься свободно своею профессией и пожаловал ему имя Даин Тере Тархан бõ. Другой рассказ о том же Тостогоше такой. Один хан пригласил Тостогоша лечить своего больного сына. Тостогош вылечил, но получив ханские

²¹ Член тар отделяется и в названиях зверей, именно тушканчик на Иртыше у русских называется тарбаган, хамийские же туркестанцы зовут его просто тар.

подарки, сманил и увез ханскую дочь. Однако ханская погоня догнала беглецов, и Тостогошу отрубили голову. По словам теленгитов, у которых было записано это сказание, тело Тостогоша обратилось в каменную бабу, которая и теперь стоит в местности Коту. Действительно, в этой местности есть каменная баба, которую зовут Даин. Это сказание напоминает другое о каменной бабе, находящейся в речной системе реки Эг и известной под названием Даин Тирхин (или Даин-Тэнгир, как будто бы она еще называется урянхайцами <Потанин 1881б: 157>). Вот это второе сказание: Даин Тирхин был знаменитый шаман; он увез жену у Чингис-хана и заложил ее в пещеру (что у нас рассказывается о Змее Горыныче), но Чингис-хан убил шамана, разрубив ему лицо саблей.

Что Даин Тирхин есть то же самое, что Тостогош или Даин Тере Тархан бё, показывает, кроме сходства в имени и в эпизоде увоза жены, еще одна черта: когда голову Тостогоша привязали в торока, она захохотала. У Чингис-хана в книжном об нем сказании есть также враг Таян-хан; когда к нему привезли отрубленную голову Ван-хана, голова улыбнулась <Труды 1866: 100>; здесь, правда, говорится о голове Ван-хана, а не Таян-хана, но это следует, вероятно, отнести к сбивчивости мифа. Уже в рассказанных нами эпизодах узнаются черты змея-громовника; вылетание из пламени в невредимом виде на древнеболгарской почве на Волге рассказывается не о шамане, а о змее²²; болгарский змей и алтайский Тостогош – это лето, Громовник, скованный зимним сном, но вновь возрождающийся в обновленном виде. Есть и другие свидетельства громовнической природы Тархана бё (Таин Тирхина). Говорят, что перед каменной бабой Таин Тирхином может камлать только истинный шаман; что ложного убивает молния прежде, чем он приблизится к истукану; что истинному шаману, который невредимо подойдет к нему камлая, он дает цакиус (шаманский плащ, пояснил рассказчик); что Таин Тирхин могуществен, как само небо. «Это само небо», – говорили мне урянхайцы, – «он и называется тэнгир, то есть небом, так как его зовут, между прочим, и Таин-Тэнгир». Рассказывают также, что по соседству с этою каменной бабой живет много шаманов. Все это свидетельствует в пользу того, что Таин Тирхин занимал центральное место в шаманских верованиях, и что это – сам Громовник. Самые имена его поддерживают это предположение; Тирхин Эгской бабы есть, вероятно, то же самое, что Тархан теленгитской легенды, и оба имени суть только измененное произношением урянхайское название бога-громовника Терьхан. Тере теленгитской легенды опять-таки урянхайское имя неба, которое произносится или тере, или терь. Остается одно загадочное название – Даин или Таин; не тунгусское ли это дзаинг, медведица, что, может быть, означало и самца²³? Н.И. Ильминский указал мне на присущее татарскому языку свойство – разлагать звук *dz* на *d* и *z*²⁴ и на другое свойство турецких языков разлагать носовой звук *ng* на *n* и *g*. Руководясь этим указанием и прилагая то же правило к тунгусскому, мы от дзаинг, по-тунгусски медведица, получаем виды: дзаинг, дзаин, дзаиг (ср. джаик онгон у алтайцев, состоящий из зайца; айыг – мед-

²² См. <Шпилевский 1877: 72, 212; Рычков 1767; Гаврилов 1880: 152; Фукс 1840: 109>.

²³ У коттов Sajang, медведь (<Castren 1858: 233>).

²⁴ См. <Mélanges asiatiques 1859: 44> в статье: Zur tatarische Lautlehre. Aus einem Briefe des Prof. Ilminsky an A. Schiefner.

ведь по-алтайски), заин (ср. Саин-ноин, управитель аймака, Сайн-хан в монгольской, Хайн-хан в бурятской передаче – имя какого-то древнего, по всей вероятности, мифологического хана), даин (ср. Даин-ноин, князь, управляющий косогольскими урянхайцами²⁵).

Если Таин-Тирхин, уставщик шаманства, первый по времени и первостепенный шаман, носит в себе признаки Громовника, то с другой стороны – народное поверье у халхасцев представляет иногда самого Громовника в виде шамана; именно грозное явление объясняется тем, что по небу три человека ведут верблюда: один ведет за повод, другой идет рядом, третий сидит на спине верблюда и бьет в бубен.

Может быть, самое камлание есть не что иное, как подражание небесному грому; шаманская мистерия, заключающаяся то в нисхождении в подземное царство, то в восхождении на небо, в подробностях сходится со сказаниями о змее-громовнике, нисходящем по невесту или восходящем с нею.

На связь шаманства с представлениями о боге-громовнике указывают как сказания о начале шаманства, так и вещественные принадлежности шаманства, костюм шамана, онгоны и пр. В одном из алтайских вариантов о первом шамане зверолов Хан-Хурмось получил дар камлания от удара змеей, который ему нанес какой-то старик; с этого удара он пришел в исступление и закамлал. У урянхайцев распространено поверье, что прежде были такие сильные шаманы, что могли низводить молнию на свой бубен. На вопрос: куда падает молния, восточные урянхайцы по большей части отвечали мне: на дерево, на камень и в бубен²⁶. На внутренней стороне бубна у алтайского шамана можно встретить изображение ломаных линий, которые, по истолкованию самих шаманов, означают змей (то есть молнию). У одного урянхайского шамана на р. Бурен-голе я увидел в юрте около кровати медный круг, обвешанный множеством лентообразных лоскутков; подобные круги, нашиваемые на шаманскую шубу, урянхайцы называют кудзюнго, алтайцы – кусунгы, монголы – толи. На расспросы об этом кудзюнго обладатель его отвечал, что этот круг упал с неба на камень, и в то время, как он играл тут, Чуло-хам (то есть хам по прозвищу Чуло) поймал его, принес домой и передал потомству; шаман считал от Чуло-хама до настоящего времени всего пять поколений; по всей вероятности, этот рассказ есть отрывок из сказания о первом шамане и начале шаманства.

В приведенном рассказе нельзя под кружком кудзюнго разуместь солнце, потому что здесь прямо говорится о падении на камень; но форма кружка удаляет его от молнии, а потому ближе всего видеть в кудзюнго болид или метеор, – метеоры же и в наших поверьях сливаются с молнией и называются огненным змеем²⁷.

²⁵ У койбалов в песнях бог называется джәјән, чәјән, чән <Castren 1857a: 144>.

²⁶ У камчадалов существовало поверье, что во время грозы Билукай (камчадальский громовник, живущий на облаках и производящий гром, молнию и дождь) сходит к шаманкам, вселяется в них и способствует им угадывать (<Крашенинников 1786: 82>).

²⁷ <Ешевский 1870: 288>: анцилиями в Риме назывались священные щиты, которые во время празднеств в честь Марса жрецы носили на шее или на левой руке. Сказание о них говорит, что однажды из отверстого неба упал на землю необыкновенный щит, по образцу которого и были сделаны остальные анцилии. Название анцилий напоминает ал-

Атрибуты шаманского звания все имеют, по-видимому, целью указывать на Громовника. Эти принадлежности состоят из особых шапки и плаща и бубна с колотушкой; у бурятских шаманов, кроме того, появляется пара жезлов и другие вещи. Шаманское платье, которое мне довелось видеть на месте и в музеях, можно разделить на три типа: урянхайско-алтайский, тунгусский и амурско-орочонский; последний ближе к первому, чем ко второму. Все они имеют вид плаща с рукавами, сшитого из замши; отличие заключается в том, что тунгусский плащ обвешан железными погремушками (называемыми по-монгольски холбого), и только подол его обшит бахромой из длинных ремней. У алтайского же, урянхайского и ороchonского плаща не один подол, а и стан обшит бахромой; ороchonский плащ, которого я, впрочем, видел один только экземпляр в музее Географического Общества, отличается от виденных мною на месте алтайского и урянхайского тем еще, что на нем вовсе нет погремушек, за исключением одного колокольчика²⁸, а бахрома, покрывающая стан плаща, состоит исключительно из замшевых ремней, тогда как на алтайском и урянхайском плаще бахрома состоит только частью из ремней, наполовину же из жгутов, сшитых из бязи и других бумажных материй и набитых волосом. Эти ремни и жгуты, по толкованию самих шаманов, изображают змей; иногда они даже и шьются так, что можно узнать голову змеи, обыкновенно обращенную вверх; головка отделена от туловища тем, что шейка перехвачена галстучком; или просто одно прикрепление жгута к плащу не самым концом, а отступя от него с полвершка, уже выделяет головку; на головке или бисером, или на крупных жгутах битью изображены глаза; иногда головка расщеплена для того, чтоб изобразить змею с открытой пастью. К середине спины бывает пришит большой жгут. Урянхайцы дают ему название алтын-башту Абырга-джилан, то есть золотоголовая²⁹ змея Абырга. Это имя мифического змея распространено далеко на юг по Монголии, и мы ниже еще скажем об этом имени громовника. Между железными погремушками встречаются изображения лука и стремени из железа; все это напоминает Перуна, разъезжающего на коне и мечущего стрелы. То же нужно сказать и о совиных перьях, нашитых на воротнике плаща и на шапке; сова и филин – птицы, под которыми представляется Громовник, как в наших, так и в поверьях северо-западной Монголии.

Кроме холбого, то есть погремушек в виде железных трубочек, на плаще пришиваются круглые бляхи вроде металлических зеркал; на ороchonской шубе, хранящейся в музее Географического Общества, таких блях две: одна – на груди, другая – на спине; в Алтае я встречал обе бляхи, нашитые на спине; у других

тайский глагольный корень «кункель», означающий гром; выше мы привели слово чингиль, также, очевидно, получившее имя от звука. Конь у монгольского богатыря Ирин-Сайна, который есть, вероятно, олицетворение Громовника, называется Хангил. В северо-западной Монголии есть географическое название Хангель-цык или Ангельчик.

²⁸ Плащ этот новый, не закопченный; надо полагать, он сделан для Общества по заказу, потому отсутствие железных погремушек, может быть, следует объяснять неполнотой выполнения заказа; может быть, при исполнении заказа не нашлось под рукой нужного материала.

²⁹ В русских поверьях мифический змей также представляется златоглавым или золотым (см. Русскія заклинанія в <Записки Рус. Геогр. Общ. 1869: 489>; <Афанасьев 1868: 548>).

шаманов эти бляхи не пришиты к плащу, а висят в юрте или над тем местом, где помещается бубен или в изголовьях кровати. Выше были уже приведены названия их и сказание о ниспадении кудзюнга с неба, что указывает если не на молнию, то на падающий метеор. Без сомнения, в образовании формы кудзюнга, а равно и бубна, участвовали в равной степени как представления о метеоре, так и о солнце.

Во время шаманской мистерии бубен представляет то коня, на котором шаман спускается в подземный мир или поднимается на небо (почему монгольский шаман бубенную колотушку называет просто плетью, ташиур), то лук, посредством которого он пускает стрелы во враждебных духов; отделить здесь представление о солнце от представлений о Громовнике трудно, потому что и солнцу, и громовнику придаются и конь, и стрелы. Но названия бубна: тюнгур, тугыр, хэнгрик – указывают на прямое отношение, существующее между камланием и Громовником. Алтайское и урянхайское название горизонтальной поперечины в бубне «криш», тетива также указывает на представление о бубне как о луке³⁰.

На некоторых шаманских плащах встречаются особые фигуры в числе семи; так, на одном алтайском плаще я видел под воротником семь куколок или человеческих изображений; по толкованию самого шамана, куклы эти представляли «семь небесных дев»; на тунгусском шаманском плаще, хранящемся в музее Географического Общества, на груди нашиты семь железных пластинок, изображающих птиц, по всей вероятности лебедей, то есть опять-таки, тех же небесных дев, обладающих способностью обращаться в лебедей. Число семь в сказаниях северной Азии большей частью внушено представлениями о Большой Медведице, о чем мы скажем в другой статье; здесь же достаточно привести факты, которые должны устранить сомнение, что в представлениях о Громовнике, основателе шаманства, есть общие черты со знаменитым созвездием северного неба. Как первобытный человек не отделял грозное явление от неба, на что указывает монгольское название тэнгри, общее и для неба, и для бога-громовника³¹, так он мог, произнося имя выдающегося созвездия, думать о целом небе. Название Семизвездицы таким образом является в сказаниях как имя части, взятое за целое. Переход от громовника к Большой Медведице не более того, как от громовника к Варуне, о котором Кун выражается, что это было не только звездное небо, но и море облаков и туманов, в которых зарождались молнии. Монгольское имя Большой Медведицы – Долон Бурхын; корень второго члена этого имени слышен в названиях многих высоких гор северо-западной Монголии, служащих се-

³⁰ Вертикальная поперечина в бубне по-алтайски бар, на языке черневых татар марс; бар по-монгольски значит тигр; по-алтайски этот зверь называется барс; вероятно, марс черневых татар есть то же слово барс в другом произношении; можно думать, что это имя прежде придавалось медведю (ср. баран-гуресу, медведь на языке аларских бурят, бартыхы, id. у забайкальских бурят); в бубен же оно могло попасть только потому, что имена медведя и громовника были общие.

³¹ Остяки, по свидетельству Григоровского (в рукописи), когда гром гремит, говорят: Ном ыэчжин, «Бог молвил», когда хорошая погода: сво Ном «Бог добр», худая – Ном кеттембан, «Бог бьет»; когда день настает – Ном тельымбан, «Бог родился». Подобным образом и монголы о ясной погоде говорят: тэнгри сайн, «Бог (небо) хорош», и о худой: тэнгри му – «Бог худой».

далищем грозových облаков; мы знаем Бурен-хаирхан, Бурхан-ола, Бурюн-хан; последним именем косокольские урянхайцы называют известный Мунко-сардын; в призывании бурятского шамана этот белок величается таким образом: «окторгоин буумыл хумо харбаджи буга один ганц' нюдутей, ошин ганц' шюдутей», то есть стреляя небесною стрелой, спустился ты, одноглазый Один, однозубый Ошин³².

Точно такая же связь с высокими горами замечается и у турецкого имени; на большинстве турецких языков северной Азии это созвездие называется Джедигень, Джетыган, Итыган; ввиду того, что и на других языках европейских и азиатских созвездие называется медведем или медведицей, или, по крайней мере, каким-нибудь зверем³³, и в Итыгане можно видеть монгольское утыган, медведь.

Как монгольское бурхын, и татарское Итыган (хотя по большей части в измененном виде) встречается в названиях высоких гор или хаирханов. Только что упомянутый Мунко-Сардык, или, по крайней мере, один из его побочных пиков называется Хятагай; об этом Хятагае говорится, что он слетел с неба вместе с громом. В вершинах р. Чуи в Алтае находится высокий белок Бурул-тайга, а соседняя с нею вершина называется Гедетей или Идытей; здесь как будто повторение названия Мунко-Сардыка: Бурюн-хан и Хятагай. В Хангае лежит белок, который называется Отхан-Хаирхан, Отхан-тэнгри или Очир-Вани. Последнее название больше всего слышно у туземцев и интересно в том отношении, что этим же именем называется ламайский бог, представитель физической силы на ламайском Олимпе; он изображается с очиром в руке, которым он расшиб на две части темное существо Арахы. Что в составе названий горы есть слова хаирхан и тэнгри, понятно после того, что мы сказали об этих словах выше; что же касается до имени Отхан (или, как эту же, вероятно, гору называет Рашид-Эддин, Утекян-тэнгри), его можно принять за видоизменение слова утыган или итыган. В центральной части Киргизской степи, в выдающейся среди равнины группе гор Улутау, одна из вершин носит название Идыге, которое встречается и в киргизских сказаниях как имя богатыря³⁴; это последнее название близко и к бурятскому Хятагай и к татарскому названию Большой Медведицы: Итыган³⁵.

Урянхайцы высокие, уединенные пики, заслуживающие поклонения, то есть хаирханы, называют адык-ту; у алтайцев, как уже сказано было, поклонные горы называются джаик-ту. В обоих случаях ту обозначает гору; адык, очевидно, то

³² Ср. Ашина, волк, предок народа Тукиэ; также ош медведь по-зырянски и пермяцки, ошника (составлено из ошн и ика; ика – дед, старик) по-остяцки. О Мунко-Сардыке буряты говорят, что он прежде был Шоно-нойон, то есть волк-барин.

³³ О медвежьих и вообще звериных именах Большой Медведицы мы будем говорить в другом месте.

³⁴ В барабинском пересказе у богатыря Идыге один глаз вышиблен. Ср. одноглазый Один в бурятском призывании.

³⁵ На монгольском, татарском и тунгусском есть несколько имен животных с окончанием на ган или ген: тарбаган, кучиген, мундукан и др.; встречаются формы и с отсеченным окончанием, например, кучигень, сеноставка, местами называется куджо; тюльку лисица (полная форма, вероятно, в личном имени Тюлегун у киргиз), в чувашском тиль и т. п. Поэтому и в названии медведя окончание *ган* может быть оставлено; «джида» мы встречаем в урянхайском названии суслика; на якутск. уту выдра; на тунгусск. kuty, медведь.

же, что джайк или бык³⁶. Полное тождество этих форм было только в далекой древности; в настоящее время урянхайцы под словом адык разумеют не совсем то, что алтайцы под джайком. Адыком урянхайцы называют тряпочки или ленты, которыми они увешивают священные деревья и священные кучи камней или обо; отсюда, вероятно, происходит и монгольское хадак, шелковый лоскут, который также часто развевается на священных деревьях. Так как на священных горах или против них, если их вершина недоступна, устраивается обо, увешиваемое адыками, то название адыкту может значить гору, удостоившуюся вывешивания адыков. В алтайском слове «джайк» этот смысл заключается только отчасти; для ленточек, употребляемых для вывешивания на обо и на священные деревья и для привязывания к шее домашних животных, посвященных божеству, у алтайцев существует другое слово – ялама; под джайком же алтайцы разумеют несколько понятий: этим именем называется, во-первых, домашний фетиш, состоящий из зайца, привязанного к середине шнура, увешанного яламой; во-вторых, посвященная божеству и украшенная яламой скотина; в-третьих, наводнение, причиненное грозовым ливнем; говорят: джайк судан чикты, то есть джайк из реки вышел; в-четвертых, белки или хаирханы; наконец, в-пятых, Джайк есть собственное имя сына неба, которому, по алтайской легенде, бобырган (летяга) выколупал глаза; Джайк, преследуя его, бросился на землю, куда убежал бобырган, но последний укрылся под дерево. С тех пор небо преследует бобыргана громовою стрелой. Все эти различные значения можно свести к общему источнику предположением, что Джайком назывался у алтайцев бог-громовник. Отсюда и тождество с монгольским хаирханом (в смысле тученосной горы), и с урянхайским адыком (в смысле символических ленточек). Название жертвы по божеству мы находим и у чуваш, которые называют йирихом и жертвенные вещи, и того, в честь кого они положены. Чувашский йирих, алтайский джайк, бык, минусинских татар – ижик, изык, якутский итык, урянхайский атыг – все это слова одного значения и напоминают названия медведя: уёрк самоедск. (jugex, волк, остяцкое; бури, волк татарск.; русск. обл. бирюк, медведь); ehoko или usikan тунгусское, эсе якутское; атыг урянхайское, айыг алт. (аю турецкое), jig остяцкое. На это сходство можно смотреть как на свидетельство, что поклонение божеству развилось у племен северной Азии под влиянием представлений о медведе-громовнике, который отождествлялся с высокими горами. Не странно будет искать и для имен Бурхан, Бурен, Бур, Бурул и т. п. объяснения в названиях зверей; в турецких языках мы находим бури для волка; в одной урянхайской сказке является Бури-хан,

³⁶ Тождество оказывается и в отношении фонетики; везде, где в алтайском языке стоит й, в языке тува или урянхайском стоит д; например:

алт. – кайын, береза;	тува – кадым;
бойим, свой;	бодым;
кийиз, войлок;	кидыс;
куйю, зять;	худелу;
куйрук, хвост;	удуру;
бийик, высокий;	бедык;
поэтому и бийик или яик;	адык.

волк-царь; сказка сначала дает ему настоящий волчий вид, но потом превращает его в хана, живущего внутри горы, вход в которую незаметен и завален огромным камнем (черта, часто приписываемая громовнику). Поверья о высоких горах, существующие в северной Азии, намекают на пребывание на них страшного божества. Суеверные тунгусы смотрят на гору Чокондо как на местопребывание гневного божества, посылающего на нее ежедневно облака и бури и никого до нее не допускающего, а потому вершину ее почитают недосыгаемой <Риттер 1879: 312>. Торгоуты в Тарбагатае говорят, что вершину белка Мустау облегает свернувшийся кольцом змей. Остяки и зыряне о горе Непубы-нер или Телпос-из (в Урале) рассказывают, что на эту гору никто не смеет взобраться, а которые восходили, оттуда никогда уже не возвращались; они считают место это обиталищем нечистого духа <ЖМН 1878: 9>. На острове Ольхоне есть поклонная гора Ижимей, на которую буряты не смеют подниматься; на ней, говорят буряты, цепями прикован к скале медведь³⁷.

Мы сказали, что джайком алтайцы называют также наводнение от грозового ливня. На такое же отождествление грозового явления с потоками, несущимися с высокой горы, указывают и другие случаи. Полный титул белка, известного у нас под именем Мунко-Сардыка (имя это тункинским бурятам и косокольским урянхайцам неизвестно, они зовут его или Мунку-Саган, или Бурюн-хан), следующее:

³⁷ Сообщил г. Черский. Подобную связь Громовника с горой заметили и у лопарей. Айе или Укко проявляет свое бытие в виде грома, бури, непогоды и молнии. Лопари обожали его под видом высоких гор, утесов и озер. В Энаре есть скала, поднимающаяся из волн подобно башне; она называется Айе и почиталась за божество; ей приносились жертвы (<ЖМН 1868: 252>). Кастрен (<Castren 1853: 108–122>) указывает на отношения, существующие между духом Hiisi (мнж. Hiidete) и горами, по поверьям финнов. Hiisi в рунах является всегда злым, коварным духом; он вместе с Syöjätär сотворил змей и участвует во всяком зле, которое на земле случается; он топором рассек колено Вейнемейнену (совр. Вяйнямейнену – прим. ред.) (кажется, черта громовника, ведущая начало от косолапой походки медведя); болезни и недуги считаются посылаемыми от Hiisi; злое существо этого духа видно из финских проклятий: Oi Hiisi, o, дьявол! mene Hiitem, иди к черту! Вместе с злою природой Hiisi соединяет свойство сильного и ужасного существа; у него есть конь, у которого стальные копыта, а из рта и ноздрей летят искры. Местопребыванием Hiisi считался лес, особенно лесистые горы; Hiien linna, то есть города Hiisi, Hiitola, то есть Hiisi'ево обиталище описываются как места, окруженные трупцами, высокими горами и скалами. На горы, как на жилище Hiisi, указывает и то, что многие горы в Финляндии называются Hiiden vuori. В рунах говорится также о Hiisi'евых полях, лугах, конях, быках и проч., что придает этому духу другие черты, не ограничивая его образ чертами одного лешего. Выражение Hiiden väki подавало прежде повод к предположению, что Hiisi были первоначальниками Финляндии. Та же связь громовника с высокими горами замечена и у кавказских горцев. Высшим божеством у абхазцев считается Аныбс-ныха-дудрюпш, который пребывает на горе Дудрюпш; всякий, осмеливающийся подняться на гору, бывает поражен слепотою. Собственно громовник по-абхазски называется Афы; ему приносят жертвы при отгоне стад в горы весной и возвращении из гор осенью, а также во время засухи; во время грозы ему поется особый гимн. (Ср. имя Афы с самоедским названием медведя апы, качинско-татарским ава и др. т. п.).

Мунку-Саган-хутул-хан-морин-нойон. Это хан-Морин есть, конечно, то же, что урянхайское Бурюн-хан, между тем Морин у монголов, кочевья которых прилегают к южной подошве Танну-Олы, означает вообще большую реку; этим именем зовут, например, Тельгир-Морин, хотя не менее важные реки Тэс и Эг не называются мори́нами. Эта привилегия Тельгира до того соблюдалась, что Морин сделалось почти собственным именем этой реки; чаще ее зовут просто Мори́ном. Другая река (в системе Хуа-хема) называется Бурен-гол; на карте Клапрота она еще называется Хара-мурен, то есть черная река; так, может быть, она когда-нибудь и называлась; ныне же она известна у местных урянхайцев под именем Бурена; это бурен, прежнее мурэн, сделалось совсем собственным именем этой реки, так что к нему уже прилагают слово гол, река. То же слово находится в имени третьей реки Буконь-бурен, притока р. Кобдо. Из этих примеров видно, что морин и бурен сменяют друг друга, как в именах рек, так и гор; это ведет к догадке, что этим именем назывался Громовник, который отождествлялся и с горой, и с грозовым ливнем, и вообще с потоком с горы³⁸. От этого-то неразделения понятий о горе и о берущей на ней начало реке нередко случается в Монголии, что и белок, и река носят одно и то же название, а отдельных имен не имеют; так, например, к западу от Убса лежат два белка, из которых вытекают две реки: Харкира и Тюргун; белки не носят отдельных названий; на вопрос, как гора называется, отвечают: или хаирхан, или цасту ола (снежная гора), или: мунку цасу (вечный снег), и только когда требуется отличить в разговоре один белок от другого, их называют именами Харкира и Тюргун. Вершина Енисея называется Хуа-Хем; это название дается реке только по выходе ее из озера Терь-нор; выше же она называется Шишкит; самая восточная ветвь системы называется Арасай;

³⁸ В алтайских былинах, записанных *Радловым*, встречается выражение «Итильджаик»; г. Радлов, заключая из смысла предложения, перевел это выражение просто: большой водой; г. Ильминский, в письме к г. Шифнеру, помещенном в предисловии к одному из томов *Радловских Proben*, предложил остроумную догадку, что тут нужно разуметь спарение двух имен русских рек, Итиля и Джаика, то есть Волги и Урала (Яика). Невольно является мысль, что это место есть память о русских реках, с которыми среднеазиатцы могли познакомиться во время походов. Как будто за то же говорит и монгольское поверье о реке Идильдзай, лежащей на западе от Монголии, на которой люди, пьющие ее воду, живут свыше ста лет. Однако слово джаик, как мы видели, известно в Алтае в значении наводнения, большой воды. Кажущееся противоречие в этих фактах может быть объяснено таким образом. Идиль-Джаик было парным именем, жившим в устах народов Средней Азии; оно употреблялось как в слитной форме, так и в разобщенной и придавалось как самому громовнику, так и производимому им грозовому ливню; имя джаик и теперь осталось в Алтае в близком к тому значении. Имя Идильдзай явилось не после только знакомства с р. Волгой, а существовало в Монголии давно, и поверье о нем указывает, что под этим именем скрывается благотворный ливень, приходящий с западного неба; впоследствии турецкие и монгольские племена явились в Европейскую Россию и, найдя здесь две большие реки, наименовали их именами, взятыми из своей мифологии. Что народ подобным образом переносил имена с неба на землю, примером могут служить дороги в древней Англии, на которые было перенесено имя Млечного пути. К первому члену Идиль мы возвратимся в статье о Семизвездице.

в вершинах этой последней реки, как бы во главе всей речной системы, стоит высокая гора, носящая имя Хуа-Хем, то есть имя реки, долина которой у ее подошвы получает начало, хотя река, которая близ нее начинается, называется другим именем. Это тоже может служить примером того, что человек, обитавший в древности в Монголии, принимал гору с ее потоками за органическое целое³⁹.

Небо представлялось, кроме того, еще в виде высокой горы, в виде белка (или тайги, как сказал бы алтаец), на котором скапливаются грозовые тучи и разряжается электричество. Восходящее солнце или луна должны были представляться дикарю въезжающими на гору. Под горою в сказаниях северной Азии следует разуметь по большей части небо. Самое крупное созвездие северного неба, Большая Медведица, помещается около вершины этой горы; она должна была представляться или в виде самой вершины белка, или обитателем на ней, и обобщаться с Громовником или с медведем-громовником. В сказаниях упоминается высокая гора, на которой растут семь лиственниц; в качинских былинах царь Джедай-хан живет на высокой горе, а под Джедай-ханом разумеется Большая Медведица, Джетыган или Итыган <Потанин 18816: прим. 27 к гл. I>.

Другое представление о небе было, как о море, окружающем землю. Относительно сказаний северной Азии можно то же сказать, что говорится об арийских; большая часть мифов, касающихся моря, разумеет не земное, а небесное море облаков и туманов, так как монгольское племя еще менее знало настоящее море, чем арийцы. Монгол словом далай, море, называет большие озера своей родины; небо он мог представить в виде того же далая, только в других размерах. С этим вместе Большая Медведица должна была преобразиться во властителя небесного моря, от которого зависит погода. Мы имеем одну монгольскую сказку, в которой отчасти можно видеть вариант нашего Марко-богатого. Один бедняк идет к Бурхан-Бакши узнавать судьбу; он находит следы ног этого божества, этими следами доходит до моря и вступает в его волны; внутри их он находит ставку Бурхана-Бакши; по сравнению с нашими сказками, Бурхан-Бакши есть морской царь; мы уже знаем, что Большая Медведица по-монгольски называется Долон-бурхан; присутствие члена бурхан в названиях созвездия и персонажа наводит на мысль, что под морским жителем Бурханом-Бакши скрывается Большая Медведица; это предположение можно поддержать следующими обстоятельствами: во-первых, многие черты других монгольских и татарских сказаний заставляют также предполагать, что властителем над человеческой судьбой представлялось созвездие Большой Медведицы, о чем будет сказано в другой статье; во-вторых, о Бурхан-Бакши монголы иногда прямо говорят, что это одна из звезд Большой Медведицы; в-третьих, одно монгольское сказание принимает Большую Медведицу за семь частей, на которые был разбит палкой богатырь Амын-Цаган-

³⁹ Не следует ли подобною связью представлений о громовнике и ливне объяснить сходство имен в языке якутском äbä – река <Böhtlingk 1851: 15>, и ebbae – медведь (<Pallas 18316: 67>)? Не означало ли оно ранее грозового ливня или весеннего разлива вод? Такое же соединение представлений, может быть, заключается в словах: якутском Ирюс (<Böhtlingk 1851>: öрус, большая река) и монгольском галап; последнее теперь означает переворот земной не только через посредство воды, наводнения, но и посредством огня.

Буреке; к тому же сказание об Амын-Цаган-Буреке соприкасается с распространенным сказанием о семи братьях, добывающих невесту, в иных передачах прямо относимых к Семизвездице⁴⁰; с другой стороны, Амын-Цаган-Буреке напоминает богатыря Медведко или Медвежье ухо аварской сказки⁴¹, который родился с медвежьими чертами от сожительства женщины с медведем. Амын-Цаган-Буреке убивает дьявола-старуху молотком, намек на его громовничество. Эти факты дают право имя Бурхан считать древним первоначальным именем Семизвездицы, возникшим на почве представлений о медведе-громовнике, обитающем на небегоре или в небе-море; значение же Бурхана как бога есть, как мы думаем, позднейшее; оно отделилось от монгольского имени Семизвездицы – Долон-Бурхан так же, как и турецкое Кудай, бог, отделилось от турецкого ее имени Джетыген, о чем мы скажем в статье о Семизвездице. Принимая слово Бурхан за древнее имя громовника, возникшее на туземной почве и ведущее начало от одного из имен медведя, мы можем встретиться с возражением, что не лучше ли вести это слово от санскритского *Bhrgu*, который есть также олицетворение молнии или жрец, получивший от *Mâtariçvana* освобожденный из пещеры огонь <Kuhn 1859: 5–10>. Этого санскритского *Bhrgu* еще более, чем монгольский бурхан (в урянхайском произношении пурган, в алтайском пыркан) напоминает птица колборхы, которой алтайское сказание приписывает открытие огня; когда собрание первых людей недоумевало, как быть без огня, прилетела птица колборхы, сказала только: «разве на березе нет губы, разве в скале нет камня», и улетела⁴².

Санскритский *Bhrgu* мог явиться в Монголию или вместе с буддийскими книгами или мог быть занесен вместе с переселением монгольского племени от северной подошвы Тибета. Но есть мнение, что монгольское и особенно турецкое племя расселялось от Байкала с северо-востока на юго-запад, а не наоборот⁴³. Если это будет подтверждено дальнейшими учеными изысканиями, тогда останется один путь, книжный; этот путь предполагает перевод сказания о *Bhrgu* сначала к монголам, потом к урянхайцам и алтайцам; сравнение же редакций монгольской и урянхайской не поддерживает этого предположения; сказание об открытии огня у монголов под влиянием буддизма исказилось в сказание о добывании живого бога; нужно сличением открывать, что в нем под живым богом разумеется огонь; в алтайской же вышеприведенной легенде говорится ясно, что борхы указал людям огонь. У урянхайцев я не открыл сказания об открытии огня, но у них есть сказание о добывании живого бога; редакция этого сказания перво-

⁴⁰ Как, например, в датской, см. <Grundtvig 1878: 110>, и в записанной нами монгольской «Долон убугут».

⁴¹ См. <Сборник 1869: 16–24>, ст. г. Чиркеевского.

⁴² Кун приводит граубинденскую сагу, которую он сближает с сказанием о добывании огня. Парни одной деревни выставили в лесу корыто с вином и водкой; лесной человек выпил напитков и опьянел; его поймали, связали и принесли в деревню; когда он очнулся, от него стали требовать, чтобы он открыл тайну; он сказал, что откроет, но чтобы ему развязали руки и ноги; когда руки и ноги были развязаны, лесной человек только сказал: *bim hübschen wetter nemmet die töpschen (wämmer) mit ni und bim leiden haid (habd) er d' wahl*, и исчез (<Kuhn 1859: 34>).

⁴³ См., между прочим, <Richthofen 1877: 45–55>.

бытнее монгольской и не похожа на заимствование у монголов; в монгольском сказании Абтай-сайн-хан едет за живым богом к Далай-ламе, и только; в урянхайском – это длинный рассказ о богатыре, исполняющем личные ханские поручения; последнее из них есть поездка к Колду-Бурхану за живым богом, причем богатырь добывает себе невесту. Словом, эта урянхайская сказка совершенно подходит на другие урянхайские богатырские сказки и нисколько не подходит на отрывок буддийского сказания, который будто мог быть пересажен в таннуольские долины немногочисленными безграмотными ламами, и, наоборот, при чтении монгольского сказания чувствуется, что это отрывок сказки шаманского племени, искаженный под влиянием буддизма.

Кроме того, связь между представлениями дикарей северной Азии о медведе и громовнике, на наш взгляд, так очевидна, что заимствование имени громовника: бурхан, бури-хан, бурен-хан⁴⁴ и прочие от имени медведя должно казаться очень естественным; что же касается до связи *Bhrgu* с корнем *bhrj*, откуда *bhargas*, блеск <Kuhn 1859: 8>, то, не отвергая ее, можно объяснить эту связь происхождением понятия о светлом и существительного «блеск» от блестящего созвездия, а не наоборот.

Сравнение неба с морем (правильнее, озером) могло быть вызвано сходными чертами, одинаковым цветом лазури, отражением звезд в воде в ночное время, а во время грозы одинаковым помрачением как небесной, так и водной лазури; поверья жителей северной Монголии указывают, что дикари признавали такую же тесную связь между небесным морем и земными водоемами, как и между небесной горой и земными хаирханами. Они помещают громовника на дно озера; у манджуров есть мифический зверь мудури, который будто бы водится и в озере Ханка. Мудури по-манжурски значит молния. Зверь мудури считается свирепым. Манджуры часы суток обозначают именами зверей: 11-й час называется часом мудури. На манжурских часовых досках на месте одиннадцатого часа изображен зверь мудури в виде дракона, бросающего из своих лап молнию <Маак 1861: 141>. О белой сове, которая по-бурятски называется тажа и в крае живет только зимой, буряты говорят, что на лето она уходит в озеро, что к тому озеру опасно бывает подгонять в то время скот на водопой, потому что тажа поражает его молнией. В западной Монголии этого поверья нет, но связь белой совы с представлением о громовнике есть и здесь: говорят, что ее преследует громовая стрела, почему она удаляется на лето на дно моря. Этим поверьем о пребывании громовника в озере можно объяснить название манжурского мифического зверя чжухянь-сингэри; это было, по-видимому, имя громовника, представление о котором народ перенес на мамонта; связь в представлениях о мамонте и громовнике или, по крайней мере, о мифическом звере индрике, прочищающем источники, есть и у нас; на эту связь указал уже г. Вс. Миллер <Древности 1878: 6>. Посамоедски мамонт называется *jeŋggoru*⁴⁵, именем, которое напоминает корни,

⁴⁴ Понятие о горе заключалось и в санскритском *bhrgu*, *plateau de montagne*, *précipice*. См. <Pictet 1877: 125>; тут же сближения с готск. *bairgs*, англ.-сакс. *beorg*, древнеславянск. брегъ.

⁴⁵ См. <Schrenk 1848: 312; 1854: 287>. Шренк считает это имя составленным из двух *ja* земля и *hoga* самец, специально самец северного оленя, вроде того, как яптангора – гу-

приведенные в начале статьи; на языке томских остяков и самоедов он называется козэр; это тоже одно из имен громовника, как увидим ниже. Кажется, эту связь нужно предполагать и между громовником и выдрой; ее остяцкое название ван-тэр⁴⁶ напоминает самоедское название бубна, peander, peanser, peanzer <Castren 1855: 292>, а мы видели, что название бубна в связи с именем громовника; название же речек вблизи некоторых белков около Косокола и в системе Шишкита Мундурго, или Мунгорго (ср. пандер по-халкаски, мундур, tender, möndör – град по-бурятски) указывает на то, что и здесь громовнику давалось подобное имя. Тут, может быть, наводило на сближение роющее свойство горных потоков, образующихся от грозового ливня, которое напоминало дикарю роющихся в земле зверей⁴⁷.

Первый член имени манджурского загадочного зверя, чжухэнь, тоже нужно отнести к эпитетам громовника, судя по тому, что почти того же состава имя: сихинь и кангири, как называются черепичные погребушки под манджурской крышей; кроме того, у вогулов гром называется сяхен <Груды 1873>. Появление этого слова, в котором и тени нет звукоподражания, можно объяснить тем, что дзехен было именем медведя и потом перенесено на громовника.

Оно действительно встречается в именах зверей; хэнгрик-дзехен по-монгольски называется росомаха; это имя вполне совпадает обоими членами с приведенными выше названиями как манджурского гремучего украшения «сихинь и кангири», так и мифического зверя «чжухянь-сингэри». Переводить слово хэнгрик по-русски словом бубен в названии росомахи едва ли имеет смысл; что за бубенная росомаха? Вероятнее тут разуместь просто звериное имя, которое было дано зверю за рев и в то же время придавалось и громовнику. Дзехен, росомаха, в других языках изменяется в дзеген у сойотов, джекен у алтайцев, сегян, сйэгян, сйэгянь у якутов.

Цаган, которое встречается между именами в монгольских сказаниях, не есть поэтому белый, а скорее название зверя; оно означало, по-видимому, медведя и громовника; поэтому-то оно и входит в состав имени Амын Цаган Буреке⁴⁸,

сак, коровангора – бык. Следовательно, янгора будет «земной северный олень-самец», или просто «земной бык». Но существование тунгусских форм: Ынгуру – волк, джухянь-сингэри – подземное животное, заставляют с осторожностью отнестись к этому толкованию.

⁴⁶ Варианты: wander – <Castren 1858: 118>; wondor, wondyr – <Pallas 1831a: 77>; gonter – около Самарова *ibid.* (Самаровский Ям, или Самарово, теперь в черте Ханты-Мансийска – *прим. ред.*). По-якутски быдыра, близкое к манджурскому мудури, но может быть и искаженное русское выдра, как думает Бётлинг.

⁴⁷ По-вотяцки гондыр – медведь; ср. также хундур по-чувашски, ундур горных черемисов, бобр (<Золотницкий 1875:>). Тот же корень для бобра с другим окончанием очень распространен на пространстве от Волги до Енисея: кундус по-киргизски; кондоз по-татарски, кумдус по-алтайски. От того же корня происходят названия выдры: kundus, hundus, по-сойотски и по-карагаски, kamnos, камнош по-койбальски (<Castren 1857a: 159>); камду по-алтайски, кама казанских татар (ср. теме-халю, бобр по-монгольски); комà по-черемиски; йеме по-якутски (<Böhtlingk 1851>).

⁴⁸ Амын напоминает самоедское Ъман, верховное божество.

в котором мы уже указали признаки громовника; на том же основании и известный бурятский «Цаган убугун», белый старец, должен быть признан за медведя-громовника⁴⁹; он во время религиозных плясок в буддийских монастырях представляется хромающим, – намек на походку медведя. Буряты Аларского ведомства говорят, что сильнейший зверь на земле амын-цаган-хулугана; это может значить только то, что прежде так назывался медведь, и вместе с тем громовник; впоследствии связь имени с медведем утратилась, осталось одно – что это сильный (как небесный гром) зверь. Что это был громовник, подтверждается поверьями, будтомышь амын-саган-хулугана сосет коров, или будто где она поселится, в том доме будет богатство и счастье. Другой, более ясный пример подобной судьбы имени громовника представляет название кара кула. У киргиз существует поверье, что сильнейший зверь есть кара кулак (черное ухо), хотя он величиной всего с кулак. В алтайском словаре <Грамматика 1869: 48> слово кара-гула переведено: лев. Мы думаем, что это нимышь, как надо подразумевать со слов киргиз, ни лев, а что это был медведь, и в то же время громовник; связи имени с медведем утратилась, осталось одно воспоминание, что это зверь и притом самый сильный, сильнее даже медведя. В сказках, Кара-Кула живет у алтайцев и до сих пор и фигурирует обыкновенно на месте нашего змея или монгольского мангыса; перевод львом надо объяснить таким образом: когда алтайцы пришли в первое столкновение с людьми, знавшими хотя по имени льва, когда эти люди описали им льва, как зверя более сильного, чем медведь, алтайцы, справившись в своей мифологической зоологии, порешили, что это, вероятно, им рассказывают о кара-гуле, хорошо им известном из сказок. Подобным же образом следует объяснить и якутское слово хахай, лев. Бётлинг в своем якутском словаре при этом слове делает примечание: гахай, монгольское свинья, и затем ставит вопросительный знак. В самом деле, трудно объяснить, чем руководствовались якуты, заимствуя монгольское слово хахай для такого зверя, как лев; но это затруднение может быть устранено предположением, что со словом хахай происходила та же история, что и с кара-кулой. Хахай, вероятно, было именем медведя и громовника, оставшееся потом только в сказках; что хахай был громовник, на это указывают восклицания якутского шамана на мистериях: хахай! хахай! подобно тому, как алтайские шаманы, начиная свое камлание, призывают имя своего громовника: кайракан! кайракан! Потом слово это значения медведь лишилось, но сохранилось в сказках как имя сильного чудовища (конечно, это предположение должно быть подтверждено образцами, теперь живущими в народе), и, наконец, при первых рассказах о льве было присвоено этому последнему. Между гахай-хахай, с одной стороны, и дзехен-цаган, с другой, было, вероятно, посредствующее каган-хаган, которое, подобно кайракану, сделалось почетным титулом у власти-

⁴⁹ Урянхайцы называют медведя, между прочим, убук, вероятно, сокращенное убугун. Таким образом, цаган-убугун будет по составу имени соответствовать древнегреческому λευκη (следует читать как λευκή/λευκή – прим. ред.) ἄριτος (<Bachofen 1863: 18>). Не скрывается ли тот же убугун, то есть медведь, в чувашском слове вопкын, пучина, водоворот, пропасть, прожорливый, обжора, татарском упкун, горночеремисском вопман; вопкын у чувашей – дух с означенными свойствами; ему и его семейству делается моление в предупреждение от повальных болезней (<Золотницкий 1875: 27>).

телей Монголии. Между именами зверей эту среднюю форму можно видеть в остячком коган для некоторых пород лисицы⁵⁰.

Кроме этого пути обмена имен медведя с другими животными были, очевидно, и другие.

Обмен именами медведя с крупными хищниками, волком или выдрой, допускается нашим умом легко; обмен с крупными травоядными, каковы: лось, олень, бык, лошадь, рев которых или мало, или совсем не уступает медвежьему, тоже может быть допущен. Но можно ли допустить, чтобы имена медведя переходили на мелких грызунов только по той причине, что дикарь обобщил все ревущее, воющее, пищущее? Конечно, тут была какая-то другая причина переноса; не имея возможности теперь же сказать – какая именно, мы заметим только, что некоторые из этих переходов, как показывают приведенные ниже примеры, находятся в какой-то связи со сказанием о громовнике. Мы уже выше говорили о представлении громовника в виде змеи Абырган, по имени которой и есть названные горы (я знаю две, обе в южной Монголии); в то же время Абырганом урянхайцы называют летягу, о которой и у халхасцев и у алтайцев есть поверье, что ее преследует громовник⁵¹. Джель-бегень или Ельбегень есть семиглавый змей алтайских сказок; это, конечно – змей-громовник; имя его напоминает качинское албагай, соболь, а если совсем отбросить окончание гень – монгольское ольби, летяга, о которой существует у монголов поверье, что небо преследует его своими стрелами.

В наших русских поверьях ангел преследует громовой стрелой черта, который прячется под траву; но по другим сказаньям под траву прячется Христос, вероятно в первоначальной редакции Хорс (ср. у западных славян Крт⁵²); Хорс же был громовник. Финский громовник Юмала, самоедский Нум; по-мордовски заяц – нумоло. Одно из имен легендарного шамана, то есть громовника, у алтайцев Хан-Хурмос, по-монгольски белка – херим или херми; Хурмустен-хан – монгольский громовник; по-бурятски летучая мышь хурмуше; Ерлик или Ерлен-номон-хан, царь подземного мира, у алтайцев представляется со змеей в руке вместо плети, следовательно с молнией; ерлен по-алтайски, номон по-монгольски значит крыса. Волгонче громовник у черемис, мулгачь – заяц по-чувашски. Джаяк – громовник у алтайцев; джайк, у алтайцев заяц, снабженный яламой (онгон)⁵³.

⁵⁰ У Кастрена: *kāgan*, *kēagan* на языке енисейских остяков, *sumarçôgana* на котовском наречии (<Castren 1858: 239>).

⁵¹ По-алтайски тот же зверек называется бобырган (ган есть суффикс и при сравнении может быть отброшен), по-якутски бабыр, у русских в Восточной Сибири бабр, *Felix uncia* (<Böhlingk 1851>). Слич. по-персидски *bibar*, мышь и *babar*, тигр и лев (<Pictet 1877: 411–428, 444>). В славяно-литовских языках также замечается близость имен медведя и мелких зверьков, как, например, белки: медведь по-иллирийски (<Там же: 428>) *wewer*, белка по-литовски *wawaris* (совр. лит. *voverė* – прим. ред.), по-древнеславянски веверица.

⁵² Крот, по-монгольски номон, по монгольскому поверью преследуется молнией, как и летяга.

⁵³ Громовник у камчадалов называется Пилячуч (у Стеллера Билюкай); см. <Крашенинников 1786: 73, 78>; заяц (*Lepus variabilis*) по-камчадальски *biltschutsch* (<Pallas

Параллельно с этими примерами превращения гонителей в гонимых, светлых божеств в темных мог совершиться и обмен в имени тэнгри; этим именем мог называться и громовник, и преследуемый им зверек, тэнгар (по-остяцки мышь).

Из других имен громовника упомянем еще Улан, Сартактай, Чингис, Гесер, Кадыр, Абыс, Пиамбар.

На монгольской почве мы встречаем архаическое слово люнг⁵⁴; оно встречается в именах легендарных героев и в именах урочищ; так, например, в северо-восточной Монголии в Хангае есть священная гора Ташилюн (Ташилюнг?); у южной подошвы Тянь-Шаня к востоку от города Хами, на карте г. Рафаилова назначено селение Ташилюк (Ташилюнг с выпадением носового *н*?)⁵⁵; в Алтае в долине р. Чуи есть р. Таджилу. К этой последней относится легенда вроде немецкой об *Erl-könig*'e; отец везет свою дочь с целью отдать в замужество, но дитя умирает у него на руках. Жених был таджи, то есть князь, который жил на р. Таджилу; алтайцы говорят, что эта речка потому так и называется, что она принадлежала князю; то есть они принимают, что название таджилу составлено из двух членов: таджи и лу, где лу есть притяжательная татарская частица лу. Но существование монгольских Ташилюнгов заставляет усомниться в верности подобного объяснения. Сказание о Таджилу кончается заявлением, что вот по причине кончины невесты здесь и не водятся с тех пор змеи; эта неясная добавка намекает, однако, что под лу, скорее, следует разуметь монгольское лу, дракон, более полную форму имени которого мы имеем в составных монгольских словах: лун-сумын, громовая стрела, лун-хан, царь драконов. В числе легендарных имен встречается Люн-Шидурху⁵⁶, противник Чингис-хана, личность, обладающая способностью превращаться и тем напоминая мифического змея; Линг-хум – предок народа Таджикиутов, в примечаниях к своему отчету о путешествии в Монголию в 1876–1877 году мы сделали догадку о тождестве последнего лица с сохранившимся у хотогайтцев именем их предка Улан-хун-гайджи; в нынешнюю поездку нами добыты еще некоторые подтверждения этой догадки, но здесь не место излагать эти факты. Если наша догадка будет одобрена ориенталистами, то слово улан, так часто встречающееся в названиях монгольских урочищ, не всегда придется переводить словом красный; во многих случаях, вероятно, придется видеть в нем измененное лун или лу, дракон, родственное турецкому илан, змея⁵⁷.

1831a: 146>). Ср. также русскую загадку о громе и молнии: Тур ходит по горам, а турица (мышь) по норам; тур свистнет, а турица мигнет (запис. г. *Кашиным* на Аргуни <*Вестник* 1858>).

⁵⁴ Например, Люн-Шидургу, Линг-Хум.

⁵⁵ Кроме того, есть географические имена: Тумурлюн в долине р. Ег (см. <*Потанин* 1881b: 44, 93>); известная река Херулюн (Херулюнг?). На подобное же диалектическое изменение указывает, по-видимому, двойственность произношения слова: юзерлюн и юзерлик (первонач. юзерлюнг?) – растение *Peganum Harmala* на языке крымских татар; сарлан на языке котонов и сарлык по-монгольски (первонач. сарлынг?) – тибетский бык, *Bos gruniens* (<*Анненков* 1878: 244; *Потанин* 1881b: 142>).

⁵⁶ О Шидурху смотри ниже.

⁵⁷ Ср. жилакт дракон в татарских преданиях Казанской губернии, Змиулан наших сказок. В алтайских сказках темным силам иногда придают имена Катын-джула, Кара-

К числу урочищ, в имени которых находится это слово, принадлежит Улан-гом, на котором стоит монастырь хошуна дурбютского Вана. Мы записали на месте предание, что там, где стоит теперь монастырь, некогда жил Лун-хан, то есть царь драконов; это обстоятельство отчасти оправдывает наше предположение, что под именем улан иногда следует разуметь лун или илан, то есть змея⁵⁸. Таким образом, Улан гом и Линг-хум⁵⁹ могут быть признаны тождественными фор-

кула. Ср. змея, по-тунгусски кулин (<Castren 1856: 110>), на языке койбалов: джилан, чилан; сойотов: челан; карагасов: чулан (<Castren 1857a: 156>). Вероятно, это же слово, а не камень, как следует из прямого смысла, нужно видеть в названии одного хотогойтского поколения Чилун (чило по-монгольски камень), а также это же слово чулан, змея, может быть, подало повод по недоразумению к сказке, что урянхайский народ происходит от камня: такое поверье мы слышали от монголов. Под именем «чилун» древние сказания, вероятно, разумели змея-громовника, которого, как увидим ниже, племена северной Азии принимали за творца вселенной и родоначальника человечества.

⁵⁸ Приблизительно в тех местах, где ныне находится Улан-гом, китайские летописи помещают город Иланьджеу, змеиный город. И условия, благоприятные для жизни и хлебопашества, дающие Улангому первое место в ряду плодородных оазисов северо-западной Монголии, и предание о Лун-хане, а также и указание местности вблизи Улангома, где была в древности ставка какого-то Бошокту-хана, говорят за то, что летописный Иланьджеу надо искать в Улангоме.

⁵⁹ Ориенталисты вслед за Рашид-Эддином в слове хум видят китайское слово гун, князь. Хун встречается в титуле джунгарских ханов, Хун-Тайджи (ср. Улан-хун-тайджи, предок хотогойтцев); в объяснение этого титула рассказывали, что предок этой фамилии был выкормлен лебедем (хонг или хунг по-монгольски). У остяков и самоедов слово хан, царь, господин встречается в формах хон, кан, конг, гонг, гунг, кунг и даже гок, кок, гук (<Castren 1855: 235, 239; 1858: 114>). Эти видоизменения могут быть истолкованы таким родом: слово конг, гонг, гунг на первобытном языке народов северной Азии означало громовника и затем перешло к обозначению старейшины, князя и других высших степеней родovitости. Ср. хег идол у большеземельских самоедов <ЭС РГО IV: 57>; у Шренка ha, haj <Schrenk 1854: 272>. Гром по-самоедски у Кастрена hae, hang, kajuang, khäng <Castren 1855: 212>; у Шренка: hajgho, где haj – делает примечание Шренк – напоминает идола; молния hajendu, буквально огонь идола (<Schrenk 1854: 281>); енисейские остяки, кроме высшего божества Es, почитают еще двух сильных богов: Кой или медведя и Бангус, подземное божество; Кастрен думает, что под последним скрывается мамонт; Кой – мужское начало, Бангус – женское; см. <Castren 1853: 228>. Медведь у енисейских остяков называется хоі, коі; см. <Castren 1858: 233>. Все это, по-видимому, версии одного и того же речения hang или khäng, обозначавшего первоначально медведя-громовника, и затем оно перешло к обозначению идолов или онгонов и некоторых других животных, кроме медведя; так тобольско-татарское анг, олень, сделавшееся у других татар родовым: анг, вообще животное, означало, вероятно, медведя; резкий крик лебедя заставил и на него перенести этот корень: хонг, хунг, лебедь монгольское; чинг, тенг, ценг id., остяцкое (которое с выпадением носового *h* переходит в тег, лебедь). С выпадением носового *g* из формы конг, гунг и проч. получена форма хан, хон, гун, кун; отсюда кунь в татарском выражении кунь-кунгреды, гром гремит (см. <Будагов 1871: ар. 164>); монгольское гун, князь; с выпадением носового *h* получена форма: гок, кук и др., которые в татарских язы-

мами; осмеливаемся высказать догадку, что это было одно из имен громовника. Рядом с ним можно поставить еще третье монгольское слово – лун-сумын, громовая стрела (то есть стрела каменного века), слово, которое, собственно, отличается только переходом во втором члене звука *x-z* в *c* и приставкой к нему другого окончания⁶⁰. Не следует ли допустить, что лун-сумын первоначально означало вообще грозу или громовника, и только впоследствии значение его ограничено одной громовой стрелой⁶¹? Не совсем то же, но в том же роде ограничение смысла можно видеть в слове качинских татар «тор», что означает молнию; слово это, вероятно, сокращено из тэнгри или тангара, небо, как принимается всеми за подобное же сокращение того же слова остяцкое торум, небо, чувашское тора, небо. Третий случай такого же сокращения значения представляется в монгольском слове тэнгриин-ху, гриб; буквально тэнгриин-ху значит сын неба; навязывается вопрос, с какой стати такое название дано неважному растению? Мы объясняем себе это обстоятельство таким образом: тэнгриин-ху было имя медведя-

как употреблены для обозначения неба, а потом и голубого цвета. В Монголии некоторые высокие горы называются Хан-Хухей, Алтын-Кукей; мы думаем, что под этим именем скрывается нечто более важное, чем кукушка, как это следует из прямого смысла второго члена. Замечательно, что для обозначения крика кукушки у алтайцев и чуваш употребляются глаголы того же корня эт, адать, которым обозначается небесный гром; по-чувашски гром гремит: аслади адать, кукушка кукует: кук авдать; по-алтайски гром гремит: тэнгри этыб јат, кукушка кукует: куук этыб јат.

⁶⁰ По-бурятски стрела хумо или гомо. Ленточки, навешиваемые на деревья, кузнечные телеуты называют сомо; это может служить подтверждением, что под сомо, хумо, хум и т. д. разумелся змей.

⁶¹ Кун также находит возможным такой обмен, только в обратной последовательности; именно, он говорит, что Kutsa есть олицетворение *donnerkeil*'я, а ранее самый *donnerkeil* (<Kuhn 1859: 60>). Что громовые стрелки ставились в связь с громовником, об этом свидетельствуют поверья о них, как русские, так и азиатские. У нас в деревнях громовые стрелки летом зарывают на пашнях, чтобы дождь был; во время грозы стрелку спускают в ведро с водой в уверенности, что в дом, где стоит такое ведро, не ударит молния. Вероятно, это поверье было поводом к тому, чтобы приписать сверхъестественную силу камню нефриту или ядеиту. Самое название этого камня напоминает мифический камень джада или дзада, который так старательно разыскивают монголы и урянхайцы, и которому приписывается свойство производить дождь. В России существует поверье, что змея *мьдяница* (или медянка) целый год бывает слепа и только на Иванов день получает зрение и тогда, бросаясь на человека, пробивает свою жертву насквозь, точно стрелой. Трава медяница зарождается от гниения гадов; растет слепою, зрение получает в Иванов день и, когда увидит человека, бросается на человека и пробивает его насквозь. Заговор от родимца: «на море на океане стоит медный столб от земли до неба и в том столбе закладена медная медяница от болезней и хворостей» (<Афанасьев 1868: 527>). Тарбагатайские торгоуты, в случае болезни вымени у коров, лечат, прикасаясь к нему лун-сумыном, то есть найденным в степи медным наконечником стрелы (бронзового периода). Поверья о змеях у монголов также есть: они живут в земле, и когда на них упадет тень, например, от каравана, бросаются с такою силой, что пробивают верблюда с вьюком насквозь.

громовника⁶²; это была версия слова тэнгри-хан; дикарь подметил, что грибы обильно выходят после грозы, и дал обоим явлениям одно имя. Тут помогало обобщению, может быть, и отдаленное сходство гриба с очертанием стрелы⁶³.

В Алтае часто встречаются речки под названием Хаир-Кумын; так как это горные речки, текущие из белков, то происхождение их имени весьма естественно искать между именами громовника. Мы уже в слове Джаик имеем пример обобщения громовника с горным потоком или наводнением. Первый член приведенного имени: хаир, совершенно тот же, что в монгольском слове хаир-хан, гора-громовник, члену хан соответствует кумын⁶⁴; это внушает мысль, что хаир-кумын было таким же именем громовника, как и хаирхан и лун-сумын. Ввиду такого соображения мы название одного из притоков озера Убса, именно Нарин-сумын, предпочитаем поставить рядом с алтайскими хаир-кумынами вместо того, чтобы переводить «тонкая стрела», как это следует из прямого смысла; принимая, что сумын соответствует кумыну, в слове нар следует видеть еще одно из имен громовника; что имя этого корня придавалось ему, подтверждение тому мы видим в одном монгольском сказании о Нарбанджине, где последний ударом по столу производит пламя. Приведем еще случай, который говорит в пользу соотношений слов каир-кумын и лун-сумын. Растение *Synopogon coccineum* носит на киргизском языке имена: каир или сум-гуя; можно думать, что эти два имени прежде были соединяемы и составляли парное имя каир-сум; такое имя растение могло получить за свой странный пестообразный вид, способный вызвать представление о громовой стреле.

Чтобы исчерпать содержание формы «люнг», приведем еще из остяцкого языка название мыши, лянгер или тенгер; в этом языке есть звук средний между *л* и *т*, для которого в словаре Кастрена изобретена особая буква; поэтому в записях путешественников для одного наречия для мыши дается название тенгер или тенгар, для другого лянгер⁶⁵. Не относится ли люнг к лянгер и остяцкое тонг, белка, к тенгар, так же, как татарское канк (откуда канкылдадып) к корню кангра, алтайское шанг, колокол, к корню шангра? Не было ли лянгер также именем громовника, как тенгир или тенгри⁶⁶. Нынешний князь ельджигенов называется

⁶² Этим же только мы объясняем появление Тэнгриин-ху в качестве личного имени одного из монгольских богатырей.

⁶³ На идейную связь грибов с громовником указывает слышанное нами в Монголии поверье о грибе-дождевике, (который по-монгольски называется Тэнгриин-дуле), что если черный порошок его попадет в глаза человеку, то он ослепнет, а акт ослепления часто участвует в поверьях и сказаниях о громовнике.

⁶⁴ Другие речки кончаются на гом (Джингегом, Арыгом, Шаргыгом; замечательно, что последнее название прилагается к реке в системе Шишкита, то есть в стране, очень удаленной на восток от Алтая) или на гем и кем (Элегем, Арыкем, Улегем). Улегем у г. Бунге, путешествовавшего по Алтаю, назван Улегуменом, хотя во время проезда по Алтаю меня уверяли приказчики, что эта речка никогда таким образом не называлась, но ввиду существования формы кумын было бы поспешно отвергать возможность подобного наименования.

⁶⁵ Ср. название большого озера Улюнгур в Джунгарии.

⁶⁶ Ср. якут. лынгкыр, звон.

Лу-гун, то есть князь-дракон; по Рашид-Эддину, предок тех же ельдзигенов назывался Мисер-улюк <Записки Имп. Арх. Общ. 1858: 153–156>. В этом «улюк» как будто скрывается люнг – или улюнг, измененное потерей носового *н* вроде того, как шилюнгун, по-халкаски рысь, в бурятском превращается в чулугун, рысь; если это так, то Лу-гун есть не что иное, как нынешнее произношение Рашид-Эддиновского Линг-хума.

Существование двух форм для адского божества: Ерлик-хан и Ерлен-хан также намекает на то, что существовала первоначальная, более полная форма: ер-ленг, или ер-линг⁶⁷. Следует заметить, что Ерлик алтайцами представляется со змеей в руке вместо плети, следовательно принадлежит к громовникам.

О громовнике Сартактае можем сообщить немного. Что это был громовник, видно из рассказов о том, что он прорывал каналы, разделявал пути, мостил мосты; подобно нашему громовнику Илье Муромцу, он также оставил след своего сиденья, только не на печи, а на скале (близ р. Катуня); алтайцы указывают также на камень, который он употреблял для бросанья в дичь. Камень этот называется кудурго-таш, будто бы от слова кудар, поднимать; алтайцы пробуют на нем свою силу, стараясь поднять его; но имя это напоминает также название громовника, по-черемиски кудурчо, по-вотяцки кугурья или гудури. Сказания о Сартактае распространены только в стране между Катунью, оз. Убса, городом Кобдо и оз. Зайсаном; в восточной части Монголии его не знают, но здесь, в окрестностях Косокола, и у бурят появляется имя сардык для обозначения высоких гор (белков и гольцов); следовательно, оно значит то же, что хаирхан в западной Халхе. Между зверями это имя прилагается к сеноставке, живущей на высоких горах вблизи снежной линии (по-монгольски шарьтехе). Определеннее выступает громовник под этим именем у якутов; об них прямо говорится, что они громовнику дают имя Сюрдах-сюгэ-тоен; обыкновенно это имя переводится: сюрдах – злой, сюгэ – топор, тоен – господин. Вернее, по нашему мнению, видеть в сюрдах особое произношение имени Сартактай или Сартак, в сюгэ – слово одно-

⁶⁷ Буряты в своих сказаниях дают ему имя Ерлен-Номон-хан. Мы уже приводили выше, что номон по-монгольски крыса и крот, ерлен по-алтайски крыса; с тем же значением слова: тат. ёрлян, гор. черемис. ёрлэнга, лугов. черем. орланге; по-чувашски арлан, крот (<Золотницкий 1875: 6>). Крот также связывает ерлика с идеями о громовнике, потому что о кроте есть монгольское поверье, что его преследует молния. Ерлен-Номон-хан было, вероятно, именем громовника, которое потом перешло с гонителя на предмет гонения. Монгольское имя крота сохор-номон, бурятское моно-сохор также можно принять за имя громовника; сохор, сокур могло образоваться от корня хонгро. Полная форма: хонгор или сонхор присвоена монголами соколу, по-киргизски сункар; ср. хонкире монгол. ворон, и название одного из предков монгольского народа по книжным сказаниям Бай Санкур (в Юань-чао-миши Бо Санкур); из этой формы через опуск носового *н* могло образоваться сохор, что теперь по-монгольски значит слепой. Путь, которым это слово пришло к такому значению, был, вероятно, такой: сначала этим именем назывался громовник, потом сохор или номон-сохор перешло на гонимого зверька, потом, так как слепота есть особенность зверька, форма сохор стала означать вообще слепого или кривого. Примеров тому, что слепота соединялась с идеей о громовнике, можно было бы привести довольно.

го корня с дзеген, сиягань, то есть росомаха (ср. сяxen – гром, по-вогульски) и, наконец, тоен есть то же, что таян, дзаян и т. п., о котором сказано выше, значение же «злой», которое придается слову сюрдах, показывает, что это имя придавалось дикому зверю, с которым смешивалась личность громовника.

В восточной части Монголии, где исчезают сказания о Сартактае, его место занимает Чингис-хан; во многих местах показывают здесь следы его деятельности: ему приписывается проложение дорог через хребты и т. д. Указывают на его котел, на вершину его юрты и т. п. Это хождение по горам, а также приписывание ему изобретения вина и сказания о том, что он был кузнец, указывают на его громовнический характер⁶⁸. Замечательно, что сказания о кузнечном искусстве, в связи с представлениями о громовнике, начинают встречаться только в восточной Монголии; в западной Монголии, где имя Чингиса менее известно, и в сказаниях заменяется другими (Сартактай, Одун-бодун), мне, по крайней мере, не удалось записать ничего подобного. Молоток вместо меча в руках богатыря, встречающийся иногда в монгольских сказаниях, не встречается в алтайских. В восточной же Монголии указывают скалу, бывшую наковальней Чингиса. Буряты имеют сказания о начале кузнечного дела и о первом кузнеце; кузнецы бурятские имеют особых фетишей, у бурятских шаманов в числе привесок к орудиям камлания встречаются железные изображения наковальни и молотка. Что касается до имени Чингис, его можно видеть, отбросив окончание *ис*, в названии лебедя: по-остяцки: ченг, ценг, чинг, ченга, по-самоедски *jankuâ* <Castren 1855: 277>, у монголов и бурят хонг, хунг <Castren 1858: 253, 120; 18576: 213>. Ввиду того, что было нами сказано выше по поводу остяцких форм конг, кунг, царь, самоедских ханг, кенг, гром, навязывается вопрос: названия лебедя хонг, хунг, чинг, ценг не суть ли термины громовника, перешедшие на птицу за ее резкий крик⁶⁹? К тому же корню можно подвести татарское анг, вообще животное; что оно было когда-то видовое, указывает, как мы говорили, существование тобольско-татарского анг, олень.

Слово анг является, как окончание многих татарских имен зверей: арслан – лев, по-татарски, лисица, по-мещеряцки, шишкан – мышь по-татарски; в более удлиненной форме: орланге – крот по-чувацки; солонго – колонок по-монгольски, шилонгун – рысь по-монгольски, унюгун – лисица по-монгольски. Эта удлиненная форма напоминает остяцкое: анге, мать (ср. татар. анеке, мать). Тут

⁶⁸ Чингис-хан по Санан-Сэцэну (<Schmidt 1829: 103>) умер насильственной смертью, но какой, не сказано; Плато-Карпини говорит, что он убит молнией, а Марко Поло, что он умер от стрелы, которая попала ему в колено (<Там же: 388>). У Санан-Сэцэна, напротив, Хасар убивает, попав стрелой в колено, старуху, которая при осаде тибетского города насылала на войско Чингис-хана болезни. Не находятся ли эти рассказы о ране стрелою в колено в связи с мифической хромотой громовника? Громовые стрелки киргизы употребляют для излечения болезни домашних животных, которая кончается хромотой задней ноги (<Потанин 18816: 92>). Ср. рассказы о болезни ног у хонкиратов, ирхитов. Ерлика алтайцы представляют хромым.

⁶⁹ В татарских наречиях монгольское хунг приняло форму ку, что может служить подтверждением нашего мнения о именах Тэнгри-хан и Тэнгри-ку, как о версиях. См. выше про тэнгриин-ху.

возникает вопрос: имена ли громовника и медведя произошли от анге мать, или мать получила почетное имя медведя-громовника из почтения⁷⁰?

Название Абыс встречается в сказании о Тостогоше; хан пожаловал ему имя Абыс-хан после того, как он невредимо вылетел из огня. В словаре алтайского языка, приложенном к Алтайской грамматике (Казань, 1869), абыс переведено: священник; дальнейших объяснений не сделано. Слово это мы встречаем и у татар-мусульман Европейской России, где оно дается духовным лицам как почетное имя. Несомненно, что это слово – абориген южной Сибири и, вероятно, означает то же самое, что и у тункинских бурят слово абтай, то есть первостепенного, искуснейшего, истинного шамана, а прежде, вероятно, означало громовника⁷¹. Один алтаец выразился в разговоре со мной, что Абыс – это небо; следовательно, значение громовника под этим словом еще и теперь чувствуется жителями Алтая. Это же слово, несколько измененное произношением у алтайцев, является в соединении с именем громовника; высшее божество у них называется Ульген Кайракан Эбош <Radloff 1862: 190>. На мулл и священников это имя перешло потому, что в нем заключалось понятие о чем-то высшем сравнительно с обыкновенными шаманами, которых сказания стараются перед шаманом-громовником выставить обманщиками, ложными шаманами. Что касается до бурятского абтай, то и оно, по-видимому, придавалось громовнику; есть монгольское сказание о Абтай-хане, добывающем живого бога, под которым нужно разуметь огонь⁷².

Гесер-хан есть герой одного обширного монгольского книжного сказания, которое имеется в немецком переводе, сделанном Шмидтом. В Монголии это имя довольно известно; замечательно, что при расспросах о нем, монголы называют его божеством китайским⁷³. Начало этих представлений нужно, кажется, искать у урянхайцев, алтайцев и теленгитов. Урянхайцы на Хуахеме знают некоего Чингис-Кэзэр-Кайракана; ему приписывается сотворение всей природы после всеобщего потопа; упоминают этим имена и отдельно одно от другого; на вопрос, кто изобрел водку, в одном месте мне ответили: Кэзэр-хан; это показыва-

⁷⁰ Имена Чингизан, речка, впадающая в Иркут, Чингизанг – поколение у телеутов, Джангызак поколение у киргиз показывают, что версия анг приставлялась вместо хан к имени Чингис. Что касается до самого имени, не есть ли оно только видоизменение слова Тенгис, которое, как и венгерское *tenger*, ныне значит море, но прежде, вероятно, означало громовника?

⁷¹ Аптах – по-якутски шаман; абасы – злой дух; абасы-цусунâ (по <Böhtlingk 1851: 6> абасы цусунâ – прим. ред.) – идол <Böhtlingk 1851: 6>. В Монголии я записал поверье об абтахериме; летом абтахерим бывает птицей, зимой превращается в мышь и живет в воде.

⁷² Ср. 1) мордовск. офта, медведь; самоедское *habide*, *hajbide*, *hajwede*, медведь (<Schrenk 1854: 286>); 2) Обида в «Слове о полку Игореве»; 3) абада – баба-яга по чувашски; 4) Оптина пустынь построена на месте, где жил разбойник Опта (<Памятная книжка 1861: 287>). Корень об–аб в именах медведя очень распространен: чуваш. оба, алт. аба, урянх. на р. Хуке: убук (ср. убугун, монгольск. старик); вогульск. *aba*, *oape*, *ohboa* (<Pallas 1831a: 65>); самоед. *апы* (см. работы И.С. Полякова (/ Поляк. litt)), качин. тат. *awa* (<Pallas 1831a: 64>), тунгус. *ороѝ*. Ср. Афы, громовник у абхазцев; см. выше.

⁷³ Как понимать эпитет «китайский» в монгольских сказаниях, я скажу в статье о Семизвездце.

ет, что Кэээр-хан есть лицо тожественное с Чингис-ханом, которому изобретение вина приписывают монголы, да и сами урянхайцы выражаются, что все эти три лица есть одно и то же. Далее рассказывается о споре или состязании в силе у трех кайраканов – Кэээр-хана, Чингис-хана и Амурсаны; сильнее всех оказывается Кэээр-кайракан. У теленгитов является Газыр-гам, под которым, вероятно, скрывается тот же Кэээр-хан; Газыр-гам современник Тостогоша, он вместе с ним вылетел из огня невредимо; затем ему приписывается борьба с Ерликом, причем он отрубает лапу у Ерликовой собаки. В другом алтайском сказании Кэээр является богатырем, а не шаманом; он вступает в борьбу с Сартакпаем (Сартактаем?); Сартакпай прострелил Кэээру грудь насквозь, но Кэээр не заметил этого и, обливаясь кровью, проехал мимо. В других сказаниях имя Кэээр придается самому Сартактаю; так у Радлова <Radloff 1866: 188> этот богатырь назван Сартактай Кэээр; у теленгитов слово кэээр стало нарицательным и означает просто богатыря. К сожалению, мне не удалось собрать у теленгитов и урянхайцев более подробных рассказов об этой мифической личности, способных осветить темное сказание о Чингис-хане, в особенности то его место, где выступает на сцену брат его Хасар.

Дорджи Банзаров в одной из своих статей приводит имя некогда жившего в Монголии знаменитого шамана, Чингис-Хаджира-Тэнгриин-ху, то есть сына неба; Банзаров, по-видимому, не принял этого шамана за тожественное лицо с Чингис-ханом, да ему и трудно было слить их: один был в глазах его шаман, другой – хан. Мы смотрим на это сказание иначе; в книжном сказании о Чингис-хане мы видим двух Чингис-ханов: исторический Чингис-хан, завоеватель, выступает только в конце сказания, в начале же, в эпизодах о Ван-хане и Таян-хане (подробности о чем оставляем достать и о Ване), мы видим баснословную личность, и эти имена: Чингис-хан, Кэээр-кайракан, Чингис-Кэээр-кайракан, Чингис-Хаджир-бо⁷⁴ Тэнгриин-ху, Газыр-гам, по нашему мнению, все относятся к одной и той же мифической личности, к Громовнику.

Рашид-Эддин также знал Гесер-хана; он говорит, что иначе он называется Гадер-хан, и что этим именем называется какое-то сильное лекарство⁷⁵.

У киргиз есть поверье о святом Кадыре или Казыре, что где он пройдет, там окрестности покрываются свежей зеленью; ср. Хизр, имя пророка Илии у му-

⁷⁴ У дюрбютов есть поверье, что птица хаджир или тас живет на родине Шикджимуни (Шакиямуни) и оттуда видит, где лежит труп; как бы это место ни было далеко, она в один день долетает до трупа, поднимаясь при этом под самое небо. Та же птица тас у урянхайцев называется езер; у карагасов под именем esirä, esëra известна цапля, Reiher (<Castren 1857a: 154>). У остяков Нарымского края на Оби под именем каджар известен мамонт; по Григоровскому (в рукописи) козар; мамонт, по Кастрену, kosar, kossar, kossari (<Castren 1855: 250>; ср. кыр, по-татарски мамонт в старинном хронографе <Попов 1866: 261>). Оба животных по своим признакам могли быть обобщаемы с громовником.

⁷⁵ Имя знаменитого мифического героя Гесер-хана аларские буряты произносят Гэгэр-хан, что напоминает имена Гэгэр Меджит (см. <Потанин 1881б: 154>), Бикармадзиди, Викрамадитья. У алтайцев также встречается в числе могущественных духов Кыгыр-хан; ему приносят жертвы. Все эти вариации Кэээр-хан, Кыгыр-хан, Кадыр-хан (см. ниже) соответствуют приведенным в начале статьи наименованиям грозового явления: кузюрт, кугурт, кудури.

сульман⁷⁶. Тут можно видеть темные намеки на Громовника; по-монгольски кабарга⁷⁷, живущая на высоких горах, где ходят облака, называется худури (произносится иногда худурь, худырь)⁷⁸; по-татарски кабарожья и бобровая струя – кайр. Не на это ли вещество намекает Рашид-Эддин? Ср. вотяцкое слово гудури, гром, черемисское кудурчо, бог-громовник. Может быть, и монгольское легендарное имя Шидыр-ван или Шидурху⁷⁹ находится в связи с этими же наименованиями, так что название дикого хмеля (*Atragene alpina*), по-монгольски чюдур-убюсу, может быть составлено вроде урянхайского кайракан-крыжи, тетива Громовника, и значение пут слову чюдур придано впоследствии по сходству седельного прибора с растением⁸⁰.

У чуваш и черемисов мы встречаем мифологическое имя Пигамбар или Пиамбар. По чувашским понятиям, Пигамбар есть дух, раздающий людям добрые качества и сообщающий йомзям (шаманам) пророческие видения; он – покровитель домашнего скота, охраняющий его от хищных зверей, над которыми он имеет власть, так что волки называются «пигамбаровыми собаками», подобно

⁷⁶ В начале статьи были указаны сходные формы гудури, вотяцкая и кузурт алтайская, для обозначения грозового явления. Подобное же изменение звуков представляет имя растения *Peganum Harmala*, которое по-киргизски называется адр-аспан, по-бухарски хазар-асбанд, хазар-испан, у крымских татар юзерлик (<Анненков 1878>). Растение это употребляется для одурения или опьянения; ср. езір, есрык, пьяный по-татарски; Гесерхану, как мы упомянули выше, одно из записанных нами показаний приписывает изобретение вина. По поверью русского народа, если не это самое, то родственное ему растение (*Ruta graveolens*) также связывается с Громовником; на Дону суеверные поселяне верят, что во время грозы рута есть убежище дьявола от грома, и что гром бьет в то место, где растет эта идольская травка (<Анненков 1878: 307>).

⁷⁷ Сахалинские айны по *Депрерадовичу* (<Депрерадович 1879: 27>) кабаргу считают священным животным, и обида ей навлекает пожар.

⁷⁸ В первоначальной истории Казанского царства упоминается под 1359 г. пришедший с востока из Хивы Хедзер-хан (заяцкий хан Хидыр); см. <Фукс 1836: предисловие, XIII>. Действительно ли это историческая личность? Тот же обмен звуков замечается и в названии жеребца: у монголов адзирга, по-якутски атыр, по-киргизски и по-татарски айгыр. Не идут ли эти формы от корня ангра, ангыр? С произношением аларских бурят Гегерхан ср. каббалистическое слово кагир-кидар, которым один священник лечил зубную боль (см. <Добротворский 1874: 36>), а также кагыр – камень чувашских заговоров (<Золотницкий 1875: 186>).

⁷⁹ Шидырмак – по-чувашски трещотка.

⁸⁰ Другое, очень близкое к *At. alpina* и также вьющееся растение, именно *Clematis orientalis*, хамийские сарты называют мангдыр. Выше была уже указана форма Мудури, манджурское имя Громовника. См. также <Остроумов 1879: 31> – о Модур-хане: бог громов у даур-солонгов Модур-хан; он начальник над модорами – духами, как Тэнгриинхан и мелкие духи тэнгрии у монголов; у камчадалов Громовник, Билюкай или Пилячучь, также главенствует над горными духами камул' ами; см. <Крашенинников 1786: 74–75>. Модур-хан изображается сидящим на змие с рыбьим хвостом и имеющим две пары рук: одною парой он мечет стрелы, другою – бьет в барабан. Все эти имена: Шидыр, Кадыр, Мудури, Модор, мангдыр (ср. мундур, град) не были ли первоначально именами Громовника?

тому, как в Малороссии волки известны под именем Юровых собак⁸¹. На сходство Пигамбара с Георгием Победоносцем указал еще Сбоев. В молитвах, обращенных к Пигамбару, чувашаи просят: «не делай нам зла, удерживай собак!» <Золотницкий 1875: 202, 203>. У черемисов Пиамбар – младший жрец, помощник карта (шамана), у вятских Пиамбар – великий пророк, помощник верховного бога <Золотницкий 1877: 23>. Покойный Золотницкий видел в этом имени персидское слово пейгәмбәр, пророк, и вообще полагал, что шаманские поверья и сказания чувашей складывались и развились после появления ислама в крае, и языческие верования заимствовали из ислама имена и другие внешние черты. Нам кажется не только странным, но даже и немислимым такое преобразование предметов почитания ислама; если и допустить, что имя Пигамбар не туземное, а занесенное исламом, то и тогда нужно принять, что образ, который теперь носит это имя у чувашей, существовал уже у них до введения ислама; за это говорит родство мифологических представлений населения, живущего в пределах прежнего Болгарского царства, с шаманскими сказаниями южно-сибирских инородцев; разбору этих родственных черт мы посвятим особую статью. Кроме того, есть данные, которые наводят на мысль, что имя Пигамбар возникло на шаманской почве. Черты, которыми обставлено это имя у чуваш, указывают, что под ним скрывается Громовник. Все, что относится к радуге, по близости ее к грозovому явлению, должно представлять почву, на которой нужно искать годные для занимающего нас вопроса материалы; радуга иногда даже прямо называется луком Громовника. Киргизское ее название, кемпырнынз-кусагы, название с первого взгляда странное, потому что кемпыр – старуха, кусак – веревка, к которой привязывают овец на ночь. Чтение русских загадок и южно-сибирских сказок внушает убеждение, что наши предки любили представлять звезды овцами, а месяц – пастухом; но в таком случае овцевязью приличнее было бы назвать Млечный Путь, а не радугу, являющуюся только на дневном небе⁸².

Легенды для объяснения этого названия, распространенного от Черного Иртыша до Омска, кажется, нет. Понятием старухи, вероятно, смысл имени Кемпыр

⁸¹ Подобным же образом дархаты, обитающие в долине р. Шишкита, волков называют Тэнгриин-нохой, то есть собаками Тэнгрия (Громовника?).

⁸² Впрочем, радуга может быть представлена в виде кусака по мифической связи грозового явления с доением молока; кочевники Средней Азии обыкновенно доят овец, привязав к кусаку (в таком случае овцы будут не звезды, а облака). Слич. поверья вендов о ведьме, которая вешает веревку за печью в час, когда в деревне всеобщее доенье, и молоко течет по веревке в ведро ведьмы, а коровницы уходят от своих коров с пустыми подойниками. В одной деревне все коровы перестали давать молоко; оказалось, что была ведьма, которая посредством веревки сливала молоко всех коров в свой подойник; тут очевидно представление о засухе; веревка – это радуга; о радуге существуют поверья, что она пьет или сосет. Эти поверья указывают на связь представлений о ведьме и Громовнике. У одного учителя, по поверью тех же вендов, была корова, которая давала необыкновенно много масла; заметили, что корова жует веревку, из конца которой учитель (вместо, может быть, шамана или шаманки) доит молоко; веревка лежит на спине коровы, глаза коровы дьявольски блещут. Что это дракон – указывает вид коровы: огненные глаза, загнутый хвост (<Veckenstedt 1880: 259, 283, 287>).

не ограничивается; это имя встречается между киргизскими поколениями в Тарбагатае <Потанин 1881а: 4>; следовательно, оно может быть принято за имя родоначальника, а родоначальником нередко считается Громовник.

В числе героических имен у киргизов встречается Камбар-бий; оно находится в одной былине, записанной Радловым <Radloff 1870: 112>; мы сами имеем целую былинку о Камбар-бие, записанную в Киргизской степи около Баян-Аула. Не следует ли в Кемпыре видеть измененное Камбар, а в Пигамбаре – Камбар-бия с перестановкой составных частей? В своем словаре Золотницкий приводит названия радуги, употребляемые в Поволжье: по-чувашски она называется сурень-киберь, съувек-киберь, салават-кибери; по-татарски – салават-купре; под вторым членом и по-чувашски, и по-татарски разумеется мост. Но сравнивая это имя с названием радуги у киргизов и у крымских татар (у последних вместо киргизского кемпырнынз-кусаки радуга называется ямгур-кушакаы; сообщено г. Калачовым), есть вероятие полагать, что киберь, купыр только видоизмененное кемпыр или камбар с выпадением носового, как в словах вампир и упырь⁸³. В монгольских и башкирских сказаниях встречается мифическая стрела с собственным именем кюбур или куйбур⁸⁴.

Странное обстоятельство заключается в том, что имя Пиамбар напоминает два имени собаки: пи по-черемисски⁸⁵ и амб по-остяцки; ср. амба по-тунгусски тигр и злой дух (амбань, сановник по-маньчжурски; не от того ли же корня чувашское умбу, царь?). Что касается до формы упырь⁸⁶, которая является у чувашей под видом вубур, у казанских татар упыр, – о ней также существуют в Казанской губернии мифологические предания; вубуру приписываются затмения луны; чудовище же, которому приписываются враждебные действия против этого светила, в Средней Азии находится в связи с Громовником. На той же казанской почве записаны мифологические легенды о Зубейре или Чубаре, иначе Сафаре. Йыбар, выхухоль по-чувашски <Золотницкий 1875: 14>, по-персидски джуффар, id.; другое животное, доставляющее пахучую струю moschus, называется кабарга, алт. табаргы; название зверя нужно считать, по нашему мнению, первоначальным, пахучее же вещество получило имя уже по животному⁸⁷; ср.

⁸³ Что с этим корнем соединилось понятие о громе или трэске, свидетельствует татарск. кѳмбур (<Будагов 1871: ар. 163>). Пейгамбар на Кавказе горцами произносится пайхомар. Ср. грузинск. гамура или мегамура, летучая мышь (ღამურა и მეღამურა, т. е. uamira/meuamira, приблиз. значение – ночница – прим. ред.).

⁸⁴ См. между прочим в <Труды 1866: 107, 217>.

⁸⁵ У болгар есть колено Пиянцы, которые ведут свой род от Пия; Пий был первый сын Бога, имя его значило красный. Он научил свое потомство садить виноградники и делать вино; он же изобрел огонь и открыл железо, следовательно, был первый кузнец. В заключение Бог запер его в пещеру (<Веркович 1868>, цит. по: <Известия 1874: 9>). В этих чертах нельзя не узнать громовника.

⁸⁶ Ср. венг., собака эб вместо остяцкого амб.

⁸⁷ По-бухарски вонючее растение Skorodosma foetida (Scorodosma foetida/foetidum, Ferula assa-foetida, см. асафетида – прим. ред.) называется сасык-кавар или просто кавар (или кабар) (<Жиреевский 1874: 78, 129>). Тут же приведены варианты этого имени: кауряк, кэурек, стоящие как бы в середине между кавар – и каир, бобровая струя (<Там же: 182>).

также Джуппар, предок лошадей по киргизскому поверью. Совокупность этих фактов говорит за то, что под именем Вубур, Джуппар, Зубейр, кабар, табар разумелся Громовник⁸⁸, с которого эти имена перешли частью на героические личности, частью на животных, живущих на высоких горах или в воде. Обращаем внимание читателя на то, что выхухоль имеет еще другое название по-чуваши – удур, близкое к имени черемисского и вотяцкого Громовника гудуры, а также к монгольскому имени кабарги – худури и т. п. Убур близко к имени абыс, которое также относится к Громовнику; замена *c* через *p* обыкновенна в чувашском языке, например, хундур, бобр, вместо хундус и пр. <Золотницкий 1875>; в форме Пиамбар можно видеть тот же корень, но с сохранением носового звука.

(Окончание следует)

Литература

- Анненков 1878 – *Анненков (Анненковъ) Н.* Ботанический словарь (Ботаническій словарь). – С.Пб. : Типография Императорской Академии Наук (Типографія Императорской Академіи Наукъ), 1878. {*N. Annenkov. A Botanical dictionary. – Saint Petersburg: The Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1878.*}
- Афанасьев 1868 – *Афанасьев (Афанасьевъ) А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу (Поэтичскія воззрѣнія славянъ на природу). – М.: Издание К. Солдатенкова (Издание К. Солдатенкова), 1868. – Т. II. {*A.N. Afanasyev. Poetic views of the Slavs on nature. – Moscow: K. Soldatenkov Eds., 1868. – Vol. 2.*}
- Будагов 1871 – *Будагов (Будаговъ) Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий (Сравнительный словарь Турецко-Татарскихъ нарѣчій). – СПб. : Типография Императорской Академии Наук (Типографія Императорской Академіи Наукъ), 1871. – Т. II. {*L. Budagov. A Comparative dictionary of the Turkic-Tatar dialects. – Saint Petersburg : The Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1871. – Vol. 2.*}
- Веркович 1868 – *Веркович (Верковић/Верковичъ/Верковичъ/Върковичъ) С.И.* Описание быта болгар, населяющих Македонию (Описание быта болгаръ, населяющихъ Македонію). – М., 1868. {*S.I. Verkovich (Verkovič). A Description of the way of life of Bulgarians inhabiting Macedonia. – Moscow: The University Printing House (Katkov and C°), 1868.*}
- Вестник 1858 – Вестник Императорского Русского географического общества (Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества). – 1858. – № 10. {*Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society. – 1858. – No. 10.*}
- Гаврилов 1880 – *Гаврилов (Гавриловъ) Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний (Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній). – Казань: Типография А.А. Коковиной (Типографія А. А. Коковиной), 1880. {*B. Gavrilov. Pieces of folk literature, rites and beliefs of the Votyaks (Udmurts) of the Kazan and Vyatka Governorates. – Kazan, 1880.*}
- Грамматика 1869 – Грамматика алтайского языка / сост. членами Алтайской миссии (Грамматика Алтайскаго языка / составлена членами Алтайской миссіи). – Казань: Университетская Типография (въ Университетской Типографіи), 1869. {*A Grammar of the Altai Language / Compiled by members of the Altai Mission. – Kazan: The University Printing House (Press), 1869.*}
- Депредавич 1879 – *Депредавич (Де-Прерадовичъ) Ф.М. (Ф.М.)* Этнографический очерк Южного Сахалина (Этнографическій очеркъ Южнаго Сахалина) // Сборник историко-статисти-

⁸⁸ В числе слов, относящихся к звуку, к этому корню, может быть, относится чувашское шыбыр, род волынки (башкир. чыбыз, алтайск. сыбыскы и татарское сыбызгы – рожок, дудка, род флейты; чуваш. кобыс, тат. комуз, якут. хомус – скрипка; <Золотницкий 1875: 35, 109>).

- ческих сведений о Сибири и сопредельных ей странах (/Сборник историко-статистических свѣдѣній о Сибири и сопредѣльных ей странахъ.). – СПб.: „Русская Скоропечатня“ (П. С. Нахимова), 1876. – Т. II. – Вып. 1. {*F.M. Depreradovich (de Preradovich)*. Ethnographic essays on Southern Sakhalin // A Compendium of historical and statistical data on Siberia and neighboring countries. – Saint Petersburg: P.S. Nakhimov’s Russian Fast-printing House (Russkaya Skoropechatnya), 1876. – Vol. 2. – Issue 1.}
- Добротворский 1874 – *Добротворский (Добротворскій) М.М.* Русская простонародная медицина сравнительно с народной медициной сахалинских айнов (/Русская простонародная медицина сравнительно съ народною медициною сахалинскихъ Айновъ.). – Казань: Университетская Типография (/въ Университетской Типографіи), 1874. {*M.M. Dobrotvorskiy*. Russian folk medicine in comparison with the ethnic medicine of Sakhalin Ainu people. – Kazan: The University Printing House (/Press), 1874.}
- Древности 1878 – *Миллер В.Ф. (Миллеръ В.Ф.)* О лютом звере народных песен (/О лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсень. Д. чл. В.Ф. Миллера.) // Древности. Труды Московского археологического общества. (/Древности / Труды Московскаго археологическаго общества изданные подъ редакціею В.Е. Румянцова, Секретаря Общества.) – М.: [б.и.] Синодальная Типография (/Въ Синодальной Типографіи), 1878. – Т. 7. – С. 1–18. {*V.F. Miller*. On ferocious beast of the folk songs // Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society. – Moscow: [n.p.]/At the Synodal Printing House, 1878. – Vol. 7. – PP. 1–18.}
- Ешевский 1870 – *Ешевский (Ешевскій) С.В.* Сочинения. (/Сочиненія С.В. Ешевскаго.) – М.: Издание К. Солдатенкова/Типография Грачева и К° (/Издание К. Солдатенкова/Типографія Грачева и К°), 1870. – Ч. I. {*S.V. Yeshevskiy*. Works. – Moscow: K. Soldatenkov Eds./Grachev and C° Printing House, 1870. – Part 1.}
- ЖМН 1868 – Журнал Министерства народного просвещения. (/Журналь Министерства народнаго просвѣщенія.) – СПб., 1868. {The Journal of the Ministry of the Public Education. – Saint Petersburg, 1868.}
- ЖМН 1878 – Журнал Министерства народного просвещения. (/Журналь Министерства народнаго просвѣщенія.) – СПб., 1878. {The Journal of the Ministry of the Public Education. – Saint Petersburg, 1878.}
- Записки Имп. Арх. Общ. 1858 – Записки Императорского Археологического общества. (/Записки Императорскаго Археологическаго общества.) – СПб., 1858. – Т. XIV. {Proceedings of the Imperial Archaeological Society. – Saint Petersburg, 1858. – Vol. 14.}
- Записки Рус. Геогр. Общ. 1869 – Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. (/Записки Императорскаго Археологическаго общества по Отдѣленію этнографіи.) – СПб., 1869. – Т. II. {Proceedings of the Ethnography Department of the Imperial Russian Geographical Society. – Saint Petersburg, 1869. – Vol. 2.}
- Захаров 1875 – *Захаров (Захаровъ) И.И.* Полный маньчжурско-русский словарь. (/Полный маньчжурско-русскій словарь.) – СПб.: Типография Императорской Академии Наук (/Типографія Императорской Академіи Наукъ), 1875. {*I.I. Zakharov*. A Comprehensive Manchu-Russian dictionary. – Saint Petersburg: The Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1875.}
- Золотницкий 1875 – *Золотницкий (Золотницкій) Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. (/Корневой чувашско-русскій словарь, сравненный с языками и нарѣчіями разныхъ народовъ тюркскаго, финскаго и другихъ племень.) – Казань: Типография Императорского Университета (/въ Типографіи Императорскаго Университета), 1875. {*N.I. Zolotnitskiy*. A Stem Chuvash-Russian dictionary, compared with languages and dialects of different peoples of Turkic, Finnic, and other origins. – Kazan: At Printing House of the Imperial University, 1875.}
- Золотницкий 1877 – *Золотницкий (Золотницкій) Н.И.* Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис. (/Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемисъ.) – Казань: Университетская Типография (/Въ Университетской Типографіи), 1877. {*N.I. Zolotnitskiy*. Invisible world according to the shaman view of the Cheremis/(Mari) people. – Kazan: The University Printing House (/Press), 1877.}
- Известия 1874 – Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. (/Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологи

- и этнографии.) – СПб., 1874. – Т. XIII. – Вып. 1. {Proceedings of the Imperial Society of Devotees of Natural Science, Anthropology, and Ethnography. – Saint Petersburg, 1874. – Vol. 13. – Issue 1.}
- Известия 1881 – Известия Императорского Русского географического общества. (Известия Императорского Русского географического общества.) – СПб., 1881. – Т. XVI: 1880 г. {Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. – Saint Petersburg, 1881. – Vol. 16: Year 1880.}
- Киреевский 1874 – *Киреевский (Кирьевскій) И.В.* Флора наших среднеазиатских владений по алфавитному порядку туземных названий растений. (Флора наших среднеазиатских владений по алфавитному порядку туземных названий растений.) – СПб.: Типография П.П. Меркульева (Типография П. П. Меркульева), 1874. {*I.V. Kireyevskiy.* Flora of Russia's Central Asian possessions arranged alphabetically by indigenous plant names. – Saint Petersburg: P.P. Merkuliev's Printing House, 1874.}
- Крашенинников 1786 – *Крашенинников (Крашенинниковъ) С.П.* Описание земли Камчатки. (Описание земли Камчатки сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ, Академіи Наукъ Профессоромъ.) – СПб.: Императорская Академия Наук (при Императорской Академіи Наукъ), 1786. – Т. II. {*S.P. Krashenninikov.* A Description of the land of Kamchatka. – Saint Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences, 1786. – Vol. 2.}
- Маак 1861 – *Маак (Маакъ) Р.К.* Путешествие по долине реки Уссури. (Путешествие по долине реки Уссури <...>.) – СПб.: Типография В. Безобразова и Комп. (в Типографии В. Безобразова и Комп.), 1861. – Т. I. {*R.K. Maak (Maack).* A Journey down the Ussuri River Valley. – Saint Petersburg: at V. Bezobrazov & Co Printing House, 1861. – Vol. 1.}
- О предрассудках... – О предрассудках в Нижегородской губернии, соч. А.М. (О предрассудкахъ въ Нижегородской губерніи, соч. А.М.) {On prejudices in the Nizhny Novgorod Governorate, by A.M.}
- Остроумов 1879 – *Остроумов Н.П.* Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. – Казань, 1879. {*N.P. Ostroumov.* Chinese migrants in Semirechiye Region and the spread of Orthodox Christianity among them. – Kazan, 1879.}
- Памятная книжка 1861 – Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии ... на 1861 год / Калужский губернский статистический комитет. – Калуга, 1861. {A reference book and directory of the Kaluga Governorate ... year 1861 / Kaluga Governorate Statistical Committee. – Kaluga, 1861.}
- Попов 1866 – *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. – М., 1866. – Вып. 1. {*A.N. Popov.* A review of chronicles of Russian edition. – Moscow, 1866. – Issue 1.}
- Потанин 1881a – *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии. – С.-Пб., 1881. – Вып. I. {*G.N. Potanin.* Essays on the North-Western Mongolia. – Saint Petersburg, 1881. – Issue 1.}
- Потанин 1881b – *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии. – С.-Пб., 1881. – Вып. II. {*G.N. Potanin.* Essays on the North-Western Mongolia. – Saint Petersburg, 1881. – Issue 2.}
- Риттер 1879 – *Риттер К.* Землеведение Азии. Т. V. Восточная Сибирь: озеро Байкал и прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. – СПб., 1879. {*K. Ritter.* The Asian Geoscience. Vol. 5. Eastern Siberia: Lake Baikal and Baikal countries, the Transbaikalia, and the Gobi steppe. – Saint Petersburg, 1879.}
- Рычков 1767 – *Рычков П.И.* Опыт казанской истории древних и средних времен. – СПб., 1767. {*P.I. Rychkov.* An attempt at ancient and middle history of Kazan. – Saint Petersburg, 1767.}
- Сборник 1869 – Сказки и басни, собранные и переведенные с аварского *Айдемир Чиркеевским* // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1869. – Вып. 2. – Ч. V. б). {Tales and fables, collected and translated from Avar by Aydemir Chirkeyevskiy // Collection of information about the Caucasian mountaineers. – Tiflis, 1869. – Issue 2. – Part 5. b).}
- Спенсер 1880 – *Спенсер Г.* Начала социологии. (Обрядовые учреждения) / пер. с англ., под ред. И.В. Лучицкого. – Киев, 1880. {*H. Spencer.* The Principles of sociology. (Ecclesiastical institutions) / Trans. from English, ed. by I.V. Luchitskiy. – Kiev, 1880.}
- Труды 1858 – Труды Восточного отделения Археологического общества. Ч. VI. Алтан-тобчи. Монгольская летопись, в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста Истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойратами. Перевод ламы *Галсана Гомбоева*. – СПб., 1858. {Proceedings of the Oriental Department of the Archaeological Society. Part 6. The Altan Tobchi.

- A Mongolian Chronicle, the original text and a translation with addition of Kalmuck text of the History of Ubashi (Ubashi) Khong Tayiji and his war against the Oirats. A translation by *Galsan Gomboev, the Lama*. – Saint Petersburg, 1858.}
- Труды 1866 – Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1866. – Т. IV. {Works of members of the Russian Spiritual Mission in Beijing. – Saint Petersburg, 1866. – Vol. 4.}
- Труды 1872 – Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом. Т. III: Народный дневник. – СПб., 1872. {Works of the Ethnographic-Statistical Expedition to the West Russian territory, equipped by the Imperial Russian Geographical Society. Vol. 3.: The Folk Diary. – Saint Petersburg, 1872.}
- Труды 1873 – Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Том III. № 4. Путешествие к вогулам. Отчет Н. Сорокина. – Казань, 1873. {The Works of the Society of Naturalists at the Imperial Kazan University. Vol. 3. No. 4. A journey to Voguls (Mansi people). A report by N. Sorokin. – Kazan, 1873.}
- Фукс 1836 – *Фукс А.А.* Основание города Казани: повесть в стихах, взятая из татарских преданий. – Казань, 1836. {*A.A. Fuchs*. The foundation of Kazan: a tale in verse, taken from the Tatar oral traditions. – Kazan, 1836.}
- Фукс 1840 – *Фукс А.А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань, 1840. {*A.A. Fuchs*. Notes by Alexandra Fuchs on Chuvash and Cheremis (Mari) peoples of the Kazan Governorate. – Kazan, 1840.}
- Шпилевский 1877 – *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877. {*S.M. Shpilevskiy*. Ancient cities and other Bulgar-Tatar monuments in the Kazan Governorate. – Kazan, 1877.}
- Щапов 1863 – *Щапов А.П.* Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (православного и старообрядческого) // Журнал Министерства народного просвещения. Кн. I. – С.-Пб., 1863. {*A.P. Shchapov*. Historical essays on folk worldview and superstition system (within the Orthodoxy, both of the New and Old rites) // The Journal of the Ministry of the Public Education. Book 1. – Saint Petersburg, 1863.}
- ЭС РГО IV – Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. – Санкт-Петербург, 1858. – Вып. 4. {Ethnographic collection, published by the Imperial Russian Geographical Society. – Saint Petersburg, 1858. – Issue 4.}
- Bachofen 1863 – *Bachofen J.J.* Der Bær in den Religionen des Alterthums [Медведь в религиях древности]. – Basel, 1863. (In German.)
- Böhtlingk 1851 – *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. Theil 2. Jakutisch-Deutsches Wörterbuch. [О языке якутов. Часть 2. Якутско-немецкий словарь]. – St. Petersburg, 1851. (In German.)
- Castrén 1853 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Vorlesungen über die finnische Mythologie [Лекции по финской мифологии] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1853. (In German.)
- Castrén 1855 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen [Словарные указатели (из) самоедских языков] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1855. (In German.)
- Castrén 1856 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss [Основы тунгусского языкознания с приложением краткого словарного указателя] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1856. (In German.)
- Castrén 1857a – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises [Опыт койбальской и карагасской грамматики с приложением словарных указателей (из) татарских диалектов Минусинского края] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1857. (In German.)
- Castrén 1857b – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss [Опыт бурятской грамматики с приложением краткого словарного указателя] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1857. (In German.)

- Castren 1858 – *Castrén M.A.* M. Alexander Castrén's Versuch einer jensisei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen [Опыт енисей-остяцкой и коттской грамматики с приложением словарных указателей указанных языков] // Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén. – St. Petersburg, 1858. (In German.)
- Grundtvig 1878 – *Grundtvig S.* Dänische Volksmärchen. Nach bisher ungedruckten Quellen erzählt von Svend Grundtvig [Датские народные сказки. Пересказано по ранее неопубликованным источникам Свенном Грундтвигом] / Übersetzt von Willibald Leo. – Leipzig, 1878. (In German.)
- Kuhn 1859 – *Kuhn A.* Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks: ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indogermanen [Происхождение огня и божественного напитка: вклад в сравнительную мифологию индоевропейцев]. – Berlin, 1859. (In German.)
- Mélanges asiatiques 1859 – *Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg* [Азиатский сборник, взятый из Историко-филологического вестника Императорской академии наук в Санкт-Петербурге]. – St.-Petersbourg–Riga–Leipzig, 1859. – Т. III, livr. 4. (In French and German.)
- Mélanges asiatiques 1874 – *Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg* [Азиатский сборник, взятый из Вестника Императорской академии наук в Санкт-Петербурге]. – St.-Petersbourg–Riga–Leipzig, 1874. – Т. VII, livr. 1. (In French and German.)
- Mélanges asiatiques 1877 – *Mélanges asiatiques tirés du bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg* [Азиатский сборник, взятый из Вестника Императорской академии наук в Санкт-Петербурге]. – St.-Petersbourg–Riga–Leipzig, 1877. – Т. VIII, livr. 1. (In French and German.)
- Mélanges russes 1860 – *Mélanges russes tirés du Bulletin historico-philologique et du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg* [Русский сборник, взятый из Историко-филологического вестника и Вестника Императорской академии наук в Санкт-Петербурге]. – St.-Petersbourg, 1860. – Т. IV. (In French and German.)
- Pallas 1831a – *Pallas P.S.* Zoographia Rosso-Asiatica. – Petropoli, 1831/MDCCCXXXI. – Vol. I. (In Latin.)
- Pallas 1831b – *Pallas P.S.* Zoographia Rosso-Asiatica. – Petropoli, 1831/MDCCCXXXI. – Vol. II. (In Latin.)
- Pictet 1877 – *Pictet A.* Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs. Essai de paléontologie linguistique [Происхождение индоевропейцев или первоначальных ариев. Очерк по лингвистической палеонтологии]. – Paris, 1877. – Т. II. (In French.)
- Radde 1862 – *Radde G.* Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855–1859 incl. [Поездки по югу Восточной Сибири 1855–1859 гг. включ.]. – St. Petersburg, 1862. (In German.)
- Radloff 1862 – *Radloff W.* Briefe aus dem Altai // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland / Herausgegeben von A. Erman. – Berlin, 1862. – Band XXI. – I. Tafel. – II. Theil. – S. 179–223. (In German.)
- Radloff 1866 – *Radloff W.* Die Sprachen der Türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen steppe. I. Abtheilung: Proben der Volkslitteratur. Übersetzung. III. Theil [Языки тюркского происхождения Южной Сибири и Джунгарской степи. Раздел I: Образцы народной литературы. Перевод. Часть III]. – Sankt Petersburg, 1866. (In German.)
- Radloff 1870 – *Radloff W.* Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme. III. Theil. Kirgisische mundarten [Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть III. Киргизские диалекты]. – Sankt Petersburg, 1870.
- Richthofen 1877 – *Richthofen F.* China: Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien [Китай: Результаты собственных путешествий и основанные на них исследования]. – Berlin, 1877.
- Schmidt 1829 – *Chungtaidschi, Ssanang Ssetsen.* Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus [История Восточной Монголии и ее княжеских домов, составлено Санангом Сэцэном Хунтайджи Ордосским] / aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Issac Jacob Schmidt <...>. – St. Petersburg–Leipzig, 1829. (In German.)
- Schrenk 1848 – *Schrenk A.G.* Reise nach dem Nordosten der europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojedien, zum Arktischen Uralsgebirge. I. Theil. Historischer Bericht [Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам. Часть I. Исторический очерк]. – Dorpat, 1848. (In German and Latin.)

- Schrenk 1854 – *Schrenk A.G.* Reise nach dem Nordosten der europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojuden, zum Arktischen Uralgebirge. II. Theil. Wissenschaftliche Beilagen [Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам. Часть II. Научные дополнения]. – Dorpat, 1854. (In German and Latin.)
- Veckenstedt 1880 – *Veckenstedt E.* Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche [Вендские сказания, сказки и суеверные обычаи]. – Graz, 1880. (In German.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 173–182. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 930.85

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-173-182

ГУЛИСТАН ЗОЛОТОЙ ОРДЫ^{1,2}

В.К. Трутовский

Для цитирования: Трутовский В.К. Гулистан Золотой Орды // Российская тюркология. 2024. № 3–4 (44–45). С. 173–182. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-173-182.

Gulistān of the Golden Horde

V.K. Trutovskiy

For citation: Trutovskiy V.K. Gulistān of the Golden Horde // Russian Turkology. 2024. № 3–4 (44–45). P. 173–182. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-173-182.

كلستان

Читано в заседании Восточной Комиссии Императорского
Московского Археологического Общества 2 декабря 1887 г.
действительным членом Общества
В.К. ТРУТОВСКИМ

Одним из наиболее затруднительных вопросов при изучении истории Золотой Орды является вопрос о ее городах, несмотря даже на то, что существует довольно много указаний и данных, по-видимому облегчающих исследования. Городов было немного, как это видно из единодушного показания восточных и европейских писателей; большая часть их названа этими писателями³, даже есть

¹ Перепечатано с: Трутовский В.К. Гулистанъ Золотой Орды // Древности восточныя. Труды Восточной Комиссии Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества / Ред. М.В. Никольский. – М., 1889. – Т. I. – Вып. 1. – С. 73–82.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены по современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим ред.*

³ См., например, у <Тизенгаузен 1884: 236, 378>: XI Эльмары; XIX Ибихельлунъ и др.

указания на их географическое и топографическое положение, исчислены расстояния некоторых городов между собою, обозначена иногда широта и долгота их положения, но все эти данные, к сожалению, так сбивчивы и противоречивы, что разобраться в них крайне трудно. Нумизматические факты, подтверждая с одной стороны сведения исторические о наименовании городов Золотой Орды и, так сказать, констатируя факт их действительного существования, с другой стороны дают много новых неизвестных мест чекана⁴ и возбуждают новый крайне интересный вопрос, которые из этих монетных дворов надо считать городами и что означают остальные дворы. Археологические изыскания в области Золотой Орды хотя и дали возможность ответить утвердительно на некоторые частные вопросы⁵, но вместе с тем прибавили еще более путаницы, возбуждив сомнение в правильности приурочивания тех или других развалин к тому или другому городу Золотой Орды. Таким образом, определение какого-либо исчезнувшего города Кипчакского царства и указание на его местонахождение требует много времени и труда и строгой проверки данных, так как чем больше являлось последних, тем затруднительнее становилось согласить их между собою, и часто все усилия пропадают даром и приводят или к новой теории, опровергаемой последующими изысканиями, или к сознанию невозможности, по крайней мере в данный момент, разрешить вопрос. Такая участь постигла исследование о Сарае, вопрос о котором, казалось, был окончательно решен В. Григорьевым <Григорьев 1876: 259–321>, но в последнее время снова возбужден, на основании новых соображений, Ф. Бруном <Брун 1878>, о Булгаре <Шпилевский 1884>, Маджаре <Шестаков 1884> и некоторых других. Только немногим ученым посчастливилось, и теперь есть возможность определенно указать, например, на местоположение Укека <Саблуков 1884>, Хаджи-Терхана (Астрахани) и Азака (Азова). Предстоит еще немало потратить времени, труда и знаний, чтобы разрешить вопрос о нахождении остальных городов и о значении большинства монетных дворов с эпитетом «Новый» и некоторых других, коим не находится подтверждения у историков.

К числу таких еще не определенных до сих пор монетных дворов Золотой Орды я отношу и Гулистан.

Вопрос о нем поднимается не первый раз, но все мнения, доселе высказанные, не сходны друг с другом. В списке монетных дворов Золотой Орды, приложенном к его известному описанию джучидских монет, Френ помещает Гулистан недалеко от Сарая <Fraehn 1832: 43>, не высказывая, однако, своего мнения о его значении. Гаммер, основываясь на Френе, прямо говорит, что это был пригород Сарая <Hammer-Purgstall 1840: 9>. Затем Саблуков счел его простым дворцом в Сарае <Саблуков 1895>, не приводя, однако, в пользу этого никаких доказательств. Его мнение принял известный ориенталист В. Григорьев, и коснувшись в своей замечательной статье «О местоположении Сарая» вопроса о Гулистане <Григорьев 1876: 273–274, 320–321>, привел различные соображения и доказательства, подтверждавшие этот взгляд, и в заключение высказался окончательно, что «Гулистан», так же как и «новый Гулистан», были дворцы в Сарае на двух противоположных концах этой столицы <Там же: 321>. Так это мнение, благодаря

⁴ Джуллад, Тарджин, Раджан и др.

⁵ О местоположении Сарая, Укека, Булгара, Хаджи-Терхона и др.

авторитету автора, и осталось до сего времени во всей его силе. Несмотря, однако, на глубокие знания и авторитет покойного ученого во всех вопросах, касающихся Золотой Орды, и в особенности подобных настоящему, чему ярким подтверждением служит уже упомянутое его исследование о Сарае, трудно согласиться с подобным взглядом на Гулистан, тем более что данные, которыми пользовался он, остались те же и до сих пор, и только нумизматические факты пополнились новым материалом, но и они были ему известны, хотя и позже, частью из трудов Френа, частью из собственных и его ученого собрата П.С. Савельева, однако нигде нет указания, чтоб он отказался от такого мнения о Гулистане, несмотря на то, что в одном из последующих трудов своих <Григорьев 1850: 34, № 12> он описывает не только гулистанские монеты с эпитетом «город», но еще с редким случаем названия этого монетного двора «столицей» *دار الملك*, в сокращении просто *ملك*.

Прямые указания на Гулистан и вообще все известные о нем данные делятся на две категории: на памятники письменные и данные нумизматические. Исторических сведений о нем нет.

Рассмотрим, прежде всего, памятники письменные: их очень немного – всего два, но тем не менее они имеют большое значение. Первый из них – это договор, заключенный Джанибеком I с венецианцами в 748 году хиджры, т. е. в 1347 году и датированный Гулистаном – «*dado in Gulistan*» <Hammer-Purgstall 1840: 519>. Второй – ярлык, данный женою того же Джанибека Тайтуглою (Тайдула русских летописей) митрополиту всея Руси Св. Алексею в 756 году (1356). Место дачи его – Гулистан <Григорьев 1876: 235>. Сюда же можно отнести и указание арабских писателей, что в Египте в XIV столетии в немалом числе эмиров и должностных лиц (которые носили название тех мест, откуда они были родом) между прочим были: «крымец» (القري)⁶, «сараец» (السراي), «гулистанец» (الكليستاني), «маджарец» (الماجري) и др. Судя по этим названиям, они были родом из стран или *городов*, подвластных Золотой Орде <Тизенгаузен 1884: XII>. Хотя все эти данные и немногочисленны и не дают прямого ответа на вопрос, чем считать Гулистан, городом или дворцом, однако едва ли он мог быть чем иным кроме города. Документы такого рода, как договоры и ярлыки, навряд ли могли датироваться временным или случайным местопребыванием, если только это не был какой-нибудь столичный город, когда тут же была сама столица, средоточие всей власти; по крайней мере, во всех известных нам официальных актах, совершенных золотоордынскими ханами, подобного примера не находится. Другое дело время военное, поход. Тогда, нет сомнения, приходилось довольствоваться тем местом, где в данный момент находилась ханская ставка, но и тут ставилось всегда одно и то же обозначение – *Орда* (лагерь), иногда с более точным определением места.

Гораздо полнее и убедительнее данные нумизматические.

В первый раз Гулистан встречается на монете Узбек-хана, битой в 727 году (1326)⁷; затем известны гулистанские монеты Джанибека I (751, 754 и 756), Бирдибека (759–761), Кульны (760–761), Хизра (760–762), Ноуруза (761), Мюрида (762–765), Мир-Пулада (764–766), Пулад-ходжи (766), Джанибека II (767), Пу-

⁶ Вероятно, имеется в виду написание القرمى . – Прим. ред.

⁷ У Григорьева в статье о Сарае <Григорьев 1876: 273> показан Гулистан в первый раз на монете Джанибека 752 г. (1352).

лад-Тимура (768), Азиз-Шейха (766–768), и в последний раз это место чекана является на медной монете Токтамыша 797 года (1397)⁸. Таким образом, период существования Гулистана как монетного двора равняется 70 годам, – времени более чем достаточному и для города, в такую бурную эпоху, не только для какого-нибудь дворца! (У Григорьева показан лишь 15-летний период и это, конечно, влияло на его суждение о Гулистане.) За такое продолжительное время, богатое нумизматическими данными, в особенности в 760-х годах, – вероятно, цветущий период Гулистана, – этот монетный двор сопровождается на монетах таким количеством и разнообразием эпитетов, что в этом отношении он, по справедливости, стоит выше всех остальных монетных дворов Золотой Орды, не исключая и Сарая, и Крыма, наиболее богатых прозвищами после него. Эпитеты эти, по своему значению, играют первенствующую роль при определении характера этого места чекана, и потому интересно рассмотреть их подробнее.

По хронологическому порядку раньше всего является эпитет «город» – بلد на уже упомянутой монете Узбека 727 г. Затем он встречается на монете Джанибека I 751 г., Бирди-бека 759–760 г., Кульны 760–761 г., Ноуруза 761 г., Хизра 760–762 г., Мюрида 763–764 г., Азиз-Шейха 767–768 г. и Пулад-Тимура 767 и 768 г., т. е. в течение 40 с лишним лет. Следующий по времени вариант – просто «Гулистан» گلستان, без определения и дополнения. Такого рода монеты известны от Джанибека 761, 754 и 756 гг. до Токтамыша на указанной выше монете 797 г. При Джанибеке I же появляется эпитет «Новый» – الجديد и известен еще у Джанибека II (без дат), Пулад-Ходжи 766 г., Азиз-Шейха и Мир-Пулада (без дат). Остальные: «Присарайский» – لسرای или گلستان السرای встречается лишь на монете Мюрида 763 и 764 г.; «Многочисленный» – المعمور при Азиз-Шейхе в 768 г.; при нем же Гулистан имеет звание «Богохранимого» – المحروسه на монете 767 и 768 г. и эпитет «Столица» – دار الملك, сокращенно просто ملك на монете 766 г., эпитет, указанный самим Григорьевым⁹. Таким образом, Гулистан обладает не только всеми обыкновенными эпитетами монетных дворов Золотой Орды, каковы «Город», «Богохранимый» и «Новый», но имеет еще три оригинальных, исключительно ему одному принадлежащих – «Многочисленный», «Присарайский», «Столица». Нет сомнения, что какой-нибудь дворец или пригород не могли иметь столько определений и что только одни города имели на них право. Самое значение всех приведенных эпитетов не оставляет в том никакого сомнения. Звание «столицы» и «города», конечно, дворцу принадлежать не могло, «многочисленный» тем более, а эпитет «Богохранимый», как свидетельствует сам Григорьев <Григорьев 1876: 267>, «давался лишь столицам или большим городам, обильным мечетями или святыми». Что же касается до «Нового Гулистана», то Григорьев, как уже было упомянуто, считает его также дворцом на противоположном простому «Гулистану» конце Сарая, но не приводит в пользу такого мнения никаких доказательств. Если это так, зачем же Сарая два дворца одного и того же имени? Неужели ради одного значения этого названия – «Цветник» или «Сад роз»? Отчего же восточные писатели, описывая довольно подробно Сарай, ни слова не говорят о таких дворцах, но все в один голос называют лишь дворец Алтун-Таш? Не будет ли

⁸ У Григорьева <Григорьев 1876> 767 год (1367), то есть в течение всего 15 лет.

⁹ См. <Григорьев 1850: 34, № 12>.

проще объяснение, что «Новым Гулистаном» была названа вновь застроившаяся часть этого города, и сделано это из подражания Сараю? Что «Новый» имел такое значение – тому примеры есть и у нас в виде Старой и Новой Казани, Старого и Нового города в Нижнем Новгороде, а в Золотой Орде в Новом Сарае и Новом Крыме¹⁰. К тому же и эпитет этот тянется на гулистанских монетах более 20 лет от Джанибека I до Азиз-Шейха, и город мог действительно раскинуться за это время, а если этого и не случилось, то, опять повторяю, прозвание «Новым» могло быть просто подражанием. Возвращаясь к мнению, что Гулистан был дворец, можно указать еще на следующее обстоятельство: есть еще монеты некоторых ханов, битые в Сарае и других местах чекана Золотой Орды, но не обладающих ни одним экземпляром гулистанских монет¹¹! Если Гулистаны были дворцами в Сарае, отчего же эти ханы не били там своих монет?

Все вышеприведенные данные и соображения решительно и ясно говорят, что Гулистан был самостоятельный, вероятно небольшой, город Золотой Орды, а «Новый Гулистан» – его новейшая часть или какой-нибудь новый квартал, названный так из подражания Сараю, Крыму и др. Окончательно решить последний вопрос и вообще вопрос о значении эпитета «Новый» может лишь исследование о том, как было поставлено монетное дело в Золотой Орде, предмет до сих пор никем еще не затронутый. Если допустить мысль, что монетные дворы отдавались на откуп частным лицам, а на это можно найти намеки, то, конечно, чем больше было монетных дворов, тем выгоднее было это арендаторам, и тогда, например, «Новый Гулистан» обозначал лишь другой монетный двор в том же городе, но в другом, *новом* месте.

Из числа только что приведенных эпитетов Гулистана один был как бы оставлен без внимания при дальнейшем исследовании – это название Гулистана «Присарайским». Эпитет этот послужил Григорьеву одним из наиболее важных доказательств в пользу его мнения, что Гулистан был дворцом в Сарае <Там же: 274>. Действительно, он кажется более других основательным, и даже признавая Гулистан городом, можно счесть «Гулистан Присарайский» дворцом близ Сарая, названным так в отличие от самого города, но, конечно, только при Мюриде, т. е. тогда, когда Гулистан является с таким эпитетом. Весьма возможно, что и дворец этот существовал только пока царствовал Мюрид.

Если для определения значения Гулистана оказалось достаточно данных, и притом данных убедительных, то для указания его местоположения не найдется никаких фактов, могущих помочь в разрешении этого вопроса. Приходится ограничиваться одними лишь соображениями и гипотетически делать выводы из сцепления некоторых косвенных данных. Но хотя этот путь самый неверный и далеко не всегда приводит к желанным результатам, однако в данном случае он единственно возможный и, по-видимому, оправдывает, до известной степени, возлагаемые на него надежды.

¹⁰ В.Г. Тизенгаузен сообщил мне, что при чтении одной рукописи Эльмарии он встретил указание на название *вновь застроившейся* части одного города الجدید, а старая часть стала с тех пор называться القديم.

¹¹ Например, Тимур-Ходжи, Орду-Мелика, Абдуллаха, всех от Хассана до Арабшаха включительно и всех после Токтамыша.

Как выше уже было упомянуто, Френ помещает Гулистан вблизи Сарая. Покойный ученый всегда так строго относился ко всему, что писал, так тщательно взвешивал каждое свое слово, прежде чем решался высказать его, что можно безбоязненно взять это указание, несмотря на его неопределенность, за точку отправления и искать Гулистан вблизи Сарая. Конечно, в данном случае *вблизи* вовсе не показывает расстояния *очень близкого* к Сараю, как это понял Гаммер: города Золотой Орды так далеко отстояли друг от друга¹², что близость тут является лишь относительная. Взгляд на недалекое расстояние этих двух городов между собою, собственно, не отвергает и Григорьев. На стр. 273 исследования о Сарае он говорит: «С большей уверенностью пригородом Сарая или отдельным дворцом невдалеке от него, или даже *небольшим городком, в некотором от него отдалении*, следует почтить Гулистан». Однако вслед за тем, приведя уже известные нам данные, он делает не совсем ожидаемый вывод, что Гулистан был дворец, оставляя совсем предположение только что упомянутое, что он мог быть и небольшим городком. В другом месте, на стр. 320, указывая опять-таки на близкое соотношение между Сараем и Гулистаном, он отмечает как интересный факт, что при раскопках в местности Сарая г. Терещенко главное количество найденных там монет принадлежало Новому Сараю и Гулистану, и говорит: «Значит, новосарайская и гулистанская монета была в Сарае монетой местной, потому что только местная монета могла обращаться между жителями Сарая в таком обилии, в каком найдена там новосарайская и гулистанская», и опять приводит это в доказательство своего мнения. Вывод несколько рискованный, и скорей можно это обстоятельство рассматривать как подтверждающее только близость Гулистана к Сараю, но никак не нахождение первого в последнем. Таким образом, можно, кажется, сделать окончательный вывод, что Гулистан был в недалеком расстоянии от Сарая. Где же именно искать его и как определить эту удаленность расстояния? Сперва отвечу на второй вопрос. Те данные о городах Золотой Орды, которые находятся у историков, свидетельствуют, что в обширной монархии Джучидов городов было мало, и были они многонаселенны, а показанное у них расстояние между этими городами оказывается не менее десяти дней пути. Так, между Сараем и Укеком, Булгаром и Укеком же, Сараем и Сарайчуком по десяти дней, между Булгаром и Сараем двадцать дней, между Сараем и Хорезмом сорок дней пути, а между приволжскими и крымскими городами, конечно, и того больше¹³. Отсюда расстояние, измеренное меньшим количеством дней пути, т. е. приблизительно менее 400–500 верст, будет уже близким. Это уже облегчает наши поиски местонахождения Гулистана. Ближайшими пока развалинами какого-нибудь татарского города к Сараю следует считать место так называемое Селитряный Городок или урочище Джигит-Хаджи, Астраханской губернии, Енотаевского уезда. Что тут был действительно когда-то город Золотой Орды, подтверждается исследованиями Палласа, Клапрота, Мюллера, Рыбушкина, осматривавшего это место по поручению правительств в 1839 году, Саблукова, Леопольдова и Гаммера, которые предполагали здесь Сарай или Но-

¹² <Тизенгаузен 1884>: Ибн-Батута, Эль-Муфаддаль, Эль-Омари и др. Расстояния – от 10 до 40 дней пути, а иногда и более.

¹³ См. предыдущ. прим.

вый Сарай <Там же>, Шеньяна <Шениан 1852>, произведшего здесь раскопки в 1851 году и вывезшего отсюда плиту с мозаичными арабесками, и наконец Григорьева, который, впрочем, не находит в развалинах Джигита следов какого-нибудь города, а считает их большим кладбищем <Григорьев 1876: 329, 321>, хотя раньше и присоединялся к вышеприведенным мнениям и др. Как бы там ни было, но важен тот факт, что развалины Селитряного Городка содержат в себе несомненные следы существования тут небольшого золотоордынского города. Гмелин измеряет развалины Селитряного Городка тремя верстами в длину и двумя верстами в ширину, а у Палласа, в его «Путешествии», сохранилось описание этих развалин <Паллас 1788: 143–146>, которое я считаю интересным повторить здесь:

«Старинный Селитряный Городок, – говорит он, – стоит на середине цепи холмов, на десять верст простирающейся, на коем вдоль Ахтубе¹⁴, в ширину на версту или на две, ничего не видно кроме щебня и следов от зданий или кирпичом выложенных рвов, бывшего здесь доселе *знатного Ногайского города*. Небольшая, для прикрытия селитряной работы построенная, но ныне, со всеми находящимися в ней строениями, в крайний упадок пришедшая крепость, лежит на том холму, на котором, вероятно, главнейшее и великолепнейшее строение города и, как кажется, большой стеною окруженный замок находился. Там видны еще великие остатки от двух зданий, из коих великолепнейшее, по случаю новой селитряной работы и от желания искать богатств от развалин, в коих оное находилось, очищено было; другое же, судя по оставшимся следам, кажется, было жилым домом со многими небольшими отделениями. Первое строение, по оголившимся стенам основания и по сводам могил, из коих доселе великие богатства и гробы, совершенно серебром обитые выкапывали, ни за что иное почитать можно как за могилу, в которой погребен какой-нибудь хан, или за памятник, с часовнею построенный. Все здание представляет вид продолговатого четырехугольника от северо-востока к юго-западу, в длину на 12 сажений, а по фасаду в южную сторону простирающемуся, по-видимому, почти девять сажений с половиною в ширину имеет. В нем ясно приметны два почти равные отделения, из коих к северу лежащее заключало в себе настоящую могилу, где еще видны открытые гроба. Напротив того, южное отделение, особливо по фасаду, которого стену в высоту почти девять сажений, а основание в толщину более двух локтей имеет, было украшено готическими пиластрами, столбами и сводами, коих остатки еще донныне видны. На всех еще поныне оставшихся стенах, кои из прекрасных кирпичных плит, весьма правильно построенных, видно великолепие и красота, какой я еще нигде при татарских развалинах не видывал. Внешняя сторона стен, не только по некоторым пространствам, во всех уступах с муравлеными украшениями из глины зеленого, желтого, белого и синего цвета треугольниками и другими фигурами украшена, но также на главнейшем фасаде сего строения приметны остатки готической щекатуры, которая такими же муравлеными фигурами, представляющими цветы улиткового изображения, даже целыми изразцами наподобие мозаики украшена была. Но время, а еще более корыстолюбие черни, давно уже преобратили все сии достопамятные остатки древности в

¹⁴ В оригинале: вдоль Ахтубѣ. – Прим. ред.

груды камня. До сего целые суда нагружали кирпичом и перевозили в Астрахань, причем ради затверделой извести при разбирании целых строений, чтобы получить тысячу целых кирпичей, по крайней мере две тысячи разбивано и в щебень превращаемо было. Еще и поныне слышно о монетах и драгоценностях, кои прежде сего здесь собираемы и выкапываемы были, но было ли много из того спасено от грубого корыстолюбия и перешло ли в руки настоящих любителей или в хранилище отечественных древностей, какое находится при Императорской Академии Наук, – я сомневаюсь. Около полуторы версты от Селитряного Городка, к северу, достопамятен большой, ныне совершенно разрытый курган, к которому кундуровские и другие татары, когда только близ онога бывают, суеверием побуждаемые, ходят по обещанию для отправления при оном молитв; ибо, по их преданию, погребен там один святой из их веры. По той причине называют они сие место Джигит-Хаджи, отчего происходит также и то, что Селитряный Городок называют многие вообще именем Джигит».

Таково подробнейшее и, кажется, единственное полное до сих пор описание этой местности. Последнее замечание Палласа о кургане Джигит-Хаджи и дало, вероятно, повод Григорьеву сказать, что развалины Селитряного Городка только показывают кладбище, но никак не город; точно так же он указывал и на находку серебряных гробов, как на доказательство того же. Однако описание Палласа вовсе не дает повода отрицать существование на этом месте города, а вышеприведенные предположения ученых, до сих пор еще не оставленные, – что тут был Сарай, как я уже сказал, – достаточно убедительны, чтобы признать здесь город. Факт нахождения серебряных гробов крайне интересен. Это уже второй пример тому, что золотоордынские ханы избирали определенное место для своего погребения. Главным некрополем был Сарайчук <Григорьев 1876: 319, прим. 92>, там был похоронен Джанибек, Бирдибек и др.; теперь мы имеем второй некрополь – Селитряный Городок, который был, быть может, местом вечного упокоения Узбека, умершего в Новом Сарае¹⁵, а вовсе не Сарайчук, как утверждает Григорьев <Там же>. На расстоянии 200–300 верст в окружности эти развалины – ближайшиe к Сараю. Правда, сравнительно недалеко от него был Маджар и Хаджи-Терхан (Астрахань), но, во-первых, их местоположение уже найдено, а во-вторых, они появляются и в истории, и на монетах Золотой Орды очень поздно: Хаджи-Терхан при Мохаммеде Булаке в 772 г., а Маджар, хотя первый раз и известен на монете Токтогу 710 года, но вслед за тем исчезает на 60 лет и вновь появляется лишь при том же Булаке в 774 году; да и развалины обоих Маджаров известны <Шестаков 1884>. Расстояние от Селитряного Городка до Сарая Григорьев <Григорьев 1876: 306> исчисляет в 220 верст или около четырех дней пути; в сравнении с вышеприведенными расстояниями между городами Золотой Орды эти четыре дня пути окажутся совсем незначительными, и место, находящееся от Сарая в таком расстоянии, легко может быть названо – конечно, относительно – *близким* к Сараю. Отсутствие другого более подходящего места и более точных указаний на местоположение Гулистана дает мне возможность сделать предположение, что город Гулистан находился на месте нынешнего Селитряного Городка. Конечно, подобное помещение Гулистана на месте Селитряного

¹⁵ <Тизенгаузен 1884: 447>: XXII Эльсади.

Городка не более как предположение, в особенности ввиду упорно поддерживаемого некоторыми учеными мнения о нахождении здесь Сарая, и весьма возможно, что вновь открытые данные заставят отказаться от этого мнения, но пока, при всей скудости данных, это предположение, как кажется, более возможно.

Литература

- Брун 1878 – *Брун (Брунь) Ф.К.* О резиденции ханов Золотой Орды до времени Джанибека I (О резиденции ханов Золотой Орды до времени Джанибека I) // Труды III Археологического съезда в России. (Труды III (3) археол. Съезда въ Россіи.) – Т. I. – Киев (Кіевъ): Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1878. – С. 327–336. {*F.K. Brun / Ph.J. Bruun.* On the residence of Khans of the Golden Horde before Jani Beg I (Janibek I) // Proceedings of the 3rd Archaeological Congress in Russia. – Kiev: The Printing House of St. Vladimir Imperial University, 1878. – Vol. 1. – PP. 327–336.}
- Григорьев 1850 – *Григорьев (Григорьевъ) В.В.* Описание клада из золотоордынских монет, найденных близ развалин Сарая (Описание клада изъ золотоордынскихъ монетъ, найденныхъ близъ развалинъ Сарая) // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. – СПб., 1850. – Т. II. – № 12. {*V.V. Grigoriev (Grigoryev).* A description of the coin hoard of the Golden Horde found near the ruins of Sarai // Notes of the Saint Petersburg Archaeological-Numismatic Society. (Notes (Proceedings) of the Archaeological and Numismatic Society of St. Petersburg.) – Saint Petersburg, 1850. – Vol. 2. – No. 12.}
- Григорьев 1876 – *Григорьев (Григорьевъ) В.В.* Россия и Азия. (Россия и Азія, сборникъ.) – СПб., 1876. {*V.V. Grigoriev.* Russia and Asia. (A compendium.) – Saint Petersburg, 1876.}
- Паллас 1788 – *Паллас (Палласъ) П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства (Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства). / Пер. В. Зуева. – СПб.: Типография Императорской Академии наук (Печатано при Императорской Академіи Наукъ), 1788. – Ч. III. – Пол. II. [1772 и 1773 годов (годовъ)]. {*P.S. Pallas.* Travels through various provinces of the Russian State / Translated by V. Zuyev. – Saint Petersburg: Printed at the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1788. – Part 3. – Half 2. [of 1772 and 1773].}
- Саблуков 1884 – *Саблуков (Саблуковъ) Г.С.* Укек (Укекъ) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. (Извѣстія Общества археологіи, історіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.) – Т. III. – Казань, 1884. – С. 298–322. {*G.S. Sablukov.* Ukek // Bulletin of the Archaeology, History and Ethnography Society at Kazan University. – Vol. 3. – Kazan, 1884.}
- Саблуков 1895 – *Саблуков (Саблуковъ) Г.С.* Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. (Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства.) – Казань, 1895. {*G.S. Sablukov.* An Essay on (A Sketch of) the internal state of the Kipchak (Cuman) Kingdom (Realm). – Kazan, 1895.}
- Тизенгаузен 1884 – *Тизенгаузен (Тизенгаузенъ) В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. (Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ історіи Золотой орды В. Тизенгаузена.) – Т. I. Извлечения из сочинений арабских. (Извлеченія изъ сочиненій Арабскихъ.) – СПб.: Издано на иждивение (иждивеніе) Графа С.Г. Строганова, 1884. {*V.G. Tiesenhausen / E.W. von Tiesenhausen.* A compendium of materials (data) related to the history of the Golden Horde. – Vol. 1. Extracts from Arabic works. – Saint Petersburg: Edition is sponsored by Count S.G. Stroganov, 1884.}
- Шениан 1852 – *Шениан (Шеніанъ) И.* О составе мозаичных арабесок у Татар Золотой Орды (О составѣ мозаичныхъ арабесокъ у Татаръ Золотой Орды) // Записки Императорского Русского археологического общества. (Записки Императорскаго Русскаго археологическаго общества.) – 1852. – Т. IV. – С. [переч. засѣд.] 119–121. {*I. Shenian.* On the composition of the mosaic arabesques of the Tatars of the Golden Horde // Notes (Proceedings) of the Imperial Russian Archaeological Society. – 1852. – Vol. 4. – PP. [proceeding lists] 119–121.}
- Шестаков 1884 – *Шестаков (Шестаковъ) П.Д.* Напоминание о древнем городе Маджаре (Напоминаніе о древнемъ городѣ Маджарѣ) // Труды IV Археологического съезда. (Труды IV Археологическаго съѣзда.) – Казань, 1884. – Т. I, отд. истор. геогр. – С. 3–16. {*P.D. Shestakov.* A reminder of Majar, an ancient city // Proceedings (Works) of the 4th Archaeological Congress. – Kazan, 1884. – Vol. 1. – Hist.-geogr. Section, PP. 3–16.}

-
- Шпилевский 1884 – *Шпилевский С.М.* Город Булгар (Городъ Булгаръ) // Труды IV Археологического съезда. (Труды IV Археологического съезда.) – Казань, 1884. – Т. I. – Отд. истор. геогр. С. 21–39. {*S.M. Shpilevskiy. The City of Bulgar (Bolgar) // Proceedings (Works) of the 4th Archaeological Congress. – Kazan, 1884. – Vol. 1. – Hist.-geogr. Section, pp. 21–39.*}
- Fraehn 1832 – *Fraehn Ch.M.* Die Münzen der Chane vom Ulu Dschutschi's oder von der goldenen Horde, nebst denen verschiedenen anderen Muhammedanischen Dynastien im Anhang, aus der Sammlung des <...> Prof. C. v. Fuchs zu Kasan <...> [Монеты ханов Улус-Джучи (Улуса Джучи) или Золотой Орды, а также монеты различных других мусульманских династий, представленные в приложении, из коллекции профессора К. фон Фукса из Казани]. – St. Petersburg: W. Graeff–Leipzig: C. Knobloch, 1832. (In German.)
- Hammer-Purgstall 1840 – *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland [История Золотой Орды в Кипчаке, или Монголы в России]. – Pesth: C.A. Hartlebens Verlag, 1840. (In German.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 183–203. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 930.85

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-183-203

РАССКАЗ ИБН-АЛ-БИБИ О ПОХОДЕ МАЛОАЗИЙСКИХ ТУРОК НА СУДАК, ПОЛОВЦЕВ И РУССКИХ В НАЧАЛЕ XIII В. (ЧЕРТЫ ИЗ ТОРГОВОЙ ЖИЗНИ ПОЛОВЕЦКИХ СТЕПЕЙ)^{1,2}

А.Ю. Якубовский

Для цитирования: *Якубовский А.Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) // *Российская тюркология*. 2024. № 3–4 (44–45). С. 183–203. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-183-203.

Ibn al-Bībī's story of Anatolian Turks' military expedition against Sudak, Polovtsians (Cumans) and Russians in the early 13th century (some traces of the trading life of the Polovtsian steppes)

A.Yu. Yakubovskiy

For citation: *Yakubovskiy A.Yu.* Ibn al-Bībī's story of Anatolian Turks' military expedition against Sudak, Polovtsians (Cumans) and Russians in the early 13th century (some traces of the trading life of the Polovtsian steppes) // *Russian Turkology*. 2024. № 3–4 (44–45). P. 183–203. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-183-203.

Тридцать три года тому назад покойный ориенталист-тюрколог П. Мелиоранский поместил в первом томе «Византийского Временника»³ статью под заглавием «Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII вв.» <Мелиоранский 1894>. В этой статье П. Мелиоранский привел в переводе и пересказе содержание нескольких глав, относящихся к истории Конийского султаната и его сношений с византийцами. Автор упомянутого Сельджук-намэ известен под прозвищем Ибн-ал-Биби. Настоящее же его имя Насир-ад-дин-Яхья-ибн-Мухаммед. Для своей статьи П. Мелиоранский воспользовался турецким

¹ Перепечатано с: *Якубовский А.Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) // *Византийский Временник*. – Л., 1928. – Т. XXV. – С. 53–76.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены по современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим. ред.*

³ Доклад, прочитанный в подкомиссии для изучения связей Древней Руси с Византией и Востоком, 4 июня 1927 г.

переводом Ибн-ал-Биби, который в 1891 г. был издан известным ориенталистом Houtsma. В конце своей статьи П. Мелиоранский говорит, что у Ибн-ал-Биби есть сведения о походе турок во времена султана Ала-ад-дина Кейкобада на Судак, кипчацкую (половецкую) степь и русских. Однако сам он этого вопроса не разработал. Статья П. Мелиоранского напечатана в 1894 г. В 1902 г. появился и персидский текст сочинения Ибн-ал-Биби под названием «История Сельджукской династии», изданной тем же Houtsma в IV томе «Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjucides». Однако это был не оригинал, а так называемый мухтасар, т. е. сокращенная переработка его, произведенная неизвестным лицом. Издавая этот сокращенный текст, Houtsma еще не знал, что в Константинополе хранится оригинал произведения Ибн-ал-Биби в единственной рукописи (Ауа Софуа № 2985)⁴. Автор этого сочинения, носящий, как выше сказано, прозвище Ибн-ал-Биби, является младшим современником султана Ала-ад-дин Кейкобада (1219–1236), служил при его преемниках, занимая видный пост, и умер в 670 г. х. (= 1272 г. н. э.). Как очень близкий ко времени событий человек, Ибн-ал-Биби, несмотря на большую склонность к риторике, заслуживает особого внимания. В мухтасаре (сокращенной переработке), изданном Houtsma, рассказу о походе турок-сельджуков на Судак, половцев и русских отведено 12 печатных страниц. Ввиду риторических длиннот указанного текста я счел более целесообразным дать его не в переводе, а в пересказе, который бы, сохраняя рассказ в его существенных для истории деталях, в то же время был свободен от ненужных пышных фраз.

Рассказ о причине, побудившей султана (Ала-ад-дин Кейкобада) к завоеванию кипчацкой степи и к захвату Сугдака рукой Хусам-ад-дин Чупана

Когда султан Ала-ад-дин Кейкобад из столицы в Кесарию прибыл, к суду явился некий купец, который много путешествовал по торговым делам как по суше, так и по морю. Прослышал он как-то о хороших условиях торговли в странах кипчаков (половцев) и русских и решил отправиться туда с товарами. Когда он достиг переправы Хазарской, на него напали и все товары отняли. Не успел он окончить своей речи, как другой купец начал свое печальное повествование и рассказал, что он из Халеба отправился по направлению к Кесарии. Когда он проходил вилайет Лейфуна (Льва II), на него также напали и все имущество отняли. Рассказал свою печальную повесть и третий купец. Он нагрузил в Анталии свои товары на судно и предпринял морское путешествие. На него напали франки и не только отняли товары, но и самого его забрали в плен. Султан, услышав просьбу о помощи, разгневался, велел вознаградить купцов, приказал снарядить войско, поставил во главе его амира Хусам-ад-дин Чупана, который был главным амиром и полководцем государства, и послал в сторону г. Сугдака.

Рассказ о проезде войска султана через Хазарское море под командой Хусам-ад-дин Чупана

Султан пробыл еще некоторое время в Кейкобадии-Кесарии, где и выжидал известий о победах. Когда войско, идя по направлению к Хазарии, прошло море,

⁴ <Encyclopaedia 1927: 369>, под словом Ibn-Bibi.

жители Сугда (Сугдака) увидели, что плывет большое войско. Они немедленно отправили к Хусам-ад-дину посла, которому поручили сказать следующее. «Мы верные слуги и исполнители приказа султана. Неведомо нам, по какой причине послано большое войско. Если в уплате баджа и переправ (пошлины за переправы) обнаружился некоторый недосмотр, то пусть султан штраф наложит; если же султан поход на русских предпринял, то мы согласны дать ему в помощь нашу молодежь, которая будет хорошо сражаться». Одновременно власти Сугдака отправили гонца в степи к кипчацкому хану. Когда флот с войсками турок-сельджуков приблизился к берегу, тотчас же хан кипчацкий отправил посла с уведомлением к князю русскому. В результате из русских и кипчаков составили войско в 10.000 всадников и поджидали, какой ответ принесет посол сугдиан (жителей Сугдака), отправленный к Хусам-ад-дин Чупану.

Когда вышеупомянутый посол явился к главе амиров, то в речи, обращенной к нему, выразил надежду, что войско турок-сельджуков повернет и возвратится назад, обещав с своей стороны, что жители Сугдака постараются исправлять все недосмотры. В конце речи он предложил 50.000 динаров в качестве «сбора на подковку лошадей» войска. Глава амиров Хусам-ад-дин речью этой возмутился и заявил, что он прибыл не для того, чтобы, благодаря золоту, стать недостойным, добавив, что с непокорными он поступит сурово, а подчинившихся – наградит. Таким образом посол ни с чем возвратился домой (в Сугдак). Войско же султана благополучно пристало к берегу, куда и перенесло свое снаряжение. Амир Хусам-ад-дин пир устроил и до полуночи предавался с амирами веселью. Под утро явился с передового поста всадник и заявил, что показались отряды вражеского войска. Хусам-ад-дин приказал бить военный сбор и начать сражение раньше, чем врагам придет помощь со стороны русских и Саксина. Утром произошло сражение, которое не дало, однако, победы ни той, ни другой стороне. В рядах кипчацкого войска сражались и русские. Прерванное ночью сражение возобновилось с новой силой на следующий день. На этот раз победа окончательно склонилась на сторону сельджукского войска. Кипчаки были наголову разбиты и бежали.

Рассказ о подаче слезной просьбы князем русских и попытке его заключить мир с главой амиров Хусам-ад-дин Чупаном, да будет милосерд к нему бог

Когда русский князь узнал о гибели кипчацкого войска, то пришел к заключению, что он не в силах сражаться с победоносным сельджукским войском. Поэтому он решил отправить к Хусам-ад-дин Чупану посла мудрого и изворотливого, которому и вручил грамоту следующего содержания: «Слышал я, что Хусам-ад-дин пришел с войском. Не знаю, по какой причине явилось оно и кто враги. Если войско кипчацкое от глупости впало в заблуждение, то я остаюсь верным рабом султана Ала-ад-дин (Кейкобада), каковым вы меня всегда и считайте. Просьба моя в том, чтобы Хусам-ад-дин сообщил об этой моей покорности султану». С послом русский князь отправил к Хусам-ад-дин Чупану большие подарки, состоящие из лошадей и русского льна и 20.000 динаров. Когда русский посол к ставке Хусам-ад-дина подошел, то пришел в безмолвное состояние от окружающего великолепия и смог только сказать – о боже! Узнав о прибытии посла, Хусам-ад-дин приказал его с почетом встретить и отвести ему подобающую

его положению палатку. На следующий день русскому послу был устроен торжественный прием. Когда его к Хусам-ад-дину ввели, то он лицо к земле приложил и послание вместе с подарками вручил. Глава амиров подарки принял и тотчас же войску роздал. Посла три дня продержали без ответа. На четвертый Хусам-ад-дин собрал амиров и сказал им следующее: «Русский посол льстивость проявил и счел обязательным выплату баджа и хараджа. Следует и нам честь нашей власти поддержать и довести об этом до сведения султана». Амиры выслушали мнение Хусам-ад-дина и одобрили его. Он приказал привести русского посла, выразил ему в вежливых выражениях удовлетворение по поводу высказанной русским князем дружбы, одарил его подарками, великолепным халатом и шитой золотом султанской шапкой, вручил ему грамоту, составленную в дружеских выражениях, и отправил домой. После этого он отправил большое количество добычи в Синоп и Кастоманию.

Рассказ о завоевании Сугдака Хусам-ад-дин-амир Чупаном в дни царствования султана Ала-ад-дин Кейкобада.

Когда сугдиане слышали о разгроме кипчацкого войска, то пали духом. Тем не менее, принялись за приготовление к защите города. Спустя неделю Хусам-ад-дин расположился со своим войском у ворот города. Рано утром началось сражение, с ожесточением бились с обеих сторон. На другой день сражение возобновилось с новой силой. Осажденным городом были введены в бой пехота и конница; сражались нефтью, черхами, стрелами и камнями. Хусам-ад-дин, согласно военному обычаю мусульман, завлек мнимым поражением войска противника вдаль от города, а потом решительным натиском погнал их к городу и разбил. Когда старики города увидели, что от юношей ничего, кроме имени, не осталось, то сказали: «Если тысяча подобных юношей, хорошо обученных военному делу, твердости в сражении не проявила, то кроме мольбы и покорности другого лекарства у нас нет». Затем они отправили несколько политически опытных человек к главе амиров в качестве послов. Когда последние явились к нему, то землю поцеловали и сказали: «Хотя преступления и вины наши были очень велики, все же мы надеемся на милость главы амиров. Все, что он прикажет, исполним: уплатим харадж и бадж; путешественников, проходящих через нашу страну, удовлетворим, имущество купцов, погибших в нашей стране, вернем; все, что у нас есть, все в распоряжение его предоставим». Когда глава амиров эту мольбу услышал, то сказал: «Причина вашего несчастья – вы сами, теперь же я одного из своих приближенных отправлю к султану и попрошу прощения для вас». Когда в Сугдаке о результате посольства узнали, то очень обрадовались и всю ночь собирали имущество – скот, лошадей, материальные ценности для сдачи победителю. Наутро Хусам-ад-дин приказал войску принять парадный вид, сам же, окруженный вождями, сел впереди ставки. Из города к нему потянулись побежденные и назначенную добычу сдали. Потом он приказал снарядить остроносое судно и отправил на нем пятую часть отборной добычи с посланием к султану. Когда посланцы прибыли ко двору султана, то радостную весть о завоевании г. Сугдака, о гибели кипчацкого войска и о мире с русским князем ему сообщили. Султан на радостях приказал освободить из темницы заключенных,

а того купца, который перед его судом просил о помощи, отправил с вестниками и письмом к главе амиров. В письме он высказал благодарность как главе амиров, так и войску. Были посланы также халаты Хусам-ад-дин-амир Чупану и вождям. Кроме того, султан разрешил простить жителей Сугдака в их преступлениях и винах, однако с условием, чтобы вместо икон и колоколов, там были михраб, минбар и шариат, установленный пророком, да будет над ним благословление и мир! Отнятое у купцов они должны возвратить. Когда эти важные вести дошли до главы амиров, то он велел опубликовать султанский приказ и отдал распоряжение войску готовиться к возвращению. Войска приняли парадный вид. Был приготовлен богато отделанный минбар, глава амиров возложил на голову священный Коран, положенный на золотое блюдо, в руку взял султанский штандарт. Так с торжественностью вошли в город. На высоком месте города муэzzин произнес призыв к молитве; разбили христианский колокол и меньше чем в две недели выстроили прекрасную соборную мечеть. Установили в городе должности муэzzина, хатиба и кади. Из числа наиболее именитых граждан взяли в залог несколько юношей, и одного из вождей с отрядом воинов в городе оставили. Когда суда для отплытия были готовы, отправились к границам своей страны.

Выше приведенный рассказ представляется несомненно интересным⁵. Он привлекает к себе внимание как с точки зрения ранней русской истории, так и с точки зрения тех торговых сношений, в которые была втянута юго-восточная Европа непосредственно перед татарским нашествием. Когда читаешь этот рассказ, то первый вопрос, который встает – вопрос о точной дате самого похода, ибо год в тексте не указан. Судя по рассказу, поход Хусам-ад-дин Чупана был совершен в годы царствования сельджукского султана Ала-ад-дин Кейкобада. По таблицам Лен-Пуля, отредактированным В.В. Бартольдом, Ала-ад-дин Кейкобад вступил на престол в 1219 г. и царствовал до 1236 г. Следовательно, поход этот не мог быть раньше 1219 г. В турецком тексте Сельджук-намэ Ибн-ал-Биби есть краткое сообщение, что после ухода войска Хусам-ад-дин Чупана «неверные были спокойны до татарской смуты» <Мелиоранский 1894: 640>. Под «татарской смутой» автор, несомненно, подразумевает поход татар. Но походов татар на юго-восток Европы в начале XIII в. было два: один – в 1222–1223 гг.; другой – в 1237 г. Перед каким из этих походов произошел набег турок-сельджуков на Крым? Еще в 1885 г. Нoutsma, касаясь этого набега, сказал: «Das Datum dieses Ereignisses ist nicht chronologisch bestimmt, doch ist es warscheinlich um einige Jahre später anzusetzen, als die Ankunft der Tataren in diese Gegenden, vielleicht im Jahre 1227 г. (624)» – «Дата этого события хронологически точно не определена, но, по видимому, оно произошло на несколько лет позже, чем прибытие татар в эти края, возможно, в 1227 г.» (перевод наш – прим. ред.) <Houtsma 1885: 381>. Нoutsma не приводит ни одного аргумента в пользу своего, хотя и предполо-

⁵ В работе В.Д. Смирнова <Смирнов 1887а: 10> есть следующие любопытные строки из одного турецкого источника: «Он (Ала-ад-дин) перевез свое войско из Синопа через Черное море и завоевал в странах Дешти-Кыпчак крепость Сугдак». К сожалению, этому сообщению В.Д. Смирнов посвятил очень краткий комментарий.

жительного, мнения о 1227 г. Этому мнению последовал и академик В.Г. Васильевский в своих «Исторических сведениях о Сурож». Он привлек, кроме того, опубликованный еще в 1854 г. академиком Куником рассказ <Куник 1854: 738–746> из похвального слова св. Евгению Трапезунтскому о столкновении султана Ала-ад-дин Кейкобада с трапезунтским государем Андроником I Гидом (1222–1235), которое, по словам упомянутой хроники, произошло на второй год царствования Андроника, т. е. в 1223 г. Столкновение было, как известно, успешным для Трапезунта. По мнению В.Г. Васильевского, поход Ала-ад-дина на Судак и надо рассматривать, «как эпизод большой войны иконийского султана с царем трапезунтским» <Васильевский 1915: CLXXVI>. Так как, согласно исследованию Куника, борьба эта была закончена в том же году, что и начата, т. е. в 1223, то нельзя, рассматривая поход турок на Судак как один из эпизодов этой борьбы, отнести его к 1227 г. Более того, нельзя и вообще рассматривать этот поход как случившийся после 1223 г., ибо по словам того же рассказа (из похвального слова св. Евгению Трапезунтскому) Ала-ад-дин Кейкобад после заключения мира с Андроником I Гидом до конца дней своих был верен условиям клятвенного договора <Куник 1854: 742>, т. е. не вел никаких враждебных действий против Андроника I. Как же Ала-ад-дин мог предпринять поход на Крым, если, согласно воззрению упомянутой хроники, трапезунтский царь осуществлял верховную власть над крымскими городами? Таким образом, мне представляется, что и у В.Г. Васильевского нет веских доводов в пользу того, что поход турок на Крым был спустя несколько лет после первого нашествия татар на половцев, Судак и русских. Мне кажется, что будет правильнее, если мы отнесем поход Ала-ад-дина ко времени до первого татарского нашествия (1222–1223 г.) к годам 1221 или 1222. В пользу настоящего мнения можно привести следующие соображения.

Во-первых, известно, что турки до взятия Синопа, т. е. до 1214 г., не могли иметь флота на Черном море. За несколько лет они не могли завести своих судов, да еще в таком количестве, что могли перевезти большое войско. Сделать это они могли только с помощью греческого, в данном случае Трапезунтского флота. Получить же они его могли только до 1223 г., т. е. до времени, когда после большого военного успеха Андроник I разорвал старый договор⁶ и прекратил платить туркам дань. Как-то трудно поверить, чтобы Андроник после выгодного для него договора 1223 г. мог представить туркам суда для похода на Крым.

Во-вторых, если бы поход Ала-ад-дина на Крым был после 1222–1223 г. (т. е. после первого нашествия татар на половцев, Судак и русских), то трудно поверить, чтобы на рассказе Ибн-ал-Биби как-нибудь не отразилось свежее впечатление от грозного нашествия татар.

В-третьих, если взять самое повествование Ибн-ал-Биби о царствовании Ала-ад-дин Кейкобада в целом, то незадолго до рассказа о походе на Судак есть под 618 г. х. (= 1221 г. н. э.) рассказ о постройке вала в Конии. Затем сейчас же идет рассказ о прибытии посла к султану от халифа с просьбой снарядить 2000 всадников, ибо на востоке войска татар разбили Хорезмшаха Мухаммеда и собира-

⁶ Одним из пунктов договора была доставка туркам вспомогательного войска <Мелиоранский 1894: 635–636>.

ются идти на западные страны (стр. 107). Несомненно, что посольство это пришло к султану не позже лета 618 г. х., ибо уже в реджебе 618 г. х. (= 21 августа – 19 сентября 1221 г.) Хамадан был взят и разграблен <ИбналАсир: 249> татарами. После рассказа о посольстве халифа к султану, Ибн-ал-Биби дает несколько событий, которые вполне уместаются в рамки одного-двух лет, и переходит к описанию похода на Судак. Таким образом, все вышеизложенное приводит меня к полному убеждению, что поход этот был почти накануне первого нашествия татар, т. е. незадолго до битвы при Калке. Следует несколько остановиться и на политическом положении малоазийских турок в начале XIII в. Ибн-ал-Биби подробно рассказывает о событиях в жизни Конийского султаната. Незадолго до вступления на престол Ала-ад-дин Кейкобада, при его отце Гиас-ад-дине и брате Изз-ад-дине Конийский султанат делает большие политические успехи. Весьма ослабленная Византия в самом начале XIII в. не может быть для него опасным соседом. Ни Nikeйское царство, ни тем более Трапезунтская империя для Конийских султанов – не страшные соперники. Ибн-ал-Биби подробно описывает, как в 1214 г. султан Изз-ад-дин <Мелиоранский 1894: 635–636> овладел Синопом, городом чрезвычайно важным, как в экономическом, так и в стратегическом отношении. Трапезунтского императора, бывшего владельца Синопа, он принудил к вассальным отношениям, заставив его платить большую дань. Ежегодно в казну султана из Трапезунта должны поступать: «12.000 золотых, 500 лошадей, 2000 коров, 10.000 баранов и 500 вьюков различных подарков и драгоценностей» <Там же>. Кроме того, Трапезунт обязался в случае надобности посылать вспомогательное войско. Приведена и дата взятий Синопа – 1214 г. Приобретение Синопа открывало новые перспективы перед Конийским султанатом. По прямой линии, на противоположном берегу лежал Крым с его торговыми городами. Несомненно, что и самый поход турок-сельджуков на крымское побережье возможен был только после овладения Синопом, ибо до этого похода турки, по видимому, не обладали флотом. Думается, что и флот, который перевез турок на крымское побережье, был не турецкий, а греческий, ибо в несколько лет турки не смогли бы завести, как выше было сказано, своих собственных судов. Не подлежит сомнению, что он был большой, если через Черное море перевезены были не только люди, но и лошади, без которых нельзя было сражаться с половецкой и русской конницей.

Итак, турки-сельджуки к 20-м гг. XIII в. были уже настолько сильны, что могли предпринять такое несомненно большое и опасное предприятие, как поход на Крым и половцев. Установив с точностью до 2-х лет дату этого похода, мы должны тотчас же поставить следующий вопрос: при ком из половецких ханов и русских князей произошло это военное предприятие. Не подлежит сомнению, что это те же половецкие ханы, которые через несколько лет столкнулись с татарами в знаменитой битве при Калке в 1223 г. Новгородская летопись (по Синодальному списку) <Новгородская летопись: 216> дает нам под 1224 г. имена Котяна и Данилы Кобяковица⁷, а Ипатьевская <Ипатьевская летопись: 495> под тем же годом имя Юрия Кончаковича. Последнее имя мы имеем в китайском источнике, в официальной истории Юань-Ши, которая для русской истории имеет не-

⁷ Более часто встречается написание *Кобякович* (т. е. *Кобяковича*).

сомненно большое значение, а еще недавно, в 1914 г. А. Иванов <Иванов, Веселовский 1914: 7> опубликовал из нее на русском языке ряд извлечений, относящихся к походу монголов на Россию. Там определенно говорится, что при столкновении с татарами был убит кипчацкий (половецкий) князь, Юй-ли-ги (Юрий). Между прочим тут же встречается и имя русского князя Ми-чи-сы-лао (Мстислав). В других восточных источниках (арабских и персидских) мы не находим для этого времени имен ни русских князей, ни половецких ханов, за исключением имени некоего половецкого хана Баджмана, да и то относящегося ко времени Батыея. Благодаря русскому источнику, мы можем сказать, что главным ханом был Юрий Кончакович, ибо Ипатьевская летопись определенно говорит, что «Половецъ же ставшимъ, Юрьий Кончаковичъ бѣ болийше всихъ Половецъ» <Ипатьевская летопись: 495>. Быть может, в нашем случае, т. е. во время похода Хусам-ад-дин Чупана, он и есть тот половецкий хан, который обратился к русскому князю и с которым вместе они собрали войско в 10.000 всадников. При ком же из русских князей это было? Ответить на этот вопрос едва ли удастся. Можно только сказать словами Ипатьевской летописи <Там же>: «тогда бо бѣахуть Мьстиславъ Романовичъ въ Киевѣ, а Мьстиславъ⁸ въ Козельскѣ и въ Черниговѣ, а Мьстиславъ Мьстиславовичъ въ Галичѣ: то бо бѣаху старѣйшины в Руской земли». Однако не исключена возможность, что это был рязанский князь, ибо едва ли лен, о котором говорится в рассказе Ибн-ал-Биби, подвозился из киево-черниговского района. Более точно, быть может, скажут специалисты – русские историки. Перейдем теперь к городу Судак, куда направился турецкий флот. Кому принадлежал этот город, какую роль он играл в торговых оборотах восточной Европы в 20-х гг. XIII в., кто его населял – вот вопросы, которые невольно встают при чтении этого рассказа. Здесь опять нам помогут источники, группирующиеся около времени татарского нашествия. У Ибн-ал-Асира в его рассказе о походе Джебе и Субудая в 1222/23 г. говорится: «Прибыли они к городу Судак; это город кипчаков (половцев), из которого они получают свои товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся на земле их» <Тизенгаузен 1884: 26; Ибн-ал-Асир: 253>. Слова Ибн-ал-Асира сказаны по поводу взятия Судака в 1222/23 г., а вот что пишет проехавший через Судак в 1253 г. В. Рубруквис <Карпини, Рубрук 1911: 66>, т. е. 30 лет спустя: «Солдая (Судак), который обращен к Синоплю наискось, и туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из Руси и северных стран, и желающие переправиться в Турцию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазею (gambasio), шелковые ткани и душистые корепья». Итак, по Ибн-ал-Асиру Судак в то время – город кипчацкий. Понимать это, конечно, можно только в том смысле, что он платил дань половцам и, быть может, имел половецкого чиновника, который следил за правильным по-

⁸ В новгородской пятой летописи есть интересное указание: «А Котьянь, князь Половѣчькый, бѣ тесть Мьстиславу, князю Черниговскому» <Полн. собр. русск. летоп. 1848: 197>.

ступлением ежегодных с него доходов. В этом отношении мы имеем ряд свидетельств, что не только Судак, но и ряд других городов Крыма рассматривались как города половецкие, в вышеуказанном смысле, конечно. Так, Маркварт в своей работе о половцах приводит известное сообщение Идриси о том, что Джалита, т. е. Ялта принадлежала к стране команов (половцев) <Marquart 1914: 140>. Не подлежит сомнению, что половцы, владея крымским побережьем, умели извлекать из его богатых приморских городов большие выгоды, не столько как купцы, сколько как собиратели даней с торговых оборотов, которые совершались по дорогам и городам, находящимся в их власти. В правильности этого соображения убеждают нас следующие слова В. Рубруквиса: «На этой равнине, до прихода татар обычно жили команы и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань» <Карпини, Рубрук 1911: 68>. Но вернемся к Ибн-ал-Биби. В его рассказе есть ряд указаний, дающих нам право сказать, что Судак был хорошо укрепленным приморским городом. Это лишнее подтверждение тому, что генуэзская крепость в Судаке, которая так тщательно исследована Е.Ч. Скрябин⁹, имела своего предшественника со стенами и башнями. Кто же населял Судак? Считается, что город основан был аланами (асами) в 212 г. н. э. <Брун 1879: 122>, которые и были его первыми и главными поселенцами. Что это так – находит косвенное подтверждение и у нашего автора. Город Судак у Ибн-ал-Биби называется то Сугдак, то Сугд. Известно, что аланы – иранцы, и что Сугд – имя страны (в долине Заравшана), населенной когда-то иранцами-сугдийцами. Быть может, и правы те исследователи, которые в названии Сугдака видят отражение воспоминания о далеком Сугде, откуда они, быть может, и пришли. Что аланы жили в Судаке и во время похода Ала-ад-дин Кейкобада, видно хотя бы из того, что еще несколько десятилетий спустя египетский историк Ибн-Абд-аз-Захыр, описывая маршрут посольства Бейбарса к Берке-хану, говорит: «Потом они взобрались на гору, называемую Судак; (здесь) встретил их правитель местечка Крым, которое населяют люди разных наций, как то: Кипчаки, Русские и Аланы» <Тизенгаузен 1884: 63>.

Если аланы жили в старом Крыму в начале 60-х гг. XIII в., то жили они и в своем родном городе Судаке, который отстоял от Крыма в нескольких десятках верст. Кроме алан в Судаке жили и армяне. Брун считает даже, что армяне преобладающий элемент в Судаке в это время <Брун 1879: 138>. Жили там, наконец, русские, половцы и, по всей вероятности, хазары, которые за два с половиною века, после разгрома Святославом Итиля и хазарского царства, не растворились еще окончательно в окружающей их среде. Легче всего они могли сохраниться в городах. Что это и было так, видно хотя бы из того факта, что Карпини в столице Хорезма Ургенче видел еще много хазар <Карпини, Рубрук 1911: 24>. Несомненно, были там и византийцы. Итак, Судак в начале XIII в. есть город с крепостью и гаванью, населенный аланами, армянами, русскими, половцами, византийцами, платящий дань половцам, ведущий крупную торговлю. Куда направлена была эта торговля, по каким дорогам она проходила, какие торговые центры захватывала, в каких условиях совершалась, – таковы те вопросы, которые в пер-

⁹ В труде «Генуэзские колонии в Крыму», который, к сожалению, до сих пор не напечатан.

вую очередь нас интересуют. Рассказ Ибн-ал-Биби начинается, как мы видели, с речи мусульманского купца, выходца из сельджукского государства, жалующегося на то, что его в стране кипчаков ограбили. Уж это одно дает нам указание, что турки-сельджуки торговали через Крым с половцами и русскими, однако мы имеем прямое свидетельство Рубруквиса, проехавшего через Крым в 1253 г., который определенно подчеркивает, что до татар главная торговля через Крым и земли половцев шла между русскими и турецкими купцами. «Туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию» <Карпини, Рубрук 1911: 66>. Слова эти будут особенно оценены, если мы вспомним политическое положение Черноморья в начале XIII в. Из того же Ибн-ал-Биби ясно, что наиболее крупной силой на Черноморье являются турки-сельджуки, ибо трапезунтский владетель после потери Синопа с 1214 г. платит дань сельджукскому султану, сначала Изз-ад-дину, а потом Ала-ад-дину. Ослабление трапезунтского владения было большим ударом для крупных торговых операций, которые проходили через Трапезунт. В своей статье «Трапезунтская империя» <Успенский 1924: 28> акад. Ф.И. Успенский говорит: «Чем дальше идем к XIII в., тем находим сильнее связи Трапезунта с Крымом». Отсюда, как из транзитного пункта, шел в большом количестве русский хлеб, ибо своего в Трапезунте не хватало. Таким образом, вся торговля, которая шла из России через Крым и дальше на Тебриз, Хамадан, известная нам по Ибн-Хаукалю для X в., теперь переходит в руки турок-сельджуков. Насколько важна была для начала XIII в. торговля через Трапезунт, видно из Ибн-ал-Асира, который под 602 г. х. (1205 г. н. э.) рассказывает следующее <Ибн-ал-Асир: 160>: «Гиас-ад-дин, Хосроу-шах, владетель города Ар-Рума собрался в поход против города Трапезунта, владыка которого заперся в крепости, ибо вышел из его повиновения и стеснил его. Прекратилась по этой причине дорога из стран Рума (Малой Азии), Руси и кипчаков и других, как сухопутная, так и морская. Не приходил (после этого) в страну Гиас-ад-дина никто. Благодаря этому выпал на долю купцов большой вред, так как торговали они с ними, входили в города их и направлялись к ним купцы из Сирии, Ирана, Мосула, Джебзире и других мест, и собралось их много в Сивасе, городе обильно населенном. Так как не открывалась упомянутая дорога, то купцы испытывали большой убыток, и счастлив был тот, кто мог вернуть затраченный капитал». Вышеприведенное сообщение Ибн-ал-Асира имеет огромную историческую ценность, ибо оно не только сообщает о торговых связях Малой Азии в конце XII и начале XIII вв. с половецкими степями и русскими княжествами, но и больших размерах их. Более того, при сопоставлении с другими, уже приведенными известиями, оно дает все основания думать, что восстановленная торговля пошла теперь, если и не целиком, то главным образом через Синоп, который с 1214 г. был в руках турок-сельджуков.

Но вернемся к Судак. Он одна из главных станций на путях из Малой Азии в половецкие степи, Русь, Булгар и дальше. Что этот путь знали все на тогдашнем Востоке, лучше всего говорит тот же Ибн-ал-Асир по поводу нашествия Джеббе и Субудая в 1222/23 г.: «Пресекался было путь (сообщения) с нею (Дешт-Кипчак) с тех пор, как вторглись татары в нее и не получилось от них (кипчаков) ничего по части буртасских мехов, белок, бобров и (всего) другого, что привози-

лось из этой страны. Когда же они (татары) покинули ее и вернулись в свою землю, то путь восстановился и товары опять стали привозиться, как было (прежде)» **<Тизенгаузен 1884: 28; Ибн-ал-Асир: 254>**. Вышеприведенный отрывок русским историкам известен со времени К у н и к а, и если я его еще раз привожу, то для того, чтобы подчеркнуть, что половецкие степи знали не только грабительские набеги на окрестные культурные страны и города, но, что гораздо важнее, – правильные торговые сношения, которые даже не всегда нарушались частыми военными действиями. И настолько сильны связи с Малой Азией, что, по словам того же Ибн-ал-Асира, после битвы при Калке (1223 г.) «собрались многие из знатнейших купцов и богачей русских, унося с собой то, что у них было ценного, и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские» **<Тизенгаузен 1884: 27; Ибн-ал-Асир: 253–254>**. А несколько выше тот же автор, говоря о взятии Судака татарами Джебе и Субудая, указывает, что некоторые из жителей его «отправились в море и уехали в страну румскую, которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана» **<Тизенгаузен 1884: 26; Ибн-ал-Асир: 253>**, т. е. сельджукских султанов. В данном же случае таковым был знакомый уже по нашему рассказу Алад-дин Кейкобад. Вышеприведенные факты говорят о значительной связи, которая была между двумя берегами Черного моря – турецким и крымским – половецким. Итак, дороги из Крыма через половецкие степи шли в разные стороны: на север – в русские княжества, на северо-восток – вглубь половецких степей и через них в Булгар и, наконец, вокруг северного берега Каспийского моря в Хорезм и дальше на восток. Это что касается сухопутных дорог, ибо был и водный путь по Дону, известный так хорошо по описанию арабских географов IX и X вв. Остановимся пока на первых дорогах. Здесь было очень оживленно, ходили купцы караванами, образуя особые товарищества, которые чувствовали себя среди «дикого поля» не всегда скверно. Как выше было сказано, не всегда боялись купцы и военных действий. В этом отношении чрезвычайно показательным является следующее место Ипатьевской летописи. Под 1184 г. **<Ипатьевская летопись: 429>** после набега «оканьного, и безбожного, и треклятого Кончака» собрались русские князья в ответный поход на Половецкую степь. «Бдущимъ же имъ и устрѣтоста гости, идущъ противу себѣ ис Половецъ, и повѣдоша имъ, яко Половци стоять на Хоролѣ». Эти несколько строк являются драгоценным свидетельством русской летописи. Судя по ним, мы можем с определенностью сказать, что купеческий караван, несмотря на возможное столкновение между двумя войсками – половецким и русским, покойно прошел от одной враждебной стороны к другой. Это явление общее для торговли того времени. Неприкосновенность торгового каравана есть наиболее целесообразная форма международных отношений того времени. Да иначе быть не могло, ибо при наличии частых военных столкновений, торговый караван всегда мог натолкнуться на военные действия. Случаи нападения и ограбления караванов не так часты, как принято думать, хотя рассказ Ибн-ал-Биби и начинается с жалоб купцов на грабежи.

Половецкие степи живут в начале XIII в. интенсивной торговой жизнью, причем торгово-культурные связи имеют огромный размах. Сами половцы, по всей вероятности, не вели торговых оборотов, предпочитая, как мы выше указывали,

собирать дань¹⁰. В этом отношении инициатива была, главным образом, в руках алан, мусульман и русских. Об аланах есть статья в V томе «Византийского Временника» <Кулаковский 1898> проф. Ю. Кулаковского, под названием «Христианство у алан». В ней есть следующее, несомненно заслуживающее внимания, место. «Так аланы ... выделили из своей среды в XIII в. довольно значительный элемент торгового, т. е. тем самым городского населения, который проживал в Крыму и степях и, сближаясь с русскими и греками, с которыми связывало их единство исповедания веры, сохранял, однако, свою национальную особенность» <Там же: 16>. Наблюдение Ю. Кулаковского совершенно правильно. Образ купца-алана – очень знакомый образ в XIII в. Не говоря о Крыме и Кавказе, где их больше всего, мы встречаем алан-купцов в разных местах восточного мира: в Хорезме и Египте. Для этого стоит только обратиться к рассказу П. Карпини об Орнасе (Ургенче) <Карпини, Рубрук 1911: 24>, где он среди жителей этого крупнейшего из восточных городов встретил алан, русских и хазар. Несомненно, что три эти народности жили в Ургенче в качестве купцов. Что же касается Египта, то, по словам Ибн-аз-Захыра, египетский султан Бейбарс отправил в 1261/62 г. к золотоордынскому хану Берке письмо с одним из аланских купцов <Тизенгаузен 1884: 55>. Таких примеров можно бы привести множество, но и сказанного достаточно, чтобы подчеркнуть правильность мысли Ю. Кулаковского. Не подлежит сомнению, что аланские купцы представляли собою крупную денежную силу в торговых оборотах на юго-востоке Европы. Ходили с караванами и мусульманские купцы. Из Малой Азии, из Трапезунта и Синопа приходили они не только на крымское побережье, но и дальше в половецкие степи, в русские княжества и в Булгар. Однако главную торговую силу представляли купцы из Хорезма и Кавказа.

В Ипатьевской летописи есть любопытный рассказ под 1184 г. «Пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончак, со множеством Половецъ, на Русь, похупся яко плѣнити хотя грады Русскыѣ и пожещи огньмъ: бяше бо обрѣль мужа такового бесурменина, иже стреляше живымъ огньмъ; бяху же у них луци тузи самострелнии, одва 50 мужъ можашеть напрящи» <Ипатьевская летопись: 428–429>. В «Слове о полку Игореве» есть два характерных места. «О! далече зайде соколь, птиць бя к морю: а Игорева плъку не крѣсити. За ним кликну Карна и Жля, поскочи по русской земли смагу мычючи в пламянѣ розѣ» <Слово 1844: 98>. В другом месте сказано: «Ты бо можещи посуху живыми шерешыры стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы» <Там же: 150>. В своей статье «Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве» П. Мелиоранский <Мелиоранский 1902а: 296–301; 1902б: XXII> считает, что слово «ширешир» есть персидское слово «šir-i-čârx», что значит стрела или снаряд черха. Черхами назывались громадные луки-самострелы, о которых говорит как Ипатьевская летопись под 1184 г., так и восточные писатели <Мелиоранский 1902а: 299>¹¹. «Пламенный

¹⁰ Указанное обстоятельство несколько не противоречит тому, что половцы торговали продукцией степи, меняя ее на товары городской промышленности. Они только не брали на себя посреднических торговых функций.

¹¹ В этом же смысле слова «черх» упоминается и в рассказе Ибн-ал-Биби при взятии Судака.

рог» есть, по словам П. М е л и о р а н с к о г о, русский синоним слова «шерешир». Под «смагой» он склонен подразумевать нефть. Вышеприведенные известия чрезвычайно ценны. С одной стороны, они говорят, что половцы недурно владели военной техникой своего времени, они научились стрелять «живым огнем», т. е. нефтью, у них были метательные машины. С другой стороны, летописец с точностью указывает, что в качестве инструкторов военного дела половцы имели мусульман. Что нефть привозилась из Баку, не подлежит сомнению. Возможно, что мусульманские инструктора были с Кавказа, куда шли старые дороги, так подробно описанные арабскими географами X в. Однако более вероятно, что инструктора пришли из Средней Азии. Не надо забывать, что в то самое время, когда происходило описываемое Ибн-ал-Биби нападение на Судак, половцев и русских, войска Чингиз-хана почти закончили завоевание всей Средней Азии. Стоит только обратиться к Рашид-ад-дину, богатейшему источнику сведений о XIII в., чтобы убедиться, что военная техника у них была на уровне жителей культурных государств. У него можно встретить интересное описание военных операций, направленных на взятие городов; приведем одно из них, могущее быть типичным. «Жителей Бухары они (монголы) прогнали на осаду крепости. С обеих сторон устроили машины, луки привели в действие, пустили камни и стрелы, из сосудов кидали нефть и целые дни всем тем сражались» **<Березин 1868: перс. текст 84, русск. пер. 55>**. Любопытен рассказ и Джувейни о взятии монголами Самарканда, который мы приводим в переводе П. М е л и о р а н с к о г о. «Тысяча человек, выдающихся бойцов и богатырей укрепились в соборной мечети и вступили в бой. Так как они пустили в ход нефть и тиричерхи, то и люди Чингиз-хана также прибегли к помощи сосудов с нефтью, и соборная мечеть и все, кто в ней находились, были сожжены огнем этого мира и омыты водой вечной жизни» **<Мелиоранский 1902a: 299; Juwayni 1912: 95>**. Итак, степняки-монголы, а отчасти и половцы, в военном деле шли в уровень с народами городской культуры. Факт этот может найти себе объяснение только в огромном торговом и культурном общении между степью и городским миром. Акад. В.В. Бартольд в ряде своих исследований с исчерпывающей убедительностью выявил, какую огромную культуртрегерскую роль сыграли в степях мусульманские купцы, военные инструктора и ремесленники. Чтобы уяснить себе жизнь половецких степей, нельзя ограничиться той стороной этой жизни, которая была направлена к Крыму и русским княжествам: нужно помнить, что другая – была обращена на восток. Половецкие степи (так называемые Дешт-и-Кипчак), огибая с севера Каспийское и Аральское моря, шли через нынешние Уральск, Оренбург, Актюбинск до Акмолинска и дальше¹². Ведь не надо забывать, что половцы-кипчаки пришли с Иртыша. Соприкасаясь с одной стороны с русскими княжествами, они с другой – соседями на юго-востоке в начале XIII в. с самым крупным мусульманским государством того времени, с Хорезмом, глава которого Хорезмшах Мухаммед (1200–1220) владел всем Мавераннахром и большей частью Ирана. В указанный период, т. е. как раз в изучаемые нами годы, Хорезм и его столица Ургенч жили интенсивной торговой жизнью, как с Монголией и Китаем, куда

¹² См. **<Marquart 1914>** и, особенно, отзыв об этой работе В.В. Бартольда **<Бартольд 1921>**.

дороги шли через Отрар, Талас и Беласагун, так и с русскими княжествами и Булгаром через половецкие степи, где роль транзитного пункта играл Саксин. Каков размах этой торговли, лучше всего скажет знаменитый караван, описанный так подробно у В.В. Бартольда в его капитальном труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Караван в 1218 г. шел от Чингиз-хана к Хорезмшаху в Ургенч и в Отраре был разграблен. В этом караване было 500 верблюдов и 450 человек. Весь состав каравана был мусульманский. Они везли меха, ткань таргу, китайский шелк, золото, серебро <Бартольд 1900: 428>. Нельзя пройти мимо характерной черты: караван идет от Чингиз-хана с определенными от него поручениями и полномочиями, и все же он состоит из мусульман. Мусульманские купцы на Востоке – крупная торговая и денежная сила. В противоположность западноевропейскому средневековому городскому хозяйству, мусульманский мир не знает замкнутого города, хозяйство последнего всегда придерживается системы открытых дверей. Самые разнообразные виды промышленности, самые различные типы хозяйства (скотоводство степей, поля и сады орошенных речных долин, ремесла городов) приводятся в определенное общение, вводятся в товарообмен, где полным хозяином становится властный торговый капитал. Вот почему мусульманские купцы на Востоке – крупная торговая и денежная сила. Представляя собою сплоченную организацию, они объединяются в отдельные товарищества, являющиеся для того времени мощной, товарной и денежной, а в силу этого «политической силой». По словам академика В.В. Бартольда, «ассигновки, которые выдавались ими на отдаленные города, охотнее принимались, и деньги по ним легче было получить, чем по ассигновкам, которые выдавала государственная власть» <Бартольд 1924: 54>. Но вернемся к Хорезму. Уже тот факт, что Карпини, как выше сказано, встретил в 1246 г. русских и аланских купцов, говорит, что в Ургенче сходились дороги из Китая и Монголии, с одной стороны, Крыма, русских княжеств и Булгара – с другой.

Почти все восточные историки и географы, говоря о половецкой степи, отмечают город, который в XII и начале XIII в. играл большую роль в торговых оборотах на путях из Восточной Европы в Среднюю Азию. Город этот Саксин. Однако он вполне разделяет судьбу современного ему русского города – Тмутаракани, ибо до сих пор никто из ученых не может *точно* установить его местоположение. Правда, Вестберг считает, что Саксин соответствовал старому Итилю, возникнув на его месте. Однако с полной уверенностью утверждать этого нельзя. Единственное более или менее точное о нем сведение находится у Абу-Хамид-ибн-абд-ар-Рахим-ал-Гарнати (ум. 560 г. х. = 1164 г. н. э.) <Marquart 1914: 56>¹³. По его словам, Саксин – большой торговый город, лежит на Итиле (Волге), и его население состоит из сорока родов гузов. А по словам Ахмед-ат-Туси <Там же: 79> (около 1173–1193 г.), Саксин часто страдает от нападения кипчаков. В других источниках мы можем найти только сведения, указывающие на направление, где город мог находиться. Так, упоминаемый нами часто Ибн-ал-Асир, рассказывая о неудаче, которая постигла отряд татар в 1223 г. на границе области Булгар, говорит, что татары повернули в Среднюю Азию и прошли через Саксин. Арабский писатель Аз-Захеби (ум. 748 = 1348/49 г.) также упоминает о

¹³ Текст Абу-Хамид ал-Андалуси теперь издан.

Саксине в рассказе о принятии ислама золотоордынским ханом Берке. «В сороковых годах (он) Берке из Саксина отправляется в Бухару для посещения шейха Сейф-ад-дин-ал-Бахерзи» <Тизенгаузен 1884: 205>. В том и другом известии дано только направление города. Есть упоминание о Саксине и в Лаврентьевской летописи <Полн. собр. русск. летоп. 1846: 192>¹⁴: «Того же лѣта (6737 = 1229) Саксини и Половци възбѣгоша изъ низу къ Болгаромъ передъ Татары; и сторожеве Болгарьскій прибѣгоша бѣени отъ татарь близъ рѣкы, ей-же имя Яккъ». Итак, местоположение Саксина точно не определено. Однако, несомненно, что в XII и начале XIII в., он, если и не занимал топографически место г. Итиля, что, впрочем, вполне возможно, то в торговом отношении стремился играть его роль, хотя этого достигнуть ему в полной мере не удалось. Одно безусловно: Саксин играл роль транзитного пункта в торговле, которая из Крыма, Руси и Булгар шла через половецкие степи в Хорезм, Среднюю Азию и Китай. В этой торговле большую роль играл и г. Булгар, о котором мы имеем такие богатые источники для X в. К сожалению, для 2-й половины XII и начала XIII в. у нас о нем мало сведений, но и то, что есть, дает картину достаточно выразительную. Является убедительным мнение академика В.В. Бартольда, который, рассматривая рассказ Ибн-Хаукаля о походе Русов в 358 = 968/9 г. на хазар и Булгар, признал, что сведение Ибн-Хаукаля о разгроме г. Булгар неверны <Бартольд 1924: 44>¹⁵. Город этот не переставал существовать и играть все время роль огромного рынка, где скупались и продавались большие запасы мехов. Для конца XII в. о Булгаре есть следующее место Ипатьевской летописи. Собрался Всеволод Гюргович, князь Суждальский, в 1182 г. в поход на г. Булгар. Оставив часть отряда на берегу, «сами же поидоша на конехъ въ землю Болгарьскую к великому городу Сербренныхъ Болгарь. Болгаре же, видѣвше множество Рускихъ полковъ, не могоша стати, затворишася въ городъ; князи же молодѣи уохвотишася¹⁶ ѣхати къ воротамъ биться» <Ипатьевская летопись: 422–423>. Итак, по летописи, это большой, окруженный стенами город. В другой летописи <Полн. собр. русск. летоп. 1856: 135–136> под годом 6737 = 1229 мы читаем: «того же лѣта убиша болгаре нѣкоего христіанина за православную вѣру в Великомъ городе ихъ; бысть же сей иног языкъ, не рускаго, но христіанъ сый; имѣние же бѣ много ему, и гостьбу дѣяше по землямъ, прииде же по Волзѣ въ лодіи во градъ Великіи Болгарьскій». Кончается этот рассказ следующим местом: «Богъ сотвори отмщеніе вскорѣ надъ безбожными, загорѣ бо ся градъ ихъ Великій и згорѣ его болшая половина». Оба эти отрывка очень интересны. Из первого мы видим, что Булгар посещался не только мусульманскими и русскими купцами, но и другими. В данном случае богатый купец, по имени Авраамий, который был в Булгаре убит, по всей вероятности, был из алан. Из второго отрывка мы узнаем, что в начале XIII в., незадолго до нашествия Батыя, Булгар был деревянным городом, раз при пожаре го-

¹⁴ Здесь под именем «Саксини» упоминаются или жители г. Саксина, или жители области Саксин. Не исключена возможность второго, ибо из целого ряда восточных известий мы знаем, что под Саксином понимали не только город, но и область.

¹⁵ Академик В.В. Бартольд считает более правильной дату русской летописи, т. е. 965 г.

¹⁶ В книге 1971 дано примечание: Варианты: <...> ³XII вѣсхотѣша.

род мог наполовину сразу сгореть. У персидского автора Джувейни, писавшего в XIII в., мы о Булгаре имеем следующие, касающиеся его завоевания татарами в 1237 г., строки: «Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли г. Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью»¹⁷. Только принимая во внимание силу и богатство болгарского государства, которое, по-видимому, было независимо от половцев, можно объяснить ту неудачу, которую, согласно Ибн-ал-Асиру <Тизенгаузен 1884: 27–28; Ибн-ал-Асир: 254>, татары в 1223 г. потерпели у его границ. Подробно останавливаться на болгарской торговле не будем, ибо она общеизвестна. Теперь следует остановиться на водном пути из Черного и Азовского морей в Каспийское, а также на пути по Волге. Путь этот тот же, что и в X в. Однако он находится в полной зависимости от половцев. В период больших столкновений русских с половцами он, по всей вероятности, прерывался. Насколько он все-таки имел значение, видно из следующих слов академика В.В. Бартольда: «В XII в. мусульмане на некоторое время лишились Дербента и даже некоторых областей к югу от него. В этих войнах принимали участие и русские; около 1175 г. говорится о поражении русского флота близ Баку» <Бартольд 1926: 7>. Если русские могли с флотом выйти для военных операций в Каспийское море, то несомненно, что у них были суда и для торговых целей, которые ходили как по Черному и Азовскому морям, так и по Дону и, особенно, по средней и нижней Волге.

Вернемся опять к рассказу Ибн-ал-Биби о походе турок-сельджуков на Судгак, половцев и русских. В нем есть еще несколько деталей, на которых следует остановиться. Русский князь послал вместе с просьбой о мире 20.000 динаров, много лошадей и русского льна (по всей вероятности, льняных тканей). Торговля последними известна давно: о ней говорили еще географы X в. Надо думать, что лен шел преимущественно через Рязанское княжество. Следует несколько остановиться и на термине «бадж». Этим словом обозначали пошлину или таможенные сборы с провозимых товаров. В тексте Ибн-ал-Биби мы имеем трижды упоминание этого термина. В первом случае о «бадже» должен сказать посол от г. Судака к Хусам-ад-дин Чупану; из этого места видно, что власти г. Судака взимали определенные пошлины за провозку товаров. Во втором случае о «бадже» говорится при заключении мирного договора с послом русского князя и, наконец, в третьем случае «бадж» упоминается, когда власти г. Судака сдавали город и просили у Хусам-ад-дина мира. Из последних мест видно, что «бадж», наряду с «хараджем», должен был поступать в казну победителя – султана, хотя фактически, как это мы увидим ниже, ни Судаку, ни тем более русскому князю не приходилось его выплачивать.

Следует остановиться несколько и на построении в Судаке мечети. В своей статье «Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г.» <Смирнов 1887б: 277> покойный ориенталист-турколог В.Д. Смирнов пишет: «Но главную достопримечательность Судака составляет то здание, ныне обращенное в армяно-католическую церковь, которое находится на самом почти восточном обрыве крепо-

¹⁷ <Juwayni 1912: 224> и у В. Тизенгаузена в неизданных материалах по Золотой Орде (Персидские тексты. Рукопись АМ АН СССР, III, 295, инв. 1917 г., пачка 1). Работа была издана уже после выхода статьи, в 1941 г. – *Прим. ред.*

стной стены». Латинская надпись над алтарем гласит: «In Christi nomine amen. 1423 die 4 Januarii (hoc) opus fecit fieri Domine R. Catalanus. Christus custodiat»... В 1475 г. это здание было обращено турками в мечеть, а потом снова было сделано христианскою церковью в 1783 г. русскими. Но ученый путешественник (1832–1834) Дюбуа де Монперё высказывает мнение, что это здание первоначально было построено для мусульманской мечети, которая была воздвигнута татарами в начале XIV в. Сам В.Д. Смирнов этого мнения не разделял. Однако в наши дни среди специалистов-архитекторов преобладает мнение, что здание это не может быть построено ни генуэзцами, ни татарами и что по своему стилю оно ближе все же подходит к постройкам сельджукского типа. Сопоставляя последнее соображение с рассказом Ибн-ал-Биби о построении¹⁸ на высоком месте Судака мечети, мы получаем, таким образом, аргумент в пользу этого мнения. Окончательно же этот вопрос может быть решен лишь после тщательного изучения сохранившегося в Судаке памятника.

В заключение следует остановиться на судьбе похода Хусам-ад-дин Чупана на Крым. Не подлежит сомнению, что он не имел большого политического значения. Если он оказал какое-нибудь влияние на ход политической жизни Крыма, то можно было бы ждать, что Ибн-ал-Асир, оставивший нам рассказ о походе татар на половцев и Крым в 1222/23 г., так или иначе коснулся бы его, однако он этого не сделал, как будто его не было совсем.

Вышеприведенный рассказ Ибн-ал-Биби являет собой, быть может, последний крупный эпизод из жизни юго-восточной Европы при политической власти половцев. Прошло еще несколько лет, и политическая обстановка в корне изменилась. После похода Батыея в 1237 г. прочно и надолго установилась власть татар. Место половецкой кочевой державы заняла теперь «Золотая Орда». Буквально через несколько лет после этого был построен Сарай на месте нынешнего Селитренного городка (не смешивать с Сараем Берке-хана на месте Царева). Татары не изменили, однако, характера торговой жизни прежних половецких степей. По словам Джувейни (персидский автор XIII в.) «торговцы с разных сторон привозили ему (Батыю) различные товары; все, что бы оно ни было, он брал (у них) и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышающую (настоящую) стоимость ее. Султанам Рума, Сирии и других стран жаловал льготные грамоты и ярлыки»¹⁹. Итак, на старых путях торговля продолжается, более того, в XIV в. при Берке-хане она достигает расцвета.

Литература

- Бартольд 1900 – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. Исследование. – Спб. Типография В. Киршбаума, 1900. {*V.V. Bartold / W. Barthold.* Turkestan down to the Mongol invasion. Part II. A research. – Saint Petersburg: W. Kirschbaum's Printing House, 1900.}
 Бартольд 1921 – Новый труд о половцах: W. Bang и J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*, Berlin 1914. Отзыв *В.В. Бартольда* // Русский исторический журнал. – Петроград: Типография

¹⁸ Судя по рассказу Ибн-ал-Биби, мечеть была не заново построена, а перестроена из христианского храма.

¹⁹ <*Juwayni 1912: 222*> и у В. Тизенгаузена в неизданных материалах по Золотой Орде (Персидские тексты. Рукопись АМ АН СССР, III, 225, инв. 1917 г., пачка 1).

- А.С. Суворина, 1921. – Кн. 7. – С. 138–156. {A new work on the Polovtsians (Cumans): W. Bang & J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien, Berlin 1914. A review by V.V. Bartold / W. Barthold // Russian Historical Journal. – Petrograd: A.S. Suvorin's Printing House, 1921. – Book 7. – PP. 138–156.}
- Бартольд 1924 – *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. – Баку: Печатается на основании журнального постановления Историко-Этнографической Секции Общества Обследования и Изучения Азербайджана от 22-го ноября 1924 г. за № 17, 1925. – 150 с. {V.V. Bartold / W. Barthold. The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world. – Baku: Printed on the basis of the journal resolution of the Historical and Ethnographic Section of Investigation and Research Society of Azerbaijan, November 22, 1924, No. 17, 1925. – 150 p.}
- Бартольд 1926 – *Бартольд В.В.* Кавказ, Туркестан, Волга // Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе = Bulletin de l'Institut caucasien d'histoire et d'archéologie à Tiflis. – Тифлис, 1926. – С. 1–9. {V.V. Bartold / W. Barthold. The Caucasus, Turkestan, and Volga // Bulletin of Caucasian Historical and Archaeological Institute in Tiflis. – Tiflis, 1926. – PP. 1–9.}
- Березин 1868 – Сборник летописей. История монголов: История Чингиз-хана до восшествия его на престол (?Сборникъ летописей. Исторія монголовъ: Исторія Чингизъ-хана до восшествия его на престоль) / соч. Рашид-Эддина (/Сочиненіе Рашидъ-Эддина); рус. пер., примеч. (/примѣч.), перс. текст с пред. *И.Н. Березина* (/персидскій текстъ съ предисловіемъ И.Н. Березина) // Труды Восточного отделения императорского Археологического общества. (/Труды Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго общества.) – СПб., 1868. – Ч. XIII. (Часть Тринадцатая). – С. III–V (предисл.), 1–239 (перс. текст), С. I–IV (предисл.), С. 1–147 (рус. пер.), С. 148–314 (прим.), С. 315–335 (указатель, таблицы и списки опечаток в перс. и рус. текстах). {A Compendium of chronicles. The History of Mongols: History of Genghis Khan before his enthronement / By Rashīd-al-Dīn; translation into Russian, notes, Persian text with preface by I.N. Berezin // Works of the Oriental Department of the Imperial Archaeological Society. – Saint Petersburg, 1868. – Part XIII. – PP. III–V (preface-1), 1–239 (Persian text), PP. I–IV (preface-2), PP. 1–147 (translation into Russian), PP. 148–314 (notes), PP. 315–335 (index, tables, errata in printed Persian and Russian versions).}
- Брун 1879 – *Брун (Брунь) Ф.* Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 г.). – Одесса: Типография (/Печатано въ типографіи) Г. Ульриха, 1879. – Ч. 1. {F. Brun / Ph.J. Bruun. The Black Sea (/Pontic) region: A compendium of studies on historical geography of Southern Russia (1852–1877). – Odessa: Ulrich's Printing House, 1879. – Part 1.}
- Васильевский 1915 – *Васильевскій (/Васильевскій) В.Г.* Исторические сведения о Суроже (/Историческія свѣдѣнія о Сурожѣ) // Труды В.Г. Васильевского (/Васильевскаго). – Петроград (/Петроградъ): Типография Императорской Академии Наук (/Типографія Императорской Академіи Наукъ), 1915. – Т. III. Русско-византийские исследования. (/Русско-византійскія изслѣдованія.) – С. CLVI–CCVII. {V.G. Vasilievskiy. The historical data on Surozh // Works by V.G. Vasilievskiy. – Petrograd: The Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1915. – Vol. 3. Russian-Byzantine studies. – PP. CLVI–CCVII.}
- Ибн-ал-Асир – [*Ibn al-Athīr.*] Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. XII. Annos H. [годы Хиджры] 584–628 continens [Хроника Ибн-ал-Асира, которую называют самой совершенной. Том XII. Содержит данные за 584–628 годы хиджры] / Ed. C.J. Tornberg. – Upsaliae [et Lugduni. Batavorum: E.J. Brill], 1853. (In Arabic, with a Latin preface.)
- Иванов, Веселовский 1914 – *Иванов А.И., Веселовскій Н.И. (/А.И. Ивановъ и Н.И. Веселовскій)* Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань Ши. (/Походы монголовъ на Россію по официальной китайской исторіи Юань-Ши.) – СПб., 1914. {A.I. Ivanov, N.I. Veselovskiy. The Mongols' military expeditions to Russia according to the official Chinese history of Yuanshi. – Saint Petersburg, 1914.}
- Ипатьевская летопись – Повесть временных лет по Ипатскому списку. – СПб., 1871. {The Tale of Bygone Years according to the Hypatian Codex. – Saint Petersburg: Printing House of the Main Arapage Office (/Bureau), 1871.}
- Карпини, Рубрук 1911 – *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. (/Иоаннъ де Плано Карпини. Исторія монголовъ. Вильгельмъ де Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны / Введеніе, переводъ и примѣчанія А.И. Малеина.) – Съ приложеніемъ 8 рисунковъ, карты и ука-

- заній. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1911. {*Giovanni da Pian del Carpine. Historia Mongalorum. Guillaume de Rubrouck (/Willem van Ruysbroeck). The journey [of William of Rubruck] to the eastern parts of the world / Introduction, translation, and notes by A.I. Malein (/Malein). – With appendices: 8 figures, a map and indexes. – Saint Petersburg: A.S. Suvorin's Publishing House 1911.*}
- Кулаковский 1898 – Кулаковский (*Кулаковский*) Ю.А. Христианство у алан (*Христианство у Алань*) // Византийский Временник. (*Византийский Временник*.) – СПб., 1898. – Т. V. – С. 1–18. {*Yu.A. Kulakovskiy. Christianity among the Alans // The Byzantine Periodical. – Saint Petersburg, 1898. – Vol. 5. – PP. 1–18.*}
- Куник 1854 – Куник (*Куник*) А.А. О признании 1223 года годом битвы при реке Калке (*О признании 1223 года годом битвы при рѣкѣ Калкѣ*) // Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. (*Ученыя записки императорской Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ.*) – СПб., 1854. – Т. II. – Вып. 5. – С. 765–787. {*A.A. Kunik (/E.E. Kunick). On the recognition of 1223 AD as a year of the Battle on the Kalka River // Scientific Notes of the Imperial Academy of Sciences: the 1st and the 3rd Departments. – Saint Petersburg, 1854. – Vol. 2. – Issue 5. – PP. 765–787.*}
- Мелиоранский 1894 – Мелиоранский (*Мелиоранский*) П.М. Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII вв. (*Сельджукъ-намэ, какъ источникъ для исторіи Византіи въ XII и XIII вѣкахъ*) // Византийский Временник. (*Византийский Временник*.) – 1894. – Т. I. – С. 613–640. {*P.M. Melioranskij. Saljūq-Nāmah, as a source on the Byzantine history of the 12th and 13th centuries // The Byzantine Periodical. – 1894. – Vol. 1. – PP. 613–640.*}
- Мелиоранский 1902a – Мелиоранский (*Мелиоранский*) П.М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (*Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ»*) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.*) – СПб.: Тип. Императорской Акад. Н., 1902. – Т. VII. {*P.M. Melioranskij. Turkic elements in the language of the Tale of Igor's Campaign // Bulletin of the Department of the Russian Language and Philology of the Imperial Academy of Sciences. – Saint Petersburg: The Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1902. – Vol. 7.*}
- Мелиоранский 1902b – Мелиоранский П.М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (*Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ»*) // Записки Восточного отделения Императорского Российского археологического общества. (*Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Россійскаго археологическаго общества.*) – СПб., 1902. – Т. XIV. – С. XX–XXIV. {*P.M. Melioranskij. Turkic elements in the language of the Tale of Igor's Campaign // Notes (/proceedings) of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society. – Saint Petersburg, 1902. – Vol. 14. – PP. XX–XXIV.*}
- Новгородская летопись – Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку (*Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку.*) [Новое издание 1-й Новгородской летописи. (*Новое изданіе 1-й Новгородской лѣтописи.*)] / Ред.: А.И. Соболевский. – СПб., 1888. {*The Novgorod Chronicle according to the Synodal charter written copy [A new edition of the 1st Novgorod Chronicle.] / Ed. by A.I. Sobolevskiy. – Saint Petersburg: Printed by the Archaeographical Commission, 1888. [A Review – Warsaw, 1889]*}
- Полн. собр. русск. летоп. 1846 – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссии. (*Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему Повелѣнію Археографическою комиссіею.*) Т. I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. (*Л. П. Лаврентіевская и Троицкая лѣтописи.*) – СПб.: Изд. Археографической комиссии, в Типографии (*въ Типографіи*) Эдуарда Праца, 1846. {*The Complete (/An Entire) Collection of Russian Chronicles published by the Highest Order by the Archaeographical Commission. Vol. 1. 2. The Laurentian Codex and the Trinity Chronicle. – Saint Petersburg: Edited by the Archaeographical Commission, in the Eduard Pratz's Printing House, 1846.*}
- Полн. собр. русск. летоп. 1848 – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссии. (*Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему Повелѣнію Археографическою комиссіею.*) Т. IV. V. Новгородские и псковские летописи. (*IV. V. Новгородскія и псковскія лѣтописи.*) – СПб.: Изд. Археографической комиссии, в Типографии (*въ Типографіи*) Эдуарда Праца, 1848. – Ч. 2, в. 1. {*The Complete Col-*

- lection of Russian Chronicles published by the Highest Order by the Archaeographical Commission. Vol. 4. 5. The Novgorod Chronicle and [the] Pskov Chronicle. – Saint Petersburg: Edited by the Archaeographical Commission, in the Eduard Pratz's Printing House, 1848. – Part 2, issue 1.}
- Полн. собр. русск. летоп. 1856 – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссии. (Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему Повелению Археографической комиссии.) Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. (/ VII. Летопись по Воскресенскому списку.) – СПб.: Изд. Археографической комиссии, в Типографии (/въ Типографіи) Эдуарда Праца, 1856. {The Complete Collection of Russian Chronicles published by the Highest Order by the Archaeographical Commission. Vol. 7. Resurrection Chronicle. [A Chronicle according to the Voskresensky handwritten copy.] – Saint Petersburg: Edited by the Archaeographical Commission, in the Eduard Pratz's Printing House, 1856.}
- Слово 1844 – Слово о полку Игореве, объясненное по древним письменным памятникам Дмитрием Дубенским [с рукописными вставками Д.Н. Дубенского]. (/Слово о полку Игоревъ Святъслава Пѣтворца стараго времени, Объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ Магистромъ Дмитріемъ Дубенскимъ <...>.) – М.: в Университетской Типографии (/въ Университетской Типографіи), 1844. {The Tale of Igor's Campaign, explained according to the ancient written records by Dmitriy Dubenskiy [with handwritten additions by D.N. Dubenskiy]. – Moscow: printed in the University Printing House, 1844.}
- Смирнов 1887а – *Смирнов (/Смирновъ) В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. (/Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII вѣка.) – СПб.: Факультет Восточных Языков, Казань (/печатано по опредѣленію Факультета Восточныхъ Языковъ / Въ Университетской типографіи въ Казани) 1887. {*V.D. Smirnov. The Crimean Khanate under the supremacy of the Ottoman Porte until the early 18th century.* – Saint Petersburg: printed by decision of the Department of Oriental Studies / At the University Printing House in Kazan, 1887.}
- Смирнов 1887б – *Смирнов (/Смирновъ) В.Д.* Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. (/Археологическая экскурсія въ Крымъ лѣтомъ 1886 г.) // Записки Восточного отделения Императорского Российского археологического общества. (/Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Россійскаго археологическаго общества.) – СПб., 1887. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 273–302. {*V.D. Smirnov. An archaeological excursion to Crimea in the summer of 1886 // Proceedings of the Oriental department of the Imperial Russian Archaeological Society.* – Saint Petersburg, 1887. – Vol. 1. – Issue 4. – PP. 273–302.}
- Тизенгаузен 1884 – *Тизенгаузен (/Тизенгаузенъ) В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. (/Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды В. Тизенгаузена). Т. I. Извлечения из сочинений арабских. (/Извлеченія изъ сочиненій Арабскихъ.) – СПб.: Издано на иждивение (/иждивеніе) Графа С.Г. Строганова, 1884. {*V.G. Tiesenhausen / E.W. von Tiesenhausen. A compendium of materials (/data) related to the history of the Golden Horde. Vol. 1. Extracts from Arabic works [by V. Tiesenhausen].* – Saint Petersburg: Edition is sponsored by Count S.G. Stroganov, 1884.}
- Успенский 1924 – *Успенский Ф.И.* Трапезунтская империя // *Анналы.* – Москва–Петроград(/Ленинград), 1924. – № 4. – С. 20–33. {*F.I. Uspenskiy. The Empire of Trebizond // The Annals.* – Moscow–Petrograd(/Leningrad), 1924. – No. 4. – PP. 20–33.}
- Encyclopaedia 1927 – *The Encyclopaedia of Islam (/Islām).* Vol. II. E–K. – Ed. by: M.Th. Houtsma, A.J. Wensinck, T.W. Arnold, W. Heffening and E. Lévi-Provençal. – Leyden-London: Late E.J. Brill Ltd.–Luzac & Co., 1927.
- Houtsma 1885 – *Houtsma M.Th.* Über (/Ueber) eine türkische Chronik zur Geschichte der Selçuquen Klein-Asiens // *Actes du VIème (/6ème /sixième) Congrès international des orientalistes, tenu en 1883 à Leide* [Об одной тюркской хронике по истории сельджуков Малой Азии // *Акты VI Международного конгресса востоковедов, состоявшегося в 1883 году в Лейде(/не).*] – Leide (/Leiden): Brill, 1885. – Partie 2 (/Deuxième (2ème) Partie. Section 1 (/I): Sémitique –) – PP. 367–384. (In German.)
- Juwayni 1912 – *The Ta'rikh-i-Jahán-gushá of 'Alá'u 'd-Din 'Atá Malik-i-Juwayni.* Part I, containing the history of Chingiz Khan and his successors / Ed. by Mirzá Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahháb-i-Qazwíni, and printed for the trustees of the "E.J.W. Gibb Memorial", Vol. XVI, 1. – Leyden: E.J. Brill, Imprimerie Orientale.–London: Luzac & Co., 1912. (In Persian, Arabic, and English.)

Marquart 1914 – *Marquart (Markwart) J. Über das Volkstum der Komanen [О народности команов] // Bang W., Marquart J. Osttürkische Dialektstudien. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914. – S. 25–238. – (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse, Neue Folge; Bd. XIII, N 1). (In German.)*

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 204–252. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 572.2

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-204-252

ТУРКМЭНЫ ХОРЕЗМА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О ДЛИННОГОЛОВОМ ЕВРОПОИДНОМ КОМПОНЕНТЕ ТУРЕЦКИХ НАРОДНОСТЕЙ СССР)^{1,2}

А.И. Ярхо

Для цитирования: Ярхо А.И. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа (антропологический очерк о длинноголовом европеоидном компоненте турецких народностей СССР). 2024. № 3–4 (44–45). С. 204–252. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-204-252.

The Turkmens of Khwarazm and North Caucasus (An anthropological essay on the long-headed Europoid racial component among the Turkic peoples of the USSR)

A.I. Yarkho

For citation: Yarkho A.I. The Turkmens of Khwarazm and North Caucasus (An anthropological essay on the long-headed Europoid racial component among the Turkic peoples of the USSR) // *Russian Turkology*. 2024. № 3–4 (44–45). P. 204–252. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-204-252.

Из кабинета антропологии Общества изучения Советской Азии, Москва

1. Материал

Материалом для статьи послужили сборы, произведенные двумя экспедициями Общества изучения Советской Азии³. В 1929 г. мною и Е.В. Вертоградской были исследованы туркмены Северокавказского края; в 1931 г. совместно с Е.Г. Либманом исследовались туркмены Порсинского района Ташаузского округа ТуркмССР.

¹ Перепечатано с: Ярхо А.И. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа (антропологический очерк о длинноголовом европеоидном компоненте турецких народностей СССР) // Антропологический журнал: *Journal d'Anthropologie*. – М.: Государственное медицинское издательство (Медгиз), 1933. – № 1–2. – С. 70–119.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены по современному формату и добавлены в угловых скобках. Обращаем внимание читателей: в тексте перепечатки не даются немецкие переводы из таблиц оригинала. – *Прим. ред.*

³ В организации экспедиций принимали участие также Туркменский государственный институт социальной гигиены, Северокавказский крайисполком и другие учреждения.

Обследованные туркмены относятся к двум ветвям туркменского народа: чаудырам и иомудам.

Чаудыры живут как в Хорезме, так и в Туркменском районе Северокавказского края (бывший Ставропольский округ), куда они переселились в результате своих скитаний после выхода (?) с полуострова Мангышлак (около 300 лет назад). Основные родовые подразделения кавказских чаудыров: ыгдыр, чаудыр, суюнджаджи. В Хорезме нами среди исследованных отмечены роды: абдал, ыгдыр, кара.

Хорезмские иомуды представляют часть иомудского племени туркмен, в основной массе населяющих западную часть ТуркмССР. Среди обследованных зарегистрированы родовые деления: орсукчи, окуз, ушак.

Всего нами измерено и описано около 600 взрослых туркмен. На агглютинацию исследовано несколько большее число лиц.

В настоящий очерк включены лишь данные о росте, головных и лицевых размерах, описательных признаках и агглютинации. Материалы, собранные экспедициями по другим признакам: физического развития, конституции, функциональным, а также демографические данные (в том числе 500 бланков специального демографического обследования женщин) будут опубликованы в другом месте⁴.

Статья не ставит своей задачей выяснение исторических проблем происхождения туркменской национальности ввиду небольшой численности материала, характеризующего к тому же лишь два племени туркмен, из которых чаудыры далеко не являются репрезентативными для массы туркменского народа. Статья преследует более скромные цели – дать лишь анализ физического типа туркмен и его положение в ряду турецких и других групп Евразии и Африки. С фактической стороны материал представляет интерес постольку, поскольку в антропологической литературе нет почти никаких данных о расовых особенностях туркмен, резко отличающихся по типу от других народностей Средней Азии. Мы имеем лишь старую работу Яворского (<Яворский 1895>) о туркменах-текинцах и отрывочные сведения о головном указателе эрсари (<Ошанин 1929>). В то же время проблема туркменской долихоцефалии, как неоднократно отмечалось заслуженным исследователем по антропологии Средней Азии Л.В. Ошаниным в его работах (<Ошанин 1926, 1929, 1926–1928>), является весьма существенной в расоведении Евразии. Может быть, сравнительно-антропологические параллели, приводимые в статье, послужат как вспомогательный материал и в деле изучения проблем исторических судеб туркмен.

В целях экономии мы опускаем разбор вариации отдельных признаков по группам, ограничиваясь лишь суммарной характеристикой групп. Все материалы, послужившие для расового анализа туркмен (ряды), приложены к статье. В таблицах 1 и 2 даны сводки по измерительным и описательным признакам.

2. Расовая диагностика

а) Суммарная характеристика обследованных групп

И о м у д ы. Рост выше среднего. Пигментация глаз темная, с умеренной примесью смешанных оттенков. Форма волос на бороде волнистая. Рост бороды

⁴ Демографические данные о кавказских туркменах уже опубликованы (см. <Ярхо 1931>).

выше среднего. Форма головы овальная. Лоб средне-наклонный. Надбровье ниже среднего. Лицо овальное с сильной горизонтальной профилировкой. Нос: высота переносья выше средней, поперечный профиль сильный, костная спинка прямо-выпуклая, хрящевая – прямая, кончик и основание несколько приподняты; наклон ноздрей умеренный, форма ноздрей овальная; высота крыльев носа средняя, выраженность крыльевых борозд и слияние их с носогубной слабые. Эпикантус встречается у молодых (20–25 лет) особей, но не част. Складка верхнего века отсутствует или слабая. Высота верхней губы ниже средней. Ортохейлия. Губы тонкие. Ухо б. ч. яйцевидное, оттопыренное выше среднего. Завиток хорошо развит, противозавиток средний, мочка отвислая. Голова очень длинная, узкая и высокая. Долихоцефалия. Ортоцефалия. Лоб узкий. Длина лица средняя. Ширина скуловая и нижнечелюстная малые. Лептопрозопия. Нос средне-длинный и средне-широкий. Лепториния. Преобладающий процент особей явно европеоиден.

Ч а у д ы р ы Х о р е з м а. Рост также выше среднего. Пигментация глаз и волос темная. Рост бороды ниже среднего. Форма головы овальная, но примесь сфероидных и сфеноидных форм больше, чем у иомудов. Лоб средне-наклонный, надбровье ниже среднего. Лицо овальное, но с определенной примесью пентагоноидных форм, профилировано ниже среднего. Нос: высота переносья ниже среднего, поперечный профиль средний, спинка костная прямо-выпуклая, хрящевая – прямо-вогнутая, кончик и основание несколько приподняты; наклон ноздрей средний; характерен больший по сравнению с иомудами процент неовальных форм ноздрей. Эпикантус сравнительно част (около 20%). Складка верхнего века слабая, по сравнению с иомудами значительно усиленная. Высота верхней губы выше средней, толщина малая (но больше, чем у иомудов). Значительный процент прохейлии. Ухо по сравнению с ухом иомудов отличается большей оттопыренностью и менее отвислой мочкой. Различия чаудыров от иомудов по измерительным признакам выражаются в меньшей длинноголовости, большей ширине, меньшей высоте мозговой коробки и, следовательно, в меньшей долихоцефалии и наклонности к хамцефалии; более широких наименьших лобном, скуловом и нижнечелюстном диаметрах, большей высоте лица. Процент монголоидных особей значителен.

Ч а у д ы р ы К а в к а з а еще более отклоняются от иомудского типа. Рост ниже среднего. Пигментация волос более темная. Рост бороды слабый. Лоб слабо-наклонный, надбровье средне-выраженно. Лицо профилировано значительно слабее. Нос: высота переносья ниже среднего; кончик и основание прямые; наклон ноздрей ниже среднего. Остальные признаки не дают резких уклонений. Монголоидные особенности глаза близки к чаудырам Хорезма, но эпикантус реже. Высота верхней губы значительная; явная прохейлия. Ухо характеризуется меньшим процентом грушевидных форм, большей оттопыренностью, меньшей завернутостью завитка. Отличия в измерительных признаках идут большей частью в том же направлении, как и у чаудыров Хорезма по сравнению с иомудами. Длинник еще меньше, поперечник больше. Индекс мезоцефальный. Лобный скуловой и нижнечелюстной диаметры шире, лицевой указатель меньше, длина и ширина носа больше, чем у чаудыров Хорезма. Процент особей монголоидного типа весьма значителен.

Внутри кавказских туркмен наблюдаются некоторые групповые различия, из которых наиболее эффективное – меньшая монголоидность чаудырской подгруппы по сравнению с суон-джаджи и ыгдырами.

Таблица 1. Сводная таблица по измерительным признакам (левая часть)

№	Признаки	Северный Кавказ									
		Ыгдыр				Суюн-Джаджи				Чаудыр	
		М	± m (M)	± σ	V	М	± m (M)	± σ	V	М	± m (M)
1	Продольный диаметр головы	193,45	0,70	5,85	3,02	192,34	0,51	6,15	3,20	193,11	0,70
2	Поперечный диаметр головы	153,07	0,64	5,34	3,49	152,97	0,43	5,28	3,45	152,14	0,53
3	Высотный диаметр головы	129,58	0,91	6,63	5,12	129,88	0,65	7,20	5,54	129,44	0,73
4	Наименьший лобный диаметр головы	108,36	0,53	4,44	4,10	109,06	0,37	4,44	4,07	108,24	0,51
5	Ширина скуловая	146,30	0,60	5,04	3,44	145,59	0,49	5,91	4,06	144,79	0,57
6	Ширина нижнечелюстная	113,60	0,73	6,12	5,39	113,34	0,51	6,12	5,40	113,08	0,71
7	Высота лица физиономическая	185,24	0,91	6,36	3,43	185,03	0,45	8,61	4,65	183,78	1,06
8	Высота лица морфологическая	130,06	0,60	4,98	3,83	131,30	0,64	7,80	6,02	130,60	0,68
9a	Длина носа I	54,40	0,38	3,18	5,85	53,99	0,34	4,08	7,56	53,83	0,44
9	Длина носа II	61,08	0,41	3,45	5,65	61,31	0,36	4,35	7,10	61,39	0,50
10	Ширина носа	37,24	0,34	2,86	7,68	36,57	0,23	2,82	7,71	35,89	0,29
11	Длина уха физиономическая	62,78	0,50	4,17	6,64	61,96	0,41	4,86	7,84	62,36	0,48
12	Ширина уха физиономическая	36,46	0,31	2,52	6,91	35,39	0,25	3,00	8,48	36,84	0,36
13	Ширина наружноглазничная	92,45	—	—	—	92,63	—	—	—	91,78	—
14	Ширина междуглазничная	32,35	—	—	—	32,56	—	—	—	32,09	—
15	Высота верхней губы	18,49	—	—	—	17,98	—	—	—	17,92	—
16	Толщина губ	13,34	—	—	—	14,07	—	—	—	12,84	—
17	Ширина рта	51,46	—	—	—	49,69	—	—	—	51,24	—
18	Рост	163,32	0,83	6,03	3,69	163,49	0,55	6,06	3,71	163,55	0,68
2/1	Головной указатель	79,10	0,33	2,76	—	79,63	0,27	3,25	—	78,96	0,33
3/1	Высотно-продольный указатель	67,06	0,43	3,15	—	67,39	0,33	3,63	—	67,32	0,40
5/7	Лицевой указатель физиономический	79,04	0,51	3,56	—	79,04	0,40	4,16	—	78,86	0,51
8/5	Лицевой указатель морфологический	89,04	0,57	4,74	—	90,21	0,43	5,17	—	90,53	0,53
10/9a	Носовой указатель I	68,95	0,77	6,44	—	68,60	0,58	6,92	—	67,65	0,75
10/9	Носовой указатель II	61,73	0,68	5,66	—	60,19	0,48	5,80	—	59,34	0,68

(правая часть таблицы 1)

Северный Кавказ (продолжение)						Хорезм							
Чаудыр		Общая				Чаудыр				Иомуды			
\pm σ	V	M	$\pm m$ (M)	\pm σ	V	M	$\pm m$ (M)	\pm σ	V	M	$\pm m$ (M)	\pm σ	V
6,39	3,31	192,81	0,35	6,15	3,19	193,16	0,47	6,54	3,39	194,25	0,60	6,30	3,24
4,83	3,17	152,76	0,30	5,19	3,40	149,00	0,36	4,98	3,34	145,78	0,42	4,35	2,98
6,18	4,77	129,69	0,43	6,78	5,23	129,13	0,60	8,40	6,50	132,33	0,76	7,80	5,89
4,59	4,24	108,67	0,26	4,50	4,14	107,30	0,29	4,02	3,75	104,97	0,38	3,93	3,74
5,25	3,63	145,54	0,32	5,58	3,83	141,82	0,34	4,80	3,38	138,16	0,44	4,65	3,37
6,33	5,60	113,33	0,36	6,18	5,45	111,58	0,40	5,67	5,08	107,89	0,52	5,28	4,89
8,52	4,64	184,71	0,55	8,16	4,42	184,87	0,80	7,71	4,17	184,28	0,86	8,28	4,49
6,18	4,73	130,82	0,39	6,81	5,20	132,90	0,48	6,72	5,06	130,42	0,59	6,24	4,78
4,02	7,47	54,04	0,23	3,87	7,16	52,44	0,26	3,66	6,98	53,29	0,31	3,24	6,08
4,59	7,48	61,28	0,25	4,26	6,95	59,64	0,28	3,87	6,49	59,11	0,37	3,90	6,55
2,69	7,36	36,54	0,16	2,82	7,72	35,85	0,18	2,46	6,86	35,80	0,29	2,98	8,32
4,23	6,78	62,27	0,27	4,57	7,32	60,82	0,30	4,29	7,05	62,32	0,38	3,93	6,31
3,10	8,41	36,02	0,18	3,00	8,33	34,37	0,22	3,06	8,90	36,08	0,31	3,20	8,87
—	—	92,36	0,36	4,17	4,51	93,42	0,38	3,81	4,08	93,39	0,43	4,29	4,59
—	—	32,38	0,15	2,44	7,55	34,06	0,29	2,94	8,63	33,19	0,25	2,52	7,59
—	—	18,08	0,17	2,88	15,93	17,50	0,26	2,55	14,57	16,53	0,31	3,06	18,51
—	—	13,56	0,23	3,90	28,71	14,44	0,30	2,97	20,62	14,85	0,42	4,20	28,28
—	—	50,53	0,22	3,66	7,24	51,91	0,33	3,24	6,24	53,46	0,35	3,54	6,62
5,85	3,58	163,47	0,38	6,00	3,67	166,42	0,40	5,55	3,33	166,37	0,56	5,88	3,53
3,00	—	79,32	0,18	3,09	—	77,24	0,23	3,28	—	75,16	0,27	2,80	—
3,39	—	67,30	0,22	3,46	—	66,88	0,31	4,42	—	68,40	0,39	3,94	—
4,12	—	78,99	0,27	4,02	—	76,57	0,37	3,52	—	74,92	0,38	3,58	—
4,84	—	90,02	0,29	4,99	—	93,85	0,34	4,75	—	94,57	0,48	4,97	—
6,78	—	68,43	0,40	6,80	—	68,99	0,44	6,26	—	67,65	0,67	7,02	—
6,26	—	60,30	0,34	5,96	—	60,43	0,36	5,04	—	60,92	0,61	6,34	—

Таблица 2. Сводная таблица по описательным признакам

Признаки	Ингуши	Тюрки Ганджин- ского уезда	Туркмены						Киргизы горные
			Хорезм		Северный Кавказ				
			Чаудыры	Иомуды	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	
Цвет глаз (М)	1,22	1,42	1,79	1,65	1,69	1,74	1,85	1,76	1,56
Рост бороды (М)	3,99	3,88	2,49	3,38	1,97	2,11	2,19	2,08	1,64
Рост бровей (М)	2,27	1,92	1,73	2,03	1,42	1,39	1,63	1,46	1,52
Форма мозговой коробочки (% яйцевидных форм)	9,0	66,3	69,8	76,4	73,7	62,1	70,5	66,8	42,1
Форма лица (% овальных форм)	64,3	59,3	58,5	68,9	40,3	33,8	45,8	38,6	57,7
Наклон лба (М)	2,50	2,29	20,1	2,03	2,42	2,32	2,41	2,37	2,25
Развитие надбровья (М)	1,97	1,86	1,58	1,63	1,69	1,86	1,84	1,82	2,16
Горизонтальная профилировка (М)	2,35	2,39	1,77	2,14	1,44	1,30	1,51	1,39	1,23
Высота переносья (М)	2,79	2,60	1,77	2,17	1,81	1,66	1,93	1,78	1,74
Костная спинка носа (М)	2,49	2,47	2,26	2,30	2,20	2,28	2,30	2,26	2,43
Хрящевая спинка носа (М)	2,27	2,14	1,87	2,06	1,68	1,87	1,85	1,82	1,69
Положение кончика носа (М)	2,58	2,28	1,89	1,85	1,97	1,99	1,96	1,98	2,05
Положение основания носа (М)	2,55	2,34	1,75	1,77	1,94	1,93	1,89	1,92	1,92
Форма носовых отверстий (% овальных форм)	98,8	100,0	91,3	95,4	89,5	92,9	96,0	92,9	85,9
Наклон осей носовых отверстий (М)	2,92	2,34	1,95	2,21	1,75	1,78	1,86	1,79	1,54
Высота крыльев носа (М)	1,76	1,81	1,96	1,99	2,13	2,03	2,07	2,06	1,93
Выраженность крыльевой борозды (М)	2,19	1,64	1,73	1,53	1,64	1,56	1,53	1,57	1,91
Слияние носовой и ротовой борозд (М)	1,78	1,48	1,51	1,42	1,36	1,42	1,31	1,38	1,47
Эпикантус ¹ %	0,0	0,9	26,4	6,6	10,1	8,2	5,5	7,9	24,0
Складка верхнего века (М)	19.24.24	29.36.36	81.111.110	48.74.75	84.111.114	87.114.114	75.107.108	82.111.112	137.149.149
Высота верхней губы	1,87	1,80	2,20	1,92	2,39	2,47	2,27	2,40	2,12
Выступание верхней губы (М)	2,23	2,09	1,57	1,90	1,53	1,39	1,67	1,50	1,38
Толщина верхней губы (М)	1,31	1,41	1,47	1,36	1,53	1,65	1,33	1,54	1,67
	174	230	200	107	70	141	74	285	772

¹ Для краткости опущены нули перед показателями складки верхнего века.

б) Первичная расовая характеристика.
Монголоиды, европеоиды или гибриды?

Сравнивая туркмен по таксономическим признакам первой категории, определяющим основную расовую принадлежность, с одной стороны с сравнительно чистыми европеоидами – тюрками АССР и особенно с ингушами¹ Северокавказского края (к сожалению, данные по сравнительно долихоидным западным черкесам, приведенные В.И. Левиным (<Левин 1932>), слишком отрывочны), а с другой стороны с монголоидными типами Северной и Центральной Азии (казаки, шорцы, танну-тувинцы, табл. 3), мы приходим к следующим выводам.

1. Туркмены занимают явно промежуточное положение между европеоидами и монголоидами по большинству признаков, вошедших в таблицу.

2. В то же время туркменские группы резко отличаются друг от друга. Сравнивая параметры обследованных групп между собой, мы видим, что эти различия идут в определенном направлении от наибольшей европеоидности иомудов до наибольшей монголоидности кавказских туркмен.

3. Эти данные с полной очевидностью свидетельствуют о расовой гибридности наших туркмен, образовавшейся в результате взаимодействия европеоидной расы и монголоидных.

Иомуды Хорезма наиболее европеоидны; монголоидная примесь у них слаба, но она выступает все же значительно резче, нежели у тюрков АССР, не говоря об ингушах.

Чаудыры Кавказа наиболее монголоидны, но и они ни в коей мере не являются чистыми монголоидами – по многим признакам они выходят за пределы вариации монголоидных рас, а если учесть малую вероятность участия в их расообразовании североазиатского узколицевого элемента (так как этому противоречит большая абсолютная ширина лица) и сравнивать их лишь с центральноазиатским и южносибирским типами, то и по большинству признаков первого порядка, представленных в таблице.

Факт гибридности туркмен и межгрупповых различий, помимо данных анализа отдельных признаков, подтверждается таблицей суммарных комплексов (табл. 4). Из таблицы ясно виден факт увеличения гибридного и монголоидного комплекса у чаудыров Хорезма и особенно Кавказа по сравнению с иомудами.

¹ Материалы по ингушам собраны экспедицией Государственного института антропологии 1932 г. (руководитель Г.Ф. Дебеч). Выбор этой группы произведен условно без предположения о родстве ингушей и туркмен.

Таблица 3. Сопоставление туркмен по важнейшим таксономическим признакам первого порядка с тюрками и монголоидами Северной Азии

Признаки	Тюрки	Туркмены			Вариация в пределах трех монголоидных типов Северной Азии
		Хорезм		Северный Кавказ	
		Иомуды	Чаудыры		
Рост бороды (М)	3,88	3,38	2,49	2,08	1,17—1,65
» % особей со слабой бородой (I-II)	9,6	12,6	52,3	71,4	80—97
Высота переносья (М)	2,60	2,17	1,77	1,78	1,13—1,92
» % низких переносьев	0	7,5	28,3	27,9	10—87
Наклон осей носовых отверстий	2,34	2,21	1,95	1,79	1,53—1,75
Эпикантус %	0,9	6,6	24,6	8,0	15—47
Складка верхнего века	32,8	66,0	80,0	79,8	85—100
» % среднего и сильного развития	3,4	8,0	23,0	22,8	40—70
Высота верхней губы (М)	1,80	1,92	2,20	2,40	2,14—2,58
Выступание верхней губы (М)	2,09	1,90	1,57	1,50	1,14—1,62
Горизонтальная профилировка (М)	2,39	2,14	1,77	1,39	1,10—1,90
Ширина лица скуловая (mm)	1,40	138	142	146	142—153

Таблица 4. Расовые комплексы

Расовый тип	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Монголоидный	32	48,5	64	56,6	27	40,3	123	50,0	46	24,6	4	3,8
Смешанный	32	48,5	40	35,4	29	43,3	101	41,1	87	46,5	14	13,5
Европеоидный	2	3,0	9	8,0	11	16,4	22	8,9	54	28,9	86	82,7
Типы 2-го порядка (Монголоидные)												
Южносибирский	16	50,0	28	43,7	9	33,3	53	43,1	10	21,8	—	—
Центральноазиатский	11	34,4	24	37,5	8	29,6	43	35,0	18	39,1	2	—
Неопределенный	5	15,6	12	18,8	10	37,1	27	21,9	18	39,1	1	—
N	66		113		67		246		187		104	

в) Расовая принадлежность монголоидного компонента

Когда мы имеем дело со смесью монголоидных и европеоидных элементов, выделить в гибридной(ых) группе(ах) расы второго порядка крайне трудно. Эта задача разрешается лишь в том случае, когда типологические различия между компонентами по признакам, характеризующим расы второго порядка, перекрывают различия, обусловленные первичной гибридизацией. В нашем конкретном случае речь может идти о выявлении участия в расообразовании туркмен трех основных расовых типов Н. S. Asiaticus Северной и Центральной Азии: североазиатского, центральноазиатского и южносибирского.

Надо сказать прямо, что определенного ответа на этот вопрос материал не дает.

Несомненно, что вероятность участия североазиатского элемента в его урало-алтайской разновидности: длинноголовой, узколицей (вогулы, шорцы) – невелика. На это указывает факт определенной тенденции к брахицефалии и широколицести в связи с увеличением процента монголоидности по отдельным признакам и комплексам в сравниваемых группах. Сочетание наибольшей монголоидности у кавказских туркмен с шириной лица 145–146 мм исключает значительную примесь урало-алтайского подтипа.

Значительно сложнее вопрос об участии палесибирского типа (поддлинноголового, массивного, широколицего с сильно покатым лбом и резко выраженным надбровьем). Априорно отрицать возможность его примеси нельзя, поскольку географически длинноголовый тип соприкасался с палесибирским и в Сибири, и в Европе (гунны, см. <Bartucz 1929>). Но если даже и считать, что палесибирский тип частично участвовал в расообразовании туркмен, то: 1) следы его приходится искать скорее на Кавказе, чем в Хорезме, 2) во всяком случае монголоидный элемент не исчерпывается палесибирским. На первое указывает одинаковое развитие надбровья и наклон лба у чаудыров Хорезма и иомудов (если монголоидность чаудыров Хорезма палесибирского происхождения, то у них по сравнению с иомудами наклон лба должен был быть сильнее). У чаудыров Кавказа надбровье более сильное, что не стоит в противоречии с участием палесибирского комплекса. Против говорит меньший наклон лба. Различия в типе кавказских и хорезмских чаудыров дают более или менее определенные указания на гетерогенность монголоидного элемента.

Исторические данные указывают на соприкосновение туркмен и их предков гузов с другими народностями турко-монгольского корня, среди которых можно назвать в первую очередь казаков и калмыков (кавказские туркмены) и «исторических» монголоидов Средней Азии. Поэтому целесообразно выяснить сравнительное участие в образовании физического типа туркмен центральноазиатского (брахи- и суббрахицефального) и южносибирского (брахицефального) элементов, тем более что факт большей брахицефальности монголоидного компонента туркмен доказывается простым сопоставлением средних групповых величин.

Обладающие по сравнению с кавказскими чаудырами большей примесью европеоидного типа хорезмские чаудыры, вместе с тем, характеризуются равной высотой переносья, значительно большим процентом эпикантуса, равной складкой верхнего века и менее сильно развитым надбровьем.

Правда, последнее различие находится в некотором противоречии с большим наклоном лба у хорезмцев, но большой наклон в данном случае скорее свойствен

европеоидному средиземноморскому компоненту. Различия кавказских и хорезмских чаудыров стигматизируют в известной степени возможность большего участия южносибирского типа на Кавказе. Центральноеазиатский тип безусловно встречается во всех группах.

Обращаясь к внутригрупповым характеристикам, можно получить некоторое подтверждение сказанному о гетерогенности монголоидного компонента из таблицы суммарных комплексов (определенных в процессе полевых исследований). В монголоидном облике туркмен, наряду с неопределенными комплексами (смешанного или неизвестного характера) проявляются довольно отчетливые черты южносибирского и центральноазиатских типов. При этом в Хорезме южносибирский тип встречается реже, что согласуется с метрической характеристикой. Для проверки реальности наших субъективных типологических отметок мы произвели дополнительную разработку кавказских материалов. Из общего числа исследованных были отобраны бланки с отметками: европеоидный, южносибирский, центральноазиатский «тип». По каждой из этих подгрупп были разработаны описательные и часть измерительных признаков. Результаты разработки представлены на табл. 5. Помимо подтверждения некоторых наших теоретических положений о качественной специфичности расы как биологического коллектива¹, таблица объективизирует наши заключения о неоднородности монголоидного элемента и о наличии во всяком случае и центральноазиатского и южносибирского типов. В самом деле, мы наглядно видим, что различия выделенных нами типов идут как раз в направлении, с одной стороны, к казакам (южносибирский тип), с другой – к танну-тувинцам (центральноазиатский тип), и с третьей, как это ясно теперь при наличии в нашем распоряжении иомудской группы, – к описанному ниже средиземноморскому европеоидному комплексу.

Отмеченные различия проявляются не только в описательных, но и в некоторых измерительных признаках, в частности – головы и лица.

Таким образом, гетерогенность монголоидного элемента более или менее очевидна.

г) Выделение европеоидного компонента

Если оставить в стороне палесибирский тип, участие которого в расогенезе туркмен проблематично, то два других монголоидных типа не являются чужими для Средней Азии. Они распространены и у других турецких народностей Средней Азии, как показывают подготовляемые нами к изданию сборы экспедиций 1928–1931 гг.

Европеоидный элемент в расовом отношении, казалось бы, также должен был быть родственен уже известным европеоидным типам Средней Азии. Последние, как показывают исследования Л.В. Ошанина и наши, составляют довольно характерную совокупность, названную нами условно «памиро-ферганской». Ее отличительные черты (оставляя в стороне множественность подгрупп внутри «па-

¹ Под человеческими расами мы понимаем «снимающиеся» историей биологические коллективы людей, объединенных генетической общностью морфологического и б. м. физиологического строения.

миро-ферганского» типа): брахицефалия, более или менее прямой лоб, сравнительно темная пигментация, умеренно узкое лицо (138–142 мм).

Между тем, как показало нам предыдущее, ослабление долихоцефалии (или усиление брахицефалии) у туркмен определенно связывается с монголоидным комплексом, а не с европеоидным. Европеоидный тип, лежащий в основе туркмен, долихоцефален, причем характерный для него индекс около 75 является наименьшим в СССР.

Таблица 5. Суммарные особенности выделенных индивидуальных типов среди туркмен Ставропольского округа

Признаки	Центрально-азиатский тип	Южносибирский тип	Средиземно-морский тип
Цвет глаз	1,78	1,71	1,86
Рост бороды	1,54	1,95	2,84
Лицо овальной формы	2,4	45,5	81,0
Лицо пятиугольной формы %	40,5	38,2	19,0
Лицо округлой формы %	55,8	3,6	—
Горизонтальная профилировка	1,05	1,38	1,95
Наклон лба	2,59	2,08	2,48
Развитие надбровий	1,48	2,33	1,65
Высота переносья	1,41	1,84	2,30
Поперечный профиль	1,60	2,10	2,44
Спинка носа костная	2,05	2,41	2,52
Спинка хрящевая	1,76	1,84	2,09
Кончик носа	1,79	2,07	2,34
Основание носа	1,76	2,02	2,26
Наклон ноздрей	1,35	1,93	2,26
Формула глаза	$E_{14} P_{110} M_{143} D_{143}$	$E_4 P_{62} M_{101} D_{101}$	$E_0 P_{48} M_{87} D_{87}$
Высота верхней губы	2,56	2,54	2,19
Выступание верхней губы	1,32	1,58	1,81
Толщина губ	1,66	1,33	1,43
Рост	1618	1645	1647
Продольный диаметр	192,8	194,7	191,5
Поперечный диаметр	153,7	155,7	150,0
Наименьший лобный диаметр	110,2	110,7	107,0
Ширина лица верхняя	146,5	149,4	141,9
Ширина лица нижняя	113,6	114,6	109,9
Длина лица	129,2	133,9	129,0
Ширина носа	37,4	37,1	34,3
Высота верхней губы	18,8	18,7	17,7
Толщина губ	14,6	12,7	13,1
Головной указатель	80,0	80,2	78,5
Носовой указатель	69,5	67,0	63,3
N	44	57	23

Надо отметить, что имеется ряд указаний, преимущественно исторических, о том, что долихоцефалия туркмен может обуславливаться практиковавшейся

скифо-сарматскими племенами (а также и туркменами) своеобразной деформацией, ведущей к уменьшению индекса. Но произведенное Е.Г. Либманом и Д. Иомудской (во время экспедиции) специальное исследование показало, что надеваемый на голову грудного ребенка войлочный «капор» механически не может вызвать долихоцефального изменения мозговой коробки. У детей, так же как и у взрослых, отмечена была специфичная вытянутая форма головы. Против признания за деформацией причины долихоцефалии у туркмен с полной определенностью говорят и закономерности в строении и сочетаниях мозговых осей.

Известен факт большой теоретической значимости, открытый Пирсоном и Чепурковским, – наличие отрицательной междурасовой корреляции продольного и поперечного диаметров головы.

В Средней Азии, как мы покажем в других работах, группы с большим длинником обладают зачастую и меньшим поперечником. Туркмены находятся в нижнем левом углу корреляционной решетки, у них наибольший продольный и наименьший поперечный диаметры. В правом верхнем углу помещаются уйгуры.

Известен и другой факт – наличие положительной внутрирасовой групповой связи между теми же диаметрами. Противоположный характер этих закономерностей указывает на расовую неоднородность населения в пределах изучаемой территории (или иной группировки).

Нарушение положительной корреляции между продольными и поперечными диаметрами внутри группы является показателем ее смешанности (Ярхо, Дебеч).

Для нас представляют интерес два факта: 1) сравнительно значительная положительная корреляция длинника и поперечника у иомудов и 2) нарушение корреляции у чаудыров Хорезма.

Второе стоит в связи с уже отмеченной нами примесью более брахиоидного элемента.

Первое подтверждает расовый, а не искусственный характер долихоцефалии у туркмен. Если бы свойственный туркменам расовый тип был мезоцефальным (не говоря уже о брахицефалии), то искусственная деформация головы в сторону увеличения длинника и уменьшения поперечника вызвала бы отрицательную внутригрупповую корреляцию между длинником и поперечником. Между тем более долихоцефальная группа иомудов дает большой положительный коэффициент корреляции (+ 0,36), что не могло быть, если бы долихоцефалия обуславливалась искусственной деформацией. Малая величина головного указателя туркмен почти абсолютно исключает, по крайней мере у хорезмских иомудов и чаудыров, сколько-нибудь значительное участие брахицефального европеоидного типа. Если последний и принял некоторое участие, то лишь вместе с монголоидным брахиоидным элементом, хотя значительное понижение высоты переносья у хорезмских чаудыров говорит против этого предположения.

Таким образом, резкая долихоцефалия туркмен-иомудов и соображения, указанные выше, о монголоидном типе (большая брахиоидность монголоидного компонента), разрешают считать европеоидную основу всех обследованных нами туркмен гомогенной².

² Это внешне находится в противоречии с резкой смешанностью и переходами в физическом типе других народностей Средней Азии, но в социальном отношении вполне

Естественно, что при подобном разрешении вопроса характеристика этого европеоидного типа должна вытекать, в первую очередь, из описанных нами суммарных особенностей типа иомудов. Но можно ли пользоваться безоговорочно суммарным типом иомудов для характеристики европеоидного компонента в его «чистой» форме? На этот вопрос нельзя дать утвердительного ответа, поскольку известная примесь монголоидной крови не чужда и иомудам. Основной европеоидный тип мог еще резче выявить расово-морфологические тенденции ряда: чаудыры Кавказа – чаудыры Хорезма – иомуды. Если учесть это монголоидное влияние, то основной европеоидный тип в его «чистой» форме, вероятно, характеризовался бы: на 1–1,5 см большим ростом (т. е. не 166,4, а 167–168 см), на 1 мм большим длинником (т. е. 195 мм), на 1 мм меньшим поперечником (145 мм), еще более низким головным указателем (73–74), меньшим лобным (около 104) и нижнечелюстным (106) диаметрами, меньшей на 1 мм шириной лица (137 мм). Естественно, что рост бороды у этого типа должен был быть несколько больше, монголоидные особенности глаза сглажены, нос более резко выступающим и т. д. Вопрос о пигментации волос остается открытым, т. к. данных за большую депигментацию волос в нас нет. Что же касается глаз, то хотя для иомудов и характерен наибольший процент смешанных оттенков, но в расово-диагностическом отношении гораздо важнее факт почти полного отсутствия вообще у туркмен действительно светлых глаз (без зеленовато-коричневых включений). Что же касается процента смешанных глаз, то имеются монголоидные группы, у которых процент примеси зеленоватых оттенков еще больше, чем у туркмен (шорцы, казаки юго-восточного Алтая; Ярхо).

Таким образом, без особого труда реконструируется европеоидный тип, лежащий в основе обследованных нами туркмен. Он, как сказано выше, близок к суммарному типу иомудов Хорезма.

Вообще же наши туркмены в расовом отношении неоднородны: как показывает расовый анализ, они состоят из одного европеоидного и нескольких монголоидных типов.

3. Туркменский долихоцефальный тип и его место в расовой систематике

а) Принципы выбора групп для сопоставления

Турколог, вероятно, заинтересуется более детальной характеристикой монголоидного элемента. Конечно, небезынтересно провести сравнительно морфологические параллели, разрешить вопрос о связях выделенных нами центральноазиатских и южносибирских подтипов, определить, является ли наличие этих типов результатом гибридизации или вариантами единого монголоидного эволюционирующего слоя.

объясняется национальной племенной и родовой эндогамией хорезмских туркмен. Как показали данные опроса, в период последних 50 лет браки заключались лишь в пределах своего племени и иомуды не смешивались с чаудырами. На Кавказе, как показали наши данные, туркмены смешиваются с туркоидными ногайцами, европеоидными татарами (у которых, по-видимому, имеется европеоидный элемент, родственному основному туркменскому). Прежде происходило смешение с калмыками и казаками (Щеглов, наши записи).

Но в данном случае мы считаем более значительной проблемой положение европеоидного туркменского долихоцефального типа в расовой систематике. Ибо в нем, а не в монголоидном компоненте, расовая специфичность туркмен. Долихоцефалия туркменского типа для анализа своего происхождения требует сравнения с соответствующими типами Евразии и Африки, которые морфогенетически могут находиться в наибольшей близости к туркменам.

Но можно ли основываться на одной долихоцефалии или еще нескольких аналогичных признаках для разрешения поставленной проблемы?

Роланд Диксон считает вполне обоснованным выделение расовых типов по головному, высотному и носовому указателям. При этом у него объединяются в «каспийский» тип русские и эскимосы, сардинцы и японцы. Гриффит Тэйлор объединяет эскимосов и негров (<Taylor 1927: 42–43>).

Общность брахицефалии давала повод для объединения: альпийцев и монголов (ряд авторов). В.В. Бунак (<Бунак 1922>), разрешая проблему происхождения краниологических типов и строя эволюционную схему на основании абсолютных размеров черепа (ширины, длины и высоты), объединяет арабов, эфиопов, эскимосов, негров Судана и кафров в общий тип «sdo» (<Там же: 44>), который в эволюционной схеме (<Там же: 48>) занимает определенное промежуточное место между близкими по этим размерам другими типами.

Если следовать принципам названных исследователей, мы могли бы сравнить наших долихоцефальных туркмен со всеми долихоцефальными группами земли.

Но по принципам, сформулированным в наших других работах, мы считаем разрешение проблемы Диксоном (<Dixon 1923>), Тэйлором (<Taylor 1927>) и в ранней работе В.В. Бунака неправильным и больше того – явно идеалистическим, не соответствующим самому ходу процессов расовой дифференциации (хотя Диксон и озаглавивая без всякого на то основания свою книгу «Расовая история человека»). Основные расовые группировки, вытекающие из генетических расовых соотношений, выделяются не по головному указателю, а по другим более важным расово-диагностическим признакам: пигментации, мягким частям лица, волосяному покрову, горизонтальной и вертикальной профилировке и т. д. По отношению к этим основным признакам, позволяющим выделить большие расы (первого порядка), головной указатель является при всей его (хотя и оспариваемой многими ценностями для расовой систематики лишь вторичным, гораздо менее важным диагностическим признаком. В самом деле нелепо утверждать, что между монголом и альпийцем физическое родство больше, чем между альпийцем и северным европейцем, что негр ближе к эскимосам, чем последние хотя бы к казакам. Старое представление о том, что монголы брахицефальны, в настоящий момент должно быть оставлено. Мы знаем, что имеются и длинноголовые и короткоголовые и среднеголовые монгольские типы, не говоря о различиях в абсолютных размерах.

Европеоиды, как известно, также бывают и брахи- и долихоцефальные. И у негроидов головной указатель и его компоненты обнаруживают групповую вариацию.

Исходя из сформулированного нами принципа таксономической неравноценности рас и расовых признаков, мы должны ограничиться в выборе типов для сравнения с нашим долихоцефальным элементом.

Поскольку его европеоидная принадлежность является доказанной, было бы неправильно искать родственные связи на данном стадийном этапе расовой эволюции среди долихоцефальных негров, австралийцев, камчадалов и эскимосов.

Естественно, что внутренняя логика проблемы заставляет обратиться к европеоидным расам. Для этих рас головной указатель наряду с цветностью и ростом является признаком большого расово-диагностического значения, поскольку европеоидные расы второго порядка как раз и выделяются по этим трем (в первую очередь) признакам.

Головной указатель резко дифференцирует туркменский долихоцефальный тип от брахицефальных европеоидных типов Евразии (альпийского, арменоидного и др.). Следовательно, нам нет необходимости брать эти группы для ближайшего сравнительного анализа, а в первую очередь следует обратиться к более долихоцефальным европейцам.

б) Длинноголовые европеоиды и их расовые особенности

Длинноголовые европеоиды также не представляются едиными в расовом отношении.

Население Северной Европы. Величины роста большей частью колеблются между 172 и 175 см. Волосяной покров у северной расы умеренный. Волосы или прямые или слегка волнистые, мягкие. Пигментация значительно понижена. Хотя цвет волос у северной расы вовсе не является совершенно светлым [по Лундборгу около 90% оттенков волос в Швеции темные и светло-коричневые; по Брину и Шрейнер (<Bryn, Schreiner 1929>) в Норвегии – 70%], все же факт депигментации волос налицо. Особенно резко процесс депигментации захватывает глаза. Процент темных глаз в Швеции составляет 10,4 (Лундборг), в Норвегии 2 (Брин и Шрейнер). Продольный диаметр головы значителен (от 194 до 197 мм), поперечный – средний (от 150 до 155). Головной указатель редко спускается ниже 77,5, варьируя до 79. Наименьший лобный диаметр 104–106 мм, ширина скуловая б. ч. 136–138 мм, но иногда доходит до 143 мм (Норвегия; <Schreiner 1930>). Длина лица 122–128 мм. Морфологический лицевой указатель 89–94. Нижнечелюстной диаметр сильно колеблется (103–113 мм), в среднем составляя 105–106 мм. Длина носа в среднем 57–58 мм. Ширина носа 35–36 мм. Носовой указатель лепторинный, в среднем около 62–63 (хотя встречаются и большие величины). Таковы метрические особенности северного типа (*Homo nordicus*). Не следует думать, что северный тип однороден. Вариация окраски роста, головных и лицевых размеров позволяет даже наметить подтипы или даже самостоятельные расы, например дальскую, близкую к кроманьонскому типу. Так называемый «восточный великорусс» по комплексу признаков во многом напоминает «северную расу», отличаясь несколько меньшим ростом, сравнительно большим скуловым диаметром (у русских Алтая до 142 мм; <Ярхо 1933>) и немного более темной пигментацией. Возможно, что этот тип является одним из переходов от средиземноморной к северной расе длинноголовых европейцев (<Дебец 1933; Ярхо 1933>).

Юго-западная Европа (Испания, Южная Италия) заселена так называемой иберийской – островной (<Deniker 1926>) расой. Рост ее значительно ниже

среднего (колебания от 160 до 164,5 см). Пигментация более темная, чем у северного типа; процент темных волос доходит до 90–95, процент темных глаз составляет 75–85. Рост третичного волосяного покрова более обильный, чем у северного типа. Волосы широко- или узковолнистые, сравнительно плотные. Продольный диаметр в среднем несколько меньше, чем у северной расы (190–191 мм), поперечный также (150–151 мм). Головной указатель 77–78%. Наименьший лобный диаметр около 105 мм (Испания; Баррас, по Куну <Coon 1931>). Ширина лица скуловая (у испанцев; Баррас) очень низкая – 133 мм. Нижнечелюстной диаметр крайне малый – 102 мм (Испания; Баррас). Высота лица около 120 мм (Испания). Лицевой указатель 89 (Испания). Длина носа 56 мм, ширина 33 мм. Носовой указатель около 62 (Испания), 66 (Сардиния). Этот комплекс варьирует меньше, чем северный, что, быть может, связано с его более древним, нежели северный тип, происхождением.

Северная Африка заселена так называемым хамитическим типом (Деникер), служившим предметом многочисленных исследований, особенно в связи с египтологическими проблемами. Приведем характеристику народности рифов, весьма обстоятельно исследованной Куном. Параллельно приведем некоторые сравнительные данные по кабилам и другим группам. Рост значительно выше, чем у южных европейцев, но не достигает величин северной расы (рифы – 169 см, другие группы – 166–168 см). Пигментация волос темная, глаз несколько светлее, чем у южных европейцев. Процент темных глаз колеблется от 42,5 (рифы) до 82 (кабилы), процент светлых глаз крайне незначителен (не более 2; рифы). Средний балл около 1,5 (рифы). Рост бороды умеренный. Волосы волнистые. Эпикантус редок (2%). Складка века развита слабо. Переносье средней высоты (2,1; рифы). Спинка носа прямая или выпуклая. Продольный диаметр головы варьирует в пределах 190–195 мм, поперечный невелик (144–149), причем наиболее характерна величина 145–146 (рифы). Головной указатель подлинно долихоцефальный – 74–75%; иногда несколько больше. Наименьший лобный 105–106 мм. Высота лица 122–124 (рифы). Лицевой указатель 91, лептопрозопный. Длина носа 54–55 мм, ширина 34–35 мм. Носовой указатель 64–65% (у кабилов он доходит до 72).

Еще Коллинзон отмечал неоднородность хамитической (берберской) расы, выделяя в ней 4 элемента (см. <Deniker 1926>). Кун также констатирует множественность типов в Северной Африке. Депигментация связывается отчасти с возможностью североευропейской или кроманьонской примеси. Но, может быть, мы имеем и здесь дело с депигментационными тенденциями.

Относительно Арави сведения скудные. В северной части головной указатель значительно ниже, чем в южной (Йемен), где он порой даже суббрахицефальный.

В Индии, если оставить в стороне дравидическую и монголоидную примеси, довольно отчетливо выделяется длинноголовый европеоидный тип («кино-афганская раса» Деникера). В качестве более или менее типичного представителя этого типа могут служить сикхи (<Eickstedt 1921>). Цвет кожи средне-пигментированный (№№ 12–15 шкалы Лушана). Волосы черные (№ 27), плоско-волнистые. Глаза преимущественно темно-карие, смешанные встречаются редко. Прорез глаз широкий. Третичный волосяной покров большей частью обильный, но не очень сильный. Лоб часто покатый, с сильным надбровьем. Переносье высокое. Рост высокий (172,1), длина головы большая (195,5), ширина головы (144,9), лба (103,4),

скуловая (136,7), нижнечелюстная (103) – весьма незначительные. Высота лица: морфологическая 123,2, физиономическая 189,4. Высота носа 55,6, ширина носа 35,5. Головной указатель резко долихоцефальный – 73,8, лицевой: морфологический 90,0, физиономический 76,3. Носовой указатель лепторипный 64,8.

По Монтандону для индо-афганской «подрасы» (одной из семи, выделяемых им в Индии) рост колеблется между 166 и 175 см, головной указатель от 72,3 до 74,4, носовой от 66,9 до 75,5. Однако весьма вероятно, что высокий носовой указатель является результатом дравидийский или еще более древних примесей. Сходные с этим типом черты показывают цыгане.

Среди европеоидного населения СССР длинноголовые типы встречаются у так называемого «восточного великорусса» (см. выше), у цыган (индо-афганская раса), белдужей (<Joyce 1926>), западных черкес, тюрков (<Курдов 1912; Ярхо 1932>), курдов.

Курды. Пигментация их темная. 96% обладают черными волосами и темными глазами. Рост 168,6 мм. Продольный диаметр 189, поперечный 147, головной указатель поддлинноголовый. Длина лица короткая (183 мм), ширина – ниже средней – 138 мм. Носовой указатель лепторипный (<Djawachischwili 1925>). Западные черкесы (Левин) обладают близким комплексом признаков, но более депигментированы.

Большой интерес представляют данные палеоантропологии, свидетельствующие о широком распространении длинноголового типа по СССР. По Г.Ф. Дебецу (<Дебец>) длинноголовое древнее население широко распространялось от Белоруссии до Прибайкалья (в настоящее время его ареал сужен). И скифо-сарматы (включая тагарцев Минусинского края), и древние славяне (радимичи, кривичи, дреговичи) обнаруживают вариацию в пределах близких расово-морфологических типов. Если учесть соотношение черепных и головных размеров, то наиболее близкими по типу к туркменам являются скифы Украины (продольный диаметр 190, поперечный 138, скуловой 132, черепной указатель 73, носовой 45; Дебец). Тагарцы Минусинского края обладают более широким лицом (137 мм на черепе).

Резюмируя обзор данных о вариации признаков у длинноголовых европеоидных типов, мы должны признать и наличие общих и дифференцирующих черт. Наиболее крайние варианты: северный и средиземноморский типы. Ориентальная раса (по Фишеру), в известной мере индо-афганцы и особенно долихоиды СССР занимают переходное место [этот вопрос освещен Г.Ф. Дебецем (<Дебец 1933>)]. Но, несмотря на переходы, на невозможность более или менее точно очертить морфологические границы признаков северного и средиземноморского типов, особенно на черепе (в этом отношении некоторые попытки сделали В.В. Бунак и Г.Ф. Дебец, но и они не являются в полной мере убедительными), имеются несомненные расово-морфологические тенденции к группировке внутри долихоцефальных европеоидных групп. Северная раса характеризуется наибольшей депигментацией, прямоволосостью, тенденцией в высокорослости и, как это ни странно, внутри долихоидов – мезоцефальной тенденцией, особенно в увеличении поперечника головы. Средиземноморский тип (западная раса – westischer Typus) характеризуется тенденцией к низкорослости, курчавоволосости, наименьшей депигментацией. Ориентальная раса может включить в себя в широком смысле хамитическую, семитическую, индо-афганскую, скифо-сарматскую груп-

пы. Она характеризуется ростом выше среднего, некоторой (небольшой) тенденцией к депигментации, наибольшей долихо- и лептоцефалией (по абсолютным размерам) и наименьшим индексом, очень узким лицом и лепторинией.

в) Туркмены и восточная ветвь средиземноморской расы

Преыдущее нас уже подготовило к выяснению положения расового типа туркмен среди долихоцефалов Евразии. Безусловно отпадает возможность включения их в северную группу (*Homo nordicus*). Против этого включения говорят: меньший рост, почти полное отсутствие светлых глаз и волос, лептоцефалия и низкий головной указатель, совершенно не характерные для северного типа. От южноевропейской ветви средиземноморцев туркмен отличает значительно больший рост, большая депигментация, меньшая курчавоволосость.

Наибольшую близость по совокупности признаков туркмены проявляют к восточным группам средиземноморской расы. Сопоставление средних величин приближает туркменский тип (с исключением монголоидного элемента) к рифам, сикхам и, если можно говорить о сходстве по краниологическим данным, – к длинноголовым скифо-сарматам. В СССР туркмены по типу стоят одиноко. Они значительно долихоцефальнее «восточного великорусса», западных черкес, тюрков и даже курдов.

Все данные говорят за то, что наиболее правильным явится признание их реликтовым массивом, сохранившим в сравнительно чистой форме черты типа, распространенного в более древние времена. Впрочем, не следует полагать, что длинноголовый восточно-средиземноморский тип в СССР исчез полностью. Хотя несомненно, что смена расовых типов в Минусинском крае (<Дебец 1931, 1932>) показывает как бы внезапное перекрытие длинноголового населения южносибирским туркоидным, но весьма вероятно, что некоторая тенденция к уменьшению складки века, выступанию носа и т. д. у современных народностей Южной Хакасии (<Ярхо 1933>) может обуславливаться влиянием данного типа (если не считать его в Минусинском крае «северным», как это полагает, не приводя достаточных убедительных морфологических доказательств, Г.Ф. Дебец). Долихоидные элементы у башкир, казанских татар также могут считаться связанными с этим «скифо-сарматским» элементом, не говоря уже о долихоидных группах Прикавказья. Я придерживаюсь в так называемом динлинском вопросе несколько осторожной позиции и не считаю возможным столь категорически высказываться о северной природе динлинов, как Грум-Гржимайло (<Грум-Гржимайло 1926>), Г.Ф. Дебец (<Дебец 1931>), Монтандон (<Montandon 1928>) и другие. Гораздо вероятнее, чем предполагать какое-то переселение специально из Северной Европы (не отрицая вообще наличия передвижений из Европы в Азию и наоборот) или изначальное панэйкуменное обитание нордийцев и протонордийцев с отрывом этих обоих (Монтандон) элементов от «брюнетической» расы, допустить, что динлинский тип (соответствующий тагарскому) обладал просто наличием несколько больших депигментационных мутаций на единой с другими долихоцефальными группами основе. Л.В. Ошанин (<Ошанин 1926>) считает малопродуктивным выяснение расово-морфологических связей между динлинами и туркменами. Он безусловно прав, когда обращает главное внимание

на установление родственных связей с скифо-сарматами, но связь длинно-голового элемента туркмен с длинноголовыми европеоидными группами Алтае-Саянского нагорья представляет также большой интерес, поскольку подводит нас к проблемам истории турецких языков и их распространения от Алтае-Саянского нагорья и Монголии до Якутии или Передней Азии. Возникает вопрос, не образовался ли турецкий языковый строй у туркмен не в порядке позднейших заимствований, а в более древнюю эпоху на европеоидной расовой основе? И в этом случае можно было бы не связывать наличие монголоидных черт (кстати их древний или более поздний характер также является предметом дальнейших исследований) с турецким языковым строем. Проблема гузов, их исторической географии, распространения, связи с восточными европеоидными типами – одна из темных страниц этно-расовой истории турков, ждущих своего разрешения.

Л.В. Ошанин пришел на основании анализа исторических данных, почти не располагая цифровым материалом, к «скифо-сарматской» концепции. Мы видим, что фактический антропологический материал подтверждает его заключения. Туркмены обнаруживают наиболее близкое родство к восточно-средиземноморской расовой группе.

Таким образом, в серии исследованных нами турецких народностей СССР выделен еще один расовый компонент – европеоидный *Homo sapiens indoeuropeus dolychomorphus D.-R. orientalis* Fisch.

Таблица 6. Рост

Рост в см	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн-Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
142—144	—	1	—	1	—	—
145—147	1	—	—	1	—	—
148—150	—	—	1	1	—	1
151—153	3	5	2	10	3	1
154—156	1	7	5	13	5	3
157—159	8	16	9	33	14	6
160—162	10	26	15	51	26	12
163—165	12	23	17	52	35	26
166—168	7	20	11	38	52	22
169—171	6	16	8	30	33	12
172—174	4	7	1	12	27	12
175—177	1	1	5	7	12	7
178—180	—	—	—	—	1	3
181—183	—	—	—	—	—	—
184—186	—	—	—	—	—	—
187—189	—	1	—	1	—	—
N	53	123	74	250	198	105
M	163,32	163,49	163,55	163,47	166,42	166,37
± m (M)	0,83	0,55	0,68	0,38	0,40	0,56
± σ	6,03	6,06	5,85	6,00	5,55	5,88
V	3,69	3,71	3,58	3,67	3,33	3,53

Таблица 7. Продольный диаметр головы

Диаметр в мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
172—174	—	1	—	1	—	—
175—177	—	1	—	1	2	1
178—180	1	3	2	6	2	2
181—183	1	7	4	12	11	3
184—186	4	12	5	21	13	6
187—189	14	21	14	49	28	14
190—192	12	30	19	61	36	11
193—195	14	24	10	48	38	16
196—198	10	27	8	45	30	31
199—201	8	14	13	35	20	10
202—204	3	5	7	15	16	10
205—207	2	3	2	7	1	2
208—210	1	—	—	1	1	1
211—213	—	—	—	—	1	—
214—216	—	—	—	—	—	—
217—219	—	—	—	—	1	—
N	70	148	84	302	200	107
M	193,45	192,34	193,11	192,81	193,16	194,25
± m (M)	0,70	0,51	0,70	0,35	0,47	0,60
± σ	5,85	6,15	6,39	6,15	6,54	6,30
V	3,02	3,20	3,31	3,19	3,39	3,24

Таблица 8. Поперечный диаметр головы

Диаметр в мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
133—135	—	—	—	—	—	2
136—138	—	—	—	—	3	1
139—141	—	—	1	1	8	13
142—144	2	7	2	11	30	30
145—147	8	15	10	33	34	24
148—150	13	30	18	61	47	16
151—153	20	31	26	77	44	20
154—156	7	27	11	45	20	1
157—159	13	18	10	41	11	—
160—162	3	15	4	22	2	—
163—165	2	4	1	7	1	—
166—168	2	1	1	4	—	—

Диаметр в мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
N	70	148	84	302	200	107
M	153,07	152,97	152,14	152,76	149,00	145,7
$\pm m (M)$	0,64	0,43	0,53	0,30	0,36	0,42
$\pm \sigma$	5,34	5,28	4,83	5,19	4,98	4,35
V	3,49	3,45	3,17	3,40	3,34	2,98

Таблица 9. Головной указатель

Указатель в %	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
66	—	—	—	—	—	1
67	—	—	—	—	—	—
68	—	—	—	—	—	—
69	—	—	—	—	—	1
70	—	—	—	—	1	2
71	—	1	1	2	4	5
72	—	—	—	—	7	7
73	1	4	2	7	9	13
74	1	4	5	10	20	12
75	5	6	2	13	23	17
76	8	14	5	27	23	20
77	6	9	9	24	29	12
78	8	12	13	33	25	8
79	9	21	10	40	12	2
80	8	20	16	44	14	2
81	11	15	8	34	11	1
82	6	10	2	18	4	3
83	5	17	2	24	10	1
84	1	6	6	13	4	—
85	—	4	2	6	2	—
86	—	3	1	4	1	—
87	—	1	—	1	—	—
88	1	—	—	1	1	—
89	—	1	—	1	—	—
N	70	148	84	302	200	107
M	79,10	79,63	78,96	79,32	77,24	75,16
$\pm m (M)$	0,33	0,27	0,33	0,18	0,23	0,27
$\pm \sigma$	2,76	3,25	3,00	3,09	3,28	2,80

Таблица 10. Высотный диаметр

Диаметр в мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
100—102	—	—	—	—	1	—
103—105	—	—	—	—	1	—
106—108	—	—	—	—	1	1
109—111	—	—	—	—	3	—
112—114	1	1	—	2	3	1
115—117	2	3	1	6	8	1
118—120	—	2	3	5	12	3
121—123	5	17	6	28	15	9
124—126	9	22	17	48	24	10
127—129	11	19	12	42	30	11
130—132	8	14	9	31	28	13
133—135	7	20	12	39	29	16
136—138	5	9	4	18	20	13
139—141	2	7	5	14	11	16
142—144	3	3	1	7	7	7
145—147	—	2	1	3	2	2
148—150	—	2	—	2	—	—
151—153	—	—	—	—	2	1
N	53	121	71	245	197	104
M	129,58	129,88	129,44	129,69	129,13	132,33
$\pm m (M)$	0,91	0,65	0,73	0,43	0,60	0,76
$\pm \sigma$	6,63	7,20	6,18	6,78	8,40	7,80
V	5,12	5,54	4,77	5,23	6,50	5,89

Таблица 11. Высотно-продольный указатель

Указатель в %	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
56	—	—	—	—	4	—
57	—	—	—	—	2	1
58	—	—	—	—	4	—
59	—	1	1	2	2	—
60	2	—	1	3	6	1
61	—	2	—	2	2	—
62	—	7	3	10	11	4
63	4	5	—	9	13	5
64	3	13	8	24	15	2
65	11	13	9	33	9	15

Указатель в %	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
66	6	13	12	31	21	6
67	5	12	5	22	10	7
68	4	11	5	20	20	17
69	5	9	7	21	23	9
70	5	12	9	26	18	6
71	3	4	7	14	10	7
72	1	10	—	11	10	6
73	4	3	1	8	5	7
74	—	2	1	3	5	4
75	—	—	—	—	4	2
76	—	3	1	4	2	2
77	—	—	—	—	—	3
78	—	1	1	2	—	—
79	—	—	—	—	1	—
80	—	—	—	—	—	—
N	53	121	71	245	197	104
M	67,06	67,39	67,32	67,30	66,88	68,40
± m (M)	0,43	0,33	0,40	0,22	0,31	0,39
± σ	3,15	3,63	3,39	3,46	4,42	3,94

Таблица 12. Наименьший лобный диаметр

Диаметр в мм	Северный Кавказ				Диаметр в мм	Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая		Чаудыры	Иомуды
—	—	—	—	—	93—95	—	1
97—99	3	2	2	7	96—98	1	1
100—102	3	8	5	16	99—101	9	19
103—105	12	17	15	44	102—104	40	26
106—108	15	45	24	84	105—107	63	36
109—111	21	27	15	63	108—110	43	11
112—114	11	26	9	46	111—113	29	9
115—117	4	17	9	30	114—116	14	2
118—120	1	2	1	4	117—119	—	—
121—123	—	—	—	—	120—122	1	—
N	70	144	80	294	N	200	105
M	108,36	109,06	108,24	108,67	± m (M)	107,30	104,97
± m (M)	0,53	0,37	0,51	0,26	M	0,29	0,38
± σ	4,44	4,44	4,59	4,50	± σ	4,02	3,93
V	4,10	4,07	4,24	4,14	V	3,75	3,74

Таблица 13. Высота лица физиономическая

Высота в мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
160—162	—	2	—	2	—	—
163—165	—	2	—	2	—	1
166—168	—	1	2	3	1	2
169—171	—	1	6	7	3	4
172—174	2	7	3	12	5	4
175—177	1	6	2	9	8	9
178—180	10	11	9	30	8	9
181—183	8	12	8	28	12	15
184—186	7	14	9	30	16	12
187—189	10	17	9	36	22	6
190—192	6	17	7	30	6	13
193—195	2	7	2	11	2	11
196—198	2	8	5	15	4	3
199—201	—	1	1	2	3	2
202—204	—	1	1	2	3	1
205—207	1	1	—	2	—	—
N	49	108	64	221	93	92
M	185,24	185,03	183,78	184,71	184,87	184,28
$\pm m (M)$	0,91	0,45	1,06	0,55	0,80	0,86
$\pm \sigma$	6,36	8,61	8,52	8,16	7,71	8,28
V	3,43	4,65	4,64	4,42	4,17	4,49

Таблица 14. Высота лица морфологическая

Высота в мм	Северный Кавказ				Высота в мм	Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая		Чаудыры	Иомуды
109—111	—	1	—	1	108—110	—	—
112—114	—	2	—	2	111—113	1	—
115—117	—	1	1	2	114—116	—	4
118—120	1	9	3	13	117—119	1	—
121—123	4	6	8	18	120—122	9	6
124—126	13	21	11	45	123—125	15	13
127—129	16	17	11	44	126—128	28	16
130—132	17	34	15	66	129—131	22	19
133—135	6	17	15	38	132—134	45	21
136—138	10	13	14	37	135—137	38	12
139—141	2	12	2	16	138—140	23	11
142—144	1	10	2	13	141—143	7	3

Высота в мм	Северный Кавказ				Высота в мм	Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая		Чаудыры	Иомуды
145—147	—	1	—	1	144—146	2	1
148—150	—	1	1	2	147—149	5	—
151—153	—	2	—	2	150—152	3	—
154—156	—	1	—	1	153—155	—	—
157—159	—	—	—	—	156—158	1	—
N	70	148	83	301	N	200	106
M	130,06	131,30	130,60	130,82	± m (M)	133,90	130,42
± m (M)	0,60	0,64	0,68	0,39	M	0,48	0,59
± σ	4,98	7,80	6,18	6,81	± σ	6,72	6,24
V	3,83	6,02	4,73	5,20	V	5,06	4,78

Таблица 15. Ширина скуловая

Ширина в мм	Северный Кавказ				Ширина в мм	Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая		Чаудыры	Иомуды
124—126	—	—	—	—	123—125	—	1
127—129	—	—	—	—	126—128	—	3
130—132	—	—	—	—	129—131	2	4
133—135	1	3	1	5	132—134	9	10
136—138	4	15	6	25	135—137	25	27
139—141	4	19	16	39	138—140	51	32
142—144	17	32	22	71	141—143	38	16
145—147	18	25	15	58	144—146	38	10
148—150	13	27	16	56	147—149	28	2
151—153	6	11	3	20	150—152	7	1
154—156	5	9	3	17	153—155	1	—
157—159	2	4	—	6	156—158	1	—
160—162	—	3	1	4	159—161	—	—
163—165	—	—	1	1	162—164	—	—
N	70	148	84	302	N	200	106
M	146,30	145,59	144,79	145,54	± m (M)	141,82	138,16
± m (M)	0,60	0,49	0,57	0,32	M	0,34	0,44
± σ	5,04	5,91	5,25	5,58	± σ	4,80	4,65
V	3,44	4,06	3,63	3,83	V	3,38	3,37

Таблица 16. Лицевой указатель морфологический

Указатель %	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
76	—	1	—	1	—	—
77	1	—	—	1	—	—
78	—	—	—	—	—	—
79	1	1	—	2	—	—
80	2	1	—	3	—	—
81	2	3	2	7	1	—
82	1	1	—	2	1	—
83	1	8	4	13	1	—
84	1	5	1	7	2	1
85	2	7	9	18	1	4
86	8	12	6	26	3	3
87	5	8	2	17	10	2
88	5	9	4	16	9	5
89	9	9	3	21	7	7
90	9	10	7	26	12	2
91	4	12	8	24	16	3
92	6	16	9	31	18	2
93	2	5	8	15	19	12
94	—	7	5	12	21	9
95	5	8	3	16	10	9
96	2	11	4	17	16	9
97	1	3	3	7	10	10
98	1	—	2	3	7	3
99	2	4	1	7	14	7
100	—	—	—	—	6	5
101	—	4	—	4	5	7
102	—	1	1	2	3	2
103	—	—	—	—	4	1
104	—	—	—	—	—	1
105	—	1	—	1	2	—
106	—	—	—	—	1	1
107	—	—	1	1	—	1
108	—	—	—	—	—	—
109	—	—	—	—	—	—
N	70	147	83	300	200	106
M	89,04	90,21	90,53	90,02	93,85	94,57
± m (M)	0,57	0,43	0,53	0,29	0,34	0,48
± σ	4,74	5,17	4,84	4,99	4,75	4,97

Таблица 17. Лицевой указатель физиономический

Указатель %	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
64	—	—	—	—	—	1
65	—	—	—	—	—	—
66	—	—	—	—	—	—
67	—	—	—	—	—	1
68	—	—	—	—	—	—
69	—	3	1	4	2	1
70	—	—	1	1	2	5
71	—	1	—	1	3	8
72	1	2	1	4	7	9
73	2	1	—	3	4	12
74	2	1	4	7	11	7
75	3	12	5	20	7	7
76	4	8	11	23	7	9
77	4	13	4	21	13	8
78	7	12	5	24	8	6
79	5	8	7	20	10	8
80	7	11	5	23	6	5
81	2	7	3	12	5	3
82	2	10	3	15	4	1
83	5	4	2	11	2	1
84	2	5	4	11	1	—
85	1	1	3	5	1	—
86	—	4	3	7	—	—
87	1	2	2	5	—	—
88	1	—	—	1	—	—
89	—	2	—	2	—	—
90	—	—	—	—	—	—
91	—	1	—	1	—	—
N	49	108	64	221	93	92
M	79,04	79,04	78,86	78,99	76,57	74,92
$\pm m (M)$	0,51	0,40	0,51	0,27	0,37	0,38
$\pm \sigma$	3,56	4,16	4,12	4,02	3,52	3,58

Таблица 18. Ширина нижнечелюстная

Ширина в мм	Северный Кавказ				Ширина в мм	Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая		Чаудыры	Иомуды
94—96	—	—	—	—	93—95	—	1
97—99	—	2	—	2	96—98	—	5
100—102	3	1	4	8	99—101	7	5
103—105	2	5	5	12	102—104	12	15
106—108	9	28	13	50	105—107	29	23
109—111	12	25	10	47	108—110	38	22
112—114	16	23	15	54	111—113	46	20
115—117	10	23	13	46	114—116	32	9
118—120	8	16	9	33	117—119	18	4
121—123	6	13	7	26	120—122	12	1
124—126	3	3	3	9	123—125	4	—
127—129	—	4	1	5	126—128	1	—
130—132	1	—	—	1	129—131	—	—
133—135	—	—	—	—	132—134	1	—
N	70	143	80	293	N	200	105
M	113,60	113,34	113,08	113,33	M	111,58	107,89
± m (M)	0,73	0,51	0,71	0,36	± m (M)	0,40	0,52
± σ	6,12	6,12	6,33	6,18	± σ	5,67	5,28
V	5,39	5,40	5,60	5,45	V	5,08	4,89

Таблица 19. Длина носа I

Длина в мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
42—44	—	1	1	2	2	1
45—47	—	4	1	5	15	1
48—50	8	24	15	47	43	18
51—53	19	40	23	82	62	37
54—56	28	34	24	85	51	35
57—59	11	27	10	48	22	1
60—62	5	10	6	21	3	4
63—65	—	3	2	5	1	—
N	70	143	82	295	199	107
M	54,40	53,99	53,83	54,04	52,44	53,29
± m (M)	0,38	0,34	0,44	0,23	0,26	0,31
± σ	3,18	4,08	4,02	3,87	3,66	3,24
V	5,85	7,56	7,47	7,16	6,98	6,08

Таблица 20. Длина носа II

Длина в мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
48—50	—	—	—	—	2	1
51—53	1	7	2	10	10	7
54—56	9	15	11	35	30	17
57—59	5	19	16	40	43	19
60—62	35	49	25	109	78	46
63—65	12	37	14	63	24	11
66—68	8	13	7	28	9	4
69—71	—	2	9	11	3	2
72—74	—	4	—	4	—	—
N	70	146	84	300	199	107
M	61,08	61,31	61,39	61,28	59,64	59,51
± m (M)	0,41	0,36	0,50	0,25	0,28	0,37
± σ	3,55	4,35	4,59	4,26	3,87	3,95
V	5,46	7,10	7,48	6,95	6,49	6,55

Таблица 21. Ширина носа

Ширина в мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
29—30	—	1	2	3	3	—
31—32	6	12	4	22	12	14
33—34	8	22	21	51	43	26
35—36	9	34	22	65	62	26
37—38	21	41	20	82	54	22
39—40	18	23	12	53	18	13
41—42	8	12	1	21	7	3
43—44	—	1	1	2	—	2
45—46	—	—	—	—	—	1
N	70	146	83	299	199	107
M	37,24	36,57	35,89	36,54	35,85	35,80
± m (M)	0,34	0,23	0,29	0,16	0,18	0,29
± σ	2,86	2,82	2,64	2,82	2,46	2,98
V	7,68	7,71	7,36	7,72	6,86	8,32

Таблица 22. Носовой указатель I

Указатель %	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн-Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
49—50	—	1	—	1	—	—
51—52	—	—	1	1	1	—
53—54	1	1	—	2	1	2
55—56	—	2	1	3	2	3
57—58	5	2	5	12	4	2
59—60	1	8	5	14	10	8
61—62	6	17	8	32	13	11
63—64	3	15	7	25	19	19
65—66	7	11	6	24	25	5
67—68	9	14	9	32	14	9
69—70	9	18	12	39	30	11
71—72	7	12	9	28	18	13
73—74	11	16	5	32	21	5
75—76	3	6	6	15	17	7
77—78	1	8	2	11	11	3
79—80	5	4	—	9	8	5
81—82	1	5	1	7	3	2
83—84	1	—	1	2	2	—
85—86	—	2	2	4	—	1
87—88	—	1	—	1	—	1
N	70	143	81	294	199	107
M	68,95	68,60	67,65	68,43	68,99	67,65
± m (M)	0,77	0,58	0,75	0,40	0,44	0,67
± σ	6,44	6,92	6,8	6,80	6,26	7,02

Таблица 23. Носовой указатель II

Указатель %	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн-Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
45—46	—	1	1	2	1	—
47—48	1	2	—	3	1	—
49—50	—	3	1	4	3	3
51—52	4	8	8	20	7	8
53—54	4	8	11	23	10	3
55—56	3	15	9	27	26	17
57—58	8	20	12	40	18	11
59—60	7	23	10	40	33	13
61—62	10	17	10	37	31	11

Указатель %	Северный Кавказ				Хорезм	
	БГдыр	Суюн-Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
63—64	11	11	6	28	26	12
65—66	7	21	4	32	21	6
67—68	8	5	5	18	12	8
69—70	4	3	3	10	7	6
71—72	—	5	2	7	1	2
73—74	3	2	—	5	2	6
75—76	—	—	—	—	—	1
77—78	—	1	1	2	—	—
79—80	—	—	1	1	—	—
N	70	145	84	299	199	107
M	61,73	60,19	59,34	60,30	60,43	60,92
± m (M)	0,68	0,48	0,68	0,34	0,36	0,61
± σ	5,66	5,80	6,26	5,96	5,04	6,34

Таблица 24. Длина уха физиономическая

Длина в мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	БГдыр	Суюн-Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
48—50	—	—	—	—	2	—
51—53	1	4	—	5	8	—
54—56	4	19	8	31	27	6
57—59	10	17	8	35	21	14
60—62	18	42	27	87	72	44
63—65	15	27	17	59	54	25
66—68	16	21	11	48	6	10
69—71	5	8	4	17	8	5
72—74	—	5	2	7	—	2
75—77	—	—	—	—	1	1
N	69	143	77	289	199	107
M	62,78	61,96	62,36	62,27	60,82	62,32
± m (M)	0,50	0,41	0,48	0,27	0,30	0,38
± σ	4,17	4,86	4,23	4,57	4,29	3,93
V	6,64	7,84	6,78	7,32	7,05	6,31

Таблица 25. Ширина уха физиономическая

Ширина в мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
27—28	—	—	—	—	4	—
29—30	—	5	—	5	14	3
31—32	4	19	3	26	34	11
33—34	9	34	16	59	58	23
35—36	24	39	22	85	47	22
37—38	18	23	13	54	19	23
39—40	7	14	11	32	17	15
41—42	6	8	6	20	5	9
43—44	—	1	5	6	1	—
45—46	—	—	—	—	—	1
N	68	143	76	287	199	107
M	36,46	35,39	36,84	36,02	34,37	36,08
± m (M)	0,31	0,25	0,36	0,18	0,22	0,31
± σ	2,52	3,00	3,10	3,00	3,03	3,20
V	6,91	8,48	8,41	8,33	8,90	8,87

Таблица 26. Ширина наружноглазничная

Мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн- Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
81—83	2	2	1	5	1	1
84—86	3	10	5	18	3	4
87—89	8	10	18	36	10	9
90—92	20	51	21	92	26	34
93—95	19	24	12	55	36	26
96—98	14	28	12	54	19	17
99—101	2	7	3	12	7	6
102—104	—	2	—	2	2	6
105—107	—	—	1	1	—	—
N	68	134	73	275	104	103
M	92,45	92,63	91,78	92,36	93,42	93,39
± m (M)	—	—	—	0,36	0,38	0,43
± σ	—	—	—	4,17	3,81	4,29
V	—	—	—	4,51	4,08	4,59

Таблица 27. Ширина междуглазничная

Мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн-Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
23—24	—	1	1	2	—	—
25—26	1	2	1	4	—	—
27—28	3	—	1	4	—	2
29—30	4	18	10	32	6	8
31—32	31	53	29	113	29	37
33—34	17	32	21	70	28	29
35—36	11	19	6	36	19	14
37—38	1	7	1	9	17	10
39—40	—	2	1	3	3	3
41—42	—	—	—	—	2	—
N	68	134	71	273	104	103
M	32,35	32,56	32,09	32,38	34,06	33,19
± m (M)	—	—	—	0,15	0,29	0,25
± σ	—	—	—	2,44	2,94	2,52
V	—	—	—	7,55	8,63	7,59

Таблица 28. Высота верхней губы

Мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн-Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
8—10	—	—	—	—	—	2
11—13	—	4	2	6	4	14
14—16	20	46	27	93	33	34
17—19	18	40	19	77	42	35
20—22	27	39	23	89	20	14
23—25	2	7	3	12	2	2
N	67	136	74	277	101	101
M	18,49	17,98	17,92	18,08	17,50	16,53
± m (M)	0,33	0,25	0,35	0,17	0,26	0,31
± σ	2,70	2,91	2,91	2,88	2,55	3,06
V	14,60	16,18	16,24	15,93	14,57	18,51

Таблица 29. Толщина губ

Мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн-Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
2—4	—	—	—	—	—	1
5—7	2	4	5	11	—	1
8—10	16	21	18	55	9	13
11—13	17	38	19	74	28	24
14—16	22	41	19	82	42	28
17—19	3	15	12	30	18	20
20—22	6	16	2	24	3	11
23—25	1	1	—	2	1	2
26—28	—	—	—	—	—	1
N	67	136	75	278	101	101
M	13,34	14,07	12,84	13,56	14,44	14,85
± m (M)	—	—	—	0,23	0,30	0,42
± σ	—	—	—	3,90	2,97	4,20
V	—	—	—	28,71	20,62	28,28

Таблица 30. Ширина рта

Мм	Северный Кавказ				Хорезм	
	Ыгдыр	Суюн-Джаджи	Чаудыр	Общая	Чаудыры	Иомуды
38—40	—	—	1	1	—	—
41—43	—	6	1	7	—	—
44—46	6	21	6	33	4	3
47—49	13	27	16	56	15	9
50—52	21	57	21	99	42	26
53—55	15	20	17	52	28	36
56—58	10	4	12	26	6	18
59—61	—	—	—	—	3	7
62—64	—	—	—	—	1	1
N	65	195	74	274	99	100
M	51,46	49,69	51,24	50,53	51,91	53,46
± m (M)	—	—	—	0,22	0,33	0,35
± σ	—	—	—	3,66	3,24	3,54
V	—	—	—	7,24	6,24	6,62

Таблица 31. Цвет глаз

Народности		Классы						№ по В.В. Бунаку												Средний балл		
		Светлый (9–10)		Смешанный (5–8)		Темный (1–4)		9–10		8		6–7		5		3–4		2			1	
		%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р		%	р
Ыгдыр	1,69	1,5	1	27,9	19	70,6	48,0	1,5	1	1,5	1	4,4	3	22,1	15	27,9	19	42,6	29	—	—	68
Суюн-Джаджи	1,74	1,5	2	22,6	31	75,9	104	1,5	2	1,5	2	3,7	5	17,5	24	16,1	22	56,8	78	2,9	4	137
Чаудыр	1,85	—	—	14,9	11	85,1	63	—	—	2,7	2	1,3	1	10,8	8	12,2	9	67,6	50	5,4	4	74
Общая	1,76	1,1	3	21,9	61	77,0	215	1,1	3	1,8	5	3,2	9	16,9	47	17,9	50	56,3	157	2,8	8	279
Чаудыры	1,79	—	—	21,2	41	78,8	152	—	—	—	—	3,0	6	18,2	35	29,6	57	47,7	92	1,5	3	193
Иомуды	1,65	—	—	34,9	37	65,1	69	—	—	1,9	2	6,6	7	26,4	28	28,3	30	35,9	38	0,9	1	106

Таблица 32. Рост бороды (после 25 лет)

Степень	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
I	23	37,0	36	27,7	17	27,0	76	29,8	26	17,2	2	2,5
II	22	35,6	59	45,4	25	39,7	106	41,6	53	35,1	8	10,1
III	13	21,0	22	16,9	13	20,6	48	18,9	48	31,8	31	39,3
IV	4	6,5	12	9,2	8	12,7	24	9,4	20	13,2	34	43,0
V	—	—	1	0,8	—	—	1	0,3	4	2,7	4	5,1
N	62		130		63		255		151		79	
M	1,97		2,11		2,19		2,08		2,49		3,38	

Таблица 33. Рост бровей

Степень	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
I	43	64,1	88	64,7	27	42,9	158	59,4	66	33,3	16	15,1
II	20	29,9	43	31,6	32	50,8	95	35,7	119	60,1	71	67,0
III	4	6,0	5	3,7	4	6,3	13	4,9	13	6,6	19	17,9
N	67		136		63		266		198		106	
M	1,42		1,39		1,63		1,46		1,73		2,03	

Таблица 34. Форма бровей

Степень	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Прямые (1)	20	29,9	50	36,8	19	30,1	89	33,5	66	33,3	44	41,9
Дугообразные (2)	39	58,2	58	42,6	34	54,0	131	49,2	70	35,4	40	38,1
Извилистые (3)	8	11,9	28	20,6	10	15,9	46	17,3	62	31,3	21	20,0
N	67		136		63		266		198		105	

Таблица 35. Форма мозговой коробки

Форма	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Пятиугольная (1)	1	2,6	—	—	—	—	1	0,5	1	0,5	1	1,0
Яйцевидная (2)	28	73,7	64	62,1	43	70,5	135	66,8	132	69,8	78	76,5
Эллиптическая (3)	5	13,2	27	26,2	13	21,3	45	22,3	34	18,0	17	16,7
Клиновидная (4)	4	10,5	11	10,7	4	6,6	19	9,4	10	5,3	2	1,9
Округлая (5)	—	—	1	1,0	1	1,6	2	1,0	6	3,2	1	1,0
Прочая	—	—	—	—	—	—	—	—	6	3,2	3	2,9
N	38		103		61		202		189		102	

Таблица 36. Сагиттальный профиль затылка

Форма профиля	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Плоский (1)	1	2,9	1	1,1	1	1,5	3	1,5	6	3,2	—	—
Угловатый (2)	10	29,4	24	26,1	15	23,1	49	25,7	51	27,1	15	14,8
Округлый (3)	23	67,7	67	72,8	49	75,4	139	72,8	131	69,7	86	85,2
N	34		92		65		191		188		101	

Таблица 37. Наклон лба

Наклон	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Слабый (3)	30	42,9	54	38,3	36	48,7	120	42,1	39	19,5	16	14,9
Средний (2)	39	55,7	78	55,3	32	43,2	149	52,3	125	62,5	72	67,3
Сильный (1)	1	1,4	9	6,4	6	8,1	16	5,6	36	18,0	16	17,8
N	70		141		74		285		200		107	
M	2,42		2,32		2,41		2,37		2,01		2,03	

Таблица 38. Развитие надбровья

Форма	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Слабое (1)	33	47,1	52	36,9	27	36,5	112	39,3	111	55,5	49	45,8
Среднее (2)	27	38,6	60	42,6	31	41,9	118	41,4	66	33,0	48	44,9
Сильное (3)	9	12,9	26	18,4	15	20,3	50	17,5	20	10,0	10	9,3
Валик (4)	1	1,4	3	2,1	1	1,3	5	1,8	3	1,5	—	—
N	70		141		74		285		200		107	
M	1,69		1,86		1,84		1,82		1,58		1,63	

Таблица 39. Форма лица

Степень	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Округлая (4)	13	19,4	28	20,6	9	12,5	50	18,1	4	2,0	1	0,9
Прямоугольная (5)	1	1,5	—	—	2	2,8	3	1,1	—	—	1	0,9
Овальная (6)	27	40,3	46	33,8	33	45,8	106	38,6	117	58,5	73	68,9
Пятиугольная (7)	26	38,8	57	41,9	23	31,9	106	38,6	72	36,0	31	29,3
Ромбоидальная (8)	—	—	—	—	—	—	—	—	6	3,0	—	—
Прочая	—	—	5	3,7	5	7,0	10	3,6	1	0,5	—	—
N	67		136		72		275		200		106	

Таблица 40. Горизонтальный профиль лица

Форма профиля	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Плоский (1)	36	58,1	85	70,8	35	50,7	156	62,1	49	24,5	5	4,7
Средний (2)	25	40,3	34	28,4	33	47,8	92	36,7	148	74,0	82	76,6
Сужен спереди (3)	1	1,6	1	0,8	1	1,5	3	1,2	3	1,5	20	18,7
N	62		120		69		251		200		107	
M	1,44		1,30		1,51		1,39		1,77		2,14	

Таблица 41. Высота переносья

Высота	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Низкое (1)	16	22,9	52	37,4	13	17,6	81	27,9	56	28,3	8	7,5
Среднее (2)	51	72,8	82	59,0	53	71,6	186	66,4	131	66,2	73	68,2
Высокое (3)	3	4,3	5	3,6	8	10,8	16	5,7	11	5,5	26	24,3
N	70		139		74		283		198		107	
M	1,81		1,66		1,93		1,78		1,77		2,17	

Таблица 42. Поперечный профиль спинки носа

Форма профиля	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Плоский (1)	15	21,4	28	20,1	23	31,5	66	23,4	25	12,6	10	9,3
Средний (2)	52	74,3	90	64,8	38	52,1	180	63,8	119	60,1	40	37,4
Выдающийся (3)	3	4,3	21	15,1	12	16,4	36	12,8	54	27,3	57	53,3
N	70		139		73		282		198		107	
M	1,83		1,95		1,85		1,89		2,15		2,44	

Таблица 43. Профиль костной части спинки носа

Форма профиля	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Вогнутый (1)	3	4,3	4	2,9	3	4,1	10	3,5	2	1,0	1	0,9
Прямой (2)	50	71,4	93	66,4	46	62,2	189	66,6	142	71,7	73	68,2
Выпуклый (3)	17	24,3	43	30,7	25	33,7	85	29,9	54	27,3	33	30,9
N	70		140		74		284		198		107	
M	2,20		2,28		2,30		2,26		26,2		2,30	

Таблица 44. Профиль хрящевой части спинки носа

Форма профиля	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Вогнутый (1)	23	32,9	30	21,4	15	20,3	68	23,9	36	18,2	9	8,4
Прямой (2)	46	65,7	99	70,7	55	74,3	200	70,5	151	76,3	83	77,6
Выпуклый (3)	1	1,4	11	7,9	4	5,4	16	5,6	11	5,5	15	14,0
N	70		140		74		284		198		107	
M	1,68		1,87		1,85		1,82		1,87		2,06	

Таблица 45. Профиль спинки носа (общий)

Форма профиля	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Вогнутый (1)	11	15,7	15	10,7	10	13,5	36	12,7	17	8,6	3	2,8
Прямой (2)	42	60,0	86	61,4	39	52,7	167	58,8	120	60,6	69	64,5
Выпуклый (3)	7	10,0	26	18,6	20	27,0	53	18,6	41	20,7	29	27,1
Извилистый (4)	10	14,3	13	9,3	5	6,8	28	9,9	20	10,1	6	5,6
N	70		140		74		284		198		107	

Таблица 46. Положение кончика носа

Положение	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Приподнятый (1)	15	21,4	36	25,7	18	24,3	69	24,3	67	33,8	39	36,4
Прямой (2)	42	60,0	70	50,0	41	55,4	153	53,9	86	43,5	45	42,1
Опущенный (3)	13	18,6	34	24,3	15	20,3	62	21,8	45	22,7	23	21,5
N	70		140		74		284		198		107	
M	1,97		1,99		1,96		1,98		1,89		1,85	

Таблица 47. Положение основания носа

Положение	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Приподнятое (1)	16	22,9	33	23,6	23	31,1	72	25,4	87	43,9	46	43,0
Прямое (2)	44	62,8	83	59,3	36	48,7	163	57,3	73	36,9	39	36,4
Опущенное (3)	10	14,3	24	17,1	15	20,2	49	17,3	38	19,2	22	20,6
N	70		140		74		284		198		107	
M	1,91		1,93		1,89		1,92		1,75		1,77	

Таблица 48. Форма носовых отверстий

Форма	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Округлая (1)	4	6,0	6	4,3	2	2,7	12	4,3	5	2,6	1	0,9
Треугольная (2)	3	4,5	4	2,8	1	1,3	8	2,8	9	4,6	2	1,9
Овальная (3)	60	89,5	130	92,9	71	96,0	261	92,9	179	91,3	101	95,4
Прочие формы (4)	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1,5	2	1,8
N	67		140		74		281		196		16	

Таблица 49. Наклон осей носовых отверстий

Наклон осей	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Горизонтальн. (1)	24	35,8	44	31,4	16	21,6	84	30,0	37	18,9	8	7,5
Средний (2)	26	53,7	83	59,3	52	70,3	171	60,8	131	66,8	68	64,2
Параллельный (3)	7	10,5	13	9,3	6	8,1	26	9,2	28	14,3	30	28,3
N	67		140		74		281		196		106	
M	1,75		1,78		1,86		1,79		1,95		2,21	

Таблица 50. Высота крыльев носа

Высота	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Малая (1)	9	12,9	22	15,8	12	16,7	43	15,3	35	17,7	18	7,5
Средняя (2)	43	61,4	91	65,6	43	59,7	177	63,0	136	68,7	70	64,2
Большая (3)	18	25,7	26	18,7	17	23,6	61	21,7	27	13,6	17	28,3
N	70		139		72		281		198		105	
M	2,13		2,03		2,07		2,06		1,96		1,99	

Таблица 51. Выраженность крыльевых борозд

Форма	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Слабая (1)	31	44,3	67	48,2	37	51,4	135	48,1	69	34,8	53	50,0
Средняя (2)	33	47,1	66	47,5	32	44,4	13	46,6	113	57,1	50	47,2
Сильная (3)	6	8,6	6	4,3	3	4,2	15	5,3	16	8,1	3	2,8
N	70		139		72		281		198		106	
M	1,64		1,56		1,53		1,57		1,73		1,53	

Таблица 52. Слияние крыльевой и носогубной борозды

Форма	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Отсутствует (1)	48	68,6	85	61,2	53	73,6	186	66,1	116	58,6	65	61,3
Сливается (2)	19	27,1	50	36,0	16	22,2	85	30,3	64	32,3	37	34,9
Образуют одну линию (3)	3	4,3	4	2,8	3	4,2	10	3,6	18	9,1	4	3,8
N	70		139		72		281		198		106	
M	1,36		1,42		1,31		1,38		1,51		1,42	

Таблица 53. Морфологический тип носа (суммарный)

Группа	Высота переносья	Поперечный профиль спинки носа	Спинка костная	Спинка хрящевая	Спинка общая, выпуклая форма %	Положение кончика	Положение основания	Наклон ноздрей	% овальных ноздрей	Высота крыльев	Выраженность крыльевых борозд	Слияние крыльев и носогубных борозд
Ыгдыр	1,81	1,83	2,20	1,68	10,0	1,97	1,91	1,75	89,5	2,13	1,64	1,36
Суюн-Джаджи	1,66	1,95	2,25	1,87	18,6	1,99	1,93	1,78	92,9	2,03	1,56	1,42
Чаудыр	1,93	1,85	2,30	1,85	27,0	1,96	1,89	1,86	96,0	2,07	1,53	1,31
Общая	1,78	1,89	2,26	1,82	18,6	1,98	1,92	1,79	92,9	2,06	1,57	1,38
Чаудыры	1,77	2,15	2,26	1,87	20,7	1,89	1,75	1,95	91,3	1,96	1,73	1,51
Иомуды	2,17	2,44	2,30	2,06	27,1	1,85	1,77	2,21	95,4	1,99	1,53	1,42

Таблица 54. Отсутствие и наличие складки верхнего века

Форма	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Складки нет	16	23,2	24	17,8	16	21,9	56	20,2	39	19,7	35	33,0
Складка есть	53	76,8	111	82,2	57	78,1	221	79,8	159	80,3	71	67,0
N	69		135		73		277		198		106	

Таблица 55. Складка верхнего века и эпикантус

Отдел	Развитие	Северный Кавказ								Хорезм			
		Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
		р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Проксимальный	0	29	42,0	49	36,3	32	43,8	110	39,7	71	35,9	58	54,7
	1	29	42,0	64	47,4	33	45,2	126	45,5	99	55,0	45	42,5
	2	4	5,8	13	9,6	2	2,7	19	6,9	23	11,6	3	2,8
	3	7	10,2	9	6,7	6	8,3	22	7,9	5	2,5	—	—
	M	0,84		0,87		0,75		0,82		0,81		0,48	
Медиальный	0	19	27,5	26	19,3	18	24,7	63	22,7	39	19,7	36	34,0
	1	33	47,9	77	57,0	41	56,1	151	54,5	113	57,0	62	58,5
	2	7	10,1	19	14,1	5	6,9	33	11,2	31	15,7	7	6,6
	3	10	14,5	13	9,6	9	12,3	32	11,6	15	7,6	1	0,9
	M	1,11		1,14		1,07		1,11		1,11		0,74	
Дистальный	0	17	24,7	26	19,3	17	23,3	60	21,7	41	20,7	35	33,0
	1	35	50,7	77	57,0	42	57,5	154	55,5	111	56,0	63	59,5
	2	7	10,1	19	14,1	5	6,9	31	11,2	31	15,7	7	6,6
	3	10	14,5	13	9,6	9	12,3	32	11,6	15	7,6	1	0,9
	M	1,14		1,14		1,08		1,12		1,1		0,75	
Эпикантус E	0	62	89,9	124	91,9	69	94,5	255	92,1	150	75,4	99	93,4
	1	7	10,1	11	8,1	4	5,5	22	7,9	44	22,1	7	6,6
	2	—	—	—	—	—	—	—	—	5	2,5	—	—
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	M	0,1		0,08		0,06		0,08		0,27		0,07	
N	69		135		73		277		198		106		

Таблица 56. Высота верхней губы

Высота	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Низкая (1)	5	7,8	4	3,0	6	8,7	15	5,6	22	11,1	25	23,6
Средняя (2)	29	45,3	63	47,0	38	55,1	130	48,7	114	57,6	65	61,3
Высокая (3)	30	46,9	67	50,0	25	36,2	122	45,7	62	31,3	16	15,1
N	64		134		69		267		198		106	
M	2,39		2,47		2,27		2,40		2,20		1,92	

Таблица 57. Выступление верхней губы

Выступление	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Прошейлия (1)	31	48,4	82	61,2	27	39,1	140	52,5	88	44,5	20	18,9
Ортошейлия (2)	32	50,0	51	38,0	38	55,1	121	45,2	106	53,5	77	72,6
Опистошейлия (3)	1	1,6	1	0,8	4	5,8	6	2,3	4	2,0	9	8,5
N	64		134		69		267		198		106	
M	1,53		1,39		1,67		1,50		1,57		1,90	

Таблица 58. Толщина верхней губы

Толщина	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Тонкая (1)	38	59,4	64	47,8	48	69,6	150	56,2	118	59,9	72	68,6
Средняя (2)	18	28,1	55	41,0	19	27,5	92	34,5	65	33,0	26	26,7
Толстая (3)	8	12,5	12	9,0	2	2,9	22	8,2	14	7,1	7	4,7
Вздутая (4)	—	—	3	2,2	—	—	3	1,1	—	—	—	—
N	64		134		69		267		197		105	
M	1,53		1,65		1,33		1,54		1,47		1,36	

Таблица 59. Форма уха

Форма	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Овальная	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,0	3	2,8
Яйцевидная	55	79,7	112	83,6	62	84,9	229	83,0	134	68,0	73	68,2
Грушевидная	14	20,3	20	14,9	11	15,1	45	16,3	53	26,9	29	27,1
Эллиптическая	—	—	2	1,5	—	—	2	0,7	7	3,6	2	1,9
Прочие	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5	—	—
N	69		134		73		276		197		107	

Таблица 60. Оттопыренность уха

Степень	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Малая (1)	1	1,5	3	2,1	5	6,8	9	3,2	16	8,1	18	16,8
Средняя (2)	7	10,1	20	14,2	11	14,9	38	13,4	62	31,5	29	27,1
Сильная (3)	61	88,4	118	83,7	58	78,3	237	83,4	118	60,4	60	56,1
N	69		141		74		284		197		107	
M	2,87		2,82		2,71		2,80		2,52		2,39	

Таблица 61. Развитие завитка

Степень	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
I	1	1,5	1	0,7	1	1,4	3	1,0	—	—	—	—
II	5	7,3	15	10,6	12	16,2	32	11,3	10	5,1	3	2,8
III	11	15,9	31	22,0	19	25,7	61	21,5	35	17,8	17	15,9
IV	46	66,7	87	61,7	36	48,7	169	59,5	148	75,1	85	79,4
V	6	8,6	7	5,0	6	8,0	19	6,7	4	2,0	2	1,9
N	69		141		74		284		197		107	
M	3,72		3,58		3,46		3,60		3,79		3,80	

Таблица 62. Развитие противозавитка

Балл	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
1	4	45,8	11	7,8	3	4,1	18	6,3	47	23,8	31	29,0
2	31	44,9	64	45,4	31	41,9	126	44,4	113	57,4	42	39,2
3	34	49,3	66	46,8	40	54,0	140	49,3	37	18,8	34	31,8
N	69		141		74		284		197		107	
M	2,44		2,39		2,50		2,46		1,95		2,03	

Таблица 63. Форма мочки

Балл	Северный Кавказ								Хорезм			
	Ыгдыр		Суюн-Джаджи		Чаудыр		Общая		Чаудыры		Иомуды	
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%
Треугольная (1)	8	11,6	23	16,3	13	17,6	44	15,5	24	12,2	4	3,7
Прямая (2)	20	29,0	37	26,2	27	36,5	84	29,6	41	20,8	14	13,1
Отвислая (3)	41	59,4	81	57,5	34	45,9	156	54,9	132	67,0	89	83,2
N	69		141		74		284		197		107	
M	2,58		2,41		2,28		2,40		2,55		2,79	

Таблица 64. Группы крови у туркмен

Группа	Район	Исследователь	N	O	A	B	AB	RBJ
Иомуды и чаудыры	Пор-Су ТССР	Либман и Ярхо	436	25,9	42,0	25,2	6,9	1,52
Иомуды	Ташаузский окр. ТуркмССР	Минкевич	694	28,7	36,5	27,0	8,2	1,27
Чаудыры	Туркменский р. Сев.-Кавк. края	Вертоградская	381	31,3	34,3	27,9	6,5	1,18

Литература

Бунак 1922 – Бунак В.В. Основные морфологические типы черепа и их эволюция // Русский антропологический журнал. – 1922. – Т. XII. – Вып. 1–2. {V.V. Bunak. The main morphological skull types and their evolution // Russkiy antropologicheskii zhurnal (The Russian Journal of Anthropology). – 1922. – Vol. 12. – Issue(s) 1–2.}

- Грум-Гржымайло 1926 – Грум(м)-Гржымайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Т. II. – Ленинград, 1926. – Т. II. {*G.E. Grum(m)-Grzhimaylo (/Grzhimailo/Grshimailo/Grum-Grzymajlo/Grumm-Grzymajlo)*. Western Mongolia and the Uriangkhai region. – Vol. 2. – Leningrad, 1926. – Vol. 2.}
- Дебец – Дебец Г.Ф. Краткий очерк палеоантропологии СССР (рукопись). {*G.F. Debets*. A summary of paleoanthropology of the USSR (A Manuscript).}
- Дебец 1930 – Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья // Русский антропологический журнал. – 1930. – Т. XIX. – Вып. 1–2. {*G.F. Debets*. The anthropological composition of population of the Baikal region // *Russkiy antropologicheskii zhurnal* (The Russian Journal of Anthropology). – 1930. – Vol. 19. – Issue(s) 1–2.}
- Дебец 1931 – Дебец Г.Ф. Еще раз к вопросу о белокурой расе // Советская Азия. – 1931. – № 5–6. {*G.F. Debets*. Another look at the fair-haired race // *Sovietskaya Aziya* (The Soviet Asia). – 1931. – No. 5–6.}
- Дебец 1932 – Дебец Г.Ф. Расовые типы Минусинского края // Антропологический журнал. – 1932. – № 2. {*G.F. Debets*. Racial types of the Minusinsk region // *Antropologicheskii zhurnal* (The Anthropology Journal). – 1932. – No. 2.}
- Дебец 1933 – Дебец Г.Ф. Так называемый «восточный великорусс» и его место в расовой систематике // Антропологический журнал. – 1933. – № 1–2. {*G.F. Debets*. The so-called “Eastern Great Russian” and his place in the racial taxonomy // *Antropologicheskii zhurnal* (The Anthropology Journal). – 1933. – No. 1–2.}
- Курдов 1912 – Курдов К.М. Азербайджанские татары // Русский антропологический журнал. – 1912. – № 3–4. {*K.M. Kurdov*. The Azerbaijani Tatars // *Russkiy antropologicheskii zhurnal* (The Russian Journal of Anthropology). – 1912. – No. 3–4.}
- Левин 1932 – Левин В.И. Этнографические изменения признаков на Северном Кавказе // Антропологический журнал. – 1932. – № 2. {*V.I. Levin*. Ethnographic characteristic alterations in the North Caucasus // *Antropologicheskii zhurnal* (The Anthropology Journal). – 1932. – No. 2.}
- Ошанин 1926 – Ошанин Л.В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен // Русский антропологический журнал. – 1926. – Т. XIV. – Вып. 1–2. {*L.V. Oshanin*. The millenia-old history of dolichocephaly among the Turkmens // *Russkiy antropologicheskii zhurnal* (The Russian Journal of Anthropology). – 1926. – Vol. 14. – Issue(s) 1–2.}
- Ошанин 1926–1928 – Ошанин Л.В. Материалы по антропологии Средней Азии. Узбеки Хорезма. Отдельные оттиски из «Бюллетеня Средне-Азиатского государственного университета». В 2 ч. – Ташкент, 1926–1928. {*L.V. Oshanin*. The anthropological data of the Central Asia. The Khwarazmian Uzbeks. Separate impressions from the Central Asian State University Bulletin. In 2 parts. – Tashkent, 1926–1928.}
- Ошанин 1929 – Ошанин Л.В. Материалы по антропологии населения Узбекистана. – Ташкент, 1929. {*L.V. Oshanin*. The data on anthropology of population of Uzbekistan. – Tashkent, 1929.}
- Щеглов 1912 – Щеглов И. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. – 1912. {*I. Shcheglov*. Trukhmens and Nogais of the Stavropol governorate. – 1912.}
- Яворский 1895 – Яворский И.Л. Антропологический и этнографический очерк туркмен. – Одесса, 1895. {*I.L. Yavorskiy*. An anthropological and ethnographic essay on Turkmen people. – Odessa, 1895.}
- Ярхо 1931 – Ярхо А.И. К вопросу о вымирании малых народностей // Советская Азия. – 1931. – Вып. 1–2. – С. 245–261. {*A.I. Yarkho (/Jarkho)*. On the extinction of small peoples // *Sovietskaya Aziya* (The Soviet Asia). – 1931. – Issue 1–2. – PP. 245–261.}
- Ярхо 1932 – Ярхо А.И. Ганджинские турки (Азербайджанская АССР) // Антропологический журнал. – 1932. – № 2. – С. 49–82. {*A.I. Yarkho*. The Ganja Turks (The Azerbaijani Soviet Socialist Republic – AzSSR) // *Antropologicheskii zhurnal* (The Anthropology Journal). – 1932. – No. 2. – PP. 49–82.}
- Ярхо 1933 – Ярхо А.И. Алтае-саянские турки. – М., 1933. (См. тж.: Ярхо А.И. Алтае-саянские турки. Антропологический очерк. – Абакан: Хакаское обл. нац. изд-во, 1947.) {*A.I. Yarkho*. The Turks of Altai-Sayan region. – Moscow, 1933. (See also: *A.I. Yarkho*. The Altai-Sayan Turks. An anthropological essay. – Abakan: Khakas Regional National Publishing House, 1947.)}
- Bartucz 1929 – *Fettich, N.* Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Moson-

- szenjtános, Ungarn // ΣΚΥΘΙΚΑ (Skythica) [Бронзовое литье и искусство кочевников на основе памятников с территории Венгрии с добавлениями Л. Бартуца об антропологических данных по итогам раскопок под Мошонсентъяношем, Венгрия // ΣΚΥΘΙΚΑ (Скифика)]. – Prag, 1929. – No. 2. – S. 83–96. (In German.)
- Bryn, Schreiner 1929 – *Bryn H., Schreiner K.E.* Die Somatologie der Norweger nach Untersuchungen an Rekruten [Соматология норвежцев согласно исследованиям новобранцев (призывников)] // Skrifter (Norske videnskaps-akademi. I–Mat.-naturv. klasse). – Oslo: Dybwad, 1929. (In German.)
- Coon 1931 – *C.S. Coon.* Tribes of the Rif [Племена риф (берберов-рифийцев)]. – Cambridge, Massachusetts [Кембридж, штат Массачусетс]: Peabody Museum Press, 1931.
- Deniker 1926 – *Deniker J.* Les races et les peuples de la terre [Расы и народы Земли]. – Paris: Masson, 1926. (In French.)
- Dixon 1923 – *R.B. Dixon.* The racial history of man [Расовая история человечества]. – New York–London: Charles Scribner's Sons, 1923.
- Djawahischwili 1925 – *Djawahischwili Al.* (ჯავახიშვილი ალ.) Die Rassenzusammensetzung der Kaukasusvölker // Archiv für Anthropologie [Расовый состав кавказских народов // Антропологический архив]. – Braunschweig, 1925. – N. F. Bd. XX. – S. 77–89. (In German.)
- Eickstedt 1921 – *Eickstedt E. von.* Die Rassenelemente der Sikh // Zeitschrift für Ethnologie [Расовые характеристики сикхов // Журнал по этнологии]. – Berlin, 1921. – Bd. LII. (In German.)
- Fischer 1923 – *Fischer Eu.* Die Kultur der Gegenwart. T. III, 5. Abteilung: Anthropologie einschließlich naturwissenschaftlicher Ethnographie [Культура современности. Ч. III, Раздел 5: Антропология, включая научную этнографию]. – Berlin–Leipzig, 1923. (In German.)
- Joyce 1926 – *Joyce Th.A.* Note on the physical anthropology of the Pamirs and Amu-Daria Basin // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland [Заметки о физической антропологии Памира и бассейна Амударьи // Журнал Королевского Антропологического общества Великобритании и Ирландии]. – London, 1926. – Vol. 56.
- Lundborg, Linders 1926 – *Lundborg H., Linders F.J.* The racial characters of the Swedish nation // Anthropologia Suecica MCMXXVI [Расовый облик шведской нации // Anthropologia Suecica MCMXXVI]. With the collaboration of the staff of the institute and other scientists edited. – [Mapping the Nordic race – First state institute for race biology in the world.] – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1926.
- Montandon 1928 – *Montandon G.* L'Ologénèse Humaine [Человеческий ологенез]. [1 vol. in-8° de 477 pages, 14 planches, nombreux tableaux, index, graphiques et cartes dans le texte, importante bibliographie.] – Paris: Alcan, 1928. (In French.)
- Schreiner 1930 – *Schreiner A.* Anthropologische Lokaluntersuchungen in Norge: Valle, Hålandsdal und Eidfjord [Местные антропологические исследования в Норвегии: Валле, Холаннсдаль и Эйдфьорд]. – Oslo, 1930. (In German.)
- Taylor 1927 – *Taylor Th.G.* Environment and race [Окружение и раса]. – London: Oxford University press–London: Humphrey Milford [Printed in Great Britain], 1927.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	5
<i>В.И. Абаев.</i> Тюркские элементы в осетинской антропонимии	21
<i>Н.И. Веселовский.</i> Пережитки некоторых татарских обычаев у русских	30
<i>Н.Ф. Катанов.</i> Киргизская и казанско-татарская версии христианского сказания о семи спящих отроках	43
<i>С.А. Козин.</i> К вопросу о дешифрировании дипломатических документов монгольских иль-ханов.....	49
<i>С.Е. Малов.</i> Шаманский камень «ядá» у тюрков Западного Китая	60
<i>Н.Н. Поппе.</i> Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам	73
<i>Г.Н. Потанин.</i> Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии.....	129
<i>В.К. Трутовский.</i> Гулистан Золотой Орды	171
<i>А.Ю. Якубовский.</i> Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей).....	181
<i>А.И. Ярхо.</i> Туркмены Хорезма и Северного Кавказа (антропологический очерк о длинноголовом европеоидном компоненте турецких народностей СССР).....	202

CONTENTS

From the editor.....	5
<i>V.I. Abayev.</i> Turkic elements in Ossetian anthroponymy	21
<i>N.I. Veselovskiy.</i> Remnants of some Tatar customs among Russians	30
<i>N.F. Katanov.</i> Kyrgyz and Kazan Tatar versions of the Christian legend of the Seven Sleepers of Ephesus.....	43
<i>S.A. Kozin.</i> To the issue of decoding Mongolian Il-khans' diplomatic records	49
<i>S.Ye. Malov.</i> The shaman stone “yada” among the Turkic peoples of Western China	60
<i>N.N. Poppe.</i> The Chuvash language and its relation to Mongolian and Turkic languages	73
<i>G.N. Potanin.</i> The Thunderer according to beliefs and folk tales of tribes of Southern Siberia and Northern Mongolia	129
<i>V.K. Trutovskiy.</i> Gulistān of the Golden Horde	171
<i>A.Yu. Yakubovskiy.</i> Ibn al-Bībī's story of Anatolian Turks' military expedition against Sudak, Polovtsians (Cumans) and Russians in the early 13 th century (some traces of the trading life of the Polovtsian Steppes)	181
<i>A.I. Yarkho.</i> The Turkmens of Khwarazm and North Caucasus (an anthropological essay on the long-headed Europoid racial component among the Turkic peoples of the USSR).....	202

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Российская тюркология» (РТ) просит авторов присылать свои статьи для публикации на электронный адрес журнала: rosturcology@yandex.ru – с безличным обращением: Уважаемая редакция! При этом просим руководствоваться следующими правилами оформления представляемых в журнал статей; статьи, оформленные без соблюдения этих правил, будут возвращаться без рассмотрения.

Общие положения

Научный журнал «Российская тюркология» печатается 2 раза в год сдвоенными номерами, объемом 10–12 а. л. каждый, т. е. фактически 4 номера в год. С 2020 г. журнал выходит только в электронной версии. Номера журнала доступны на сайте: <http://rosturcology.ru/>. Журнал индексируется в РИНЦ и находится в открытом доступе.

В журнале публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, литературы, фольклора, истории и этнографии тюркских народов. Помимо научных статей, в журнале печатаются рецензии на научные издания, опубликованные за последние 5 лет и относящиеся к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на *русском, английском и турецком* языках. Статьи должны содержать – под личную гарантию авторов – неопубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются.

Текст статьи должен быть тщательно вычитан и проверен носителем русского языка. Статьи, содержащие грубые грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Передавая рукопись в редакцию, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст статьи на интернет-ресурсах до тех пор, пока не будет принято решение о ее публикации в журнале «Российская тюркология».

РТ публикует материалы по следующим рубрикам:

- ◆ Структура и история языка
- ◆ Дискуссии и обсуждения
- ◆ Языковые связи
- ◆ Ономастика
- ◆ Культурология
- ◆ Литературоведение
- ◆ Фольклористика
- ◆ История науки, документы
- ◆ Рецензии и аннотации

- ◆ Научная жизнь
- ◆ Хроника
- ◆ Памяти ученого
- ◆ Персоналии

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности;
- ◆ проблемности;
- ◆ научной новизны;
- ◆ доказательности;
- ◆ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материала для публикации.

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят двойное слепое рецензирование, а также проверку на уникальность. Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Небольшие исправления стилистического или формального характера вносятся в текст статьи без согласования с автором; статьи, требующие серьезных исправлений, возвращаются авторам на доработку вместе с замечаниями рецензентов и членов редколлегии.

Возвращение рукописи автору на доработку **не означает**, что статья не принята к печати. Автор должен доработать статью, отметив исправленные части текста желтым цветом и добавив индекс 2 к заголовку, а затем в 10-дневный срок переслать ее обратно в редакцию. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлекцией. Статьи утверждаются к печати по решению редколлегии, в порядке общей очереди.

Требования к оформлению статьи

Авторский оригинал статьи может быть представлен для публикации в РТ на одном из трех языков – русском, английском или турецком в двух форматах – doc/docx или PDF (для контроля правильности отображения особых знаков).

Статья должна содержать следующие данные:

Код **УДК**, соответствующий тематике статьи или рецензии (указывается автором).

DOI (присваивается редакцией).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру. Он должен кратко и точно отражать содержание статьи или рецензии.

Благодарность или признательность (при необходимости) размещается в виде постраничной сноски к названию статьи и отмечается символом *. Здесь также можно указать информацию о финансовой поддержке исследования. Если статья является публикацией поготавливаемой кандидатской или докторской диссертации, необходимо указать этот факт, назвать утвержденную тему диссертации, а также фамилию и ученое звание руководителя / консультанта (оформляется в виде сноски к заголовку статьи).

Сведения об авторах содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, их ученые степени и ученые звания, а также должности с указанием места работы. Обязательно указать город и страну. Указывается контактный адрес (e-mail – индивидуальный или рабочий), телефон (для связи с редакцией, в журнале не публикуется). Сведения об авторе (авторах) следует также продублировать на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения. Каждый из авторов должен указать Scopus ID и ORCID (при наличии).

Аннотация (Abstract) на русском и английском языках (не менее 200 слов) должна отражать новизну, цели и задачи, основные методы, а также главные результаты работы. Она не должна содержать ссылки на разделы, цитаты, рисунки или номера цитируемой литературы.

Ключевые слова (Key words) на русском и английском языках (от 5 до 10 слов) используются для поиска читателем статьи в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тематику, объект и предмет исследования.

Текст

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – Times New Roman (12 пт), межстрочный интервал – 1,5 строки, интервал до и после абзаца – 0, абзацный отступ – 0,75 см.

Примеры на национальных языках, а также на русском языке необходимо давать *курсивом*. Если пример оформлен оригинальным шрифтом, этот шрифт должен быть прислан в редакцию вместе со статьей по электронной почте.

Все примеры на национальных языках должны **в обязательном порядке** сопровождаться переводом на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы приводятся прямым шрифтом в марровских кавычках (‘’).

Заголовок набирается прописными буквами с выравниванием по центру, на следующей строке идет фамилия автора (инициалы стоят впереди).

Специальные символы набираются шрифтами, поддерживающими Unicode.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках (напр., [Малов 1951: 430]); в случае необходимости постраничные *сноски* должны вводиться верхним индексом и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу.

Ориентировочный объем статьи – от 0,7 до 1 а. л. (28–40 тыс. знаков с пробелами), включая список литературы, аннотацию и постраничные сноски. Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «Иванов И.И. Статья для РТ».

Иллюстрации

Число рисунков не должно превышать 5.

Они должны быть выполнены на компьютере или черной тушью на белой бумаге с обозначением всех необходимых букв и символов и обязательно упомянуты в тексте.

Размеры рисунков не должны превышать размеры текстового поля.

Рисунки в компьютерном исполнении должны быть внедрены в текст в режиме «Вставка – Объект – Рисунок». Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman (9 пт) и вставляются в режиме «Вставка».

Рисунки, выполненные на бумаге, должны иметь подрисуночные подписи. На обороте каждого рисунка необходимо написать карандашом ФИО автора и № рисунка. Надписи не должны повреждать лицевую часть, при необходимости указать верх рисунка.

Таблицы

Выполняются в режиме «Таблица» редактора Word с заголовками или без них шрифтом 10 пт.

Таблицы должны быть обязательно упомянуты в тексте.

Список литературы

Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные; все набирается шрифтом Arial (9 пт).

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц.

Для отдельных статей в периодических изданиях или сборниках – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии // название журнала (или сборника), место издания, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения.

С 2019 г. введены дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям:

– литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках {} ; также необходимо перевести на английский язык данные о месте и годе издания;

– далее следует литература на национальных языках; она должна содержать перевод на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки, а также указание на язык издания (в круглых скобках);

– литература на иностранных языках (за исключением изданий на английском, немецком и французском языках) дается в списке после литературы на русском и национальных языках и должна быть переведена на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки и также содержать указание на язык издания (в круглых скобках).

В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

Примеры оформления

Благова 1982 – *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М.: Наука, 1982. {*G.F. Blagova. Turkic declension in the light of areal and historical data. – Moscow: Nauka, 1982.*}

Валеев, Тугужекова 2011 – *Валеев Р.М., Тугужекова В.Н.* Профессор Н.Ф. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 1. – С. 14. {*R.M. Valeyev, V.N. Tuguzhekova. Professor N.F. Katanov and his contribution to ethnography and folk-*

lore studies related to the Turkic peoples of Central Asia // New Tuva Researches. – 2011. – No. 1. – P. 14.}

Əlizadə 1993 – *Əlizadə S.* Əski Azərbaycan yazısı. [*Ализаде С.* Старая азербайджанская письменность.] – Bakı: Bakı Universiteti, 1993. – 142 s. {*S. Alizadeh.* Old Azerbaijani script. – Baku: Baku University, 1993. – 142 p.} (In Azerbaijani.)

Dilçiler 2019 – Türkiye dışındaki türk dünyası türkologları. Dilçiler. [Тюркологи тюркского мира за пределами Турции. Языковеды.] – Ankara: Akçağ, 2019. {The Turkologists of Turkic World (outside Turkey/Türkiye). The Linguists. – Ankara: Akçağ, 2019}. (In Turkish.)

Schönig 1992 – *Schönig Claus.* Analogie als sprachbildende Kraft in den Türksprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. [Аналогия как языкообразующая сила в тюркских языках // История фонетики и лексики тюркских языков.] – Wiesbaden, 1995. (In German.)

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *А.А. Глашев*

Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*

Тех. редакторы: *Д.В. Абдурахманова-Павлова, О.А. Алексеева*

Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*

Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*